813

Морис Леблан

ЯРКИЕ СТРАНИЦЫ

813

Морис Леблан

Аннотация
Морис Леблан. 813
Двойная жизнь Арсена Люпена
  Резня
  Господин Ленорман начинает действовать
  Князь Сернин за работой
  Господин Ленорман за работой
  Господин Ленорман терпит неудачу
  Парбери-Рибейра-Альтенхайм
  Оливковый редингот
Три преступления Арсена Люпена
  Санте-отель
  Страница современной истории
  Грандиозная комбинация Люпена
  Карл Великий
  Письма императора
  Семеро бандитов
  Черный человек
  Карта Европы
  Убийца
  Эпилог. Самоубийство

Аннотация

Мастер детективно-приключенческого жанра Морис Леблан (1864–1941) с детства мечтал быть писателем, но сначала ему пришлось поработать на фабрике текстильного оборудования, после изучать право, заниматься журналистикой, и только потом – войти в избранный литературный круг. Известность к Леблану пришла после публикации рассказа «Арест Арсена Люпена», написанного по заказу парижского издателя. Прототипом героя был анархист Мариус Жакоб, «благородный грабитель», совершавший кражи только у «социальных паразитов» – духовенства, судей, банкиров – и использовавший весьма остроумные приемы.

Арсен Люпен – благородный, обаятельный грабитель. Люпен блестяще раскрывает запутанные преступления, мастерски крадет драгоценности, оставляя полицию в дураках, и даже соперничает со знаменитым сыщиком с Бейкер-стрит.

В «813» мы встречаем непривычного нам Люпена, темного, почти пугающего. Столк-

нувшись с макиавеллистским и невидимым антагонистом «Л. М.», ему придется очистить свое имя от гнусных обвинений в преступлениях. А для этого найти пачку писем взрывоопасного политического содержания и расшифровать значение загадочных цифр «813», разгадка которых может привести к тяжелым последствиям для всей Европы.

Морис Леблан
813

Marie Émile Maurice Leblanc
813: La double vie d’Arsène Lupin» et «Les trois crimes d’Arsène Lupin»

© Световидова Н., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Двойная жизнь Арсена Люпена

Резня

I

Господин Кессельбах замер на пороге гостиной и, схватив за руку своего секретаря, встревоженно прошептал:

— Шапман, здесь опять *кто-то* побывал.

— Да будет вам, сударь, — возразил секретарь, — вы только что сами открыли дверь прихожей, и пока мы завтракали в ресторане, ключ лежал у вас в кармане.

— Шапман, здесь опять *кто-то* побывал, — повторил господин Кессельбах.

Он указал на дорожную сумку, лежавшую на камине.

— Взгляните, вот доказательство. Эта сумка была закрыта. А теперь уже нет.

— Вы в этом уверены, сударь? — спросил Шапман. — Впрочем, в этой сумке нет ничего, кроме никчемных безделушек, туалетных принадлежностей…

— Это потому, что перед уходом я вынул оттуда свой бумажник, из предосторожности… Иначе… Нет, уверяю вас, Шапман, *кто-то* проник сюда,

пока мы завтракали.

На стене висел телефонный аппарат. Он снял трубку.

— Алло!.. Это господин Кессельбах… Апартамент четыреста пятнадцать… Да… Мадемуазель, будьте любезны, соедините меня с полицейской префектурой… Служба безопасности… Вам ведь не нужен номер? Хорошо… Спасибо… Жду у аппарата.

Через минуту он продолжал:

— Алло! Алло! Я хотел бы сказать несколько слов господину Ленорману, начальнику Уголовной полиции. Я звоню с его разрешения… А-а, его нет на месте… С кем я имею честь говорить? Господин Гурель, инспектор полиции… Но мне кажется, господин Гурель, что вчера вы присутствовали на моей встрече с господином Ленорманом… Так вот, сударь, то же самое повторилось сегодня. Кто-то проник в апартамент, который я занимаю. И если вы приедете сейчас же, то, возможно, на основании улик сможете обнаружить… Через час или через два? Прекрасно. Попросите провести вас в апартамент четыреста пятнадцать. Еще раз спасибо.

Будучи проездом в Париже, Рудольф Кессельбах, алмазный король, как его называли, — или,

согласно другому прозвищу, Хозяин Мыса, — мультимиллионер Рудольф Кессельбах (его состояние оценивали в более чем сто миллионов) в течение недели занимал на пятом этаже «Палас-отеля» апартамент 415, состоявший из трех комнат, из которых две самые большие — гостиная и спальня — располагались справа и выходили окнами на проспект, а другая, слева, предназначавшаяся секретарю Шапману, — на улицу Жюде.

Еще пять комнат рядом были зарезервированы для госпожи Кессельбах, которая должна была покинуть Монте-Карло, где находилась в настоящее время, и присоединиться к своему мужу по первому его знаку.

В течение нескольких минут Рудольф Кессельбах расхаживал с озабоченным видом. Это был мужчина высокого роста, еще не старый, с хорошим цветом лица. Задумчивые глаза, нежная голубизна которых просвечивала сквозь очки в золотой оправе, придавали ему выражение мягкости и робости, контрастировавшее с энергией квадратного лба и упрямой челюстью.

Кессельбах подошел к окну: оно было закрыто. Впрочем, отсюда в комнату проникнуть невозможно. Отдельный балкон, окружавший

апартамент, обрывался справа, а от балконов, выходивших на улицу Жюде, его отделяла каменная стена.

Кессельбах прошел в свою комнату: она никак не сообщалась с соседними. Он заглянул в комнату своего секретаря: дверь, ведущая в пять комнат, зарезервированных для госпожи Кессельбах, была заперта, а засов — задвинут.

— Я ничего не понимаю, Шапман, вот уже несколько раз я замечаю здесь вещи… признайте, странные вещи. Вчера моя трость, которую переставили… Позавчера кто-то, безусловно, прикасался к моим бумагам… Но как такое возможно?

— Это невозможно, сударь! — воскликнул Шапман, чье безмятежное лицо честного человека не выразило ни малейшего беспокойства. — Вы просто предполагаете, вот и все… у вас нет никаких доказательств… одни лишь эмоции… К тому же проникнуть в этот апартамент можно только из прихожей. А вы в день своего приезда велели сделать специальный ключ, и лишь у вашего слуги Эдварда есть дубликат. Вы доверяете Эдварду?

— Черт возьми!.. Он уже десять лет у меня служит… Однако Эдвард завтракает в то же время, что и мы, а зря. Отныне он должен будет выхо-

дить только после нашего возвращения.

Шапман слегка пожал плечами. Несомненно, Хозяин Мыса со своими необъяснимыми страхами вел себя немного странно. Какому риску можно подвергнуться в отеле, особенно если не держишь на себе или около себя никаких ценностей, никакой крупной суммы?

Они услышали, как открывается дверь прихожей. Это был Эдвард.

Господин Кессельбах окликнул его.

— Вы в ливрее, Эдвард? Прекрасно! Я никого сегодня не жду, Эдвард… точнее, будет один визит, господина Гуреля. До тех пор оставайтесь в прихожей и следите за дверью. Нам с господином Шапманом предстоит серьезно поработать.

Серьезная работа продолжалась несколько минут, в течение которых господин Кессельбах изучил свою почту, просмотрел три или четыре письма и указал, что надо ответить. Но тут вдруг Шапман, который сидел с пером наготове, заметил, что господин Кессельбах думает о чем-то другом, а не о письмах.

Он держал между пальцев черную булавку, изогнутую в виде рыболовного крючка, и внимательно рассматривал ее.

— Шапман, — сказал он, — посмотрите, что я

нашел на столе. Очевидно, она что-то означает, эта изогнутая булавка. Вот она, улика, вещественное доказательство. И вы не можете больше утверждать, что в эту гостиную никто не проникал. Ибо, в конце-то концов, не могла же эта булавка появиться здесь сама по себе.

— Разумеется, нет, — отвечал секретарь, — она тут появилась благодаря мне.

— Как это?

— Булавка прикрепляла к воротничку мой галстук. Вчера вечером я снял ее и машинально сгибал, пока вы читали.

— Вам наверняка смешно, Шапман… и вы правы… Я не спорю, пожалуй… после моей последней поездки на Мыс я стал немного странным. Дело в том, что… Вы не знаете, но в моей жизни есть кое-что новое… потрясающий проект… вещь невероятная… которую я лишь угадываю в тумане будущего, но которая, однако, вырисовывается… и это будет грандиозно… Ах, Шапман, вы представить себе не можете. Деньги, мне плевать на них, у меня они есть… их слишком много… Но это, это больше, чем деньги, это могущество, сила, власть. Если действительность соответствует тому, что я предчувствую, то я стану не только Хозяином Мыса, но и хозяином других царств… Рудольф

Кессельбах, сын аугсбургского жестянщика, ничем не будет уступать людям, которые до сих пор относились к нему свысока… Он даже будет превосходить их, Шапман, он будет превосходить их, будьте уверены… и если когда-нибудь…

Умолкнув, он взглянул на Шапмана, словно пожалев, что сказал слишком много, но, увлеченный своим порывом, все-таки добавил:

— Поймите, Шапман, причины моей тревоги… Тут, в моей голове, есть идея, которая дорогого стоит… и об этой идее, возможно, подозревают… и меня выслеживают… я в этом уверен…

Раздался звонок.

— Телефон, — сказал Шапман.

— А не будет ли это, случаем… — прошептал господин Кессельбах.

Он взял трубку.

— Алло?.. Кто? Полковник?.. А-а! Ладно, да, это я… Есть новости?.. Отлично… В таком случае я вас жду… Вы придете со своими людьми? Отлично… Алло! Нет, нам не помешают… я дам необходимые распоряжения… Значит, это настолько серьезно?.. Повторяю вам, запрет будет категорическим… мой секретарь и мой слуга будут сторожить дверь, и никто не войдет. Вы знаете дорогу, не так ли? Тогда не теряйте ни минуты.

Повесив трубку, он тут же обратился к секретарю:

— Шапман, должны прийти два господина… Да, два господина… Эдвард приведет их…

— Но… Господин Гурель… сержант…

— Он придет позже, через час. И к тому же ничего страшного, если они встретятся. Велите Эдварду немедленно пойти к управляющему и предупредить о том, что меня ни для кого нет… кроме полковника с его другом и господина Гуреля. Пусть запишут имена.

Шапман исполнил приказание. Вернувшись, он увидел, что господин Кессельбах держит в руке футляр, или, точнее, черный сафьяновый футлярчик, судя по виду — пустой. Казалось, господин Кессельбах колеблется, словно не зная, что с ним делать. Положить его в свой карман или куда-то еще?

Наконец, он подошел к камину и бросил кожаный футляр в свою дорожную сумку.

— Покончим с почтой, Шапман. У нас десять минут. Ах, письмо от госпожи Кессельбах! Как случилось, что вы не сообщили мне о нем, Шапман? Вы что, не узнали почерк?

Он не скрывал волнения, которое испытывал, касаясь этого листка бумаги — жена держала

его в своих руках, он хранит ее тайные мысли. Господин Кессельбах вдохнул его аромат и, распечатав, вполголоса прочитал сообщение, так что Шапман услышал обрывки:

— «Немного устала… Я не выхожу из своей комнаты… я скучаю… Когда я смогу присоединиться к вам? С нетерпением жду вашей телеграммы…»

— Вы телеграфировали сегодня утром, Шапман? Значит, госпожа Кессельбах будет здесь в среду. Завтра.

Господин Кессельбах казался обрадованным, словно тяжесть его дел внезапно стала легче и он избавился от всякой тревоги. Он потер руки и с облегчением вздохнул, как человек сильный, уверенный в успехе, как счастливый человек, который владел счастьем и был в состоянии защитить себя.

— Звонят, Шапман, звонили в прихожей. Пойдите, посмотрите.

Но вошел Эдвард, сказав:

— Двое господ ожидают господина. Это…

— Я знаю. Они там, в прихожей?

— Да, господин.

— Заприте снова дверь в прихожую и больше не открывайте… Исключение нужно будет сделать только для господина Гуреля, инспектора

Уголовной полиции. А вы, Шапман, ступайте к этим господам и скажите им, что сначала я хотел бы поговорить с полковником, с ним одним.

Эдвард и Шапман вышли, закрыв за собой дверь в гостиную. Рудольф Кессельбах направился к окну и прислонился к стеклу лбом.

Там, снаружи, экипажи и автомобили катили по двум параллельным дорожкам, которые разделяла двойная линия безопасности. В лучах весеннего солнца сверкали медь и лак. На деревьях появлялась первая зелень, и почки каштанов начинали раскрывать свои листики.

— Какого черта там делает Шапман? — прошептал Кессельбах. — Почему так долго?..

Он взял со стола сигарету и, закурив, несколько раз затянулся. Но тут вдруг у него вырвался слабый крик. Рядом с ним стоял незнакомец.

Господин Кессельбах на шаг отступил.

— Кто вы?

Мужчина — он был прилично, скорее даже элегантно одет, с черными волосами и усами, с жестким взглядом — усмехнулся:

— Кто я? Ну конечно, полковник…

— Да нет, тот, кого я так называю, тот, кто пишет мне под этим именем… по договоренности… это не вы.

— Я, я… А тот был всего лишь… Послушайте, любезный господин, все это не имеет никакого значения. Главное, чтобы я был… я. И клянусь вам, что так оно и есть.

— Но позвольте, сударь, ваше имя?

— Полковник… до нового распоряжения.

Господина Кессельбаха охватывал всевозрастающий страх. Кем был этот человек? Что ему было нужно?

Он позвал:

— Шапман!

— Что за странная идея кого-то звать! Моего общества вам недостаточно?

— Шапман! — повторил Кессельбах. — Шапман! Эдвард!

— Шапман! Эдвард! — произнес в свою очередь незнакомец. — Чем вы там заняты, друзья? Вас требуют.

— Сударь, я прошу вас, я приказываю вам пропустить меня.

— Но, любезный господин, кто вам в этом мешает?

Мужчина вежливо отстранился. Господин Кессельбах подошел к двери, открыл ее и сразу отскочил назад. Там находился другой незнакомец с пистолетом в руке.

Кессельбах пробормотал:

— Эдвард… Шап…

Он замолчал, увидев в углу прихожей своего секретаря и слугу — те лежали рядом связанные, с кляпом во рту.

Несмотря на свою беспокойную, впечатлительную натуру, Кессельбах был отважен, и ощущение определенной опасности, вместо того чтобы сразить его, вернуло ему и силы, и энергию.

По-прежнему изображая остолбенение и ужас, он осторожно отступил к камину и прижался к стене. Палец его искал электрический звонок. Нашел его и с усилием нажал на кнопку.

— И что дальше? — произнес незнакомец.

Не отвечая, господин Кессельбах продолжал жать на кнопку.

— И что дальше? Вы надеетесь, что кто-то придет? Или весь отель всполошится из-за того, что вы жмете на кнопку звонка?.. Но, бедный мой господин, обернитесь, и вы увидите, что провод перерезан.

Господин Кессельбах живо обернулся, будто желая в этом удостовериться, а на самом деле молниеносным движением завладел дорожной сумкой, запустил в нее руку, выхватил револьвер,

направил его на мужчину и спустил курок.

— Черт возьми, — произнес тот, — так вы заряжаете свое оружие воздухом и отсутствием звука?

Курок щелкнул второй раз, потом третий, выстрела не последовало.

— Еще три выстрела, король Мыса. Я не успокоюсь, пока не получу все шесть пуль в свою шкуру. Как! Вы отказываетесь? Жаль… мишень была завидная!

Схватив за спинку стул, незнакомец повертел его и уселся на нем верхом, указав господину Кессельбаху на кресло:

— Соблаговолите сесть, любезный господин, и чувствуйте себя как дома. Сигарету? Лично мне не надо. Я предпочитаю сигары.

На столе как раз стояла коробка с сигарами. Он выбрал “Upmann” светлого табака хорошей обработки и, закурив ее, поклонился:

— Благодарю вас. Сигара восхитительная. А теперь побеседуем, вы не против?

Рудольф Кессельбах с изумлением слушал. Кто этот странный тип? Глядя на него, столь миролюбивого и разговорчивого, он понемногу успокаивался и начинал верить, что ситуация сможет разрешиться без насилия и грубости. Он

достал из кармана бумажник, открыл его, вынул внушительную пачку банкнот и спросил:

— Сколько?

Гость с ошеломленным видом взглянул на него, словно с трудом понимая. Потом, через несколько мгновений позвал:

— Марко!

Вошел мужчина с пистолетом.

— Марко, господин любезно предлагает взять несколько таких бумажек для твоей подружки. Бери, Марко.

Держа нацеленный пистолет в правой руке, Марко протянул левую руку, взял банкноты и удалился.

— Уладив этот вопрос согласно вашему желанию, — продолжал незнакомец, — приступим к цели моего визита. Я буду краток и точен. Мне нужны две вещи. Прежде всего, футлярчик черного сафьяна, который вы обычно носите на себе. Затем эбеновая шкатулка, которая еще вчера находилась в дорожной сумке. Начнем по порядку. Сафьяновый футляр?

— Я его сжег.

Незнакомец нахмурился. Должно быть, ему вспомнились славные времена, когда существовали безотказные способы заставить говорить

тех, кто не желал этого делать.

— Ладно. Проверим это. А эбеновая шкатулка?

— Сожжена.

— А-а! — проворчал гость. — Вы издеваетесь надо мной, милый человек.

Незнакомец безжалостно вывернул господину Кессельбаху руку.

— Вчера, Рудольф Кессельбах, вчера вы вошли в «Лионский кредит» на бульваре Итальянцев, спрятав под своим плащом сверток. Вы арендовали сейф… Уточним: сейф номер шестнадцать, ряд девятый. Расписавшись и заплатив, вы спустились в подвал, а когда вернулись, свертка при вас не было. Это верно?

— Абсолютно.

— Итак, шкатулка и футляр в банке.

— Нет.

— Отдайте мне ключ от вашего сейфа.

— Нет.

— Марко!

Прибежал Марко.

— Приступай, Марко. Четвертной узел.

Не успев хоть как-то защититься, Рудольф Кессельбах оказался опутан веревками, которые больно сдавили его тело, едва он собрался отбиться. Руки его были стянуты за спиной, торс

привязан к креслу, а ноги спеленуты, словно у какой-нибудь мумии.

— Ищи, Марко.

Через две минуты недолгих поисков Марко вручил своему шефу плоский никелированный ключик с номерами 16 и 9.

— Прекрасно. Сафьянового футляра нет?

— Нет, патрон.

— Он в сейфе. Господин Кессельбах, соблаговолите назвать мне тайный шифр.

— Нет.

— Вы отказываетесь?

— Да.

— Марко?

— Патрон?

— Приложи дуло твоего револьвера к виску господина.

— Готово.

— Положи палец на курок.

— Готово.

— Ну что, старина Кессельбах, ты решился заговорить?

— Нет.

— У тебя десять секунд и ни одной больше. Марко?

— Патрон?

— Через десять секунд ты вышибешь мозги господину.

— Понял.

— Кессельбах, я считаю: одна, две, три, четыре, пять, шесть…

Рудольф Кессельбах подал знак.

— Ты хочешь что-то сказать?

— Да.

— Самое время. Итак, шифр… ключевое слово.

— Долор.

— Долор… Госпожа Кессельбах зовется Долорес? Ступай, дорогой… Марко, ты сделаешь, о чем условились… Не ошибись, слышишь? Я повторяю… Ты присоединишься к Жерому, сам знаешь где, отдашь ему ключ и скажешь нужное слово: Долор. Вместе вы отправитесь в банк «Лионский кредит». Жером войдет один, зарегистрирует свою личность, спустится в подвал и унесет все, что находится в сейфе. Понял?

— Да, патрон. Но если, случаем, сейф не откроется, если слово «Долор»…

— Замолчи, Марко. Выйдя из банка, ты оставишь Жерома, вернешься к себе и позвонишь мне, чтобы сообщить о результатах операции. Если, случаем, слово «Долор» не откроет сейф, у нас с моим другом Кессельбахом состоится

последний разговор. Кессельбах, ты уверен, что не ошибся?

— Да.

— Иначе ты поплатишься за наш напрасный труд. Посмотрим. Ступай, Марко.

— А вы, патрон?

— Я остаюсь. О, ничего не бойся. Никогда еще я не был в такой безопасности. Не так ли, Кессельбах, предписание категорично?

— Да.

— Черт, ты так поспешно говоришь это. А не хочешь ли ты выиграть время? И тогда я, как идиот, окажусь в ловушке…

Он в задумчивости посмотрел на своего пленника и пришел к заключению:

— Нет… Это невозможно… Нас не побеспокоят.

Не успел он закончить фразу, как в прихожей раздался звонок. Он с силой зажал рукой рот Кессельбаха.

— А-а, старый лис, ты кого-то ждал!

В глазах пленника вспыхнула надежда.

Из-под душившей его руки послышался смех.

— Молчи… иначе я задушу тебя. Заткни ему рот кляпом, Марко. Живее… Хорошо.

Снова раздался звонок. Незнакомец крикнул, словно это он был Рудольфом Кессельбахом и

словно Эдвард все еще находился на месте:

— Откройте же, Эдвард.

Затем он тихонько прошел в прихожую и, показав на секретаря и слугу, произнес шепотом:

— Марко, помоги мне переместить их в спальню… вот так… чтобы никто не видел.

Он поднял секретаря, Марко унес слугу.

— Хорошо, теперь возвращайся в гостиную.

Гость и сам последовал за ним и тотчас же, вернувшись в прихожую, громко, с удивлением произнес:

— Но вашего слуги здесь нет, господин Кессельбах… Нет, не беспокойтесь… заканчивайте ваше письмо… Я сам открою.

И он спокойно открыл входную дверь.

— Господин Кессельбах… это здесь? — обратились к нему.

Перед ним стоял чуть ли не великан с широким радостным лицом и бойким взглядом, переминавшийся с ноги на ногу и теребивший в руках края своей шляпы.

— Да, здесь, — подтвердил незнакомец. — О ком я должен доложить?

— Звонил господин Кессельбах… Он ждет меня.

— Ах, это вы!.. Я предупрежу… Не могли бы вы

подождать минутку?.. Сейчас господин Кессельбах поговорит с вами.

Он имел смелость оставить посетителя на пороге, там, откуда через открытую дверь можно было видеть часть гостиной. И медленно, даже не обернувшись, присоединился к своему сообщнику возле господина Кессельбаха, сказав только:

— Мы пропали. Это Гурель из Уголовной полиции.

Сообщник схватился за нож. Незнакомец взял его за руку:

— Эй, без глупостей! У меня идея. Ради Бога, пойми меня хорошенько и говори, в свою очередь… Говори так, *будто ты и есть Кессельбах*… Слышишь, Марко, ты — Кессельбах.

Он изъяснялся с таким хладнокровием и таким непререкаемым авторитетом, что Марко понял без дополнительных разъяснений, что должен играть роль Кессельбаха, и произнес так, чтобы быть услышанным:

— Вы извините меня, дорогой. Скажите господину Гурелю, что я сожалею, но сейчас я очень занят… Я приму его завтра утром в девять часов, да, ровно в девять часов.

— Хорошо, — шепнул незнакомец, — не двигайся.

Он вернулся в прихожую. Гурель ждал.

— Господин Кессельбах извиняется. Он заканчивает важную работу. Не сможете ли вы прийти завтра утром, в девять часов?

Наступило молчание. Гурель казался удивленным и слегка обеспокоенным. Кулак незнакомца судорожно сжался в глубине кармана. Один неосторожный жест, и он готов был нанести удар.

Наконец Гурель произнес:

— Ладно… Завтра, в девять часов… Однако все-таки… Хорошо, да, в девять часов я буду здесь.

И он, надев шляпу, удалился.

В гостиной Марко разразился смехом.

— Чертовски здорово, патрон. А-а, как вы его одурачили!

— Поторопись, Марко, беги за ним! Если он выйдет из отеля, оставь его, встретишься с Жеромом, как договорились… И позвони.

Марко поспешил прочь.

Тогда мужчина схватил графин, стоявший на камине, налил себе полный стакан воды и залпом выпил его, а потом, смочив свой носовой платок, вытер покрывшийся потом лоб, сел подле своего пленника и с подчеркнутой вежливостью обратился к нему:

— И все-таки, господин Кессельбах, я должен иметь честь представиться вам.

Он извлек из кармана визитную карточку и произнес:

— Арсен Люпен, джентльмен-взломщик.

II

Казалось, имя знаменитого авантюриста произвело на господина Кессельбаха наилучшее впечатление. Не преминув заметить это, Люпен воскликнул:

— А-а! А-а, любезный господин, вы вздохнули с облегчением! Арсен Люпен — деликатный грабитель. Кровь ему претит, он никогда не совершал преступлений, лишь завладевал чужим имуществом… а это мелкий проступок! И вы говорите себе, что он не станет отягощать свою совесть бесполезным убийством. Согласен… Но будет ли бесполезным ваше устранение? Все дело в этом. В данную минуту, клянусь вам, я не шучу. Итак, начнем, пожалуй, приятель.

Он подвинул свой стул к креслу, освободил пленника от кляпа и продолжил:

— Господин Кессельбах, в день своего приезда ты вступил в отношения с неким Барбарё, директором агентства секретной информации, и

поскольку ты действовал без ведома твоего секретаря Шапмана, господин Барбарё, связываясь с тобой письменно или по телефону, назывался «Полковником». Спешу заверить тебя, Барбарё — честнейший человек в мире. Но мне повезло иметь в числе его служащих моих лучших друзей. Таким вот образом я и узнал причину твоего обращения к Барбарё, это заставило меня заняться тобой и, благодаря поддельным ключам, произвести у тебя несколько обысков… во время которых, увы, я не нашел того, чего хотел.

Он понизил голос и, пристально глядя в глаза своего пленника, пытаясь проникнуть в его тайную мысль, произнес:

— Господин Кессельбах, ты поручил Барбарё отыскать на дне парижского общества некоего человека, который носит или носил имя Пьера Ледюка, и вот его примерное описание: рост метр семьдесят пять, светловолосый, с усами. Особая примета: вследствие одной раны кончик мизинца на левой руке отрублен. Кроме того, имеется почти незаметный шрам на правой щеке. Похоже, обнаружению этого человека ты придаешь огромное значение, словно это может принести тебе значительную выгоду. Кто этот человек?

— Я не знаю.

Ответ был категорический, безоговорочный. Знал он или не знал? Не имело значения. Главное, что он принял решение молчать.

— Ладно, — сказал его противник, — но известны ли тебе какие-либо сведения о нем, более подробные, чем те, которые ты сообщил Барбарё?

— Никаких.

— Ты лжешь, господин Кессельбах. Дважды в присутствии Барбарё ты сверялся с бумагами, хранившимися в сафьяновом футляре.

— Действительно.

— Так где этот футляр?

— Сожжен.

Люпен задрожал от ярости. Разумеется, мысль о пытке и о тех удобствах, которые она предполагает, снова пришла ему в голову.

— Сожжен? Но шкатулка… признайся… признайся же, что она в «Лионском кредите»?

— Да.

— И что в ней находится?

— Двести прекраснейших алмазов из моей личной коллекции.

Эта новость, казалось, понравилась авантюристу.

— Ах, так! Двести прекраснейших алмазов! Но

послушай, это же целое состояние… Да, у тебя это вызывает улыбку… Для тебя это пустяки. И твой секрет стоит большего… Для тебя — да, но для меня?..

Он взял сигару, зажег спичку, которую машинально погасил, и на некоторое время застыл в задумчивости.

Проходили минуты.

Люпен рассмеялся.

— Ты наверняка надеешься, что экспедиция не удастся и сейф не откроют? Возможно, старина. Но в таком случае придется заплатить за мое беспокойство. Я явился сюда не для того, чтобы посмотреть на выражение твоего лица в этом кресле… Алмазы, раз уж есть алмазы… Или сафьяновый футляр… Таков выбор…

Он взглянул на часы.

— Полчаса… Черт возьми!.. Судьба упрямится… Однако не радуйся, господин Кессельбах. Слово честного человека, я не уйду ни с чем…

Раздался телефонный звонок.

— Наконец-то!

Люпен поспешно схватил трубку и, изменив тембр голоса, изобразил резкие интонации своего пленника:

— Да, это я, Рудольф Кессельбах… Ах, так, ма-

демуазель, соедините меня… Это ты, Марко?.. Прекрасно… Все прошло хорошо?.. В добрый час… Никаких осложнений? Поздравляю, мой мальчик. Что удалось заполучить? Эбеновую шкатулку… Ничего другого? Никаких бумаг? Так, так! А в шкатулке?.. Они красивые, эти алмазы? Прекрасно… прекрасно… Минутку, Марко, дай мне подумать. Все это, видишь ли… Если я скажу тебе мое мнение… Погоди, не двигайся… оставайся у аппарата…

Он повернулся к пленнику:

— Господин Кессельбах, ты дорожишь своими алмазами?

— Да.

— Ты выкупишь их у меня?

— Возможно.

— Сколько? Пятьсот тысяч?

— Пятьсот тысяч… да…

— Только вот в чем загвоздка. Как произойдет обмен? Чек? Нет, ты меня проведешь… или я тебя проведу. Послушай, послезавтра утром приходи в «Лионский кредит», возьми свои пятьсот тысяч и ступай прогуляться в Булонский лес, возле Отёй… У меня будут алмазы… в сумке, так удобнее. Шкатулка чересчур заметна…

— Нет… нет… шкатулка… я хочу все…

— А-а! — молвил Люпен, рассмеявшись. — Попался! Тебе плевать на алмазы… Их легко заменить. Но шкатулка, ты дорожишь ею, как своей шкурой. Ну что ж, ты ее получишь, свою шкатулку… слово Арсена! Ты получишь ее завтра утром почтовой посылкой!

Он снова взял трубку.

— Марко, шкатулка у тебя перед глазами?.. Что в ней особенного? Эбеновое дерево, инкрустированное слоновой костью… да, я это знаю… японский стиль предместья Сент-Антуан… Никакой марки? А-а, круглая этикетка, окаймленная синим, и есть номер… да, коммерческий знак… Неважно. А дно шкатулки, оно толстое? Черт возьми! Значит, никакого двойного дна. Послушай, Марко, изучи инкрустации из слоновой кости наверху… или, вернее, нет, крышку.

Он не скрывал своей радости.

— Крышка, вот что, Марко! Кессельбах вздрогнул… Мы у цели!.. Ах, старина Кессельбах, ты разве не понял, что я направляю тебя? Пропащий недотепа!

Вернувшись к Марко, он продолжал:

— Ну что там у тебя? Внутри крышки зеркало?.. Оно скользит?.. Есть пазы? Нет… тогда разбей его… Ну да, говорю тебе, разбей его! Это зеркало

тут ни к чему… его добавили.

Он вышел из терпения:

— Не вмешивайся, дурак, в то, что тебя не касается… Слушай, что тебе говорят.

Должно быть, он услышал шум на другом конце провода, когда Марко разбивал зеркало, ибо торжествующе воскликнул:

— Разве я не говорил тебе, господин Кессельбах, что охота будет удачной?.. Алло? Все в порядке? Ну что там? Письмо? Победа! Все алмазы с Мыса и секрет нашего голубчика!

Он снял вторую трубку, старательно приложил обе к своим ушам и продолжал:

— Читай, Марко, читай, не торопясь… Сначала конверт… Хорошо. Теперь повтори.

И сам повторил:

— Копия письма, находящегося в черном сафьяновом футляре.

А дальше? Разорви конверт, Марко. Вы позволите, господин Кессельбах? Это не слишком прилично, но что поделаешь… Давай, Марко, господин Кессельбах разрешает тебе. Готово? Тогда читай.

Выслушав, он усмехнулся:

— Черт возьми! Это неубедительно. Ладно, подведем итоги. Простой листок бумаги, сложенный

вчетверо, сгибы выглядят свежими… Хорошо. Вверху справа такие слова: *метр семьдесят пять, левый мизинец отрублен* и так далее. Да, это приметы господина Пьера Ледюка. Почерк Кессельбаха, верно?.. Хорошо… Посреди листка слово заглавными печатными буквами:

АПООН

— Марко, малыш, ты оставишь бумагу в покое, не прикасайся ни к шкатулке, ни к алмазам. Через десять минут я закончу с моим голубчиком. Через двадцать минут я буду с тобой… Да, кстати, ты отправил мне машину? Прекрасно. До скорого.

Он поставил телефонный аппарат на место, прошел в прихожую, затем в спальню, удостоверился, что секретарь и слуга не освободились от пут, но что при этом не задохнутся с кляпами во рту, и вернулся к пленнику.

Выражение лица у него было решительное, неумолимое.

— Шутки в сторону, Кессельбах. Если не заговоришь, тем хуже для тебя. Ты решился?

— На что?

— Довольно глупостей. Говори, что тебе известно.

— Ничего.

— Ты лжешь. Что означает слово «Апоон»?

— Если бы я знал, то не записал бы его.

— Ладно, но к кому или к чему оно относится? Откуда ты его взял? Откуда у тебя все это?

Господин Кессельбах не ответил.

Люпен продолжал, более нервно, более отрывисто:

— Послушай, Кессельбах, я сделаю тебе предложение. Каким бы богатым и важным ты ни был, между тобой и мной нет большой разницы. Сын аугсбургского жестянщика и Арсен Люпен, принц взломщиков, могут сговориться без стыда и для одного, и для другого. Я краду в квартирах, ты в кошельках. Это одно и то же. Так вот, Кессельбах. Давай объединимся в этом деле. Я нуждаюсь в тебе, потому что не знаю сути дела. Ты нуждаешься во мне, потому что в одиночку тебе не справиться. Барбарё простачок. А я — Арсен Люпен. Идет?

Молчание. Люпен настаивал дрожащим голосом:

— Отвечай, Кессельбах, идет? Если да, то за сорок восемь часов я тебе его найду, твоего Пьера Ледюка. Ведь речь идет о нем, а? В этом все дело? Да отвечай же! Что это за тип? Зачем ты его разыскиваешь? Что тебе о нем известно? Я хочу знать.

Внезапно он успокоился, положил руку на пле-

чо немца и сухо сказал:

— Одно лишь слово. Да… или нет.

— Нет.

Люпен достал из жилетного кармана Кессельбаха великолепные золотые часы и положил их на колени пленника.

Расстегнув жилет Кессельбаха, он раздвинул рубашку, обнажил его грудь и, схватив лежавший подле него на столе стальной стилет с оправленной золотом рукояткой, приложил острие к месту, где биение сердца заставляло трепетать обнаженную плоть.

— В последний раз?

— Нет.

— Господин Кессельбах, сейчас без восьми минут три. Если через восемь минут не ответите, вы — покойник.

III

На следующее утро, точно в назначенный ему час, инспектор Гурель явился в «Палас-отель». Не останавливаясь и не дожидаясь лифта, он поднялся по лестнице. На четвертом этаже свернул направо, проследовал по коридору и, подойдя к номеру 415, стал звонить в дверь.

Не услышав в ответ ни звука, он позвонил сно-

ва. После полдюжины бесплодных попыток он направился к метрдотелю.

— Будьте любезны, мне нужен господин Кессельбах… Я уже раз десять звонил в его дверь.

— Господин Кессельбах не ночевал здесь. Мы не видели его со вчерашнего дня.

— А его слуга, его секретарь?

— Их мы тоже не видели.

— В таком случае они тоже не ночевали в отеле?

— Вероятно.

— Вероятно! Но вы должны быть уверены.

— Почему? Господин Кессельбах не постоялец отеля, он проживает в своих частных апартаментах. Его обслуживаем не мы, а его слуга, и мы ничего не знаем о том, что у него происходит.

— В самом деле… В самом деле…

Гурель, похоже, был сильно озадачен. Он пришел с точными указаниями, с определенным заданием, в рамках которого мог действовать. За пределами этих рамок он не знал, что ему делать.

— Если бы шеф был здесь… — прошептал он, — если бы шеф был здесь…

Он показал свое удостоверение и назвал свою должность. Потом на всякий случай спросил:

— Значит, вы не видели, как они возвращались?

— Нет.

— Но вы видели, как они выходили?

— Тоже нет.

— Откуда же вы в таком случае знаете, что они вышли?

— От господина, который вчера после полудня приходил в четыреста пятнадцатый.

— Господин с черными усами?

— Да. Я встретил его около трех часов, когда он уходил. Он сказал мне: «Господа из четыреста пятнадцатого только что ушли. Господин Кессельбах будет ночевать сегодня в Версале, в отеле «Резервуары», куда вы можете пересылать его корреспонденцию.

— Но кто был этот господин? От чьего имени он говорил?

— Этого я не знаю.

Гурель был обеспокоен. Все это казалось ему довольно странным.

— У вас есть ключ?

— Нет. Господин Кессельбах заказал специальные ключи.

— Пойдемте посмотрим.

Гурель снова отчаянно позвонил в дверь. Ни-

какого ответа. Он собирался было уйти, но вдруг, поспешно наклонившись, приложил ухо к замочной скважине.

— Прислушайтесь… Можно подумать… Ну конечно… Это вполне отчетливо… Жалобы… Стоны…

Он изо всех сил ударил в дверь кулаком.

— Но, сударь, вы не имеете права…

— Я не имею права?

Он стал бить в дверь еще сильнее, но без всякого результата.

— Скорее, скорее зовите слесаря!

Один из служащих помчался за слесарем. Гурель ходил взад и вперед, шумливый и нерешительный. Слуги с других этажей собрались в коридоре. Прибыли люди из администрации, из дирекции. Гурель, не выдержав, воскликнул:

— Но почему нельзя войти через прилегающие комнаты? Они соединяются с апартаментом?

— Да, но двери между ними всегда заперты с двух сторон.

— В таком случае я звоню в Уголовную полицию, — заявил Гурель, для которого, по всей видимости, не существовало иного спасения, кроме как обратиться к своему шефу.

— И в комиссариат, — заметил кто-то.

— Да, если хотите, — ответил Гурель тоном человека, которого такая формальность мало интересует.

Когда он, позвонив, вернулся, слесарь заканчивал подбирать ключи. Последний по счету ключ открыл замок. Гурель торопливо вошел.

Он сразу же бросился к тому месту, откуда доносились жалобы, и наткнулся на два тела: секретаря Шапмана и слуги Эдварда. Одному из них, Шапману, силой терпения удалось слегка ослабить кляп, и он издавал глухие стоны. Другой, казалось, спал.

Их освободили. Гурель забеспокоился:

— А господин Кессельбах?

Он прошел в гостиную. Господин Кессельбах сидел, привязанный к спинке кресла возле стола. Голова его упала на грудь.

— Он в обмороке, — сказал Гурель, подойдя ближе. — Должно быть, усилия, которые он предпринимал, довели его до изнеможения.

Он быстро разрезал стягивавшие плечи пленника веревки. Всей массой тело повалилось вперед. Гурель подхватил господина Кессельбаха и в ужасе отпрянул с криком:

— Да он мертв! Пощупайте… руки совсем холодные, и посмотрите на глаза!

Кто-то отважился предположить:

— Наверняка кровоизлияние… или разрыв аневризмы.

— Действительно, следов раны нет… Это естественная смерть.

Труп уложили на диван и расстегнули одежду. И сразу же на белой рубашке проступили красные пятна, а когда ее раздвинули, то заметили, что на груди, там, где сердце, виднеется маленькое отверстие, откуда вытекает тоненькая струйка крови.

К рубашке была приколота визитная карточка.

Гурель наклонился. Это была карточка Арсена Люпена, тоже вся окровавленная.

Тут Гурель выпрямился, решительный и властный:

— Преступление!.. Арсен Люпен!.. Уходите… Все уходите… Чтобы никого не оставалось ни в гостиной, ни в спальне! Надо перенести тело и оказать помощь тем господам в другой комнате!.. Выйдите все! И чтобы ни к чему не прикасаться. *Скоро приедет шеф!*

IV

Арсен Люпен!

Остолбеневший Гурель повторял эти два роко-

вых слова. Они отзывались в нем похоронным звоном. Арсен Люпен! Бандит-король! Авантюрист высшей пробы! Да полно, возможно ли это?

«Нет, нет, — прошептал он, — это невозможно, *ведь он умер*!»

Только вот… действительно ли он умер?

Арсен Люпен!

Стоя возле трупа, он ошеломленно, с некоторой опаской вертел в руках визитную карточку, словно бы только что получил вызов от какого-то призрака. Арсен Люпен! Что теперь делать? Действовать? Вступить в борьбу собственными силами?.. Нет, нет… лучше ничего не делать… Если он примет вызов такого противника, ошибки будут неизбежны. К тому же, разве не должен приехать шеф?

Скоро приедет шеф! Вся психология Гуреля сводилась к этой короткой фразе. Расторопный и упорный, исполненный отваги и опытный, обладавший исполинской силой, он был из тех, кто идет вперед, лишь когда ими управляют, и работу они выполняют хорошо, лишь когда она им поручена.

Такое отсутствие инициативы еще больше усугубилось с тех пор, как место господина Дюдуи в Уголовной полиции занял господин Ленорман!

Господин Ленорман — вот это был шеф! С ним можно было не сомневаться, что идешь по правильному пути! Гурель был настолько в этом уверен, что останавливался, если шеф больше не подталкивал его.

Но шеф скоро приедет! На своих часах Гурель высчитывал точное время его прибытия. Только бы комиссар полиции не опередил его, и следователь, наверняка уже назначенный, или судебно-медицинский эксперт не явились делать несвоевременные заключения до того, как шеф успеет запечатлеть в своем сознании основные моменты этого дела!

— Ну, Гурель, о чем ты задумался?

— Шеф!

Господин Ленорман был еще молодым человеком, если принять во внимание выражение его лица и глаз, блестевших под очками; и в то же время это был едва ли не старик, если обратить взгляд на его сутулую спину, желтую, сухую, словно восковую кожу, седеющие волосы и бороду, на весь его облик, надломленный, неуверенный, болезненный.

Как представитель государственной власти, господин Ленорман провел мучительную часть своей жизни в колониях, на самых опасных по-

стах. Там он приобрел разные виды лихорадки, определенную мизантропию и привычку жить в одиночестве, но вместе с тем, несмотря на физический упадок, еще и неукротимую энергию, обычай говорить мало и действовать молча, а к пятидесяти годам, после знаменитого дела трех испанцев из Бискры, внезапно заслужил и величайшую справедливую известность. Тогда же сразу была исправлена несправедливость: его назначили в Бордо, потом помощником начальника в Париж, а после смерти господина Дюдуи — начальником Уголовной полиции. И на каждом из этих постов он проявлял редкую изобретательность в подходах, новые и оригинальные способности и качества, а главное, добился столь выдающихся результатов в ведении четырех или пяти скандальных дел, взбудораживших общественное мнение, что его имя сравнивали с именами самых прославленных полицейских. Что касается Гуреля, то он не колебался. Любимец начальника, ценившего его за простодушие и слепое повиновение, он ставил господина Ленормана превыше всего. Для него это был кумир, божество, которое не ошибается.

В тот день господин Ленорман выглядел особенно утомленным. Он устало сел, раздвинул полы

своего старого редингота, знаменитого старомодным покроем и оливковым цветом, развязал не менее знаменитый шарф каштанового оттенка и прошептал:

— Рассказывай.

Гурель рассказал обо всем, что видел, и обо всем, что узнал, причем рассказал это вкратце, согласно обычаю, к которому приучил его шеф.

Но когда он предъявил визитную карточку Люпена, господин Ленорман вздрогнул.

— Люпен! — воскликнул он.

— Да, Люпен, он снова всплыл, скотина.

— Тем лучше, тем лучше, — произнес господин Ленорман после минутного раздумья.

— Разумеется, тем лучше, — подхватил Гурель, которому нравилось истолковывать оброненные начальством слова, и в упрек шефу он ставил лишь то, что тот столь малоразговорчив, — тем лучше, поскольку вы наконец померитесь силами с достойным вас противником… И на Люпена найдется управа… Люпен перестанет существовать… Люпен…

— Ищи, — сказал господин Ленорман, оборвав его.

Это походило на команду охотника своему псу. И в самом деле, на манер хорошего пса, провор-

ного, умного, дотошного, Гурель стал искать под наблюдением хозяина. Концом своей трости господин Ленорман указывал на какой-то угол или кресло, подобно тому, как со знанием дела указывают на какой-нибудь куст или заросли.

— Ничего, — сказал наконец инспектор.

— Для тебя ничего, — проворчал господин Ленорман.

— Это я и хотел сказать… Я знаю, что для вас есть вещи, которые говорят, словно живые, настоящие свидетели. Хотя тут все ясно, вот оно, преступление, записанное на счет господина Люпена.

— Первое преступление, — заметил господин Ленорман.

— Действительно, первое… Но это было неизбежно. Такую жизнь не ведут без того, чтобы в один прекрасный день не дойти, в силу обстоятельств, до настоящего преступления… Господин Кессельбах защищался…

— Нет, ведь он был связан.

— Верно, — в замешательстве признал Гурель, — и это весьма любопытно… Зачем убивать противника, который уже не сопротивляется?.. Хотя, если бы я схватил его вчера, когда мы встретились лицом к лицу на пороге прихожей…

Господин Ленорман прошел на балкон. Потом осмотрел спальню господина Кессельбаха, расположенную справа, проверил запоры на окнах и дверях.

— Окна в этих двух комнатах были закрыты, когда я вошел, — заявил Гурель.

— Заперты или прикрыты?

— Никто к ним не прикасался. Стало быть, они были заперты, шеф…

Шум голосов вернул их в гостиную. Прибыли судебно-медицинский эксперт, уже приступивший к осмотру трупа, и господин Формери, следователь.

— Арсен Люпен! — воскликнул господин Формери. — Наконец-то! Я счастлив, что благоприятный случай вновь свел меня с этим бандитом! Этот парень увидит, с кем имеет дело!.. Теперь ведь речь идет об убийце!.. Посмотрим, кто кого, искусник Люпен!

Господин Формери не забыл странное приключение с диадемой княгини де Ламбаль и то, каким восхитительным образом Люпен обхитрил его несколько лет назад. Дело стало знаменитым в судейских кругах. Над этим до сих пор смеялись, и господин Формери справедливо затаил чувство злобной обиды и желание добиться оглушитель-

ного реванша.

— Преступление очевидно, — произнес он с убежденным видом, — нам легко будет обнаружить мотив. Пока все идет хорошо. Приветствую вас, господин Ленорман… Я очень рад.

Господин Формери не испытывал ни малейшей радости. Присутствие господина Ленормана, напротив, не доставляло ему удовольствия, ведь начальник Уголовной полиции даже не скрывал презрения, с каким относился к нему. Тем не менее он выпрямился и торжественно произнес:

— Итак, доктор, вы полагаете, что смерть наступила около двенадцати часов назад, возможно, даже больше?.. Я так и предполагал. Полностью согласен. А орудие преступления?

— Нож с очень тонким лезвием, господин следователь, — отвечал врач. — Взгляните, лезвие вытирали носовым платком самого покойного…

— В самом деле… в самом деле… след явственно виден… А теперь мы допросим секретаря и слугу господина Кессельбаха. Я не сомневаюсь, что их допрос прольет какой-то свет.

Шапман, которого перенесли в его комнату, слева от гостиной, так же, как Эдвард, уже оправился от выпавших на его долю испытаний. Он подробно изложил события вчерашнего дня, тре-

воги господина Кессельбаха, предстоящий визит так называемого полковника и, наконец, рассказал о нападении, жертвами которого они стали.

— А-а! — воскликнул господин Формери. — Есть сообщник! И вы слышали его имя… Марко, вы говорите? Это очень важно. Как только мы найдем сообщника, дело продвинется…

— Да, но у нас его нет, — возразил господин Ленорман.

— Посмотрим… Всему свое время. Итак, господин Шапман, этот Марко ушел сразу после звонка господина Гуреля?

— Да, мы слышали, как он уходил.

— А после его ухода вы ничего больше не слышали?

— Слышали… время от времени, но смутно. Дверь была закрыта.

— А какого рода шум?

— Звуки голоса. Тот человек…

— Называйте его по имени. Арсен Люпен.

— Арсен Люпен, должно быть, звонил по телефону.

— Прекрасно! Мы допросим особу из отеля, на которой лежит обязанность соединять с городом. А позже вы слышали, как он тоже ушел?

— Он проверил, крепко ли мы связаны, а че-

рез четверть часа ушел, закрыв за собой дверь прихожей.

— Да, сразу после совершенного злодеяния. Прекрасно… Прекрасно… Все складывается! А потом?..

— Потом мы больше ничего не слышали… Наступила ночь, от усталости я заснул… Эдвард — тоже. И лишь утром…

— Да… я знаю… Ладно, все идет неплохо… все складывается…

И, отмечая важные пункты своего расследования тоном, каким он перечислял бы победы над неизвестным, Формери задумчиво прошептал:

— Сообщник… телефон… время преступления… услышанные звуки… Хорошо… Очень хорошо… Нам остается установить мотив преступления. В данном случае, поскольку речь идет о Люпене, мотив ясен. Господин Ленорман, вы не заметили каких-либо следов взлома?

— Никаких.

— Тогда, значит, кража была совершена непосредственно у самой жертвы. Нашли его бумажник?

— Я оставил его в кармане куртки, — ответил Гурель.

Они все вместе прошли в гостиную, где гос-

подин Формери установил, что в бумажнике находились лишь визитные карточки и удостоверение личности.

— Это странно. Господин Шапман, не могли бы вы сказать нам, не было ли у господина Кессельбаха при себе какой-то суммы денег?

— Да, накануне, то есть позавчера, в понедельник, мы ездили в «Лионский кредит», где господин Кессельбах арендовал сейф.

— Сейф в банке «Лионский кредит»? Хорошо… Надо проверить с этой стороны.

— А прежде чем уйти, господин Кессельбах открыл счет и унес с собой пять или шесть тысяч франков в банкнотах.

— Прекрасно… Теперь мы осведомлены.

— Есть еще одно обстоятельство, господин следователь, — продолжал Шапман, — господин Кессельбах, которого вот уже несколько дней что-то сильно беспокоило — о причине этого я вам говорил… какой-то проект, которому он придавал огромное значение, — так вот, господин Кессельбах, похоже, особо дорожил двумя вещами: прежде всего шкатулкой эбенового дерева, и эту шкатулку он поместил для сохранности в «Лионский кредит», а еще — маленьким футляром из черного сафьяна, в котором хранилось

несколько документов.

— И этот футляр?..

— До прихода Люпена он при мне положил его в дорожную сумку.

Взяв дорожную сумку, господин Формери пошарил в ней. Футляра там не оказалось. Он потер руки.

— Ладно, все складывается… Мы знаем виновного, обстоятельства и мотив преступления. Это дело не затянется. Господин Ленорман, вы во всем со мной согласны?

— Не согласен ни в чем.

На мгновение все оцепенели. Прибыл полицейский комиссар, а за ним, несмотря на охранявших дверь полицейских, проникли внутрь и остановились в прихожей группа журналистов и персонал отеля.

Хотя суровость господина Ленормана была широко известна и порой граничила с некоторой грубостью, уже стоившей ему определенных нареканий со стороны руководства, такая резкость ответа привела всех в замешательство. Особенно был озадачен господин Формери.

— Однако, — молвил он, — на мой взгляд, тут все проще простого: Люпен — вор…

— Зачем ему было убивать? — возразил госпо-

дин Ленорман.

— Чтобы украсть.

— Прошу прощения, но рассказ свидетелей доказывает, что кража имела место до убийства. Господина Кессельбаха сначала связали и заткнули ему рот, потом обокрали. Зачем же Люпену, который до сих пор никогда не совершал подобных преступлений, убивать человека совершенно беспомощного и уже ограбленного?

Следователь пригладил свои длинные бакенбарды привычным движением, свойственным ему в тех случаях, когда вопрос казался неразрешимым, и задумчиво произнес:

— На это есть несколько причин…

— Каких?

— Это зависит… Это зависит от множества еще неизвестных деталей… К тому же, впрочем, возражение касается лишь природы мотивов. А в остальном мы с вами согласны.

— Нет.

На сей раз это прозвучало четко, резко, почти невежливо, так что следователь, совсем растерявшись, не осмелился даже протестовать, сбитый с толку столь странным коллегой. Под конец он сказал:

— У каждого свой метод. Мне было бы любо-

пытно узнать ваш.

— У меня его нет.

Начальник Уголовной полиции встал и, опираясь на свою трость, сделал несколько шагов. Вокруг него все молчали… и было довольно забавно наблюдать, как этот старый, тщедушный, согбенный человек властвует над остальными в силу своего авторитета, которому подчинялись даже те, кто с ним еще не был согласен.

После продолжительного молчания господин Ленорман произнес:

— Мне хотелось бы посетить комнаты, прилегающие к этому апартаменту.

Управляющий показал ему план отеля. Расположенная справа спальня господина Кессельбаха не имела другого выхода, кроме прихожей самого апартамента. Но комната секретаря, расположенная слева, сообщалась с другой комнатой.

— Осмотрим эту, — сказал он.

Господин Формери, не удержавшись, пожал плечами и проворчал:

— Но ведущая туда дверь заперта на засов, и окно закрыто.

— Осмотрим ее, — повторил господин Ленорман.

Его отвели в эту комнату, которая была первой

из пяти зарезервированных для госпожи Кессельбах. Затем, по его просьбе, его проводили в следующие комнаты. Все двери между ними были заперты с обеих сторон.

Господин Ленорман спросил:

— Ни одна из этих комнат не занята?

— Ни одна.

— Ключи?

— Ключи по-прежнему в администрации.

— Значит, войти никто не мог?

— Никто, кроме коридорного на этаже, обязанного проветривать и вытирать пыль.

— Пригласите его.

Слуга по имени Гюстав Бёдо ответил, что накануне, согласно предписанию, он запер окна всех пяти комнат.

— В котором часу?

— В шесть часов вечера.

— И вы ничего не заметили?

— Нет, ничего.

— А сегодня утром?

— Сегодня утром я открыл окна ровно в восемь часов.

— И вы ничего не обнаружили?

— Нет… ничего… Хотя…

Он заколебался. Его засыпали вопросами, и он,

в конце концов, признался:

— Так вот, возле камина четыреста двадцатого номера я подобрал портсигар… который собирался отнести в администрацию вечером.

— Он при вас?

— Нет, он в моей комнате. Это портсигар из полированной стали. С одной стороны кладется табак и бумага для сигарет, с другой — спички. Имеются две буквы золотом… одна — Л, а другая — М.

— Как вы говорите?

Это вмешался Шапман. Казалось, он был очень удивлен и снова обратился к слуге:

— Портсигар из полированной стали, говорите вы?

— Да.

— С тремя отделениями для табака, бумаги и спичек… Табак русский, не так ли, мелкий, светлый?

— Да.

— Принесите его… Я хотел бы взглянуть… Сам убедиться…

По знаку начальника полиции Гюстав Бёдо удалился. Господин Ленорман сел и острым взглядом обследовал ковер, мебель, занавески.

— Мы сейчас в четыреста двадцатом номере? —

спросил он.

— Да.

Следователь усмехнулся:

— Мне хотелось бы знать, какую связь вы видите между этим происшествием и драмой. Пять дверей отделяют нас от комнаты, где был убит Кессельбах.

Господин Ленорман не соизволил ответить.

Шло время. Гюстав не возвращался.

— Где он ночует, господин управляющий? — спросил начальник.

— На седьмом этаже, это улица Жюде, значит, над нами. Странно, что его еще нет.

— Не могли бы вы послать за ним кого-нибудь другого?

Управляющий отправился сам в сопровождении Шапмана. Через несколько минут он вернулся один, бегом, вне себя.

— Ну что?

— Мертв…

— Убит?

— Да.

— А-а, черт, они сильны, эти негодяи! — изрек господин Ленорман. — Живее, Гурель, пусть запрут двери отеля… Следи за выходами… А вы, господин управляющий, проводите нас в комна-

ту Гюстава Бёдо.

Управляющий вышел. А господин Ленорман, прежде чем покинуть комнату, наклонился и подобрал крохотный кружок бумаги, от которого не отрывал глаз.

Это была этикетка, окаймленная синим. На ней значилась цифра 813. Положив ее на всякий случай в свой бумажник, он присоединился к остальным.

V

Маленькая ранка на спине, между лопатками…

— Такая же точно, как у господина Кессельбаха, — заявил врач.

— Да, — согласился господин Ленорман, — удар нанесла та же рука, и послужило то же оружие.

Согласно положению трупа мужчина был застигнут врасплох на коленях перед своей кроватью, он искал под матрасом портсигар, который туда спрятал. Рука еще оставалась зажатой между матрасом и сеткой, но портсигара не нашли.

— Надо, чтобы этот предмет был чертовски компрометирующим, — предположил господин Формери, не решавшийся больше высказывать определенного мнения.

— Черт возьми! — произнес начальник полиции.

— Но нам известны инициалы, это Л и М, а с этим, согласно тому, что Шапман, похоже, знал, мы легко докопаемся до истины.

Господин Ленорман вздрогнул:

— Шапман! Где он?

Выглянули в коридор, где скопилось множество людей, но Шапмана среди них не было.

— Господин Шапман сопровождал меня, — сказал управляющий.

— Да, да, я знаю, но он не спустился вместе с вами.

— Нет, я оставил его возле трупа.

— Вы оставили его!.. Одного?

— Я сказал ему: «Оставайтесь и никуда не уходите».

— И никого вокруг не было? Вы никого не видели?

— В коридоре — нет.

— А в соседних мансардах… или хотя бы за тем поворотом… Никто там не прятался?

Господин Ленорман казался очень взволнованным. Он шагал по коридору, открывая двери комнат. И внезапно бросился бегом с проворством, которого от него не ожидали.

Он стремительно преодолел шесть этажей, за ним с трудом поспевали управляющий и следователь. Внизу у главного входа он нашел Гуреля.

— Никто не выходил?

— Никто.

— А другая дверь, на улицу Орвието?

— Я поставил там сторожить Дьёзи.

— С точными указаниями?

— Да, шеф.

В просторном холле отеля теснилась встревоженная толпа путешественников, которые обсуждали доходившие до них версии, более или менее точные, относительно странного преступления. Все вызванные по телефону слуги прибывали один за другим. Господин Ленорман сразу же их допрашивал.

Никто не мог предоставить никаких сведений. Но вот пришла одна горничная с седьмого этажа. Минут десять назад она встретила двух господ, спускавшихся по служебной лестнице между шестым и пятым этажами.

— Они спускались очень быстро. Один держал за руку другого. Я удивилась, увидев этих двух господ на служебной лестнице.

— Вы смогли бы узнать их?

— Первого — нет. Он отвернулся. Это худо-

щавый блондин. На нем была мягкая шляпа, черная… и черная одежда.

— А другой?

— А-а, другой, это англичанин с толстым лицом, гладко выбритым, и в клетчатой одежде. Без шляпы.

Со всей очевидностью описание относилось к Шапману. Женщина добавила:

— Вид у него был… вид очень странный… как будто бы он не в себе.

Заверений Гуреля господину Ленорману оказалось недостаточно. Он по очереди расспрашивал лакеев, стоявших у дверей.

— Вы знаете Шапмана?

— Да, сударь, он всегда разговаривал с нами.

— И вы не видели, чтобы он выходил?

— Ну нет. Нынче утром он не выходил.

Господин Ленорман повернулся к полицейскому комиссару:

— Сколько у вас людей, господин комиссар?

— Четверо.

— Этого недостаточно. Звоните вашему секретарю, чтобы он прислал всех свободных людей. И самолично организуйте самое строгое наблюдение за всеми выходами. Осадное положение, господин комиссар.

— Но, — запротестовал управляющий, — как же мои клиенты?..

— Мне плевать на ваших клиентов, сударь. Прежде всего, мой долг и моя обязанность арестовать во что бы то ни стало…

— Стало быть, вы полагаете?.. — отважился вставить слово следователь.

— Я не полагаю, сударь… Я уверен, что автор двойного убийства еще находится в отеле.

— Но тогда Шапман…

— В данный момент я не могу утверждать, что Шапман еще жив. Во всяком случае это вопрос минут, секунд… Гурель, возьми двух людей и обыщи все комнаты пятого этажа… Господин управляющий, пусть один из ваших служащих сопровождает их. Что касается других этажей, то я займусь этим, когда подоспеет подкрепление. Давай, Гурель, на охоту, и гляди в оба… Это крупная дичь.

Гурель и его люди заторопились. А сам господин Ленорман остался в холле, возле администрации отеля. На сей раз он, вопреки своему обыкновению, и не думал садиться. Он шагал от главного входа к выходу на улицу Орвието и возвращался к исходной точке.

Время от времени он приказывал:

— Господин управляющий, пусть следят за кухнями, убежать можно и через них… Господин управляющий, скажите вашей барышне на телефоне, чтобы она не соединяла ни одного человека из отеля, кто пожелал бы позвонить в город. Если же кому-то позвонят из города, то пусть она соединит с требуемой персоной, но обязательно запишет имя этой персоны. Господин управляющий, велите составить список ваших клиентов, чье имя начинается с буквы Л или М.

Все это он говорил громко, словно генерал армии, отдающий своим поручикам приказы, от которых зависит исход битвы.

А это действительно была битва, страшная и беспощадная битва, которая разворачивалась в элегантной обстановке роскошного парижского отеля между могущественным персонажем, коим является начальник Уголовной полиции, и той таинственной личностью, преследуемой, загнанной, уже почти схваченной, но столь чудовищно коварной и жестокой.

Ужас сковывал зрителей, собравшихся посреди холла, молчаливых и трепещущих, вздрагивающих от страха при малейшем шорохе, одержимых жутким образом убийцы. Где он скрывался? И появится ли? А нет ли его среди них?.. Может,

этот?.. Или тот?..

Нервы были до того напряжены, что в порыве возмущения люди могли бы сломать двери и выбраться на улицу, если бы здесь не было главного распорядителя, в самом его присутствии было что-то обнадеживающее и успокаивающее. Они чувствовали себя в безопасности, словно пассажиры некоего судна, которым управляет отличный капитан.

И все взоры были обращены к этому старому господину в очках, с седыми волосами, в оливкового цвета рединготе с каштанового оттенка шарфом, господину с согбенной спиной и дрожащими ногами.

Время от времени прибегал посланный Гурелем парень, один из тех, кто выполнял указания инспектора.

— Есть новости? — спрашивал господин Ленорман.

— Никаких, господин начальник, ничего не обнаружено.

Дважды управляющий пытался ослабить предписание. Ситуация складывалась невыносимая. В администрации протестовали несколько путешественников, из тех, кто собирался уезжать, или чьи дела не терпели отлагательств.

— Мне плевать, — повторял господин Ленорман.

— Но я знаю этих людей.

— Тем лучше для вас.

— Вы превышаете свои полномочия.

— Я знаю.

— Вас станут обвинять.

— Я в этом уверен.

— Да вот и сам следователь…

— Пусть господин Формери оставит меня в покое! Ему лучше допрашивать прислугу, чем он сейчас и занимается. А остальное — не дело следствия. Остальное дело полиции. Мое дело.

В эту минуту в отель проник целый отряд полицейских. Начальник Уголовной полиции разделил их на несколько групп и отправил на четвертый этаж, а потом обратился к комиссару:

— Уважаемый комиссар, поручаю вам наблюдение. Заклинаю вас, ни малейшей поблажки! Я беру на себя ответственность за все, что случится.

И, направившись к лифту, он велел доставить себя на третий этаж.

Работа была не из легких. Она оказалась долгой, ибо требовалось открыть двери шестидесяти номеров, осмотреть все ванные комнаты, все

альковы, все шкафы, все закоулки. К тому же она оказалась безрезультатной. По прошествии часа, к полудню господин Ленорман едва покончил с третьим этажом, остальные полицейские продолжали осмотр верхних этажей, но так ничего и не обнаружили.

Господин Ленорман засомневался: не поднялся ли убийца к мансардам?

Однако он собирался спуститься, когда ему сообщили, что прибыла госпожа Кессельбах со своей компаньонкой. Эдвард, старый доверенный слуга, согласился взять на себя задачу сообщить ей о смерти господина Кессельбаха.

Господин Ленорман нашел ее в одной из гостиных, подавленную, без слез, но с лицом, искаженным болью, дрожавшую всем телом, словно ее сотрясала лихорадка.

Это была довольно высокая женщина, темноволосая, ее черные глаза необычайной красоты отливали золотом, были пронизаны золотистыми точечками, похожими на блестки, которые сияют в темноте. Муж познакомился с ней в Голландии, она была родом из старинной семьи испанского происхождения: Амонти. Он сразу же влюбился в нее, и за четыре года их согласие, сотканное из нежности и преданности, ни разу

не нарушалось.

Господин Ленорман представился. Она взглянула на него, не ответив, и он умолк, поскольку в своем оцепенении она, казалось, не понимала, что он говорит.

Потом вдруг она разрыдалась и попросила, чтобы ее проводили к мужу.

В холле господин Ленорман встретил Гуреля, тот как раз искал его и поспешно протянул ему шляпу, которую держал в руках.

— Патрон, я подобрал это… Никаких сомнений относительно происхождения, а?

Это была мягкая шляпа, черный фетр. Внутри ни подкладки, ни этикетки.

— Где ты ее подобрал?

— На площадке служебной лестницы, на третьем.

— На других этажах ничего?

— Ничего. Мы все обыскали. Остался только второй. И эта шляпа доказывает, что мужчина спустился туда. Мы у цели, патрон.

— Думаю, да.

Внизу, у лестницы, господин Ленорман остановился.

— Ступай к комиссару и передай ему указание: по два человека внизу у каждой из четырех лест-

ниц, и с револьвером в руках. Если надо, пусть стреляют. Пойми одно, Гурель, если Шапмана не удастся спасти, а тип сбежал, я потеряю место. Вот уже два часа я занимаюсь ерундой.

Он поднялся по лестнице и на втором этаже встретил двух полицейских, выходивших из какой-то комнаты, их сопровождал служащий.

В коридоре было пусто. Персонал отеля не решался туда входить, а некоторые постояльцы заперлись на два оборота в своих комнатах, так что приходилось долго стучать и называть себя, прежде чем дверь открывалась.

Чуть дальше господин Ленорман увидел группу полицейских, которые осматривали служебное помещение, а в конце длинного коридора заметил еще и других, они появились из-за угла, то есть из комнат, выходивших на улицу Жюде.

Внезапно он услышал их возгласы, полицейские бросились бежать. Он тоже заспешил.

Полицейские остановились посреди коридора. У их ног, преграждая путь, лицом в ковер лежало тело.

Господин Ленорман, наклонившись, коснулся безжизненной головы.

— Шапман мертв, — прошептал он.

Господин Ленорман осмотрел тело. Белый

шелковый шарф стягивал шею. Он развязал его. Появились красные пятна — шарф удерживал на шее толстый ватный тампон, пропитанный кровью.

И на сей раз была все та же ранка, явственная, отчетливая, безжалостная.

Тотчас предупрежденные, прибежали господин Формери и комиссар.

— Никто не выходил? — спросил начальник полиции. — Никаких сигналов?

— Ничего, — ответил комиссар. — Два человека стоят на посту внизу у каждой лестницы.

— Может, он снова поднялся? — предположил господин Формери.

— Нет!.. Нет!..

— Однако иначе его бы встретили.

— Нет… Все это сделано уже давно. Руки совсем холодные. Убийство совершено сразу после того, другого… в тот момент, когда оба мужчины пришли сюда по служебной лестнице.

— Но тогда увидели бы труп! Подумайте сами, за два часа здесь прошло человек пятьдесят…

— Труп находился не здесь.

— В таком случае где же?

— Э-э! Откуда мне знать? — не выдержал вдруг начальник полиции. — Поступайте, как я, ищи-

те!.. Слова тут не помогут.

Не отрывая глаз от трупа, он в ярости стучал рукой по набалдашнику своей трости, задумчивый и молчаливый. Потом, наконец, произнес:

— Господин комиссар, окажите любезность, велите перенести жертву в пустую комнату. Нужно вызвать врача. Господин управляющий, откройте мне, пожалуйста, все комнаты этого коридора.

Слева находились три комнаты и две гостиные, составлявшие незанятый апартамент, который и осмотрел господин Ленорман. Справа — четыре комнаты. В двух проживали некий господин Реверда и один итальянец, барон Джакомичи, оба в то время отсутствовали. В третьей комнате обнаружили англичанку, старую деву, которая еще не вставала, а в четвертой — англичанина, который мирно читал и курил, шум в коридоре не отвлек его от чтения. Звали его майор Парбери.

Впрочем, обыск и расспросы не дали никаких результатов. Престарелая девица ничего не слышала до того, как появились полицейские, — ни шума борьбы, ни криков агонии, ни перебранки; майор Парбери тоже.

Кроме того, не нашли никакой подозрительной улики, ни малейшего следа крови, ничего, что давало бы возможность предположить, что

несчастный Шапман побывал в одной из этих комнат.

— Странно, — прошептал следователь. — Все это действительно странно…

И простодушно добавил:

— Я все меньше и меньше что-либо понимаю. Целый ряд обстоятельств частично ускользает… Что вы об этом думаете, господин Ленорман?

Господин Ленорман наверняка собирался отпустить одно из тех острых словечек, в которых обычно проявлялось его скверное расположение духа, когда появился запыхавшийся Гурель.

— Шеф… мы нашли вот это… внизу… в администрации отеля… на стуле…

Это был небольших размеров пакет, завернутый в черную саржу.

— Его открывали? — спросил начальник.

— Да, но когда увидели, что в нем находится, снова свернули в точности, как было, и очень крепко связали, можете посмотреть.

— Развяжи!

Гурель снял обертку, и все увидели брюки и пиджак из черного мольтона, которые, должно быть, сложили наспех, о чем свидетельствовали складки ткани.

В середине лежало полотенце, все испачканное

кровью — его, судя по всему, погружали в воду для того, чтобы уничтожить следы рук, которые им вытирали.

В полотенце обнаружился стальной кинжал с инкрустированной золотом рукояткой. Он был красным от крови, крови трех мужчин, за несколько часов зарезанных невидимой рукой среди толпы в три сотни человек, ходивших туда и сюда в просторном отеле. Эдвард, слуга, тотчас признал кинжал принадлежащим господину Кессельбаху. Еще накануне, до нападения Люпена, Эдвард видел его на столе.

— Господин управляющий, — сказал начальник Уголовной полиции, — запрет отменяется. Гурель, ступай отдай приказ, чтобы освободили двери.

— Вы, стало быть, полагаете, что Люпен мог выйти? — спросил господин Формери.

— Нет. Автор тройного преступления находится в отеле, в одной из комнат, или, точнее, среди путешественников, которые собрались в холле или в гостиных. На мой взгляд, он проживал в отеле.

— Невозможно! И потом, где бы он мог сменить одежду? И как он одет теперь?

— Этого я не знаю, но утверждаю, что было именно так.

— И вы позволите ему уйти? Ведь он преспокойно уйдет, руки в карманах.

— Тот из путешественников, кто уйдет таким образом, без багажа, и не вернется, и будет виновным. Господин управляющий, будьте любезны сопроводить меня в администрацию. Мне хотелось бы подробно изучить список ваших клиентов.

В администрации господин Ленорман нашел несколько писем на имя господина Кессельбаха. Он передал их следователю.

Была еще посылка, которую только что доставила парижская служба почтовых посылок. Оберточная бумага была частично надорвана, и господин Ленорман смог увидеть эбеновую шкатулку, на которой было выгравировано имя Рудольфа Кессельбаха.

Он открыл ее. Кроме осколков зеркала, местоположение которого еще было видно на внутренней стороне крышки, в шкатулке лежала визитная карточка Арсена Люпена.

Однако начальника Уголовной полиции поразила, казалось, другая деталь. Снаружи, под коробкой, находилась маленькая этикетка, окаймленная синим, похожая на этикетку, подобранную им в комнате на пятом этаже, где нашли

портсигар, *и на этой этикетке также значилась цифра 813*.

Господин Ленорман начинает действовать

I

— Огюст, пригласите господина Ленормана.

Секретарь вышел и через несколько секунд вернулся с начальником Уголовной полиции.

В просторном кабинете министерства на площади Бово находились три человека: знаменитый Валангле, лидер радикальной партии на протяжении тридцати лет, ныне — председатель Совета и министр внутренних дел, генеральный прокурор Тестар и префект полиции Делом.

Префект полиции и генеральный прокурор не поднялись со стульев, на которых сидели во время долгого разговора, только что состоявшегося у них с председателем Совета, но сам Валангле встал и, пожав руку начальнику Уголовной полиции, обратился к нему самым радушным тоном:

— Я не сомневаюсь, дорогой Ленорман, что вы знаете причину, по которой я просил вас прийти?

— Дело Кессельбаха?

— Да.

Дело Кессельбаха! Нет человека, который не помнил бы не только трагическое дело Кессельбаха, сложный клубок которого я взялся распутать, но и малейшие перипетии той драмы, что взбудоражила нас всех за два года до войны. И нет никого, кто не помнит необычайного волнения, которое оно вызвало во Франции и за ее пределами. А между тем еще больше, чем это тройное убийство, совершенное при столь загадочных обстоятельствах, еще больше, чем отвратительная жестокость этой резни, больше всего население потрясло другое — неожиданное появление, можно сказать, воскресение Арсена Люпена.

Арсен Люпен! О нем не было ни слуху ни духу в течение четырех лет после его невероятного, ошеломляющего приключения с Полой иглой, с того дня, когда на глазах у Херлока Шолмса и Изидора Ботреле он исчез во тьме, унося на спине труп своей возлюбленной, а за ним последовала его старая кормилица Виктория.

С того дня Люпена считали мертвым. Такова была версия полиции, которая, не обнаружив следов своего противника, просто-напросто похоронила его.

Некоторые, однако, предполагали, что он спасся, приписывали ему мирное существование

добропорядочного обывателя, который возделывает свой огород в окружении детей и супруги; другие же утверждали, будто, сломленный тяжким горем, устав от мирской суеты, он заперся в каком-нибудь монастыре траппистов.

И вот теперь он объявился снова! И возобновил свою беспощадную борьбу против общества! Арсен Люпен вновь становился Арсеном Люпеном, сумасбродом, приводящим в замешательство, отважным, гениальным Арсеном Люпеном.

Однако на сей раз поднялся крик ужаса. Арсен Люпен убил! И дикость, жестокость, беспощадный цинизм возможного злодеяния были таковы, что сразу легенда о симпатичном герое, при случае сентиментальном авантюристе-рыцаре уступила место новому представлению о бесчеловечном чудовище, кровавом и свирепом. Толпа возненавидела и устрашилась своего бывшего кумира с еще большей силой, нежели некогда восхищалась им за его легкое изящество и веселый располагающий нрав.

И тогда негодование этой испуганной толпы обернулось против полиции. Прежде все лишь смеялись. Прощали одураченного комиссара из-за той комичности, с какой он бывал одурачен. Но шутка затянулась, и теперь в порыве возму-

щения и ярости от властей требовали отчета за неслыханные преступления, которые те бессильны были предотвратить.

В газетах, на общественных собраниях, на улице, даже на трибуне палаты депутатов происходили такие взрывы гнева, что правительство всколыхнулось и всеми средствами старалось успокоить общественное возбуждение.

Валангле, председатель Совета, имел ярко выраженное пристрастие к полицейским расследованиям и нередко с удовольствием, вникая во все детали, следил за некоторыми делами вместе с начальником Уголовной полиции, качества и независимый характер которого высоко ценил. В свой кабинет он вызвал для беседы префекта и генерального прокурора, а потом и господина Ленормана.

— Да, дорогой Ленорман, речь идет о деле Кессельбаха. Но прежде чем говорить об этом, хочу привлечь ваше внимание к одному обстоятельству… обстоятельству, которое особенно беспокоит господина префекта полиции. Господин Делом, объясните, пожалуйста, господину Ленорману…

— О! Господин Ленорман прекрасно знает, о чем идет речь, — возразил префект тоном, который

свидетельствовал о далеко не благожелательном отношении к подчиненному. — Мы говорили с ним об этом. Я выразил свое мнение по поводу его неподобающего поведения в «Палас-отеле». Все возмущены.

Господин Ленорман встал и достал из кармана бумагу, которую положил на стол.

— Что это? — спросил Валангле.

— Моя отставка, господин председатель.

Валангле так и вскинулся.

— Как! Ваша отставка? Из-за вполне безобидного замечания, которое сделал господин префект и которому, впрочем, он ни в коей мере не придает значения… Не так ли, Делом, никакого значения? А вы вдруг обиделись!.. Признайтесь, мой дорогой Ленорман, что у вас скверный характер. Ну будет, заберите этот клочок бумаги и поговорим серьезно.

Начальник Уголовной полиции снова сел, и Валангле, вынудив замолчать префекта, не скрывавшего своего недовольства, произнес:

— В двух словах, Ленорман, дело вот в чем: возвращение на сцену Люпена внушает нам беспокойство. Довольно долгое время этот негодяй насмехался над нами. Признаюсь, это было забавно, я, со своей стороны, первый над этим смеялся.

Но теперь речь идет о преступлениях. Пока он смешил галерку, мы могли терпеть Арсена Люпена. Но если он убивает — нет.

— А от меня, господин председатель, чего вы требуете от меня?

— Чего мы требуем? О, все очень просто. Сначала арест… потом — его голову.

— Арест я могу обещать вам в ближайшем будущем. Но что касается его головы — нет.

— Как? Если его арестуют, это суд присяжных, неизбежный приговор… и смертная казнь.

— Нет.

— А почему нет?

— Потому что Люпен не убивал.

— Что? Вы с ума сошли, Ленорман. А трупы в «Палас-отеле» — может, это выдумка? Не было тройного убийства?

— Было, но совершил его не Люпен.

Начальник полиции произнес это весьма внушительно, с впечатляющим спокойствием и убежденностью.

Прокурор и префект запротестовали. Однако Валангле продолжал:

— Полагаю, Ленорман, для такого предположения у вас имеются серьезные мотивы?

— Это не предположение.

— Доказательства?

— Их два. Два доказательства морального характера, которые я сразу же изложил господину следователю, а газеты их подчеркнули. Прежде всего Люпен не убивает. И потом, зачем ему было убивать, раз цель его экспедиции — воровство — была достигнута, и ему нечего было опасаться связанного противника с кляпом во рту?

— Пусть так. Но факты?

— Факты ничего не стоят по сравнению со здравым смыслом и логикой, да к тому же и факты — на моей стороне. Что могло означать присутствие Люпена в комнате, где обнаружили портсигар? С другой стороны, черная одежда, которую нашли и которая наверняка принадлежала убийце, по размеру никак не соответствует Арсену Люпену.

— Значит, вы его знаете лично?

— Я — нет. Но Эдвард видел его, Гурель видел его, и человек, которого они видели — совсем не тот, кого видела горничная на служебной лестнице, когда тот тащил за руку Шапмана.

— Итак, ваш вывод?

— Вы хотите сказать «истина», господин председатель. Вот она или, по крайней мере, то, что я знаю об истине. Во вторник шестнадцатого

апреля некий человек… Люпен… вторгся в комнату господина Кессельбаха около двух часов пополудни…

Взрыв смеха прервал господина Ленормана. Это смеялся префект полиции.

— Позвольте заметить вам, господин Ленорман, что вы с излишней поспешностью делаете уточнения. Доказано, что в тот день в три часа господин Кессельбах вошел в «Лионский кредит» и спустился в зал сейфов. Об этом свидетельствует его подпись в регистрационной книге.

Господин Ленорман почтительно дождался, пока его начальник договорит. Затем, не потрудившись прямо ответить на выпад, продолжил:

— Около двух часов пополудни Люпен с помощью сообщника, именуемого Марко, связал господина Кессельбаха, отобрал у него все имевшиеся при нем наличные деньги и вынудил назвать шифр его сейфа в «Лионском кредите». Как только секрет был раскрыт, Марко ушел. Он встретился со вторым сообщником, который, воспользовавшись некоторым сходством с господином Кессельбахом — сходством, которое, впрочем, он усилил в тот день, надев одежду, похожую на одежду господина Кессельбаха, и очки в золотой оправе, — вошел в банк, подделал

подпись господина Кессельбаха, опустошил сейф и вернулся в сопровождении Марко. Тот сразу же позвонил Люпену. Тогда Люпен, удостоверившись, что господин Кессельбах не обманул его, ушел, поскольку цель его экспедиции была достигнута.

Валангле, казалось, колебался.

— Да… да… предположим… Но все-таки меня удивляет, что такой человек, как Люпен, серьезно рисковал из-за столь жалкой прибыли… нескольких банкнот и всего лишь предполагаемого содержимого сейфа.

— Люпен зарился на большее. Он хотел заполучить либо сафьяновый футляр, который находился в дорожной сумке, либо эбеновую шкатулку, хранившуюся в сейфе. Этой шкатулкой он завладел, поскольку прислал ее пустой. Следовательно, теперь он уверен, что ему открыт путь к разгадке знаменитого проекта, который задумал господин Кессельбах и о котором говорил своему секретарю незадолго до смерти.

— Что за проект?

— Я не знаю. Директор агентства Барбарё, которому он открылся, сказал мне, что господин Кессельбах разыскивал одного человека, похоже, опустившегося, по имени Пьер Ледюк. С какой

целью он его искал? И каким образом Ледюк связан с его проектом? Этого я не могу сказать.

— Пусть так. — заключил Валангле. — Это что касается Люпена. Его роль закончилась. Господин Кессельбах был связан, обобран… но оставался жив!.. Что происходит до того момента, когда его нашли мертвым?

— Ничего на протяжении нескольких часов; ничего до наступления ночи. Но в течение ночи в апартамент кто-то вошел.

— Каким образом?

— Через комнату четыреста двадцать, одну из тех, что зарезервировал господин Кессельбах. Визитер, безусловно, обладал поддельным ключом.

— Но, — воскликнул префект полиции, — все двери, а их пять, между этой комнатой и апартаментом были заперты на задвижку!

— Оставался балкон.

— Балкон!

— Да, он один на весь этаж, который выходит на улицу Жюде.

— А перегородки?

— Ловкий человек может их преодолеть. Наш преодолел. Я обнаружил следы.

— Но все окна апартамента были закрыты, и после совершения преступления установили, что

они таковыми и оставались.

— Кроме окна секретаря Шапмана, которое было лишь прикрыто, я сам в этом удостоверился.

На сей раз председатель Совета, казалось, немного дрогнул, настолько версия господина Ленормана выглядела логичной, точной и подкрепленной основательными фактами.

Он спросил со всевозрастающим интересом:

— Но с какой целью приходил этот человек?

— Я не знаю.

— Ах, вы не знаете…

— Нет, я и имени его не знаю.

— Но по какой причине он убил?

— Я не знаю. Единственное, что можно предположить, так это то, что у него не было намерения убивать, что он тоже пришел с намерением забрать документы, находившиеся в сафьяновом футляре и в шкатулке, а случайно оказавшись перед лицом беспомощного недруга, убил его.

Валангле прошептал:

— Такое возможно… да, строго говоря… А как, по-вашему, нашел он документы?

— Он не нашел шкатулку, поскольку ее там не было, зато обнаружил на дне дорожной сумки черный сафьяновый футляр. Таким образом, Люпен и… тот, другой, оба в одинаковом положении:

о проекте господина Кессельбаха им известно одно и то же.

— То есть, — заметил председатель, — они будут сражаться.

— Вот именно. И борьба уже началась. Убийца, обнаружив визитную карточку Арсена Люпена, приколол ее к трупу. Все внешние признаки — против Арсена Люпена… Значит, Арсен Люпен и будет убийцей.

— В самом деле… в самом деле… — согласился Валангле. — Расчет не лишен основательности.

— И хитрость удалась бы, — продолжал господин Ленорман, — если бы по другой случайности, на этот раз неблагоприятной, то ли по пути туда, то ли обратно убийца не потерял в четыреста двадцатой комнате свой портсигар, и если бы слуга отеля, Гюстав Бёдо, не подобрал его. С тех пор, зная, что его обнаружили или вот-вот обнаружат…

— Откуда он это узнал?

— Откуда? Да от самого следователя Формери. Дознание велось при открытых дверях! Наверняка убийца скрывался среди присутствующих, служащих отеля или журналистов, когда следователь отправил Гюстава Бёдо в его мансарду за портсигаром. Бёдо поднялся. Убийца последовал

за ним и нанес удар. Вторая жертва.

Никто больше не возражал. Драма восстанавливалась, поразительная в своей правдивости и вероятной точности.

— А третья жертва? — спросил Валангле.

— Эта сама подставила себя под удар. Бёдо не возвращался, и Шапман, которому не терпелось самому взглянуть на портсигар, пошел вместе с управляющим отеля. Застигнутый убийцей, он позволил увлечь себя, тот отвел его в одну из комнат и тоже убил.

— А почему Шапман дал увлечь себя этому человеку, хотя знал, что это убийца господина Кессельбаха и Гюстава Бёдо?

— Я этого не знаю, как не знаю и того, в какой комнате было совершено преступление, так же как не догадываюсь о поистине чудодейственном способе, каким виновному удалось скрыться.

— Говорили о каких-то двух синих этикетках, — заметил господин Валангле.

— Да, одна найдена на шкатулке, которую прислал Люпен, другую нашел я, наверняка она выпала из сафьянового футляра, который украл убийца.

— И что?

— Ничего, по-моему, они ничего не означают.

Что действительно имеет какое-то значение, так это цифра 813, которую господин Кессельбах написал на каждой из них: его почерк установили.

— А что такое 813?

— Тайна.

— И что?

— Ничего, я снова вынужден вам ответить, что ничего об этом не знаю.

— У вас нет подозрений?

— Никаких. Два моих человека проживают в одной из комнат «Палас-отеля» на этаже, где нашли труп Шапмана. С их помощью я слежу за всеми людьми в отеле. Виновный не входит в число тех, кто уже уехал.

— Никто не звонил во время убийства?

— Да, из города кто-то звонил майору Парбери, одному из четырех человек, проживавших на втором этаже.

— И этот майор?

— Мои люди следят за ним. До сих пор против него ничего нет.

— И в каком направлении вы собираетесь искать?

— О! Направление вполне определенное. На мой взгляд, убийца принадлежит к числу друзей или знакомых семейства Кессельбах. Он знал их

маршрут, знал их привычки, знал причину, по которой господин Кессельбах находится в Париже, и, по крайней мере, он подозревал о важности его намерений.

— Стало быть, это не профессиональный преступник?

— Нет! Нет! Тысячу раз нет. Преступление было совершено с неслыханной ловкостью и смелостью, но оно было продиктовано обстоятельствами. Повторяю, искать надо в окружении господина и госпожи Кессельбах. И доказательство этому — то, что убийца господина Кессельбаха убил Гюстава Бёдо только потому, что в руках у того был портсигар, а Шапмана — потому, что секретарь знал о его существовании. Вспомните волнение Шапмана: услышав одно лишь описание портсигара, секретарь что-то заподозрил. Если бы он увидел портсигар, мы бы поняли, в чем дело. В этом неизвестный не ошибся: он устранил Шапмана. И теперь мы ничего не знаем, кроме инициалов Л и М.

Подумав, Ленорман добавил:

— Еще одно доказательство, которое является ответом на один из ваших вопросов, господин председатель. Неужели вы думаете, что Шапман пошел бы за тем человеком по коридорам и лест-

ницам отеля, если бы не знал его раньше?

Факты накапливались. Истина — или, по крайней мере, вероятная истина — обозначилась. Многие обстоятельства, возможно, самые любопытные, оставались неясными. Но какое озарение! Даже при незнании мотивов, подготовивших их, цепочка поступков, совершенных в то трагическое утро, вдруг стала очевидной.

Наступило молчание. Каждый размышлял, раздумывал в поисках аргументов, возражений. Наконец, Валангле воскликнул:

— Дорогой Ленорман, все это прекрасно… Вы меня убедили… Но по сути мы ведь никуда не продвинулись.

— Как это?

— Ну да. Цель нашего собрания вовсе не в том, чтобы раскрыть часть загадки, которую рано или поздно вы, я не сомневаюсь, раскроете полностью, но по возможности удовлетворить требования общественности. Поэтому, действительно ли Люпен убийца или нет, двое было преступников или трое, либо вообще один, все это не дает нам ни имени виновного, ни его ареста. И у общества по-прежнему сохраняется катастрофическое впечатление, что правосудие бессильно.

— Что же я могу сделать?

— Как что? Дайте обществу удовлетворение, коего оно требует.

— Но мне кажется, что этих объяснений уже достаточно…

— Слова! А общество желает действий. Его успокоит единственная вещь: какой-нибудь арест.

— Черт! Черт! Не можем же мы все-таки арестовать первого встречного.

— Это было бы лучше, чем не арестовывать никого, — со смехом заметил Валангле. — Послушайте, поищите получше… Вы уверены в Эдварде, слуге Кессельбаха?

— Абсолютно уверен… И потом, нет, господин председатель, это было бы опасно, смешно… И я уверен, что сам господин генеральный прокурор… Есть только два человека, которых мы имеем право арестовать — убийца, которого я не знаю, и Арсен Люпен.

— Ну и?..

— Арсена Люпена не арестуешь… Или, по крайней мере, нужно время, определенные меры, которые у меня еще не было времени предпринять, поскольку я считал Люпена остепенившимся… или мертвым.

Валангле топнул ногой с нетерпением человека, который любит, чтобы его желания

приводились в исполнение немедленно.

— Однако… однако… дорогой Ленорман, это необходимо! Необходимо и для вас тоже. Вы ведь знаете, что у вас есть могущественные враги… и что если бы не я… Наконец недопустимо, чтобы вы, Ленорман, уклонялись таким образом… А сообщники, что вы о них скажете? Ведь существует не только Люпен… Есть Марко… И еще тот плут, который сыграл роль господина Кессельбаха, чтобы спуститься в подвалы «Лионского кредита».

— Этого последнего вам будет достаточно, господин председатель?

— Достаточно ли мне его будет! Черт побери, я вам доверяю.

— Ну что ж, дайте мне неделю.

— Неделю! Но это не вопрос дней, дорогой Ленорман, это вопрос часов.

— Сколько же вы их мне отпустите, господин председатель?

Достав свои часы, Валангле усмехнулся:

— Я даю вам десять минут, дорогой Ленорман.

Начальник Уголовной полиции достал свои часы и четко, размеренно произнес:

— Четыре минуты лишние, господин председатель.

II

Валангле ошеломленно взглянул на него.

— Четыре лишние? Что вы хотите этим сказать?

— Я говорю, господин председатель, что десяти минут, которые вы мне отпускаете, не понадобится. Мне нужно шесть и ни минутой больше.

— Вот как! Но, Ленорман… шутить, пожалуй, не ко времени…

Начальник Уголовной полиции подошел к окну и подал знак двум мужчинам, преспокойно прогуливавшимся в почетном дворе министерства, потом, вернувшись, сказал:

— Господин генеральный прокурор, соблаговолите подписать ордер на арест человека по имени Дэлерон, Огюст-Максимен-Филипп, возраст сорок семь лет. Профессию не указывайте.

Он открыл входную дверь.

— Ты можешь войти, Гурель… ты тоже, Дьёзи.

Гурель вошел в сопровождении инспектора Дьёзи.

— У тебя есть наручники, Гурель?

— Да, шеф.

Господин Ленорман подошел к Валангле.

— Господин председатель, все готово. Однако

я самым серьезным образом настаиваю, чтобы вы отказались от этого ареста. Он нарушает все мои планы, он может сорвать их и ради пользы, в общем-то ничтожной, может все испортить.

— Господин Ленорман, хочу вам заметить, что у вас осталось всего сорок восемь секунд.

Едва сдержав раздражение, начальник полиции, опираясь на свою трость, прошелся по комнате и с сердитым видом сел, словно решившись молчать, но потом, смирившись, сказал:

— Господин председатель, первый человек, который войдет в этот кабинет, будет тем, чьего ареста вы пожелали… против моей воли, хочу уточнить это.

— Всего пятнадцать секунд, Ленорман.

— Гурель… Дьёзи… Первый человек, не так ли? Господин генеральный прокурор, вы поставили свою подпись?

— Десять секунд, Ленорман.

— Господин председатель, соблаговолите позвонить.

Валангле позвонил.

На пороге появился секретарь, застыв в ожидании.

Валангле повернулся к начальнику полиции.

— Ну что, Ленорман, ждем ваших указаний…

Кого должны привести?

— Никого.

— Но тот мошенник, которого вы обещали нам арестовать? Прошло гораздо больше шести минут.

— Да, но мошенник здесь.

— Как? Я не понимаю, никто не входил.

— Напротив.

— Ах! Ну… Но… позвольте… Ленорман, вы насмехаетесь надо мной… Повторяю, никто не входил.

— Нас было четверо в этом кабинете, господин председатель, теперь нас пятеро. Следовательно, кто-то все-таки вошел.

Валангле подскочил.

— Как? Это безумие!.. Что вы хотите сказать?..

Двое полицейских проскользнули, встав между дверью и секретарем.

Господин Ленорман подошел к секретарю, положил ему руку на плечо и громко произнес:

— Именем закона, Дэлерон, Огюст-Максимен-Филипп, руководитель секретариата в канцелярии Совета, вы арестованы.

Валангле расхохотался:

— А-а, ну и шутник!.. Хороша шутка… Славный Ленорман, у него их много! Браво, Ленорман,

давно я так не смеялся…

— Господин генеральный прокурор, не забудьте указать в ордере профессию господина Дэлерона, хорошо? Руководитель секретариата в канцелярии Совета…

— Ну конечно… конечно… Руководитель секретариата… в канцелярии Совета… — держась за бока, повторял Валангле. — Ах, у славного Ленормана бывают гениальные находки… Общество требовало ареста… И вот, пожалуйста, он ему швыряет в лицо, и кого? Руководителя моего секретариата… Огюста… образцового служителя… И правда, Ленорман, я знал за вами некоторую склонность к сумасбродству, но не до такой степени, мой дорогой! Какая дерзость!

С самого начала сцены Огюст не шелохнулся и, казалось, не понимал, что происходит вокруг. Его славное лицо верного и преданного подчиненного выглядело оторопевшим. Он по очереди переводил взгляд на своих собеседников, с видимым усилием стараясь уловить смысл того, что они говорят.

Господин Ленорман шепнул несколько слов Гурелю, и тот вышел. После чего, подойдя к Огюсту, начальник полиции отчетливо произнес:

— Ничего не поделаешь. Ты попался. Когда пар-

тия проиграна, лучше уж раскрыть свои карты. Что ты делал во вторник?

— Я? Ничего. Я был здесь.

— Лжешь. У тебя был выходной. Ты куда-то ходил.

— Действительно… Я припоминаю… Приезжал один приятель из провинции… Мы гуляли в Булонском лесу.

— Приятеля звали Марко. И вы прогулялись в подвалы «Лионского кредита».

— Я! Что за идея!.. Марко? Я не знаю никого с таким именем.

— А это, это ты знаешь? — воскликнул начальник полиции, сунув ему под нос очки с золотыми дужками.

— Да нет… нет… я не ношу очки.

— Нет, носишь, когда идешь в «Лионский кредит» и выдаешь себя за господина Кессельбаха. Эти очки находились в комнате, которую ты снимаешь под именем господина Жерома в доме номер пять по улице Колизей.

— Я, комнату? Я ночую в министерстве.

— Но там ты переодеваешься, чтобы играть разные роли в банде Люпена.

Тот провел рукой по лбу, покрывшемуся потом. Он был бледен, как мертвец.

— Я не понимаю… Вы говорите вещи… такие вещи… — пробормотал он.

— Нужно сказать так, чтобы ты лучше понял? Смотри, вот что нашли среди обрывков бумаг, которые ты бросаешь в корзину под твоим столом прямо здесь, в приемной.

И господин Ленорман расправил листок бланка министерства, на котором в разных местах можно было прочесть написанное неуверенным почерком имя: Рудольф Кессельбах.

— Ну, что ты скажешь на это, бравый служака? Упражнения в подделке подписи господина Кессельбаха, разве это не доказательство?

Удар кулаком прямо в грудь заставил господина Ленормана пошатнуться. Одним прыжком оказавшись у открытого окна, Огюст перемахнул через подоконник и спрыгнул во двор.

— Черт побери! — воскликнул Валангле. — Ах, бандит!

Он позвонил, бросился к окну, хотел позвать на помощь. Господин Ленорман обратился к нему с величайшим спокойствием:

— Не волнуйтесь, господин председатель…

— Но эта каналья Огюст…

— Секунду, прошу вас… Я предвидел подобную развязку… я даже рассчитывал на нее… Лучшего

признания и быть не может.

Успокоенный таким хладнокровием, Валангле снова сел на свое место. Через минуту появился Гурель, держа за шиворот господина Дэлерона, Огюста-Максимена-Филиппа, именуемого Жеромом, руководителя секретариата в канцелярии Совета.

— Давай, Гурель, — сказал господин Ленорман, как говорят «Апорт!» славному охотничьему псу, который возвращается с дичью в зубах… — Он не сопротивлялся?

— Слегка укусил, но я крепко держал, — отвечал инспектор, продемонстрировав свою огромную, узловатую руку.

— Хорошо, Гурель. А теперь доставь-ка этого парня в каком-нибудь фиакре в тюремную камеру. Не прощаюсь, господин Жером.

Валангле радовался от души. Он со смехом потирал руки. Мысль о том, что руководитель секретариата был одним из сообщников Люпена, казалась ему прелестным и на редкость смешным приключением.

— Браво, мой дорогой Ленорман, все это восхитительно, но как, однако, вам это удалось?

— О! Наипростейшим образом. Я знал, что господин Кессельбах обращался в агентство Барбарё

и что Люпен явился к нему вроде бы от лица этого агентства. Я поискал в этом направлении и обнаружил, что нескромность, проявленная в ущерб господину Кессельбаху и Барбарё, могла быть совершена лишь в пользу так называемого Жерома, приятеля одного из служащих агентства. Если бы вы не приказали мне ускорить события, я проследил бы за секретарем и вышел бы на Марко, а потом и на Люпена.

— Вы добьетесь своего, Ленорман. И нам предстоит присутствовать на самом захватывающем спектакле в мире — борьбе между Люпеном и вами. Я ставлю на вас.

На следующее утро газеты опубликовали такое письмо:

«Открытое письмо г-ну Ленорману, начальнику Уголовной полиции.

Мои поздравления, милостивый государь и друг, по поводу ареста секретаря Жерома. Это была отличная работа, хорошо проделанная и достойная вас.

Горячо поздравляю вас с тем искусным способом, каким вам удалось доказать председателю Совета, что я не был убийцей господина Кессельбаха. Ваше

доказательство было ясным, логичным, неопровержимым и, что еще важнее, достоверным. Как вам известно, я не убиваю. Спасибо, что установили это и в данном случае. Уважение моих современников и ваше, милостивый государь и друг, мне необходимо.

Взамен позвольте мне содействовать вам в преследовании чудовищного убийцы и оказать помощь в деле Кессельбаха. Дело очень интересное, поверьте мне, настолько интересное и достойное моего внимания, что я покидаю убежище, в котором в течение четырех лет проживал в окружении моих книг и моего славного пса Шерлока – я объявляю сбор всех своих товарищей и снова бросаюсь в схватку.

Как непредсказуемы жизненные повороты! Подумать только, я ваш коллега. Будьте уверены, милостивый государь и друг, что я рад этому и по достоинству ценю такую милость судьбы.

Арсен Люпен.

Постскриптум: Еще одно слово, которое, я не сомневаюсь, заслужит ваше

одобрение. Не подобает, чтобы джентльмен, который обладал славной привилегией сражаться под моими знаменами, прозябал на сырой соломе ваших тюрем, поэтому считаю своим долгом честно предупредить вас, что через пять недель, в пятницу 31 мая, я освобожу господина Жерома, определенного мной на должность руководителя секретариата в канцелярии Совета. Не забудьте дату: пятница, 31 мая. – А. Л.»

Князь Сернин за работой

I

Первый этаж на углу бульвара Осман и улицы Курсель… Именно здесь проживает князь Сернин, один из самых блистательных представителей русской колонии в Париже, чье имя постоянно фигурирует в газетных рубриках «Переезды» и «Курорты».

Одиннадцать часов утра. Князь входит в свой рабочий кабинет. Это мужчина лет тридцати пяти — тридцати восьми, в его темно-русых волосах проглядывают несколько серебряных нитей. У него прекрасный, здоровый цвет лица, пышные усы и очень коротко остриженные бакенбарды, едва проступающие на свежей коже щек.

Он достойно одет: на нем серый редингот, стягивающий талию, и жилет с белой тиковой оборкой.

— Ладно, — сказал князь вполголоса, — я думаю, день будет трудным.

Он открыл дверь в большую комнату, где ожидали несколько человек, и произнес:

— Варнье здесь? Входи же, Варнье.

Мужчина, по виду мелкий буржуа, коренастый, крепкий, прочно стоящий на ногах, откликнулся на его зов. Князь закрыл за ним дверь.

— Ну что, как там у тебя, Варнье?

— Все готово на этот вечер, патрон.

— Прекрасно. Расскажи в нескольких словах.

— Так вот. После убийства мужа госпожа Кессельбах, просмотрев буклет, который вы велели ей отправить, выбрала местом жительства уединенный дамский пансион, расположенный в Гарше. Она проживает в глубине сада, в последнем из четырех флигелей, которые дирекция сдает дамам, желающим жить совершенно обособленно от других пансионеров, во флигеле Императрицы.

— Прислуга?

— Ее компаньонка Гертруда, с которой она прибыла через несколько часов после преступления, и сестра Гертруды, Сюзанна, которую вызвали из Монте-Карло, эта служит ей горничной. Обе сестры полностью ей преданны.

— Эдвард, камердинер?

— Она его не оставила. Он вернулся к себе на родину.

— Она с кем-нибудь встречается?

— Ни с кем. Свое время она проводит, лежа на

диване. Выглядит она больной и очень слабой. Много плачет. Вчера следователь провел у нее два часа.

— Хорошо. Теперь о девушке.

— Мадемуазель Женевьева Эрнемон живет по другую сторону дороги… на улочке, которая ведет прямо в поля, третий дом справа. Она держит частную бесплатную школу для отсталых детей. Ее бабушка, госпожа Эрнемон, живет вместе с ней.

— Судя по тому, что ты мне написал, Женевьева Эрнемон и госпожа Кессельбах познакомились?

— Да. Девушка приходила с просьбой о помощи для своей школы. Должно быть, они друг другу понравились, поскольку вот уже четыре дня они вместе гуляют в парке Вильнёв, к которому примыкает сад пансиона.

— В котором часу они выходят?

— От пяти до шести. Ровно в шесть часов девушка идет в свою школу.

— Итак, ты все устроил?

— На сегодня, на шесть часов. Все готово.

— Никого вокруг не будет?

— В этот час в парке никогда никого не бывает.

— Хорошо. Я там буду. Ступай.

Князь выпустил Варнье через дверь в прихо-

жую и, вернувшись в приемную, позвал:

— Братья Дудвиль.

Вошли два молодых человека, одетых с излишне утонченной элегантностью. У обоих живой взгляд, симпатичный вид.

— Добрый день, Жан. Добрый день, Жак. Что нового в префектуре?

— Ничего особенного, патрон.

— Господин Ленорман по-прежнему вам доверяет?

— По-прежнему. После Гуреля мы его любимые инспекторы. И вот доказательство: он поселил нас в «Палас-отеле», чтобы наблюдать за людьми, проживавшими в коридоре второго этажа в момент убийства Шапмана. Гурель приходит каждое утро, и мы докладываем ему то же, что и вам.

— Прекрасно. Главное, чтобы я был в курсе всего, что делается и говорится в префектуре полиции. Пока Ленорман считает вас своими людьми, я хозяин положения. А в отеле вам удалось обнаружить какой-нибудь след?

Жан Дудвиль, старший, ответил:

— Англичанка, та, что жила в одной из комнат, уехала.

— Эта меня не интересует. У меня свои сведе-

ния. Но ее сосед, майор Парбери?

Братья, казалось, смутились. Наконец один из них ответил:

— Сегодня утром майор Парбери приказал, чтобы его багаж отправили на Северный вокзал к поезду в двенадцать пятьдесят, а сам уехал в автомобиле. Мы присутствовали при отправлении поезда. Майор не явился.

— А багаж?

— Он велел забрать его с вокзала.

— Кому?

— Рассыльному, как нам сказали.

— Значит, его след потерян?

— Да.

— Наконец-то! — обрадованно воскликнул князь.

Братья с удивлением взглянули на него.

— Да-да, — молвил он, — наконец хоть какой-то след.

— Вы думаете?

— Безусловно. Убийство Шапмана могло произойти лишь в одной из комнат этого коридора. Именно туда, к сообщнику, убийца господина Кессельбаха привел секретаря и убил его, там он сменил одежду, а сообщник, после того, как убийца ушел, вытащил труп в коридор. Но кто

сообщник? То, как исчез майор Парбери, дает основание предполагать, что он в этом деле не посторонний. Скорее сообщите по телефону хорошую новость господину Ленорману или Гурелю. Надо, чтобы в префектуре как можно скорее об этом узнали. Эти господа и я, мы идем рука об руку.

Он дал им еще несколько рекомендаций касательно их двойной роли инспекторов полиции на службе у князя Сернина и отпустил их.

В приемной оставались два посетителя. Князь пригласил одного из них.

— Тысяча извинений, доктор, — сказал он ему. — Я полностью в твоем распоряжении. Как чувствует себя Пьер Ледюк?

— Он умер.

— О! О! — молвил Сернин. — Я этого ожидал после твоих утренних слов. И все-таки бедняга протянул недолго…

— Он был совсем плох. Потерял сознание, и конец.

— Он ничего не сказал?

— Нет.

— Ты уверен, что с того дня, как мы вместе подобрали его под столиком кафе в Бельвиле, ты уверен, что никто в твоей клинике не заподозрил,

что он и есть тот самый Пьер Ледюк, которого разыскивает полиция, тот таинственный Пьер Ледюк, которого Кессельбах хотел отыскать любой ценой?

— Никто. Ледюк занимал отдельную палату. Кроме того, я наложил на его левую руку повязку, чтобы нельзя было увидеть пораненный мизинец. Что же до шрама на щеке, то под бородой его не видно.

— И ты сам наблюдал за ним?

— Самолично. И, согласно вашим инструкциям, чтобы расспросить его, я пользовался каждой минутой, когда он казался в разуме. Но я не смог добиться ничего, кроме невнятных бормотаний.

Князь задумчиво прошептал:

— Мертв… Пьер Ледюк мертв… Все дело Кессельбаха, безусловно, держалось на нем, и вот теперь… теперь он исчезает… без единого откровения, без единого слова о нем самом, о его прошлом… Надо ли ввязываться в эту авантюру, в которой я пока ничего не понимаю? Это опасно… Я могу погореть…

Подумав с минуту, он воскликнул:

— Что ж, тем хуже! Я все-таки рискну. То, что Пьер Ледюк мертв, вовсе не повод, чтобы я отказался от партии. Напротив! Случай слишком уж

соблазнительный. Пьер Ледюк умер. Да здравствует Пьер Ледюк!.. Ступай, доктор. Возвращайся к себе. Сегодня вечером я тебе позвоню.

Доктор ушел.

— Давай к делу, Филипп, — обратился Сернин к последнему посетителю, невысокому мужчине с седыми волосами, одетому как служащий отеля, но десятиразрядного, самого дешевого.

— Патрон, — начал Филипп, — напомню вам, что на прошлой неделе вы устроили меня служащим в отель «Дёз Ампрёр» в Версале, чтобы следить за одним молодым человеком.

— Ну да, я знаю… За Жераром Бопре. Как он?

— Исчерпал все свои ресурсы.

— По-прежнему мрачные мысли?

— По-прежнему. Хочет убить себя.

— Это серьезно?

— Очень серьезно. В его бумагах я нашел эту маленькую записочку карандашом.

— Ах так! — молвил Сернин, прочитав записку. — Он объявляет о своей смерти… и это намечено на сегодняшний вечер!

— Да, патрон, веревка куплена и крюк уже в потолке. Так вот, когда я, по вашему указанию, разговорился с ним, он поведал мне о своем отчаянии, и я посоветовал ему обратиться к вам.

«Князь Сернин богат, — сказал я ему, — он щедр, возможно, он вам поможет».

— Все это прекрасно. Значит, он должен прийти?

— Он здесь.

— Откуда ты знаешь?

— Я следил за ним. Он сел на парижский поезд и теперь прогуливается вдоль бульвара. С минуты на минуту он решится.

В это мгновение слуга принес визитную карточку. Прочитав ее, князь сказал:

— Пригласите господина Жерара Бопре.

И обратился к Филиппу:

— Пройди в этот кабинет, слушай и не шевелись.

Оставшись один, князь прошептал:

— Решусь ли я? Сама судьба посылает мне его…

Через несколько минут вошел высокий молодой человек, светловолосый, худощавый, с истощенным лицом, с горящим взором, смущенный, он в нерешительности остановился на пороге в позе нищего, который хотел бы протянуть руку, но не решается.

Разговор был коротким.

— Это вы господин Жерар Бопре?

— Да… да… это я.

— Я не имею чести…

— Дело в том… сударь… дело в том… Мне сказали…

— Кто сказал?

— Один человек в отеле… который уверяет, что служил у вас…

— Короче?..

— Так вот…

Оробев, молодой человек умолк, потрясенный высокомерным поведением князя. А тот воскликнул:

— Однако, сударь, быть может, вы все-таки…

— Так вот, сударь… мне сказали, что вы очень богаты и щедры… И я подумал, не сможете ли вы…

Он остановился, не в силах произнести слова мольбы и унижения.

Сернин подошел к нему.

— Господин Жерар Бопре, не вы ли опубликовали томик стихов под названием «Улыбка весны»?

— Да, да! — воскликнул молодой человек, лицо которого просияло. — Вы читали?

— Да… Очень милые стихи… очень милые… Только неужели вы собираетесь жить на то, что

за них получаете?

— Конечно… Рано… или поздно…

— Рано или поздно… скорее поздно, не так ли? А пока вы прихóдите ко мне, чтобы попросить на жизнь?

— На еду, сударь.

Положив гостю руку на плечо, Сернин холодно произнес:

— Поэты не едят, сударь. Они питаются рифмами и мечтами. Так и поступайте. Это лучше, чем ходить с протянутой рукой.

Услышав оскорбления, молодой человек вздрогнул. Не говоря ни слова, он поспешно направился к двери.

Сернин остановил его.

— Еще одно слово, сударь. У вас не осталось ни малейшей возможности?

— Ни малейшей.

— И вы ни на что не рассчитываете?

— У меня есть надежда… Я написал одному из своих родственников, умоляя его хоть что-то прислать мне. Сегодня я получу его ответ. Это последний шанс.

— А если вы не получите ответа, то наверняка готовы сегодня же вечером…

— Да, сударь.

Это было сказано просто и ясно.

Сернин расхохотался.

— Боже! Какой же вы смешной, славный молодой человек! И какая простодушная убежденность! Приходите ко мне на следующий год, хотите?.. Мы снова поговорим обо всем… Это так любопытно, так интересно… а главное, так смешно… ха, ха, ха!

И, сотрясаясь от смеха, с нарочитыми поклонами Сернин выставил его за дверь.

— Филипп, — обратился он к служащему отеля, открыв ему дверь, — ты слышал?

— Да, патрон.

— Жерар Бопре ждет сегодня к вечеру телеграмму, обещание помощи…

— Его последний шанс.

— Нельзя допустить, чтобы он получил эту телеграмму. Если она придет, сразу забери ее и разорви.

— Хорошо, патрон.

— Ты один в отеле?

— Да, один, с кухаркой, которая не ночует. Хозяин отсутствует.

— Хорошо. Хозяева, значит, мы. До вечера, где-то около одиннадцати. Ступай.

II

Князь Сернин прошел в свою спальню и позвонил слуге.

— Мои перчатки, шляпу и трость. Автомобиль на месте?

— Да, сударь.

Одевшись, князь вышел из дома и расположился в просторном и удобном лимузине, который доставил его в Булонский лес к маркизу и маркизе де Гастин, куда он был зван на обед.

В половине третьего Сернин покинул своих хозяев, отправился на проспект Клебер, забрал двоих своих друзей и доктора и без пяти три прибыл в парк де Пренс.

В три часа он сражался на саблях с итальянским капитаном Спинелли, в первой же схватке порезав ухо своему противнику, а без четверти четыре в клубе на улице Камбон метал банк, после чего удалился в двадцать минут шестого с выручкой в сорок семь тысяч франков.

И все это без спешки, с некой высокомерной беспечностью, словно бешеное движение, ввергавшее, казалось, его жизнь в водоворот поступков и событий, было непреложным правилом самых безмятежных дней.

— Октав, — обратился он к своему шоферу, — мы едем в Гарш.

И без десяти шесть Сернин вышел у старых стен Вильнёвского парка.

Ныне раздробленное и разоренное, Вильнёвское владение еще сохраняет что-то от великолепия, которое оно знавало во времена императрицы Евгении. Со своими старыми деревьями, озером, лесным горизонтом Сен-Клу пейзаж излучает очарование и грусть.

Значительная часть владения была отдана Институту Пастера. Меньшая доля, отделенная от первой пространством для публики, образует все еще довольно обширную усадьбу, где вокруг пансиона стоят четыре уединенных флигеля.

— Это там живет госпожа Кессельбах, — сказал себе князь, увидев издалека крыши пансиона и четырех строений.

Он пересек парк и направился к озеру.

Внезапно он остановился за купой деревьев, заметив двух дам, облокотившихся на парапет моста, перекинутого через озеро.

«Варнье и его люди должны находиться поблизости. Но, черт возьми, они здорово прячутся. Сколько бы я ни искал…»

Обе дамы ступали теперь по траве лужаек под

большими почтенными деревьями. Синева небес проглядывала меж веток, которые покачивал легкий ветерок, в воздухе веяло запахами весны и молодой зелени.

По склонам холма к неподвижной воде спускались маргаритки, фиалки, нарциссы, ландыши, все апрельские и майские цветочки, собравшись вместе, то тут, то там образовывали что-то вроде созвездий разных цветов. Солнце клонилось к горизонту.

И вдруг из кустов внезапно появились трое мужчин и направились к прогуливающимся дамам.

Они подошли к ним вплотную, обменялись несколькими словами. Обе дамы выглядели испуганными. Один из мужчин приблизился к той, что поменьше ростом, и попытался выхватить у нее золотой кошелек, который она держала в руках.

Дамы закричали, и трое мужчин набросились на них.

— Самое время действовать, — сказал себе князь. И кинулся вперед.

За десять секунд он почти достиг кромки воды.

При его появлении трое мужчин убежали.

— Бегите, бродяги, — усмехнулся он, — удирай-

те со всех ног. Из воды вынырнул спаситель.

Он было устремился вслед за мужчинами, но одна из дам взмолилась:

— О, сударь! Прошу вас… Моей подруге плохо.

Та, что была поменьше ростом, действительно упала на траву, потеряв сознание.

Вернувшись назад, Сернин в тревоге спросил:

— Она не ранена? Эти несчастные не…

— Нет… нет… это всего лишь страх… волнение… И потом… вы должны понять… эта дама — госпожа Кессельбах…

— О! — молвил князь и протянул флакон с нюхательной солью, который молодая женщина тотчас поднесла своей подруге. Сернин добавил:

— Приподнимите аметист, который служит пробкой… Там маленькое отделение, а в нем таблетки. Пусть мадам примет одну… одну, не больше… это очень сильное средство…

Он смотрел, как молодая женщина ухаживает за своей подругой. Светловолосая, с виду очень скромная, лицо серьезное и ласковое — улыбка оживляла его черты, даже когда она не улыбалась.

«Это Женевьева», — подумал он.

И взволнованно повторил про себя:

«Женевьева… Женевьева…»

Между тем госпожа Кессельбах понемногу приходила в себя. Сначала, удивившись, она, казалось, не понимала, что произошло. Потом память вернулась к ней, и кивком головы она поблагодарила своего спасителя.

Тогда он с глубоким поклоном произнес:

— Позвольте представиться… Князь Сернин.

Она сказала тихим голосом:

— Я не знаю, как выразить вам мою признательность.

— Не выражая ее, мадам. Это случай надо благодарить, случай, который привел меня сюда на прогулку. Могу я предложить вам руку?

Через несколько минут госпожа Кессельбах звонила в дверь пансиона, обращаясь тем временем к князю:

— Я попросила бы вас еще об одной услуге, сударь. Не рассказывайте никому об этом нападении.

— Но, мадам, это было бы единственным способом узнать…

— Чтобы узнать, понадобится расследование, а это опять шум вокруг меня, допросы, усталость. У меня нет больше сил.

Князь не настаивал. Он откланялся, спросив:

— Вы позволите справиться о вашем здоровье?

— Ну конечно…

Она поцеловала Женевьеву и удалилась.

Между тем начинало смеркаться. Сернин не хотел, чтобы Женевьева возвращалась одна. Но не успели они свернуть на тропинку, как из темноты навстречу им выступил силуэт.

— Бабушка! — воскликнула Женевьева.

Она бросилась в объятия старой женщины, которая крепко расцеловала ее.

— Ах, дорогая моя, дорогая, что случилось? Ты так опоздала, ты, такая точная!

Женевьева представила:

— Госпожа Эрнемон, моя бабушка, князь Сернин…

Потом она рассказала о случившемся, а госпожа Эрнемон не переставала повторять:

— О, моя дорогая… Боже, как ты, верно, испугалась!.. Сударь, я… Я никогда не забуду… клянусь вам… Но как ты, должно быть, испугалась, дорогая моя бедняжка!

— Ну, будет, бабушка, успокойся, ведь я же здесь…

— Да, но страх мог навредить тебе… Никогда неизвестны последствия… О, это ужасно!..

Они прошли вдоль живой изгороди, через которую видно было засаженный деревьями двор,

несколько цветников, крытую галерею и белый дом.

За домом, под сенью зарослей бузины, расположенных туннелем, открывалась невысокая ограда.

Старая женщина пригласила князя Сернина войти и отвела его в маленькую гостиную, служившую одновременно и школьной приемной.

Женевьева попросила у князя разрешения ненадолго отлучиться, чтобы взглянуть на своих учениц, то было время их ужина.

Князь и госпожа Эрнемон остались одни.

Лицо старой дамы под седыми волосами, расчесанными на прямой пробор и заканчивающимися двумя буклями, было печальным и бледным. Чересчур основательная, с тяжелой походкой, она, несмотря на внешность почтенной дамы, казалась чуточку вульгарной, хотя глаза у нее были бесконечно добрыми.

Она в беспокойстве наводила порядок на столе, когда князь Сернин подошел к ней, обхватил ее голову руками и расцеловал в обе щеки.

— Ну что, старая, как ты живешь?

Она остолбенела, разинув рот.

Князь снова со смехом расцеловал ее.

Она пробормотала:

— Ты? Это ты! Ах! Иисус-Мария… Иисус-Мария… Возможно ли это!.. Иисус-Мария!..

— Славная моя Виктория!

— Не называй меня так! — воскликнула она, вздрогнув. — Виктория умерла… Твоей старой кормилицы больше нет… Я целиком принадлежу Женевьеве…

И она добавила тихим голосом:

— Ах, Иисусе… Я, конечно, читала твое имя в газетах… Так это правда, ты возвращаешься к своей скверной жизни?

— Как видишь.

— А ведь ты мне поклялся, что с этим покончено, что ты уезжаешь навсегда, что хочешь стать честным.

— Я пробовал. Вот уже четыре года, как пробую… Ты ведь не будешь утверждать, что в течение этих четырех лет я заставил о себе говорить?

— И что?

— А то, что мне стало скучно.

Она вздохнула:

— Все такой же… ты не изменился… Ах, все кончено, ты никогда не изменишься… Стало быть, ты причастен к делу Кессельбаха?

— Черт побери! Иначе я не стал бы утруждаться и устраивать нападение на госпожу Кессельбах в

шесть часов, чтобы в пять минут седьмого иметь возможность вырвать ее из когтей моих людей! Спасенная мною, она будет вынуждена принимать меня. И вот я на месте, в центре событий и, защищая вдову, изучаю окрестности. А что ты хочешь, если жизнь, которую я веду, не позволяет мне прохлаждаться и следовать мелочным житейским правилам. Мне нужны потрясающие эффекты, оглушительные победы.

В растерянности глядя на него, она прошептала:

— Понимаю… понимаю… Все это ложь… Но в таком случае… Женевьева…

— Э-э! Одним ударом двух зайцев. Подготовить спасение, и дело сделано. Подумай, сколько мне понадобилось бы времени, усилий, возможно, бесполезных, чтобы проникнуть в жизнь этой девочки? Чем я был для нее? И кем еще стал бы? Незнакомец… чужой. А теперь я — спаситель. Через час стану… другом.

Она задрожала.

— Значит… ты не спас Женевьеву… Значит, ты собираешься втянуть нас в свои махинации…

И вдруг, с возмущением вцепившись в него, она произнесла:

— Так вот нет, с меня довольно, слышишь?

Однажды ты привел ко мне эту малышку со словами: «Держи, я поручаю ее тебе… Ее родители умерли… возьми ее под свою защиту».

Собравшись с силами, сжав кулаки, госпожа Эрнемон, исполненная решимости, казалось, готова была ко всему.

Без грубости, не спеша, князь Сернин одну за другой отвел сжимавшие его руки, взял старую даму за плечи, усадил в кресло и, наклонившись к ней, очень спокойно произнес:

— Хватит!

Она заплакала, тотчас смирившись, и, сложив руки, взмолилась:

— Прошу тебя, оставь нас в покое. Мы были так счастливы! Я думала, что ты о нас забыл, и благодарила небо за каждый прожитый день. Ну да… я по-прежнему очень тебя люблю. Но Женевьева… Видишь ли, я не знаю, что я готова сделать для этой девочки. Она заняла твое место в моем сердце.

— Я заметил, — со смехом сказал он. — Ты с удовольствием послала бы меня к черту. Ладно, довольно глупостей! Я не могу терять времени. Мне надо поговорить с Женевьевой.

— Ты будешь говорить с ней!

— А что, это преступление?

— И что же ты хочешь ей сказать?

— Один секрет… очень важный секрет… очень трогательный…

Старая дама пришла в смятение:

— И который, возможно, причинит ей боль? О! Я всего боюсь… я всего боюсь для нее…

— А вот и она.

— Нет, еще нет.

— Да, да, я слышу ее шаги… Вытри глаза и будь разумной.

— Послушай, — с живостью сказала госпожа Эрнемон, — послушай, я не знаю, какие слова ты скажешь, какой секрет собираешься открыть этой девочке, которую ты не знаешь… Но я, я-то ее знаю, и вот что я скажу тебе: Женевьева стойкая натура, сильная, но очень чувствительная. Осторожней со словами… Ты можешь ранить ее чувства… о которых понятия не имеешь.

— Да почему, Боже мой?

— Потому что она не твоей, другой породы, другого мира… Я говорю о другом моральном мире… Есть вещи, которых тебе не дано понять. Препятствие между вами двумя непреодолимо… У Женевьевы совесть чистейшая и высочайшая… а ты…

— А я?

— А ты человек нечестный.

III

Вошла Женевьева, такая прелестная и оживленная.

— Все мои малышки в дортуаре, у меня десять минут передышки… Бабушка, в чем дело? У тебя такое странное лицо… Опять все та же история?

— Нет, мадемуазель, — сказал Сернин, — думаю, мне, к счастью, удалось успокоить вашу бабушку. Но мы говорили о вас, о вашем детстве, и, похоже, эту тему ваша бабушка не может затрагивать без волнения.

— О моем детстве? — Женевьева покраснела. — О, бабушка!

— Не ругайте ее, мадемуазель, случай направил разговор в эту сторону. Оказалось, что я часто проезжал мимо деревушки, где вы выросли.

— Аспремон?

— Аспремон, возле Ниццы. Вы жили там в новом доме, совершенно белом…

— Да, — сказала она, — в белом доме с окнами, обведенными синим… Я была очень маленькой, Аспремон я покинула в семь лет, но помню мельчайшие подробности того времени. И я не забыла сияния солнца на белом фасаде, и эвкалипт в

глубине сада…

— В глубине сада, мадемуазель, росли оливковые деревья, под одним из них стоял стол, за которым в жаркие дни работала ваша матушка.

— Это правда, правда, — взволнованно произнесла она, — а я играла рядом…

— Именно там, — продолжал князь, — я несколько раз видел вашу мать… Увидев вас, я сразу же узнал ее образ… только более радостный, счастливый.

— Да, моя бедная матушка не была счастлива. Отец умер как раз в день моего рождения, и ничто не могло ее утешить. Она много плакала. От того времени у меня сохранился маленький носовой платок, которым я вытирала ее слезы.

— Маленький носовой платок с розовым рисунком.

— Как! — удивленно воскликнула она. — Вы знаете…

— Однажды я присутствовал при том, как вы ее утешали… Вы так мило ее утешали, что сцена отчетливо сохранилась в моей памяти.

Женевьева пристально вгляделась в него и едва слышно прошептала:

— Да… да… мне кажется… Выражение ваших глаз… и звук вашего голоса…

На мгновение она закрыла глаза и сосредоточилась, словно безуспешно пыталась поймать ускользавшее воспоминание. Потом продолжала:

— Значит, вы знали матушку?

— Рядом с Аспремоном жили мои друзья, у которых я ее встречал. В последний раз она показалась мне особенно печальной и бледной, а когда я вернулся…

— Все было кончено, да? — сказала Женевьева. — Да, она ушла очень быстро… за несколько недель… Я оставалась с соседями, которые заботились о ней… И вот однажды утром ее унесли… А вечером того дня кто-то пришел, когда я спала, взял меня на руки, закутал в одеяло…

— Мужчина? — спросил князь.

— Да, какой-то мужчина. Он говорил со мной тихонько и очень ласково… его голос успокаивал меня… И унося меня по дороге, а потом в автомобиле, ночью, он укачивал меня и рассказывал мне сказки… таким же голосом… таким же голосом…

Она умолкла и снова посмотрела на князя, еще более пристально, с явным усилием пытаясь постичь мимолетное впечатление, не оставлявшее ее.

— А после? — спросил он. — Куда вас отвезли?

— Тут воспоминание у меня смутное… Как будто я проспала несколько дней… Я вспоминаю себя лишь в вандейском селении, где я провела вторую половину моего детства. Это было в Монтегю, у папаши и матушки Изеро, славных людей, которые кормили меня, воспитывали. Их преданность и ласку я никогда не забуду.

— И они тоже умерли?

— Да, — отвечала она, — эпидемия тифа в том районе… Но я узнала об этом лишь позже… С самого начала их болезни меня увезли, как и в первый раз, при тех же обстоятельствах, ночью кто-то завернул меня в одеяло… Только я была уже побольше, я отбивалась, хотела закричать… и ему пришлось закрыть мне рот шарфом.

— Сколько лет вам было?

— Четырнадцать… Прошло уже четыре года.

— Значит, тогда вы смогли разглядеть этого человека?

— Нет, он скрывал свое лицо и не сказал мне ни слова… Однако я всегда думала, что это тот же самый человек… поскольку сохранила воспоминания о такой же заботе, тех же внимательных, осторожных жестах.

— А потом?

— Потом, как и прежде, забвение, сон… Толь-

ко на этот раз я заболела, похоже, у меня была лихорадка… Проснулась я в приятной светлой комнате. Надо мной склонилась дама с седыми волосами и улыбнулась мне. Это была бабушка… А комната — та, которую я сейчас занимаю наверху.

Лицо ее снова обрело счастливое, прелестное, светлое выражение, и она с улыбкой закончила:

— Вот так госпожа Эрнемон нашла меня однажды вечером у себя на пороге спящей, вот так подобрала меня и стала моей бабушкой, вот так после некоторых испытаний маленькая аспремонская девочка наслаждается теперь радостями спокойного существования и учит вычислению и грамоте маленьких девочек, непослушных или ленивых… но они очень любят ее.

Женевьева говорила весело, тоном серьезным и вместе с тем жизнерадостным, в ней чувствовалась уравновешенность рассудительной натуры.

Сернин слушал ее со всевозрастающим удивлением, даже не пытаясь скрыть своего волнения.

— С тех пор вы никогда не слышали о том человеке? — спросил он.

— Никогда.

— А вы были бы рады снова его увидеть?

— Да, очень рада.

— Так вот, мадемуазель…

Женевьева вздрогнула.

— Вы что-то знаете… может быть, правду…

— Нет… нет… Только…

Сернин встал и прошелся по комнате. Время от времени его взгляд останавливался на Женевьеве, и казалось, что князь готов более определенно ответить на заданный ему вопрос. Заговорит ли он?

Госпожа Эрнемон с тревогой ждала раскрытия того секрета, что мог смутить покой девушки.

Сернин снова сел рядом с Женевьевой, похоже, он все еще колебался и наконец сказал:

— Нет… нет… У меня мелькнула одна мысль… воспоминания…

— Воспоминания?.. Какие?

— Я ошибся. Были в вашем рассказе некоторые подробности, которые ввели меня в заблуждение.

— Вы в этом уверены?

Он снова заколебался, потом подтвердил:

— Абсолютно уверен.

— Ах! — разочарованно молвила она. — Мне показалось… что вы знаете…

Она замолчала, дожидаясь ответа на тот не до конца ясный вопрос, который ему задала.

Сернин тоже молчал. Тогда, не настаивая дальше, Женевьева наклонилась к госпоже Эрнемон.

— Доброго вечера, бабушка, мои малышки, должно быть, уже в постели, но никто из них не сможет заснуть, пока я их не поцелую.

Она протянула руку князю.

— Еще раз спасибо…

— Вы уходите? — живо отозвался он.

— Извините меня, бабушка вас проводит…

Уже открывая дверь, она обернулась, улыбнувшись.

Потом исчезла.

Князь, замерев, слушал шум ее удаляющихся шагов. Он побледнел от волнения.

— Итак, — сказала старая дама, — ты ничего не сказал.

— Нет…

— Этот секрет…

— Позже… Сегодня… как странно… я не смог.

— Неужели это так трудно? Разве она не почувствовала, что ты и был тем незнакомцем, который дважды увозил ее?.. Довольно было одного слова…

— Позже… позже… — сказал он, вновь обретая свою уверенность. — Пойми же… Эта девочка едва меня знает… Сначала надо, чтобы я завое-

вал право на ее привязанность, ее нежность… Когда я обеспечу ей существование, которого она заслуживает, чудесное существование, какое встречается в волшебных сказках, вот тогда я заговорю.

Старая дама покачала головой.

— Боюсь, что ты ошибаешься… Женевьева не нуждается в чудесном существовании… У нее нехитрые пристрастия.

— У нее пристрастия, свойственные всем женщинам, и богатство, роскошь, могущество доставляют радости, от которых ни одна из них не откажется.

— Но не Женевьева. И лучше бы ты…

— Посмотрим. А пока предоставь действовать мне. И успокойся. У меня нет ни малейшего намерения втягивать Женевьеву в какие-то, как ты выражаешься, махинации. Она едва будет меня видеть. Только надо же было установить связь… Дело сделано… Прощай.

Сернин вышел из школы и направился к своему автомобилю.

Он был так счастлив.

«Она очаровательна… и такая ласковая, такая серьезная! Глаза ее матери, те самые глаза, которые волновали меня до слез… Боже мой, как все

это далеко! И какое прелестное воспоминание… немного грустное, но такое прелестное!»

И вслух произнес:

— Да, конечно, я займусь ее счастьем. Причем немедленно! Сегодня же вечером! Сегодня же вечером она, безусловно, получит жениха! А разве это не обязательное условие для счастья девушек?

IV

Свой автомобиль он нашел на большой дороге.

— Домой, — сказал он Октаву.

Дома он попросил соединить его по телефону с Нёйи, продиктовал свои инструкции тому из своих друзей, кого называл доктором, затем оделся.

Поужинал он в клубе на улице Камбон, провел час в Опере и снова сел в автомобиль.

— В Нёйи, Октав. Мы поедем за доктором. Который час?

— Половина одиннадцатого.

— Черт! Поторопись!

Через десять минут автомобиль остановился в конце бульвара Инкерманн перед уединенной виллой. По сигналу гудка вышел доктор. Князь спросил его:

— Тип готов?

— Запакован, связан, запечатан.

— В хорошем состоянии?

— В отличном. Если все пройдет, как вы мне говорили по телефону, полиция ничего не заподозрит.

— Такова ее обязанность. Погрузим его.

Они перенесли в автомобиль что-то вроде длинного мешка, имевшего форму человека и казавшегося довольно тяжелым…

— В Версаль, Октав, на улицу Вилен, к отелю «Дёз-Ампрёр».

— Но этот отель пользуется дурной славой, — заметил доктор, — я его знаю.

— Кому ты это говоришь? И работа предстоит не из легких, по крайней мере, для меня… Но, черт возьми, я не променяю свою судьбу ни на какую другую! Кто это уверял, что жизнь однообразна?

Отель «Дёз-Ампрёр»… грязная аллея… две ступеньки вниз, и вот они входят в коридор, освещенный единственной лампой.

Сернин кулаком стучит в маленькую дверь. Появляется служащий. Это Филипп, тот самый, которому утром князь давал указания относительно Жерара Бопре.

— Он по-прежнему здесь? — спросил князь.

— Да.

— Веревка?

— Петля готова.

— Он не получил телеграммы, на которую надеялся?

— Вот она, я ее перехватил.

Сернин взял голубой листок и прочитал.

— Черт возьми, — с удовлетворением сказал он, — мы вовремя. Ему обещали на завтра тысячу франков. Значит, судьба мне благоприятствует. Без четверти двенадцать. Через четверть часа бедняга кинется в вечность. Проводи меня, Филипп. Доктор, оставайся здесь.

Служащий взял свечу. Поднявшись на четвертый этаж, они на цыпочках проследовали по низкому вонючему коридору с мансардами, который вел на деревянную лестницу, где плесневели остатки ковра.

— Никто не сможет меня услышать? — спросил Сернин.

— Никто. Две комнаты изолированы. Но не ошибитесь, он в той, что слева.

— Хорошо. Теперь спускайся обратно. В полночь доктор, Октав и ты принесете того типа сюда, где мы находимся, и будете ждать.

Деревянная лестница состояла из десяти ступенек, которые князь преодолел с величайшими

предосторожностями… Наверху — площадка и две двери… Сернину понадобились долгие пять минут, чтобы открыть ту, что справа, не нарушив скрипом тишину.

Во мраке комнаты мерцал свет. На ощупь, чтобы не наткнуться на стулья, он направился к этому свету, который исходил из соседней комнаты, проникая через застекленную дверь, покрытую куском обоев.

Князь отодвинул этот кусок. Стекла были матовые, но местами попорченные и поцарапанные, так что, приложив глаз, можно было спокойно видеть все, что происходит в другой комнате.

Там находился мужчина, сидевший у стола лицом к Сернину. Это был Жерар Бопре.

Он писал при свете свечи.

Над ним висела веревка, привязанная к крюку на потолке. На нижнем ее конце закруглялась петля.

Донесся слабый бой городских часов.

«Без пяти двенадцать, — подумал Сернин. — Еще пять минут».

Молодой человек по-прежнему писал. Через минуту он отложил перо, собрал десять или двенадцать исписанных им листков бумаги и стал их перечитывать.

Это чтение ему, по-видимому, не понравилось, поскольку на лице его появилось недовольное выражение. Разорвав свою рукопись, он принялся сжигать листок за листком в пламени свечи.

Потом дрожащей рукой он начертал несколько слов на чистом листе, резко поставил подпись и встал.

Однако, увидев в десяти дюймах над своей головой веревку, задрожал от ужаса и снова сел.

Сернин отчетливо видел его бледное лицо, худые щеки, к которым молодой человек прижимал стиснутые кулаки. Скатилась слеза, одна-единственная, медленно и безутешно. Глаза уставились в пустоту, глаза, страшные в своем унынии, казалось, уже созерцали ужасное небытие.

А лицо было такое юное! Щеки, еще такие нежные, не изборожденные шрамами, ни одной морщинки! И голубые глаза, светившиеся голубизной восточного неба.

Полночь… двенадцать трагических ударов полночи, с которыми столько отчаявшихся связывали последнее мгновение своего существования!

На двенадцатом ударе молодой человек снова встал и на этот раз отважно, без дрожи, взглянул

на зловещую веревку. Он даже попытался улыбнуться — несчастная улыбка, жалкая гримаса осужденного, которого уже настигла смерть.

Он быстро поднялся на стул и взялся рукой за веревку.

Мгновение он стоял неподвижно, но не потому что колебался или ему не хватало смелости, это был последний смертный миг, минута милости, которую даруют себе перед роковым жестом.

Он обвел взглядом гнусную комнату, куда привела его злосчастная судьба. Уродливые обои на стенах, жалкая кровать.

На столе ни одной книги: все было продано. Ни одной фотографии, ни одного почтового конверта! У него не было больше ни отца, ни матери, не было больше семьи… Что его связывало с существованием? Ничто и никто.

Резким движением он сунул голову в петлю и стал тянуть веревку, пока петля не сжала крепко его шею.

И, опрокинув двумя ногами стул, он ринулся в пустоту.

V

Прошли десять секунд, двадцать, чудовищные, нескончаемые двадцать секунд… По телу про-

бежали две-три судороги. Ноги инстинктивно пытались найти точку опоры. И все замерло…

Еще несколько секунд… Маленькая застекленная дверь отворилась.

Вошел Сернин.

Без малейшей спешки он взял листок бумаги, на котором молодой человек поставил свою подпись, и прочитал:

Устав от жизни, больной, без денег, я убиваю себя. В моей смерти прошу никого не винить.

30 апреля. Жерар Бопре.

Оставив записку на столе на самом виду, Сернин подошел к стулу и подставил его под ноги молодого человека. Сам он взобрался на стол и, тесно прижимая тело к себе, приподнял его, расширил петлю и снял ее с шеи.

Тело обмякло в его руках. Сернин дал ему соскользнуть вдоль стола и, спрыгнув на пол, положил самоубийцу на кровать.

Потом, все так же хладнокровно, приоткрыл входную дверь.

— Вы здесь, все трое? — прошептал он.

Снизу, с деревянной лестницы, кто-то ответил:

— Мы здесь. Поднимать наш груз?

— Давайте.

Он взял свечу и посветил им.

Трое мужчин с трудом поднялись по лестнице с мешком, в котором находился человек.

— Кладите его сюда, — сказал Сернин, указав на стол.

Перочинным ножом он разрезал веревки, стягивавшие мешок. Показалась белая простыня, которую он раздвинул.

В простыню был завернут труп, труп Пьера Ледюка.

— Бедняга Пьер Ледюк, — сказал Сернин, — ты никогда не узнаешь, что потерял, умерев таким молодым! Я повел бы тебя далеко, голубчик. Ладно, обойдемся без твоих услуг... Давай, Филипп, влезай на стол, а ты, Октав, — на стул. Приподнимите ему голову и наденьте петлю.

Через две минуты тело Пьера Ледюка раскачивалось на веревке.

— Прекрасно, подмена трупов — это не так уж трудно. Теперь все вы можете уходить. Ты, доктор, зайдешь сюда завтра утром, узнаешь о самоубийстве господина Жерара Бопре, слышишь, Жерара Бопре — вот его прощальное письмо, — велишь вызвать судебно-медицинского эксперта и комиссара и устроишь все так, чтобы ни тот,

ни другой не заметили, что у покойного шрам на щеке и один палец обрублен…

— Легко.

— И ты сделаешь так, чтобы протокол был составлен на месте и под твою диктовку.

— Легко.

— Наконец, не дай отправить его в морг, и пусть сразу же выдадут разрешение на погребение.

— Это не так легко.

— Попытайся. Этого ты осмотрел?

Он показал на молодого человека, неподвижно лежавшего на кровати.

— Да, — сказал доктор. — Дыхание восстанавливается. Но риск был велик… Сонная артерия могла…

— Кто не рискует… Когда он придет в сознание?

— Через несколько минут.

— Хорошо. А-а, не уходи пока, доктор. Оставайся внизу. Твоя роль сегодня еще не кончена.

Оставшись один, князь закурил сигарету, преспокойно пуская к потолку колечки голубого дыма.

Слабый вздох вывел его из задумчивости. Он подошел к кровати. Молодой человек зашевелился, грудь его резко поднималась и опускалась, как

у спящего под влиянием кошмара.

Он поднес руки к горлу, словно испытывал боль, и этот жест вдруг оживил его, испуганного, трепещущего…

Тут он увидел перед собой Сернина.

— Вы! — прошептал он, не понимая. — Вы!..

Он тупо смотрел на него, словно увидел призрака.

Потом снова коснулся горла, потрогал шею, затылок… И вдруг хрипло вскрикнул, безумный ужас расширил его глаза, поднял волосы на голове, встряхнул его целиком, словно древесный лист! Князь отошел в сторону, и молодой человек увидел на веревке повешенного!

Он отпрянул к стене. Этот мужчина, этот повешенный, да это же он! Это он сам. Он умер и видит себя мертвым! Ужасный сон, который следует после кончины?.. Галлюцинация тех, кого уже нет и чей потрясенный мозг еще трепещет остатками жизни?..

Он стал размахивать руками. На мгновение показалось, будто он защищается от гнусного видения. Потом, в изнеможении, сломленный во второй раз, он потерял сознание.

— Чудесно, — усмехнулся князь. — Чувствительная натура… впечатлительная… Сейчас мозг

в растерянности. Ладно, момент благоприятный… Если я не улажу дело за двадцать минут, он от меня ускользнет…

Толкнув дверь, разделявшую две мансарды, князь вернулся к кровати, поднял молодого человека и перенес его на кровать в соседнюю комнату.

Потом он смочил ему виски холодной водой и поднес нюхательную соль.

На сей раз обморок продлился недолго.

Жерар боязливо приоткрыл веки и поднял взгляд к потолку. Видение исчезло.

Но расположение мебели, стола и камина, некоторые другие детали, все его удивляло — и потом, воспоминание о его поступке… боль, которую он ощущал в горле…

— Я видел сон, не так ли? — спросил он князя.

— Нет.

— Как нет?

И вдруг Жерар окончательно вспомнил:

— Ах! Это правда, я припоминаю… Я хотел умереть… и даже…

Он в тревоге наклонился:

— Но остальное? Видение?

— Какое видение?

— Мужчина… веревка… это тоже сон?..

— Нет, — ответил Сернин, — это тоже реальность…

— Что вы говорите? Что вы такое говорите? О, нет… нет… прошу вас… разбудите меня, если я сплю… или лучше пусть я умру!.. Но я ведь мертв, не так ли? И это кошмар трупа… Ах, я чувствую, разум покидает меня… Прошу вас…

Сернин, наклонившись к нему, ласково пригладил рукой волосы молодого человека.

— Выслушай меня… выслушай хорошенько и пойми. Ты жив. Твое тело и твой мозг нормальны и живы. Но Жерар Бопре умер. Ты меня понимаешь, не так ли? Социального существа по имени Жерар Бопре больше нет. Ты его уничтожил. Завтра в записях гражданского состояния напротив того имени, которое ты носил, внесут пометку «умер» и дату твоей смерти.

— Ложь! — пробормотал молодой человек в ужасе. — Ложь! Ведь вот он я, я — Жерар Бопре!..

— Ты не Жерар Бопре, — заявил Сернин.

Он указал на открытую дверь:

— Жерар Бопре там, в соседней комнате. Хочешь на него посмотреть? Он висит на гвозде, там, куда ты его повесил. На столе лежит письмо, которым ты подписал свою смерть. Все это вполне законно, и все это окончательно. Не стоит

больше возвращаться к этому обстоятельству, жестокому и непоправимому: Жерара Бопре больше не существует!

Молодой человек потерянно слушал. Более спокойный теперь, когда факты приобретали менее трагический смысл, он начинал понимать.

— И что?

— А то, что давай поговорим…

— Да… да… поговорим…

— Сигарету? — спросил князь. — Ты согласен? А-а, я вижу, что ты возвращаешься к жизни. Тем лучше, мы договоримся, и быстро.

Он зажег сигарету молодого человека, потом свою и сразу же сухим тоном в нескольких словах объяснился:

— Покойный Жерар Бопре, ты устал от жизни, был болен, остался без денег, без надежды… Хочешь быть в добром здравии, богатым и сильным?

— Я не понимаю.

— Все очень просто. Случай поставил тебя на моем пути. Ты молодой, красивый парень, ты умен и — твой отчаянный поступок доказывает это! — отменно честен. Такие качества редко встречаются вместе. Я их уважаю… и зачисляю на свой счет.

— Они не продаются.

— Глупец! Кто говорит тебе о купле и продаже? Храни свою совесть. Это слишком драгоценное сокровище, чтобы я отбирал его у тебя.

— Тогда чего вы от меня требуете?

— Твою жизнь!

И, показав на горло молодого человека, продолжал:

— Твою жизнь! Твою жизнь, которой ты не сумел воспользоваться! Твою жизнь, которую ты загубил, потерял, уничтожил и которую я собираюсь создать заново, следуя идеалу красоты, величия и благородства, который вызвал бы у тебя головокружение, мой мальчик, если бы ты мог заглянуть в бездну, куда погружена моя тайная мысль…

И, обхватив руками голову Жерара, он продолжал с насмешливым пафосом:

— Ты свободен! Никаких пут! Тебе не надо больше сносить бремя твоего имени! Ты стер тот регистрационный номер, который общество запечатлело на тебе, подобно клейму раскаленным железом на плече. Ты свободен! В этом мире рабов, где каждый носит на себе этикетку, ты можешь либо передвигаться по всему миру, оставаясь неузнанным и невидимым, словно ты

обладаешь кольцом Гигеса[1]... либо выбрать себе ту этикетку, какая тебе нравится! Понимаешь? Понимаешь, какое великолепное сокровище ты представляешь собой для художника, творца, для тебя самого, если хочешь? Незапятнанная, совсем новая жизнь! Твоя жизнь — это воск, которому ты можешь придавать форму по своему усмотрению, согласно фантазиям твоего воображения или советам твоего разума.

Молодой человек устало махнул рукой.

— Э-э! И что мне, по-вашему, делать с этим сокровищем? Что я до сих пор с ним сделал? Ничего.

— Отдай его мне.

— Что вы с ним сможете сделать?

— Все. Пусть ты не творец, но я таковым являюсь! К тому же творцом вдохновенным, неистощимым, неукротимым, безудержным. Если в тебе нет священного огня, у меня он есть! Там, где ты потерпел неудачу, я преуспею! Отдай мне твою жизнь.

— Слова. Обещания!.. — воскликнул молодой человек, лицо которого между тем оживилось. — Пустые мечтания! Я прекрасно знаю, чего сто́ю!..

---

[1] Примечания: 1

Согласно легенде, лидийский король Гигес (687–652 до н. э.) обладал кольцом, которое делало его невидимым.

Я знаю свою трусость, уныние, свои бесплодные усилия, все свое убожество. Чтобы заново начать свою жизнь, мне понадобилась бы воля, которой у меня нет…

— Зато есть моя…

— Друзья…

— У тебя они будут!

— Средства…

— Я дам их тебе, да еще какие! Тебе нужно будет лишь черпать их, как из волшебного сундука.

— Но кто же вы в таком случае? — в растерянности воскликнул молодой человек.

— Для других — князь Сернин… Для тебя… не имеет значения! Я больше, чем князь, больше, чем король, больше, чем император.

— Кто вы?.. Кто вы? — шептал Бопре.

— Властелин… тот, кто хочет и кто может… Тот, кто действует… Нет пределов моей воле, как и моим возможностям. Я богаче самого большого богача, поскольку его состояние принадлежит мне… Я могущественнее, чем самые сильные, поскольку их сила к моим услугам.

Он снова обхватил голову Бопре руками и, пронзая его взглядом, продолжал:

— Будь тоже богатым… будь сильным… Я предлагаю тебе счастье… сладость жизни… покой для

твоего ума поэта… а также славу. Согласен?

— Да… да… — прошептал Жерар, ослепленный и покоренный. — Что надо делать?

— Ничего.

— И все-таки…

— Ничего, говорю тебе. Мои проекты связаны с тобой, но ты не в счет. Тебе не придется играть активной роли. Пока ты всего лишь статист… и того даже нет! Пешка, которую двигаю я.

— Что я буду делать?

— Ничего… Писать стихи! Ты будешь жить по своему усмотрению. У тебя будут деньги. Ты будешь наслаждаться жизнью. Я даже не стану следить за тобой. Повторяю тебе, ты не играешь никакой роли в моем начинании.

— А кем я буду?

Вытянув руку, Сернин показал на соседнюю комнату:

— Ты займешь место вот этого. *Ты — это он*.

Жерар вздрогнул от возмущения и отвращения.

— О нет! Он мертв… И потом… это преступление… Нет, я хочу новой жизни, созданной для меня, придуманной для меня… Хочу неизвестного имени…

— Он, говорю я тебе! — воскликнул Сернин,

неотразимый в своей энергии и уверенности в себе. — Ты будешь им и никем другим! Потому что судьба его прекрасна, потому что его имя знаменито, и он оставляет тебе в наследство многовековое благородство и гордую славу.

— Это преступление, — простонал Бопре, совсем обессилев.

— Ты будешь им, — изрек Сернин с неистовой силой, — им! Или снова станешь Бопре, а жизнь и смерть Бопре в моих руках. Выбирай.

Он достал свой револьвер, зарядил его и направил на молодого человека.

— Выбирай! — повторил он.

Выражение его лица было неумолимо. Жерар испугался и, рыдая, рухнул на кровать.

— Я хочу жить!

— Ты твердо этого хочешь, бесповоротно?

— Да, тысячу раз да! После той ужасной вещи, которую я попытался сделать, смерть ужасает меня… Что угодно, но только не смерть!.. Все, что угодно!.. Страдание… голод… болезнь… все муки… все оскорбления… даже преступление, если нужно… только не смерть.

Он, как в лихорадке, дрожал от страха, словно враждебная сила все еще бродила вокруг него, а он чувствовал себя бессильным избежать хватки

ее когтей.

Князь удвоил усилия и, стоя над ним, как над добычей, пылко произнес:

— Я не требую от тебя ничего невозможного, ничего плохого… Если что и случится, я за все в ответе… Нет никакого преступления… Самое большее — немного страдания… немного твоей крови, которая прольется. Но что это значит по сравнению с ужасом умереть?

— Страдание мне безразлично.

— Тогда немедленно! — воскликнул Сернин. — Немедленно! Десять секунд страдания, и все… Десять секунд, и жизнь другого будет принадлежать тебе…

Обхватив молодого человека и прижав его к стулу, он плашмя положил на стол его левую руку, растопырив пять пальцев. Торопливо вытащив из кармана нож, он приложил лезвие к мизинцу между первым и вторым суставами и приказал:

— Бей! Бей сам! Удар кулаком и все!

Схватив его правую руку, он пытался, как молотком, ударить ею другую.

Жерар скорчился, содрогаясь от ужаса. Он понял, чего от него требуют.

— Никогда! — пролепетал он. — Никогда!

— Бей! Один удар, и готово, один удар, и ты

станешь похож на того человека, никто тебя не узнает.

— Его имя…

— Сначала бей…

— Ни за что! О, какая пытка… Прошу вас… позже…

— Сейчас… Я так хочу… Так надо…

— Нет… нет… я не хочу.

— Да бей же, дурачок, это богатство, слава, любовь.

Жерар в порыве поднял кулак…

— Любовь, — прошептал он, — да… ради этого — да…

— Ты полюбишь и будешь любим, — изрек Сернин. — Твоя невеста ждет тебя. Это я ее выбрал. Она невиннее самых невинных, красивее самых красивых. Но ее надо завоевать. Бей!

Рука напряглась для рокового удара, однако инстинкт оказался сильнее. Нечеловеческая энергия судорогой пробежала по телу молодого человека. Внезапно он разомкнул хватку Сернина и бросился прочь.

Как безумный, он устремился в другую комнату. Но при виде отвратительной картины у него вырвался вопль ужаса, и он вернулся, рухнув у стола на колени перед Серниным.

— Бей! — сказал тот, снова расправляя пять пальцев и располагая лезвие ножа.

Это произошло машинально. С блуждающим взором и мертвенно-бледным лицом молодой человек поднял свой кулак и ударил. Это был жест автомата.

— Ах! — с болезненным стоном вымолвил он.

Отскочил маленький кусочек плоти. Полилась кровь. Он в третий раз потерял сознание.

Несколько секунд Сернин смотрел на него, потом тихонько произнес:

— Бедный мальчик!.. Я воздам тебе за это и стократно. Я всегда плачу по-королевски.

Он спустился вниз к доктору:

— Все готово. Теперь твоя очередь… Поднимись и сделай ему надрез на правой щеке, как у Пьера Ледюка. Надо, чтобы шрамы были одинаковыми. Через час я приду за ним.

— Куда вы идете?

— Перевести дух. Меня тошнит.

На улице он глубоко вздохнул, потом закурил сигарету.

— Хороший день, — прошептал он. — Немного перегруженный, слегка утомительный, но успешный, действительно успешный. Теперь я друг Долорес Кессельбах. Я друг Женевьевы.

Я изготовил себе нового Пьера Ледюка, весьма приличного и безгранично мне преданного. И, наконец, я нашел для Женевьевы жениха, какого так просто не сыщешь. Теперь моя задача выполнена. Мне остается лишь пожинать плоды моих усилий. Ваша очередь поработать, господин Ленорман. Что касается меня, то я готов.

И еще он добавил, подумав о несчастном искалеченном, которого ослепил своими обещаниями:

— Вот только… есть одно «но»… Я понятия не имею, кем был этот Пьер Ледюк, место которого я так щедро пожаловал славному молодому человеку. И это досадно… Ибо, в конце-то концов, нет никаких доказательств тому, что Пьер Ледюк не был сыном какого-нибудь колбасника.

Господин Ленорман за работой

I

Утром 31 мая все газеты напоминали о том, что в письме Люпена, направленном господину Ленорману, на эту дату назначено бегство секретаря Жерома.

И одна из газет вполне резонно подводила итоги сложившейся на тот момент ситуации:

«Страшная резня в «Палас-отеле» произошла 17 апреля. Что с тех пор выяснилось? Ничего.

Имелись три улики: портсигар, буквы Л и М, сверток с одеждой, оставленный в администрации отеля. Какую пользу из этого извлекли? Никакой.

Подозревают, кажется, одного из приезжих, проживавших на втором этаже, его исчезновение вызывает вопросы. Удалось ли его найти? Установлена ли его личность? Нет.

Таким образом, драма остается столь же таинственной, как в первые часы, и мрак столь же непроницаем.

В дополнение к этой картине нас уверяют о будто бы имевшем место разногласии между

префектом полиции и его подчиненным, господином Ленорманом, и будто бы этот последний, если бы не решительная поддержка председателя Совета, несколько дней назад, возможно, подал бы в отставку. Тогда дело Кессельбаха передали бы помощнику начальника Уголовной полиции господину Веберу, личному врагу господина Ленормана.

Словом, тут беспорядок, анархия.

На другой стороне — Люпен, то есть методичность, энергия, последовательность.

Наш вывод? Он будет краток. Люпен, как и обещал, похитит своего сообщника сегодня, 31 мая.»

К этому выводу, который также можно было найти во всех других изданиях, присоединялась общественность. Надо думать, что угрозу всерьез воспринимали и в высших сферах, поскольку префект полиции и, в отсутствие сказавшегося больным господина Ленормана, господин Вебер приняли самые строгие меры как во Дворце правосудия, так и в тюрьме Санте, где находился заключенный.

Ежедневные допросы господина Формери в тот день отменять постыдились, но все близлежащие улицы от тюрьмы до бульвара дю Пале охраняли приведенные в боевую готовность полицейские

силы.

К величайшему всеобщему удивлению, 31 мая миновало, а обещанный побег не состоялся.

Что-то все-таки имело место, некое начало его осуществления, выразившееся в определенном скоплении трамваев, омнибусов и грузовиков при проезде тюремной машины и необъяснимом повреждении одного из колес этой машины. Однако дальше дело не пошло, попытка тем и кончилась.

Таким образом, это был провал. Общественность была чуть ли не разочарована, полиция шумно торжествовала.

Однако на следующий день в суде распространился невероятный слух, вызвавший интерес в газетных редакциях: секретарь Жером исчез.

Возможно ли это?

И хотя специальные выпуски подтверждали новость, признать ее все-таки отказывались. Лишь в шесть часов заметка, опубликованная в «Депеш дю суар», сделала ее официальной:

> *Мы получили следующее сообщение за подписью Арсена Люпена. Наклеенная на нем специальная марка, такая же, как на письме, которое Люпен направлял недав-*

но в прессу, подтверждает подлинность документа.

«Господин главный редактор,

окажите любезность принести мои извинения общественности за то, что вчера я не сдержал своего слова. В последний момент я заметил, что 31 мая приходится на пятницу! Мог ли я в пятницу вернуть свободу моему другу? Я не счел возможным взять на себя такую ответственность.

Прошу также извинения за то, что не даю здесь с обычной своей откровенностью объяснений относительно того, каким образом это маленькое событие осуществилось. Мой способ настолько изобретателен и до того прост, что если раскрыть его, то я опасаюсь, как бы все злоумышленники не взяли его за образец. Как удивятся в тот день, когда мне будет позволено рассказать о нем! И только-то? – скажут тогда. Да, только и всего, но надо было до этого додуматься.

Примите, господин главный редактор, мои…

Арсен Люпен»

Спустя час у господина Ленормана раздался телефонный звонок: Валангле, председатель Совета, вызывал его в министерство внутренних дел.

— Как хорошо вы выглядите, мой дорогой Ленорман! А я-то думал, что вы больны, и не решался вас беспокоить!

— Я не болен, господин председатель.

— То есть ваше отсутствие — это проявление недовольства!.. Все тот же скверный характер.

— С тем, что у меня скверный характер, я не спорю… но что я проявляю недовольство, нет.

— Однако вы сидите дома! И Люпен этим пользуется, чтобы выпустить своих друзей на свободу…

— Разве я мог этому помешать?

— Но ведь хитрость Люпена примитивна. Он, по своему обыкновению, объявил дату побега, все этому поверили, видимость попытки была обозначена, побег не состоялся, а на следующий день, когда никто об этом больше не думает, на-те-ка, птичка улетает.

— Господин председатель, — серьезно сказал начальник Уголовной полиции, — Люпен располагает такими средствами, что мы не в состоянии помешать тому, что он задумал. Побег был математически неизбежен. Я предпочел не обращать на это внимания… и выставить на посмешище других.

Валангле усмехнулся:

— Ясно, в данный момент господин префект полиции и господин Вебер не должны испытывать радости… Но, в конце-то концов, можете вы объяснить мне, Ленорман…

— Известно лишь то, господин председатель, что побег произошел во Дворце правосудия. Подсудимого привезли в тюремной машине и доставили в кабинет господина Формери… но из Дворца правосудия он не вышел. И неизвестно, что с ним стало.

— Это чудовищно.

— Чудовищно.

— И ничего не обнаружили?

— Ну как же. Внутренний коридор, который идет вдоль следственных кабинетов, был забит совершенно необычной толпой подсудимых, охранников, адвокатов, судебных распорядителей, и обнаружилось, что все эти люди получили

ложные вызовы на один и тот же час. В то же время ни один из следователей, которые их будто бы вызывали, не явился в тот день в свой кабинет, а все по причине ложных предписаний прокуратуры, направившей их в разные концы Парижа… и в предместья.

— Это все?

— Нет. Видели двух солдат муниципальной гвардии и одного подсудимого, пересекавших двор. На улице их ждал фиакр, и все трое сели в него.

— И ваша версия, Ленорман? Ваше мнение?

— Моя версия, господин председатель, состоит в том, что оба солдата муниципальной гвардии были сообщниками, которые, воспользовавшись беспорядком в коридоре, заняли место настоящих солдат. А мое мнение заключается в том, что этот побег мог удастся лишь благодаря совершенно особым обстоятельствам и множеству столь странных фактов, что нам следует принять, как безусловные, самые недопустимые пособничества. В том числе и в самом Дворце правосудия, где у Люпена есть связи, расстраивающие все наши расчеты. Они есть и в префектуре полиции, и вокруг меня. Это потрясающая организация, некая сыскная служба — в тысячу раз более лов-

кая, более смелая, более разнообразная и более гибкая, чем та, которой руковожу я.

— И вы это терпите, Ленорман!

— Нет.

— Тогда почему вы бездействуете с самого начала этого дела? Что вы предприняли против Люпена?

— Я готовился к борьбе.

— А-а, превосходно! И пока вы готовились, он действовал.

— Я тоже.

— И вам что-нибудь известно?

— Многое.

— Что? Говорите же.

Опираясь на свою трость, господин Ленорман задумчиво совершил небольшую прогулку по просторной комнате. Потом сел напротив Валангле, кончиками пальцев разгладил обшлага своего оливкового редингота, поправил на носу очки с серебряными дужками и четко произнес:

— Господин председатель, у меня на руках три козыря. Прежде всего я знаю имя, под которым скрывается сейчас Арсен Люпен, имя, под которым он проживает на бульваре Осман, ежедневно принимая своих сотрудников, восстанавливая и направляя свою банду.

— Но тогда какого черта вы его не арестуете?

— Я получил эти сведения задним числом. С тех пор князь… назовем его князь Три Звезды, исчез. Он за границей по другим делам.

— А если он больше не появится?

— Положение, которое он занимает, и то, как он погрузился в дело Кессельбаха, — все это требует его возвращения и под тем же именем.

— Тем не менее…

— Господин председатель, я подхожу ко второму своему козырю. Я, в конце концов, обнаружил Пьера Ледюка.

— Да что вы!

— Или, вернее, обнаружил его Люпен, и это Люпен, прежде чем исчезнуть, поселил его на маленькой вилле в окрестностях Парижа.

— Черт возьми! Но как вы узнали?

— О, легко! Рядом с Пьером Ледюком Люпен поместил в качестве надсмотрщиков и защитников двух своих сообщников. Так вот, эти сообщники — мои агенты, два брата, с которыми я общаюсь в строжайшей тайне и которые выдадут мне его при первой необходимости.

— Браво! Браво! Таким образом…

— Таким образом, поскольку Пьер Ледюк является, можно сказать, центральной фигурой,

вокруг которой сходятся все усилия тех, кто ищет разгадки знаменитого секрета господина Кессельбаха… с помощью Пьера Ледюка я рано или поздно узнаю: первое — автора тройного убийства, так как этот негодяй занял место господина Кессельбаха в осуществлении некоего грандиозного проекта, до сих пор неизвестного, и так как господину Кессельбаху необходимо было отыскать Пьера Ледюка для исполнения этого проекта; второе — я заполучу Арсена Люпена, поскольку Арсен Люпен преследует ту же цель.

— Великолепно. Пьер Ледюк — приманка, которую вы протягиваете врагу.

— И рыба клюет, господин председатель. Я только что получил сообщение о том, что сегодня видели какого-то подозрительного типа, бродившего вокруг маленькой виллы, которую Пьер Ледюк занимает под покровительством двух моих тайных агентов. Через четыре часа я буду на месте.

— А третий козырь, Ленорман?

— Господин председатель, вчера на имя господина Рудольфа Кессельбаха пришло письмо, которое я перехватил…

— Перехватил… неплохо!

— … и которое я распечатал и оставил себе. Вот

оно. Послано два месяца назад. На нем почтовая марка Мыса, а содержание таково:

«Мой дорогой Рудольф, 1-го июня я буду в Париже и по-прежнему в таком же бедственном положении, как тогда, когда вы мне помогли. Но я очень верю в дело Пьера Ледюка, на которое я вам указал. Какая странная история! Удалось ли вам найти его? Что происходит? Мне не терпится узнать.

Ваш верный Стейнвег».

— Первое июня, — продолжал господин Ленорман, — это сегодня. Я поручил одному из моих инспекторов отыскать этого самого Стейнвега. В успехе я не сомневаюсь.

— Я тоже, тоже в этом не сомневаюсь, — воскликнул Валангле, вставая, — и я приношу вам свои извинения, дорогой Ленорман, и смиренную исповедь: я готов был от вас отказаться… полностью! Завтра я ожидал префекта полиции и господина Вебера.

— Я знал это, господин председатель.

— Быть не может!

— Иначе стал бы я спешить? Теперь вы знаете мой план битвы. С одной стороны, я расставил

ловушки, в которые убийца, в конце концов, угодит: Пьер Ледюк или Стейнвег выдадут мне его. С другой стороны, я слежу за Люпеном. Двое из его агентов у меня в подчинении, а он считает их самыми преданными своими сотрудниками. Кроме того, Люпен работает на меня, поскольку, как и я, преследует автора тройного убийства. Только он мечтает одурачить меня, а это я его одурачиваю. Поэтому я преуспею, но при одном условии.

— Каком?

— Если получу свободу действий и смогу принимать решения в зависимости от необходимости того или иного момента, не заботясь о нетерпеливой общественности и о моих начальниках, которые строят против меня козни.

— Договорились.

— В таком случае, господин председатель, через несколько дней я стану победителем… или буду мертв.

II

Сен-Клу. Маленькая вилла, расположенная на одной из самых высоких точек плоскогорья, на обочине малопосещаемой дороги. Одиннадцать часов вечера. Оставив свой автомобиль в Сен-Клу и осторожно следуя по дороге, господин Ленор-

ман приближается к вилле.

Появляется некая тень.

— Это ты, Гурель?

— Да, шеф.

— Ты предупредил о моем прибытии братьев Дудвиль?

— Да, ваша комната готова, вы можете лечь спать… Если только этой ночью не попытаются похитить Пьера Ледюка. Меня бы это не удивило, особенно если принять во внимание маневры человека, которого заметили Дудвили.

Они миновали сад, тихонько вошли в здание виллы и поднялись на второй этаж. Там находились оба брата, Жан и Жак Дудвили.

— Никаких известий от князя Сернина? — спросил Ленорман.

— Никаких, шеф.

— А Пьер Ледюк?

— Весь день лежит в своей комнате на первом этаже или в саду. К нам он никогда не поднимается.

— Ему стало лучше?

— Намного лучше. Отдых преображает его на глазах.

— Он целиком предан Люпену?

— Вернее, князю Сернину, поскольку он не

подозревает, что это одно и то же лицо. По крайней мере, я так полагаю, с ним ведь никогда не знаешь. Он не стремится к общению. О, это странный тип. Есть только одна особа, обладающая даром воодушевить его, заставить говорить и даже смеяться. Это девушка из Гарша, которой князь Сернин его представил, Женевьева Эрнемон. Она приходила уже три раза… Да вот хотя бы сегодня…

И он шутливо добавил:

— Я думаю, они немного флиртуют… Вроде как его светлость князь Сернин и госпожа Кессельбах… похоже, он строит ей глазки!.. Чертов Люпен!..

Господин Ленорман не ответил. Чувствовалось, что все эти подробности, которым он, казалось, не придавал значения, запечатлеваются в тайниках его памяти до того момента, когда на их основании надо будет делать логические заключения.

Он зажег сигару, пожевал ее, не закурив, снова зажег и бросил.

Задав еще два-три вопроса, он, не раздеваясь, бросился на кровать.

— Разбудите меня при малейшей надобности… А пока я сплю. Ступайте… каждый на свой пост.

Все вышли. Миновал час, два часа…

Внезапно Ленорман почувствовал чье-то прикосновение, и Гурель сказал ему:

— Вставайте, шеф, открыли калитку.

— Один, два человека?

— Я видел лишь одного… В эту минуту появилась луна… он спрятался за кустами.

— А братья Дудвиль?

— Я отправил их дежурить с задней стороны виллы. Когда наступит момент, они отрежут ему путь к отступлению.

Схватив господина Ленормана за руку, Гурель отвел его вниз, в темную комнату.

— Не двигайтесь, шеф, мы в туалетной комнате Пьера Ледюка. Я открываю дверь в альков, где он спит… Не беспокойтесь… Как всегда, на ночь он принял свой веронал… его ничто не разбудит. Идите сюда… Что, хорош тайник?.. Это занавеси его кровати… Отсюда видно окно и другую сторону комнаты.

Окно было широко распахнуто, сквозь него проникал смутный свет, прояснявшийся, когда луна раздвигала пелену облаков.

Оба мужчины не отрывали глаз от пустого проема окна, не сомневаясь в том, что событий следует ждать оттуда.

Легкий шум… хруст…

— Он взбирается по решетке, — шепнул Гурель.

— Это высоко?

— Два метра… два с половиной.

Хруст усилился.

— Ступай, Гурель, — прошептал Ленорман, — присоединяйся к Дудвилям… Идите к подножию стены и преградите путь любому, кто станет спускаться отсюда.

Гурель ушел.

В ту же минуту на уровне окна появилась голова, потом некая тень перешагнула через решетчатые перила. Господин Ленорман различил худощавого мужчину ростом ниже среднего, в темной одежде и без шляпы.

Мужчина обернулся и, склонившись над перилами, несколько секунд смотрел в пустоту, словно проверяя, не грозит ли ему опасность. Потом он нагнулся и вдруг распластался на полу. Он казался неподвижным, но спустя мгновение Ленорман понял, что черное пятно в темноте двигается вперед, приближается.

Вот оно достигло кровати.

Ленорману показалось, что он слышит дыхание этого существа и даже различает его глаза, сверкающие, острые глаза, которые, словно огненные

стрелы, пронзали потемки и *видели* сквозь мрак.

Пьер Ледюк в кровати слегка вздохнул и повернулся.

Снова тишина.

Существо неуловимыми движениями проскользнуло вдоль кровати, и на белизне свисающих простынь обозначился темный силуэт.

Если бы господин Ленорман протянул руку, он коснулся бы его. На сей раз он отчетливо различил это новое дыхание, которое чередовалось с дыханием спящего, и ему почудилось, будто он улавливает и звук биения чужого сердца.

Внезапно вспыхнул свет… Мужчина включил проекционный электрический фонарь, полностью осветивший лицо Пьера Ледюка. Однако сам мужчина оставался в тени, и господин Ленорман не смог его разглядеть.

Увидел он лишь нечто блеснувшее и вздрогнул. Это было лезвие какого-то ножа, и нож этот, заостренный, тонкий, скорее стилет, чем кинжал, показался ему точно таким, как тот, который он подобрал возле трупа Шапмана, секретаря господина Кессельбаха.

Изо всех своих сил он удержался, чтобы не наброситься на мужчину. Прежде ему хотелось узнать, зачем тот пришел…

Рука ночного гостя поднялась. Ударит ли он? Господин Ленорман рассчитал расстояние, чтобы успеть остановить удар. Но нет, то был не жест, нацеленный на убийство, а жест предосторожности.

Если Пьер Ледюк шелохнется, если попробует позвать на помощь, тогда рука опустится. И мужчина склонился над спящим, словно разглядывая что-то.

«Правую щеку, — подумал господин Ленорман, — шрам на правой щеке… Он хочет удостовериться, что это действительно Пьер Ледюк».

Мужчина слегка повернулся, но видны были лишь его плечи. Однако одежда, плащ находились настолько близко, что слегка касались занавесей, за которыми прятался господин Ленорман.

«Одно движение с его стороны, — подумал он, — малейший признак беспокойства, и я схвачу его».

Но мужчина не шелохнулся, целиком погруженный в свое исследование.

Наконец, переложив кинжал в руку, державшую фонарь, он поднял простыню на кровати, сначала едва-едва, потом побольше, еще и еще, так что левая рука спящего открылась и обнажи-

лась ладонь.

Луч фонаря осветил эту ладонь. Мизинец был отрезан на второй фаланге.

Пьер Ледюк снова шевельнулся. Свет тотчас погас, и с минуту мужчина, выпрямившись, неподвижно стоял возле кровати. Решится ли он нанести удар? Господина Ленормана охватил страх перед преступлением, которому ему так легко было помешать, но которое, однако, он хотел предотвратить лишь в решающий момент.

Долгое, очень долгое безмолвие. Внезапно Ленорману почудилось видение, впрочем, неотчетливое, видение поднимавшейся руки. Он инстинктивно шевельнулся, протянув над спящим свою руку. В движении обе руки столкнулись.

Глухой возглас. Человек наносил удары в пустоту, защищался наугад, потом подбежал к окну. Но господин Ленорман набросился на него и двумя руками схватил за плечи.

И сразу же почувствовал, как тот уступает и, более слабый, беспомощный, отказывается от борьбы, стараясь выскользнуть из его рук. Изо всех сил Ленорман прижал его к себе, согнул пополам и уложил навзничь на пол.

— А-а! Я поймал тебя… я тебя поймал, — торжествующе прошептал он.

Он испытывал особое упоение, заключив в свои неумолимые объятия этого страшного преступника, это отвратительное чудовище. Он ощущал себя живым, содрогаясь от отчаянной злобы, два их существа спутались, дыхания перемешались.

— Кто ты? — спросил он. — Кто ты?.. Давай, говори.

Он сжимал тело врага со всевозрастающей энергией, ибо у него создалось впечатление, будто это тело уменьшается в его руках, растворяется. Он сжимал все сильнее… и сильнее…

Внезапно он вздрогнул с головы до ног, почувствовав крохотный укол в горло… В отчаянии он сжал врага еще крепче: боль усилилась. И он понял, что мужчине удалось вывернуть свою руку, дотянуться ладонью до груди и выставить кинжал. Рука, разумеется, была обездвижена, но по мере того, как господин Ленорман затягивал узел своих объятий, острие кинжала глубже вонзалось в подставленную под удар плоть.

Он слегка откинул голову, чтобы уклониться от этого острия, но оно последовало за его движением, и рана расширилась.

Тогда он замер, его осаждали воспоминания о трех преступлениях и все то ошеломляющее, ужасное и неотвратимое, что было связано с этой

маленькой стальной иглой, которая касалась его кожи и неумолимо впивалась все глубже…

Вдруг отпустив добычу, он отскочил назад. Потом хотел снова перейти в наступление, но было поздно.

Перекинув ноги через окно, мужчина прыгнул.

— Осторожно, Гурель! — крикнул Ленорман, зная, что Гурель находится там, готовый принять беглеца.

Он выглянул в окно.

Шуршание гальки… тень между двумя деревьями… стук калитки… И больше никаких звуков… Никакого вмешательства…

Забыв о Пьере Ледюке, он позвал:

— Гурель!.. Дудвиль!..

Никакого ответа. Глубокое ночное безмолвие сельской местности…

Он снова невольно подумал о тройном убийстве, о стальном стилете. Но нет, это было невозможно, у мужчины не было времени нанести удар, у него даже не было в этом необходимости, поскольку дорога оказалась свободной.

Ленорман, в свою очередь, спрыгнул и, включив фонарь, увидел лежавшего на земле Гуреля.

— Вот черт! — выругался он. — Если он умер, они мне дорого за него заплатят.

Но Гурель был жив, только оглушен, и, через несколько минут придя в себя, он проворчал:

— Удар кулаком, шеф… просто удар кулаком в грудь. Но каков здоровяк!

— Значит, их было двое?

— Да, маленький, тот, что поднялся по решетке, и еще один, который напал на меня.

— А Дудвили?

— Я их не видел.

Одного из них, Жака, они нашли у калитки, окровавленного, с разбитой челюстью, другого — чуть подальше, задыхающегося, с ушибленной грудью.

— В чем дело? Что случилось? — спросил господин Ленорман.

Жак рассказал, что они с братом наткнулись на какого-то типа, который вывел их из строя, прежде чем они успели защититься.

— Он был один?

— Нет, когда он снова проходил мимо нас, с ним был приятель, поменьше ростом.

— Ты узнал того, кто ударил тебя?

— По ширине плеч мне показалось, что это англичанин из «Палас-отеля», тот, который покинул отель и чей след мы потеряли.

— Майор?

— Да, майор Парбери.

III

После минутного раздумья господин Ленорман произнес:

— Сомнений больше нет. В деле Кессельбаха их было двое — человек с кинжалом, который совершил убийства, и его сообщник, майор.

— Князь Сернин тоже так думает, — прошептал Жак Дудвиль.

— И сегодня вечером, — продолжал начальник полиции, — здесь те же двое. Тем лучше, — добавил он, — у нас в сто раз больше шансов взять двоих преступников, чем одного.

Господин Ленорман подлечил своих людей, заставил их лечь в постель и поискал, не обронили ли что-нибудь налетчики, не оставили ли какой-нибудь след. Он ничего не нашел и отправился спать.

Утром, поскольку Гурель и Дудвили не слишком страдали от своих ран, Ленорман приказал двум братьям осмотреть все окрестности, а сам поехал с Гурелем в Париж, чтобы уладить свои дела и отдать приказания.

Позавтракал он у себя в кабинете. В два часа пришла хорошая новость. Один из его лучших

агентов, Дьёзи, подобрал на выходе из марсельского поезда немца Стейнвега, с которым переписывался Рудольф Кессельбах.

— Дьёзи здесь? — спросил Ленорман.

— Да, шеф, — отвечал Гурель, — он здесь вместе с немцем.

— Пусть приведут их ко мне.

В эту минуту раздался телефонный звонок. Это был Жан Дудвиль, из Гарша. Разговор вышел короткий:

— Это ты, Жан? Есть новости?

— Да, шеф, майор Парбери…

— Что с ним?

— Мы отыскали его. Он стал испанцем, — покрасил чем-то кожу и стал совершенно смуглым. Мы только что видели его. Он входил в частную школу Гарша. Его приняла эта барышня… вы знаете, та девушка, которая знакома с князем Серниным, Женевьева Эрнемон.

— Черт возьми!

Господин Ленорман бросил трубку, схватил свою шляпу, выскочил в коридор и, встретив Дьёзи с немцем, крикнул им:

— В шесть часов… встречаемся здесь!

Сбежав по лестнице в сопровождении Гуреля и трех инспекторов, которых он подхватил на ходу,

господин Ленорман сел в свой автомобиль.

— В Гарш… Десять франков чаевых.

Не доезжая до Вильнёвского парка, на повороте улочки, ведущей к школе, он велел остановиться. Дожидавшийся его Жан Дудвиль тотчас воскликнул:

— Десять минут назад мошенник удрал по другой стороне улицы.

— Один?

— Нет, с девушкой.

Господин Ленорман схватил Дудвиля за ворот:

— Несчастный! Ты позволил ему уйти! Надо было…

— Мой брат следит за ним.

— Что это дает? Он уйдет от твоего брата. Разве вы в силах?

Взяв управление автомобилем в свои руки, Ленорман решительно свернул на улочку, не обращая внимания на рытвины и колдобины. Очень быстро они выехали на проселочную дорогу, которая привела их на перекресток, где сходились пять дорог. Не колеблясь, господин Ленорман выбрал левую, на Кюкюфу. И действительно, наверху склона, который спускается к озеру, они настигли второго Дудвиля, успевшего крикнуть:

— Они в экипаже… всего в километре.

Шеф не остановился. Пренебрегая крутыми поворотами, он начал спускаться, обогнул озеро и внезапно издал торжествующий крик.

В конце идущей в гору маленькой дороги, открывшейся перед ними, виднелся откидной верх какого-то экипажа.

К несчастью, Ленорман выехал не на ту дорогу. Ему пришлось дать задний ход.

Когда он вернулся к развилке, экипаж все еще стоял на месте. И сразу же, разворачивая автомобиль, Ленорман увидел женщину, выпрыгнувшую из экипажа. На подножке появился мужчина. Женщина вытянула руку. Раздались два выстрела.

Наверняка она плохо целилась, ибо по другую сторону откидного верха показался мужчина. Заметив автомобиль, он изо всех сил стегнул свою лошадь, которая пустилась во весь дух вперед. И тотчас экипаж скрылся за поворотом.

За несколько секунд господин Ленорман завершил свой маневр, отважно ринулся прямо на ведущую в гору дорогу и, не останавливаясь, промчался мимо женщины.

Это была лесная дорога, крутая и каменистая, она шла между частыми деревьями, и следовать

по ней можно было лишь очень медленно, с большими предосторожностями. Но какое это имело значение! Впереди, в двадцати шагах, экипаж, своего рода двухколесный кабриолет, приплясывал на камнях, увлекаемый, вернее, удерживаемый лошадью, которая продвигалась осторожно и медленно. Теперь опасаться было нечего, бегство казалось невозможным.

Оба экипажа, трясясь и подпрыгивая, катили сверху вниз. В какой-то момент они оказались настолько близки друг к другу, что у господина Ленормана возникла мысль выйти из автомобиля и бежать по земле вместе со своими людьми. Однако он сознавал возможную опасность в случае торможения на таком крутом склоне и продолжил путь, вплотную прижимая врага, словно дичь, которую держат на прицеле.

— Он у нас в руках, шеф… он наш!.. — шептали инспекторы, возбужденные этой неожиданной охотой.

В самом низу виднелась другая дорога, ведущая к Сене, в Буживаль.

На плоской земле лошадь, не торопясь, пошла рысью посреди дороги.

Автомобиль содрогнулся в неистовом рывке. Казалось, он не катил, а скорее передвигался

скачками, словно разъяренный хищный зверь, и вот он, промчавшись по скату, готовый сокрушить все преграды, догнал экипаж, поравнялся с ним, обогнал его…

Проклятье господина Ленормана… Яростные возгласы… Экипаж был пуст!

Внутри никого не оказалось. Лошадь с вожжами на спине спокойно удалялась, наверняка возвращаясь в конюшню какой-нибудь местной гостиницы, где ее арендовали на день.

Задыхаясь от гнева, начальник полиции только и сказал:

— Майор, видимо, спрыгнул, когда в начале спуска мы на несколько секунд потеряли его из виду.

— Нам всего лишь надо обыскать лес, шеф, и мы уверены…

— Что вернемся ни с чем. Ладно, парень уже далеко, и он не из тех, кто попадается дважды за один день. А-а! Проклятье!

Они вернулись к девушке, которая находилась в обществе Жака Дудвиля и, похоже, не особенно переживала из-за своего приключения.

Назвав себя, господин Ленорман предложил доставить девушку домой и сразу же спросил ее об английском майоре Парбери. Она удивилась:

— Он не майор и не англичанин, и зовут его не Парбери.

— А как его имя?

— Хуан Рибейра, он испанец, его правительство поручило ему изучить работу французских школ.

— Хорошо. Его имя и национальность не имеют значения. Он как раз тот, кого мы ищем. Вы давно его знаете?

— Недели две. Он слышал разговоры о школе, которую я основала в Гарше, и заинтересовался моей попыткой до такой степени, что предложил мне ежегодную субсидию при одном условии: иметь возможность приходить время от времени, чтобы проверять успехи моих учениц. Я не имела права отказать…

— Разумеется, нет, но следовало все-таки поспрашивать людей вокруг… Вы не знакомы с князем Серниным? Это хороший советчик.

— О! Я полностью ему доверяю, только сейчас он в отъезде.

— У вас нет его адреса?

— Нет. И потом, что бы я ему сказала? Этот господин вел себя очень прилично. Только лишь сегодня… Но я не знаю…

— Прошу вас, мадемуазель, будьте со мной

откровенны… Мне вы тоже можете доверять.

— Так вот, сегодня господин Рибейра пришел рано. Он сказал, что его прислала одна французская дама, бывшая проездом в Буживале, и что у этой дамы есть маленькая девочка, воспитание которой она хочет доверить мне, и поэтому просит приехать к ней незамедлительно. Все это показалось мне вполне естественным. И поскольку сегодня выходной, а господин Рибейра арендовал экипаж, дожидавшийся его на дороге, я согласилась с ним поехать.

— Но какова же была его истинная цель?

Покраснев, она ответила:

— Попросту похитить меня. Через полчаса он мне в этом признался.

— Вы ничего о нем не знаете?

— Нет.

— Он живет в Париже?

— Я так предполагаю.

— Он не писал вам? Нет ли у вас нескольких строчек, написанных его рукой, или какого-нибудь забытого предмета, улики, которая могла бы нам помочь?

— Ничего… А впрочем… Но это наверняка не имеет никакого значения…

— Говорите!.. Говорите!.. Прошу вас.

— Так вот, два дня назад этот господин попросил у меня разрешения воспользоваться моей пишущей машинкой и напечатал — с трудом, поскольку у него не было навыка, — письмо, адрес на котором я случайно увидела.

— И этот адрес?

— Он писал в «Журналь» и вложил в конверт марок двадцать.

— Да, наверняка за маленькое сообщение, — сказал Ленорман.

— У меня есть сегодняшний номер, шеф, — заметил Гурель.

Развернув газету, господин Ленорман просмотрел восьмую страницу. Через мгновение он вздрогнул, прочитав следующую фразу, составленную с положенными сокращениями:

Мы информируем любого знающего г-на Стейнвега, что нам желательно знать, в Париже ли он, и его адрес. Ответ тем же путем.

— Стейнвег! — воскликнул Гурель. — Но это же как раз тот тип, которого привел к нам Дьёзи.

«Да, да, — сказал про себя господин Ленорман, — это человек, чье письмо Кессельбаху я перехватил, человек, который вывел его на след Пьера Ледюка… Стало быть, и они тоже, тоже нуждаются в сведениях о Пьере Ледюке и

о его прошлом… Они тоже, тоже действуют на ощупь…»

Он потер руки: Стейнвег был в его распоряжении. Не пройдет и часа, как Стейнвег заговорит. Не пройдет и часа, как пелена мрака, угнетавшая Ленормана и превратившая дело Кессельбаха в самое мучительное и самое непостижимое из дел, которыми он занимался, эта пелена будет разорвана.

Господин Ленорман терпит неудачу

I

В шесть часов вечера господин Ленорман вернулся в свой кабинет в префектуре полиции.

Он сразу же вызвал Дьёзи.

— Твой человек здесь?

— Да.

— Что у тебя с ним?

— Ничего особенного. Он не говорит ни слова. Я сказал ему, что, согласно новому распоряжению, иностранцы обязаны заявлять в префектуру о своем пребывании, и доставил его сюда, в кабинет вашего секретаря.

— Я допрошу его.

Но в этот момент появился служащий.

— Шеф, одна дама желает немедленно поговорить с вами.

— Ее визитная карточка?

— Вот она.

— Госпожа Кессельбах! Пусть войдет.

Он сам пошел навстречу молодой женщине и предложил ей сесть. У нее был все тот же скорбный, болезненный вид и выражение крайней

усталости на лице, свидетельствовавшее о крушении надежд всей жизни.

Она протянула номер газеты «Журналь», указывая на строчку маленького сообщения, где речь шла о господине Стейнвеге.

— Папаша Стейнвег был другом моего мужа, — сказала госпожа Кессельбах, — и я не сомневаюсь, что он много чего знает.

— Дьёзи, — сказал Ленорман, — приведи человека, который ждет… Ваш визит, мадам, будет не напрасен. Я только прошу вас, когда появится этот человек, не говорить ни слова.

Открылась дверь, и вошел бедно одетый старик с короткой белой бородкой, с лицом, изборожденным глубокими морщинами, с затравленным видом тех несчастных, что скитаются по миру в поисках ежедневного пропитания.

Моргая глазами, он остановился на пороге, взглянул на господина Ленормана и, казалось, смущенный встретившим его молчанием, в замешательстве стал вертеть в руках свою шляпу.

Но внезапно глаза его округлились, и он в изумлении пробормотал:

— Госпожа… госпожа Кессельбах!

Он увидел молодую женщину.

И успокоенный, улыбающийся, больше не

робея, подошел к ней и со скверным акцентом произнес:

— Ах, как я рад… наконец-то!.. Я уж было подумал, что никогда… Я был удивлен… никаких известий… ни телеграммы… А как чувствует себя добрейший Рудольф Кессельбах?

Молодая женщина отпрянула, словно получила удар прямо в лицо, и, упав на стул, разрыдалась.

— Что такое? В чем дело?.. — спросил Стейнвег.

Господин Ленорман сразу вмешался:

— Я вижу, сударь, что вы не в курсе некоторых событий, произошедших недавно. Вы, стало быть, давно путешествуете?

— Да, три месяца… Я снова поднялся на рудники. Потом вернулся в Кейптаун, откуда написал Рудольфу. Но по дороге я получил работу в Порт-Саиде. Полагаю, Рудольф прочитал мое письмо?

— Он отсутствует. Я объясню вам причины этого отсутствия. Но прежде нам хотелось бы получить определенные сведения. Речь идет о человеке, которого вы знали — в своих беседах с господином Кессельбахом вы обозначали его именем Пьер Ледюк.

— Пьер Ледюк! Как! Кто вам сказал?

Старик был потрясен.

Он снова пробормотал:

— Кто вам это сказал? Кто открыл?

— Господин Кессельбах.

— Никогда! Это секрет, который я ему поведал, а Рудольф хранит свои секреты… особенно этот…

— Однако необходимо, чтобы вы нам ответили. В настоящее время мы проводим расследование относительно Пьера Ледюка, которое должно завершиться без промедления, и вы один можете пролить свет на эту тайну, поскольку господина Кессельбаха здесь нет.

— Что, в конце концов, — воскликнул Стейнвег, казалось, решившись, — что вам нужно?

— Вы знаете Пьера Ледюка?

— Я никогда его не видел, но давно уже владею одним секретом, который его касается. Вследствие событий, о которых не стоит рассказывать, и благодаря ряду случайностей, я, в конце концов, удостоверился, что тот, кто меня интересует, ведет в Париже беспорядочный образ жизни и что он называет себя Пьером Ледюком, хотя это ненастоящее его имя.

— Но сам-то он знает свое настоящее имя?

— Полагаю, что да.

— А вы?

— Я его знаю.

— Ну что ж, назовите его нам.

Старик заколебался, потом с яростью произнес:

— Я не могу… не могу…

— Но почему?

— Я не имею права. В этом весь секрет. Когда этот секрет я открыл Рудольфу, он придал ему такое значение, что вручил мне крупную сумму денег в обмен на мое молчание и пообещал мне целое состояние, настоящее богатство в тот день, когда ему удастся сначала отыскать Пьера Ледюка, а потом извлечь выгоду из секрета.

Он с горечью улыбнулся.

— Крупная сумма денег уже истрачена. Я приехал узнать о моем состоянии.

— Господин Кессельбах умер, — сказал начальник полиции.

Стейнвег вздрогнул.

— Умер! Возможно ли это? Нет, это ловушка. Госпожа Кессельбах, это правда?

Она опустила голову.

Казалось, старик был подавлен таким неожиданным открытием, и в то же время оно причинило ему невыразимую боль, поскольку он заплакал.

— Мой бедный Рудольф, я видел его совсем маленьким… он приезжал играть со мной в Аугсбург… Я очень его любил.

И, взывая к госпоже Кессельбах, продолжал:

— И он тоже, мадам, он тоже меня очень любил, не правда ли? Он должен был вам об этом говорить… Мой старый папаша Стейнвег, так он меня называл.

Господин Ленорман подошел к нему и твердо произнес:

— Выслушайте меня. Господин Кессельбах был убит… Успокойтесь же… крики бесполезны… Он был убит, и все обстоятельства преступления доказывают, что преступник был в курсе этого самого секрета и проекта господина Кессельбаха. Нет ли в самой природе этого проекта чего-либо такого, что позволило бы вам разгадать?..

Стейнвег не мог прийти в себя.

— Это моя вина, — пробормотал он. — Если бы я не направил его на этот путь…

Госпожа Кессельбах с умоляющим видом приблизилась.

— Вы думаете… У вас есть какое-то предположение… О! Я прошу вас, Стейнвег…

— У меня нет никакой идеи… я над этим не думал, — прошептал он, — мне надо поразмыслить…

— Поищите в окружении господина Кессельбаха, — сказал ему Ленорман. — Никто не был

причастен к вашим переговорам в тот момент? Сам он не мог кому-то довериться?

— Исключено.

— Подумайте хорошенько.

Оба они, Долорес и господин Ленорман, склонившись над стариком, с мучительным беспокойством ожидали его ответа.

— Нет, — проронил он, — я не вижу…

— Подумайте хорошенько, — повторил начальник полиции, — имя и фамилия убийцы начинаются с буквы «Л» и буквы «М».

— «Л»… — повторил тот, — я не вижу… «Л»… и «М»…

— Да, золотые буквы украшали портсигар, принадлежащий убийце.

— Портсигар? — произнес Стейнвег, силясь что-то вспомнить.

— Из полированной стали… И одно из внутренних отделений разделено на две части: та, что поменьше, для сигаретной бумаги, другая — для табака…

— На две части, на две части, — повторял Стейнвег, воспоминания которого, казалось, пробудила эта подробность. — Не могли бы вы показать мне этот предмет?

— Вот он, или, вернее, точное его воспроиз-

ведение, — сказал Ленорман, протягивая ему портсигар.

— Как? Что?.. — произнес Стейнвег, взяв портсигар.

Он тупо смотрел на него, разглядывал, крутил во все стороны, и вдруг вскрикнул, это был крик человека, в голову которому пришла вдруг страшная мысль. И он застыл, мертвенно-бледный, с дрожащими руками и блуждающим взглядом.

— Говорите, да говорите же, — приказал господин Ленорман.

— О! — молвил тот, словно осененный каким-то открытием, — все объясняется…

— Говорите, да говорите же…

Оттолкнув их обоих, Стейнвег, шатаясь, подошел к окну, потом вернулся назад и бросился к начальнику полиции:

— Сударь, сударь… убийца Рудольфа, я назову вам его…

Он умолк.

Наступило молчание. В глубокой тиши кабинета, меж этих стен, слышавших столько признаний, столько обвинений, прозвучит ли здесь имя отвратительного убийцы? Господину Ленорману казалось, будто он находится на краю бездонной пропасти и что оттуда к нему возносится голос…

Еще несколько секунд, и он узнает…

— Нет, — прошептал Стейнвег, — нет, я не могу…

— Что вы такое говорите? — в ярости воскликнул начальник полиции.

— Я говорю, что не могу.

— Но вы не имеете права молчать! Правосудие требует.

— Завтра, я скажу завтра… Мне надо подумать… Завтра я расскажу вам все, что знаю о Пьере Ледюке… все, что предполагаю относительно портсигара… Завтра, я вам обещаю.

В нем ощущалось такого рода упорство, которое не в силах преодолеть самые энергичные усилия. Господин Ленорман уступил.

— Ладно. Я даю вам время до завтрашнего дня, но предупреждаю, что если завтра вы не заговорите, я буду вынужден сообщить об этом следователю.

Он позвонил и, отведя инспектора Дьёзи в сторону, сказал:

— Проводи его до отеля… и останься там… Я пришлю тебе двух товарищей. Глядите в оба. Его могут попытаться забрать у нас.

Инспектор увел Стейнвега, а господин Ленорман, вернувшись к госпоже Кессельбах, которую

эта сцена сильно взволновала, извинился:

— Примите мои сожаления, мадам… Я понимаю, до какой степени вас это опечалило…

Он спросил ее о том времени, когда у господина Кессельбаха установились отношения со стариком Стейнвегом, и о продолжительности этих отношений. Однако она так устала, что Ленорман не стал настаивать.

— Должна ли я прийти завтра? — спросила она.

— Нет, конечно, нет. Я буду держать вас в курсе всего, что скажет Стейнвег. Не позволите ли предложить вам руку и проводить до вашего экипажа?.. Эти три этажа так трудны для спуска…

Открыв дверь, он пропустил ее. В ту же минуту в коридоре послышались возгласы и прибежали люди, дежурные инспекторы, служащие конторы…

— Шеф! Шеф!

— В чем дело?

— Дьёзи…

— Но он только что вышел отсюда…

— Его нашли на лестнице.

— Мертвого?

— Нет, оглушенного, без сознания…

— Но мужчина?.. Мужчина, который был с

ним?.. Старик Стейнвег?..

— Исчез…

— Проклятье!..

II

Ленорман бросился в коридор, сбежал по лестнице и увидел Дьёзи, лежащего на площадке второго этажа среди группы людей, пытавшихся привести его в чувство. Он заметил поднимавшегося Гуреля.

— Гурель, ты идешь снизу? Ты кого-нибудь встретил?

— Нет, шеф…

Но Дьёзи приходил в себя и, едва открыв глаза, сразу же пробормотал:

— Здесь, на площадке, маленькая дверь…

— А-а! Черт возьми, дверь седьмой комнаты! — воскликнул начальник полиции. — А я ведь говорил, чтобы ее заперли на ключ… Ясно было, что рано или поздно[2]…

---

[2] Примечания: 2

С тех пор, как в Уголовной полиции нет больше господина Ленормана, через эту самую дверь сбежали два злоумышленника, избавившись от сопровождавших их полицейских. Полиция умолчала об этом двойном побеге. Почему же, если этот проход необходим, не уберут бесполезную задвижку с другой стороны, которая позволяет беглецу уйти от всякого преследования и спокойно удалиться через седьмую комнату гражданского суда и крытый проход первой канцелярии? (*Прим. авт.*)

Он в ярости рванул ручку двери.

— Вот черт! Теперь задвижку закрыли с другой стороны.

Дверь была частично застекленной. Рукояткой своего револьвера Ленорман разбил одно стекло, потом, открыв задвижку, сказал Гурелю:

— Беги во весь дух до выхода на площадь Дофин…

Затем вернулся к Дьёзи:

— Ну, Дьёзи, рассказывай. Как ты позволил довести себя до такого состояния?

— Удар кулаком, шеф…

— Кулаком того старика? Да он на ногах едва держался…

— Не старика, шеф, а другого — кто прогуливался в коридоре, пока Стейнвег был с вами, и последовал за нами, поскольку тоже собрался уходить… Дойдя до этого места, он попросил у меня спички… Я стал искать их… Он этим воспользовался, чтобы врезать мне кулаком в грудь… Я упал и, падая, почувствовал, как он открывает эту дверь и утаскивает старика…

— Ты сможешь его узнать?

— Конечно, шеф… Здоровенный детина, кожа темная… наверняка южанин…

— Рибейра, — проскрежетал господин Ленор-

ман, — опять он!.. Рибейра, он же Парбери. Ах, разбойник, какая смелость!.. Он испугался старика Стейнвега… и явился забрать его прямо здесь, у меня из-под носа!..

Он в ярости топнул ногой:

— Но, черт возьми, как он узнал, что Стейнвег был тут, вот бандит! Не прошло и четырех часов, как я гонялся за ним в лесах Сен-Кюкюфа… и вот он здесь!.. Откуда он узнал!.. Уж не переселился ли он в мою шкуру?..

Господин Ленорман впал в такую глубокую задумчивость, что казалось, будто он ничего больше не видит и не слышит. Проходившая в этот момент мимо госпожа Кессельбах кивнула ему, а он даже не ответил.

Из оцепенения его вывел звук шагов.

— Наконец-то, это ты, Гурель?

— Это я, шеф, — отвечал запыхавшийся Гурель. — Их было двое. Они прошли этим путем на площадь Дофин. Их дожидался автомобиль. Внутри находились два человека, один — мужчина, одетый в черное, в надвинутой на глаза мягкой шляпе.

— Это он, — прошептал господин Ленорман, — убийца, сообщник Рибейры-Парбери. А другой человек?

— Женщина, женщина без шляпы, вроде как прислуга… и, похоже, красивая, рыжеволосая.

— Как? Ты говоришь, она рыжеволосая?

— Да.

Резко повернувшись, господин Ленорман мигом спустился с лестницы, пересек двор и вышел на набережную Орфевр.

— Стой! — крикнул он.

Запряженная двумя лошадьми открытая коляска удалялась. Это был экипаж госпожи Кессельбах… Кучер услышал окрик и остановился. Господин Ленорман вскочил на подножку.

— Тысяча извинений, мадам, мне необходима ваша помощь. Прошу вашего разрешения сопровождать вас… Однако действовать нам нужно быстро. Гурель, мой автомобиль… Ты его отослал?.. Тогда другой, неважно какой…

Все бросились на поиск. Но прошло не меньше десяти минут, прежде чем нашли автомобиль. Господин Ленорман изнемогал от нетерпения. Госпожа Кессельбах стояла на тротуаре с флаконом нюхательной соли в руке, ее слегка пошатывало.

Наконец они уселись.

— Гурель, сядь рядом с шофером и прямиком в Гарш.

— Ко мне! — изумленно молвила госпожа Кессельбах.

Ленорман не ответил.

Высунувшись в дверцу, он помахал пропуском и назвал свое имя полицейским, регулировавшим уличное движение. Наконец, когда они добрались до Кур-ла-Рен, Ленорман снова сел на место и сказал:

— Умоляю вас, мадам, отвечайте четко на мои вопросы. Вы видели мадемуазель Женевьеву Эрнемон недавно, около четырех часов?

— Женевьеву? Да… я одевалась, собираясь выйти.

— Это она сказала вам об объявлении в «Журналь» по поводу Стейнвега?

— Действительно.

— И после этого вы приехали ко мне?

— Да.

— Во время визита мадемуазель Эрнемон вы были одна?

— Ну… я не помню… А в чем дело?

— Вспомните. Была там одна из ваших горничных?

— Возможно… поскольку я одевалась…

— Как их зовут?

— Сюзанна… и Гертруда.

— Одна из них рыжеволосая, не так ли?

— Да. Гертруда.

— Вы давно ее знаете?

— Ее сестра служила у меня всегда… и Гертруда у меня уже несколько лет… Это воплощенная преданность, честность.

— Словом, вы за нее ручаетесь?

— О, безусловно!

— Тем лучше… тем лучше!

Половина восьмого, и дневной свет начинал меркнуть, когда автомобиль прибыл к пансиону. Не обращая внимания на свою спутницу, начальник полиции поспешил к консьержу.

— Служанка госпожи Кессельбах только что вернулась, не так ли?

— Какая служанка?

— Гертруда, одна из двух сестер.

— Но Гертруда никуда не выходила, сударь, мы не видели, чтобы она выходила.

— И все же кто-то только что вернулся.

— О нет, сударь, мы никому не открывали дверь после… после шести часов вечера.

— Есть ли отсюда другой выход кроме этого?

— Нет. Владение со всех сторон окружают стены, а они высокие…

— Госпожа Кессельбах, — обратился господин

Ленорман к своей спутнице, — пройдемте к вашему флигелю.

И все трое направились туда. У госпожи Кессельбах не было ключа, и она позвонила в дверь. Появилась Сюзанна, вторая сестра.

— Гертруда здесь? — спросила госпожа Кессельбах.

— Да, мадам, она у себя в комнате.

— Позовите ее, мадемуазель, — приказал начальник полиции.

Через минуту спустилась Гертруда, приветливая и миловидная в своем белом переднике, украшенном вышивкой. Лицо ее, обрамленное рыжими волосами, в самом деле было довольно красиво.

Господин Ленорман, ничего не говоря, долго смотрел на нее, словно пытался что-то выпытать у этих невинных глаз. Он ни о чем ее не спросил. И через минуту просто сказал:

— Хорошо, мадемуазель, благодарю вас. Ты идешь, Гурель?

Он вышел вместе с инспектором и сразу же, следуя по темным аллеям сада, заявил:

— Это она.

— Вы думаете, шеф? Вид у нее такой спокойный.

— Чересчур спокойный. Другая удивилась бы, спросила бы меня, почему я ее вызвал. Она — ни слова. Ничего, кроме прилежного выражения лица, которое желает улыбаться во что бы то ни стало. Только я заметил, как с ее виска вдоль уха стекала капелька пота.

— И что?

— А то, что все ясно. Гертруда — сообщница двух бандитов, которые кружат вокруг дела Кессельбаха, то ли чтобы разузнать и привести в исполнение пресловутый проект, то ли чтобы заполучить миллионы вдовы. Безусловно, другая сестра тоже замешана в заговоре. Около четырех часов Гертруда, узнав, что мне известно о сообщении в «Журналь» и что, кроме того, у меня встреча со Стейнвегом, спешит, воспользовавшись отъездом своей хозяйки, в Париж, находит Рибейру и мужчину в мягкой шляпе и ведет их во Дворец правосудия, где Рибейра забирает господина Стейнвега.

Поразмыслив, Ленорман пришел к заключению:

— Все это доказывает: во-первых, значение, которое они придают Стейнвегу, и страх, который им внушают его разоблачения; во-вторых, что вокруг госпожи Кессельбах плетется настоящий

заговор; в-третьих, что я не могу терять времени, поскольку заговор созрел.

— Хорошо, — согласился Гурель, — но есть одна необъяснимая вещь. Каким образом Гертруда могла выйти из сада, в котором мы находимся, и вернуться сюда без ведома консьержей?

— По тайному ходу, который бандиты должны были проложить недавно.

— И который наверняка ведет к флигелю госпожи Кессельбах?

— Да, возможно, — сказал Ленорман, — возможно… Но у меня другая идея…

Они пошли вдоль крепостной стены. Ночь стояла ясная, и пусть различить их силуэты было нельзя, зато сами они видели достаточно хорошо, чтобы исследовать камни стен и удостовериться, что ни одной бреши, сколь бы искусной она ни была, не проделано.

— Наверное, лестница… — предположил Гурель.

— Нет, поскольку Гертруда шла средь бела дня. Очевидно, что проход такого рода не может быть виден снаружи. Надо, чтобы его отверстие было спрятано в уже существующем строении.

— Есть только четыре флигеля, — возразил Гурель, — и все они обитаемы.

— Прошу прощения, но третий флигель, «Гортензия», необитаем.

— Кто вам это сказал?

— Консьерж. Опасаясь шума, госпожа Кессельбах арендовала этот флигель, расположенный вблизи от ее собственного. Кто знает, не подверглась ли она влиянию Гертруды, поступая таким образом?

Они обошли вокруг дома. Ставни были закрыты. На всякий случай Ленорман поднял щеколду двери: дверь отворилась.

— А-а, Гурель, я думаю, что мы на верном пути. Войдем. Включим фонарь… О! Прихожая, гостиная, столовая… все не то. Должен быть подвал, раз на этом этаже нет кухни.

— Сюда, шеф… Вот служебная лестница.

И действительно, они спустились в довольно просторную кухню, заваленную садовыми стульями и кабинками из тростника. Прилегавшая прачечная, служившая также хранилищем для продуктов, представляла собой такое же беспорядочное нагромождение предметов.

— Что это там блестит, шеф?

Наклонившись, Гурель поднял медную заколку для волос с головкой из поддельной жемчужины.

— Жемчужина все еще блестит, — заметил Ленорман, — что было бы невозможно, если бы она долго пролежала в этом подвале. Гертруда прошла именно здесь, Гурель.

Гурель принялся разбирать нагромождение пустых бочонков, шкафчиков и старых колченогих столов.

— Ты зря теряешь время, Гурель! Если проход здесь, откуда возьмется время, чтобы сначала перетащить все эти предметы, а потом вернуть их на место? Посмотри, вот бесполезный ставень, у которого нет серьезной причины висеть на стене на этом гвозде. Отодвинь его.

Гурель повиновался.

Стена за ставнем оказалась полой. При свете фонаря они увидели подземный ход, ведущий вглубь.

III

— Я не ошибся, — сказал господин Ленорман, — проход оборудован недавно. Видишь, работы сделаны наспех и, скорее всего, на ограниченное время… Никакой каменной кладки. Местами крестообразно два-три бруса и одна балка, которая служит потолком, вот и все. Это продержится, сколько сможет, но вполне достаточно для цели,

которую преследуют, то есть…

— То есть что, шеф?

— Ну, прежде всего, чтобы обеспечить хождение туда и обратно для Гертруды и ее сообщников… А потом, в какой-нибудь ближайший день, проходом воспользуются для похищения или, вернее, чудесного и необъяснимого исчезновения госпожи Кессельбах.

Они продвигались с осторожностью, чтобы не задеть некоторые брусья, казавшиеся не слишком надежными. На первый взгляд, длина прохода превышала те от силы пятьдесят метров, которые отделяли флигель от ограды сада. Поэтому выход должен был находиться довольно далеко от стен и за пределами дороги, идущей вдоль владения.

— А не направляемся ли мы сейчас в сторону Вильнёва и озера? — спросил Гурель.

— Вовсе нет, мы идем как раз в обратном направлении, — заявил господин Ленорман.

Проход спускался по пологому скату. Попалась одна ступенька, потом другая, они повернули направо. И в тот самый момент наткнулись на дверь, которая была вделана в прямоугольник из крупных, тщательно зацементированных камней. Господин Ленорман толкнул дверь, и она отворилась.

— Минуточку, Гурель, — сказал он, остановившись, — поразмыслим… Возможно, нам лучше повернуть обратно.

— А почему?

— Следует думать, что Рибейра предвидел опасность и принял меры предосторожности на случай, если подземный проход будет обнаружен. Ведь он знает, что мы рыщем в саду. Он наверняка видел, как мы входили в этот флигель. Что, если он готовит нам ловушку?

— Нас же двое, шеф!

— А если их двадцать?

Ленорман огляделся. Подземный проход снова поднимался вверх, и он шагнул к другой двери, в пяти-шести метрах дальше.

— Пойдем туда, а там посмотрим.

Он двинулся вперед, за ним Гурель, которому он посоветовал оставить первую дверь открытой, а подойдя к следующей, твердо пообещал себе не ходить дальше. Однако эта дверь оказалась запертой, и хотя запор вроде бы работал, открыть дверь ему не удалось.

— Задвинут засов, — сказал Ленорман. — Не будем шуметь и вернемся. Установим снаружи по направлению прохода линию, где следует искать другой выход из подземелья.

Таким образом, они направлялись назад, к первой двери, когда Гурель, который шел впереди, удивленно воскликнул:

— Да она закрыта!

— Как! Но я ведь сказал тебе оставить ее открытой.

— Я и оставил ее открытой, шеф, но щеколда сама упала.

— Не может быть! Мы услыхали бы шум.

— Тогда?..

— Тогда… тогда… Я не знаю…

Он подошел к двери.

— Посмотрим… вот ключ. Он поворачивается. Но с другой стороны, должно быть, есть задвижка…

— Кто ее закрыл?

— Они, черт возьми, у нас за спиной! Возможно, у них есть другой проход, который идет вдоль этого… или же они остались в необитаемом флигеле… Словом, чего уж тут, мы угодили в ловушку.

Ленорман бился над замком, засовывал в щель свой нож, испробовал все средства, после чего, выбившись из сил, произнес:

— Ничего не поделаешь!

— Как это, шеф, ничего не поделаешь? В таком

случае мы что, пропали?

— Пожалуй, — отозвался Ленорман.

Они вернулись к другой двери, потом опять пошли к первой. Обе были массивными, из прочного дерева, укрепленными перекладинами… словом, несокрушимыми.

— Нужен топор, — сказал начальник полиции, — или, по крайней мере, какой-нибудь надежный инструмент… ну хотя бы большой нож, которым можно попытаться вырезать то место, где расположена задвижка… А у нас ничего нет.

Внезапно его охватила ярость, он ринулся на препятствие, словно надеялся сокрушить его. Затем обессиленный, побежденный сказал Гурелю:

— Послушай, мы подумаем об этом через час или два… Я совершенно измотан… я посплю… Посторожи пока… И если на нас нападут…

— А-а, если бы они пришли, шеф, мы были бы спасены!.. — воскликнул Гурель, как человек, которому сражение принесло бы облегчение, каким неравным оно ни было бы.

Господин Ленорман лег на землю. Через минуту он уже спал.

Проснувшись, он несколько секунд пребывал в нерешительности, а придя в себя, задался вопро-

сом, что за мучительное ощущение терзает его.

— Гурель! — позвал он. — Где ты, Гурель?

Не получив ответа, он включил фонарь и увидел рядом с собой Гуреля, спавшего глубоким сном.

«Что же меня так мучает? — думал он. — Какая-то резь… Ах, вот в чем дело! Я просто-напросто голоден… я умираю от голода! Который теперь час?»

Часы его показывали двадцать минут восьмого, однако он вспомнил, что не заводил их. Часы Гуреля тоже остановились.

Меж тем, поскольку и Гурель проснулся от таких же страданий желудка, они решили, что время обеда, должно быть, давно миновало и что они проспали часть дня.

— У меня ноги совсем онемели, — заявил Гурель, — а ступни словно во льду… Какое странное ощущение!

Собравшись растереть их, он продолжал:

— Да они не во льду, мои ноги, а в воде… Посмотрите, шеф… Со стороны первой двери настоящая лужа…

— Инфильтрация, — отвечал господин Ленорман. — Поднимемся ко второй двери, там обсушишься…

— Но что это вы делаете, шеф?

— Уж не думаешь ли ты, что я позволю похоронить меня живьем в этом склепе?.. Ну нет, я еще не в том возрасте… Раз обе двери заперты, попробуем пробраться через стены…

Один за другим он отрывал камни, выступавшие на уровне его руки, в надежде проделать второй ход, который пойдет отлого вплоть до поверхности земли. Но работа была тяжелой и долгой, поскольку в этой части подземного хода камни были зацементированы.

— Шеф… шеф… — пробормотал Гурель сдавленным голосом.

— В чем дело?

— У вас ноги в воде.

— Да ладно тебе!.. И правда… Но честное слово, чего ты хочешь?.. Обсушимся на солнце.

— Да разве вы не видите?..

— Чего?

— Но это же поднимается, шеф, это поднимается…

— Что поднимается?

— Вода…

Господин Ленорман почувствовал, как дрожь пробежала по его телу. Он вдруг понял. Это было не случайное просачивание, а искусно подго-

товленное затопление, которое осуществлялось механически и неудержимо с помощью какого-то дьявольского устройства.

— Ах, прохвост, — проскрежетал он. — Если я когда-нибудь его поймаю!

— Да, да, шеф, но сначала надо выбраться отсюда, и по мне…

Гурель казался совершенно подавленным и не в состоянии был подать какую-то мысль, предложить план.

Встав коленями на землю, господин Ленорман проверял скорость, с какой поднималась вода. Примерно четверть первой двери оказалась уже затопленной, и вода была на полпути ко второй двери.

— Продвижение медленное, но непрерывное, — сказал он. — Через несколько часов ее будет выше головы.

— Но это страшно, шеф, это ужасно, — простонал Гурель.

— Послушай-ка, не станешь же ты изводить нас своими сетованиями, а? Плачь, если тебе это нравится, но чтобы я тебя не слышал.

— Это голод лишил меня сил, шеф, у меня голова идет кругом.

— Ешь свой кулак.

Как справедливо заметил Гурель, положение было ужасающим, и если бы господин Ленорман не обладал такой энергией, то отказался бы от столь безнадежной борьбы. Что делать? Нечего было надеяться, что Рибейра проявит милосердие и откроет им проход. Не стоило надеяться и на то, что помощь им окажут братья Дудвили, поскольку инспекторы не знали о существовании этого прохода.

Значит, никакой надежды не оставалось… никакой, кроме надежды на невозможное чудо…

— Как же так, как же так, — повторял господин Ленорман, — это слишком глупо, не станем же мы подыхать здесь! Какого дьявола! Должно же что-то быть… Посвети мне, Гурель.

Прильнув ко второй двери, он исследовал ее снизу доверху и со всех углов. С этой стороны, как, вероятно, и с другой, была задвижка, огромная задвижка. Лезвием своего ножа Ленорман отвинтил винты, и задвижка упала.

— И что дальше? — спросил Гурель.

— Дальше вот что, — отвечал Ленорман, — задвижка железная, довольно длинная, почти острая… Конечно, это не то, что кирка, но все-таки лучше, чем ничего… и…

Не закончив фразы, он вонзил орудие в стену

прохода, немного отступив от каменной кладки, на которой держались петельные крюки двери. Как он и ожидал, за первым слоем цемента и камня обнаружилась мягкая земля.

— За работу! — воскликнул он.

— Я готов, шеф, но объясните мне…

— Все очень просто, речь о том, чтобы вырыть вокруг этой каменной кладки отверстие длиной в три-четыре метра, которое соединится с проходом за дверью и позволит нам бежать.

— Но понадобятся часы, и все это время вода будет подниматься.

— Посвети мне, Гурель.

Мысль господина Ленормана была верной, и с некоторым усилием, подгребая к себе и отбрасывая назад в проход землю, которую он сначала будет долбить орудием, ему вскоре удастся вырыть довольно большое отверстие, чтобы проскользнуть в него.

— Моя очередь, шеф! — сказал Гурель.

— А-а, ты возвращаешься к жизни? Хорошо, работай… Тебе надо лишь следовать контуру каменной кладки.

Вода тем временем поднялась до щиколоток. Хватит ли у них времени закончить начатую работу? По мере своего продвижения работа ста-

новилась все труднее, поскольку вырытая земля сильно мешала им, и, лежа плашмя в проходе, они вынуждены были поминутно убирать загромождавшие его кучи, отбрасывая их назад.

Через два часа работа была проделана, возможно, на три четверти, но вода уже покрывала их ноги. Еще час, и она достигнет уровня отверстия, которое они долбили.

И это будет конец.

Гурелю, ослабевшему без пропитания и отличавшемуся внушительной тучностью, мешавшей ему передвигаться взад-вперед в этом проходе, все более узком, пришлось отступиться. Он больше не двигался и дрожал от страха, ощущая ледяную воду, которая постепенно прибывала.

Зато господин Ленорман работал с неиссякаемым жаром. Труд ужасный, работа муравья, совершавшаяся в удушливых потемках. Ладони его кровоточили. Он изнемогал от голода и с трудом вдыхал малое количество имевшегося воздуха, а вздохи Гуреля напоминали ему время от времени о чудовищной опасности, притаившейся в глубине этого логова.

Однако ничто его не обескураживало, ибо он наконец нащупал перед собой зацементированные камни стены прохода. Впереди было самое

трудное, но цель приближалась.

— Вода поднимается! — сдавленным голосом крикнул Гурель. — Вода поднимается!

Господин Ленорман удвоил усилия. Внезапно конец задвижки, которой он орудовал, вырвался в пустоту. Проход был прорыт. Оставалось лишь расширить его, что теперь стало гораздо легче, ведь отходы можно было выбрасывать вперед.

Гурель, обезумев от страха, выл, как умирающий зверь. Ленормана это не волновало. Спасение было у него в руках.

Однако на несколько секунд его охватило беспокойство, когда по звуку падающих отбросов он понял, что и эта часть прохода тоже наполнена водой — что было естественно, ведь дверь не могла служить непроницаемой дамбой. Но какое это имело значение! Путь был свободен… Последнее усилие… Ленорман выбрался.

— Иди сюда, Гурель! — крикнул он, возвращаясь за своим товарищем.

Он вытащил его за руки полумертвого.

— Давай, приходи в себя, дурачина, ведь мы спасены.

— Вы думаете, шеф… Вы думаете?.. Воды по грудь…

— Пускай… Пока она не закрывает нам рот… А

твой фонарь?

— Он больше не работает.

— Тем хуже.

Вдруг Ленорман радостно воскликнул:

— Ступенька… две ступеньки!.. Лестница… Наконец-то!

Они выбирались из воды, из той проклятой воды, которая едва не поглотила их, и это было сладостное ощущение. Освобождение воодушевляло их.

— Стой! — прошептал Ленорман.

Он уперся во что-то головой. Вытянув руки, ощутил препятствие, которое тут же поддалось. То была крышка люка, и, открыв этот люк, они очутились в подвале, куда через отдушину просачивался свет ясной ночи.

Откинув крышку, он поднялся по последним ступенькам.

На него тут же упал какой-то покров. Его схватили чьи-то руки. Ленорман почувствовал, как его окутывает что-то вроде одеяла или мешка, а потом его обвязали веревками.

— Теперь другой, — послышался чей-то голос.

Такую же операцию должны были проделать с Гурелем, и тот же голос произнес:

— Если они закричат, сразу убей их. Твой кин-

жал с тобой?

— Да.

— В путь. Вы, двое, берите этого… вы, двое — того… Никакого света и никакого шума… Дело серьезное! С самого утра обыскивают сад… Усердствуют человек десять или пятнадцать. Возвращайся во флигель, Гертруда, и чуть что, звони мне в Париж.

У Ленормана создалось впечатление, что его куда-то несут, а через какое-то время ему показалось, что они на улице.

— Подгони свою колымагу, — произнес голос.

Ленорман услышал шум экипажа, запряженного лошадью.

Его положили на пол. Рядом с ним втиснули Гуреля. Лошадь пошла рысью.

Переезд длился около получаса.

— Стой! — приказал голос. — Спускайте их. Эй, возница, поверни колымагу так, чтобы задняя часть упиралась в парапет моста… Хорошо… На Сене никаких судов? Нет? Тогда не будем терять времени… Эй, вы привязали им камни?

— Да, булыжники.

— В таком случае действуйте. Препоручи твою душу Господу, господин Ленорман, и помолись за меня, Парбери-Рибейру, более известного под

именем барона Альтенхайма. Ну как? Все готовы? Что ж, счастливого пути, господин Ленорман!

Ленормана поместили на парапет. Его толкнули. Он почувствовал, что падает в пустоту, и снова услышал насмешливый голос:

— Счастливого пути!

Через десять секунд настала очередь инспектора Гуреля.

Парбери-Рибейра-Альтенхайм

I

В саду под присмотром мадемуазель Шарлотты, новой сотрудницы Женевьевы, играли девочки. Раздав им пирожки, госпожа Эрнемон вернулась в комнату, служившую сразу и гостиной, и приемной. Она расположилась за столом и принялась приводить в порядок бумаги и книги записей.

Внезапно она почувствовала чужое присутствие в комнате. Встревожившись, обернулась.

— Ты! — воскликнула она. — Откуда ты явился? Каким образом вошел?..

— Тише, — молвил князь Сернин. — Выслушай меня, и не будем терять ни минуты. Женевьева?

— Пошла к госпоже Кессельбах.

— Когда будет здесь?

— Не раньше, чем через час.

— Тогда я дождусь братьев Дудвиль. У меня встреча с ними. Как Женевьева?

— Очень хорошо.

— Сколько раз после моего отъезда она виделась с Пьером Ледюком за эти десять дней?

— Три раза, и сегодня должна с ним встретиться

у госпожи Кессельбах, которой она его по твоему приказанию представила. Только я должна сказать тебе, что лично мне этот Пьер Ледюк мало интересен. Женевьеве лучше найти какого-нибудь хорошего парня ее уровня. Например, учителя.

— Ты с ума сошла! Женевьеве выйти замуж за какого-то школьного преподавателя!

— Ах, если бы ты прежде всего думал о счастье Женевьевы!

— Какого черта, Виктория! Ты попусту донимаешь меня своей болтовней. Разве у меня есть время сентиментальничать? Я играю шахматную партию, переставляя свои фигуры и не беспокоясь о том, что они думают. Когда я выиграю партию, то озабочусь узнать, есть ли сердце у коня Пьера Ледюка и королевы Женевьевы.

Она прервала его:

— Ты слышал? Чей-то свист…

— Это Дудвили. Сходи за ними и оставь нас.

Как только братья вошли, князь спросил с присущей ему определенностью:

— Я знаю все, что сообщили газеты об исчезновении Ленормана и Гуреля. Вам известно что-нибудь еще?

— Нет. Дело взял в свои руки помощник, гос-

подин Вебер. Вот уже неделю мы обыскиваем сад пансиона, и нам не удается понять, как они могли исчезнуть. Вся служба в смятении… Такого никогда не случалось… Не оставив следов, исчезает начальник полиции!

— Две служанки?

— Гертруда пропала. Ее разыскивают.

— А Сюзанна?

— Ее допросили господин Вебер и господин Формери. Против нее ничего нет.

— Это все, что вы можете мне сказать?

— О нет! Есть и другие вещи, то, о чем мы не рассказывали газетам.

И они поведали о событиях, отметивших два последних дня господина Ленормана, о ночном посещении бандитами виллы Пьера Ледюка, затем о попытке похищения на следующий день, совершенной Рибейрой, и охоте в лесу Сен-Кюкюфа, потом о прибытии старика Стейнвега, о его допросе в Уголовной полиции в присутствии госпожи Кессельбах и его бегстве из Дворца правосудия.

— И никто, кроме вас, не знает ни одной из этих подробностей?

— Дьёзи знает о случае со Стейнвегом, он сам нам об этом рассказал.

— А в префектуре по-прежнему вам доверяют?

— Настолько доверяют, что открыто используют. Господин Вебер просто молится на нас.

— Ладно, — сказал князь, — не все еще потеряно. Если господин Ленорман допустил какую-то оплошность, стоившую ему жизни, как я полагаю, то прежде он все-таки проделал хорошую работу, остается лишь продолжить ее. Враг опередил нас, но мы наверстаем.

— У нас возникнут трудности, патрон.

— Какие? Речь всего-навсего о том, чтобы отыскать старика Стейнвега, раз именно он знает секрет.

— Да, но где Рибейра его спрятал?

— У себя, черт возьми.

— Значит, надо узнать, где живет Рибейра.

— А как же иначе!

Отпустив братьев, князь отправился в пансион. У входа стояли автомобили и двое мужчин расхаживали взад-вперед, словно несли караул.

В саду, возле флигеля госпожи Кессельбах, Сернин увидел на скамье Женевьеву, Пьера Ледюка и тучного господина, носившего монокль. Все трое беседовали. Никто из них его не заметил.

Между тем из флигеля вышли несколько человек. Это были господин Формери, господин Вебер,

секретарь суда и два инспектора. Женевьева вошла в дом, господин с моноклем сказал что-то следователю и помощнику начальника полиции и, не спеша, удалился вместе с ними. Сернин подошел сбоку к скамье, на которой сидел Пьер Ледюк, и прошептал:

— Не шевелись, Пьер Ледюк, это я.

— Вы!.. Вы!..

После того ужасного вечера в Версале молодой человек видел Сернина в третий раз, и каждый раз это приводило его в смятение.

— Отвечай… Кто этот человек с моноклем?

Страшно побледнев, Пьер Ледюк что-то пролепетал. Сернин сжал его руку.

— Отвечай, черт возьми! Кто это?

— Барон Альтенхайм.

— Откуда он взялся?

— Он был другом господина Кессельбаха. Шесть дней назад барон приехал из Австрии и предложил свои услуги госпоже Кессельбах.

Тем временем следователи покинули сад, барон Альтенхайм тоже.

— Барон тебя расспрашивал?

— Да, подробно. Мой случай его интересует. Ему хотелось бы помочь мне разыскать мою семью, и он интересуется моими детскими воспомина-

ниями.

— И что ты сказал?

— Ничего, ведь я ничего не знаю. Разве у меня есть воспоминания? Вы поставили меня на место другого, а я даже не знаю, кто этот другой.

— Я тоже! — усмехнулся князь. — В этом-то как раз и состоит странность твоего случая.

— Ах, вы смеетесь!.. Вы всегда смеетесь… Но мне, мне все это начинает надоедать… Я замешан во множестве нечестных вещей… Не считая опасности, которой я подвергаюсь, изображая персонажа, каковым не являюсь.

— Как это… каковым не являешься? Ты, по крайней мере, герцог, точно так же, как я — князь… Быть может, даже больше… И потом, если ты не он, то стань им, черт возьми! Женевьева может выйти замуж только за герцога. Посмотри на нее… Разве Женевьева не стоит того, чтобы ты продал душу ради ее прекрасных глаз?

Сернин даже не взглянул на молодого человека, не интересуясь тем, что тот думает. Они направились к дому, где на ступеньках появилась прелестная, улыбающаяся Женевьева.

— Вы вернулись? — обратилась она к князю. — Ах, тем лучше! Я рада… Хотите увидеть Долорес?

Через минуту она ввела его в комнату госпожи

Кессельбах. Князь был поражен. С тех пор, как он ее видел, Долорес похудела и побледнела еще больше. Она лежала на диване, закутавшись в белое покрывало, и была похожа на тех больных, которые отказываются бороться. Она же отказывалась бороться с жизнью, с судьбой, осыпавшей ее ударами.

Сернин смотрел на нее с глубокой жалостью и волнением, которые и не пытался скрыть. Долорес поблагодарила его за сочувствие, которое он к ней испытывал. В дружеских словах отозвалась о бароне Альтенхайме.

— Вы знали его раньше? — спросил он.

— По имени — да, и со слов мужа, с которым он был связан.

— Я встречал одного Альтенхайма, который проживал на улице Дарю. Вы думаете, это тот самый?

— О нет! Этот живет… Впрочем, я не знаю, он дал мне свой адрес, но я не могла бы назвать…

После нескольких минут беседы Сернин откланялся.

В прихожей его ждала Женевьева.

— Мне нужно сказать вам нечто важное, — обратилась она к нему. — Вы его видели?

— Кого?

— Барона Альтенхайма… Но это не настоящее его имя… или, по крайней мере, у него есть другое… Я узнала его… он об этом не догадывается…

Она увлекла Сернина наружу и пошла с ним рядом, очень взволнованная.

— Успокойтесь, Женевьева…

— Это человек, который хотел похитить меня… Если бы не бедный господин Ленорман, я пропала бы… Послушайте, вы должны знать, вы же все знаете.

— Как его настоящее имя?

— Рибейра.

— Вы уверены?

— Хотя он изменил внешность, акцент, манеры… Я сразу его узнала по ужасу, который он у меня вызвал. Но я ничего не говорила… до вашего возвращения.

— Вы и госпоже Кессельбах ничего не сказали?

— Ни слова. Она, похоже, была так счастлива встретить друга своего мужа. Но вы ей, конечно, скажете? Вы защитите ее… Я не знаю, что он замышляет против нее, против меня… Теперь, когда господина Ленормана нет, он ничего не боится, ведет себя, как хозяин. Кто может его разоблачить?

— Я, я за все отвечаю. Но никому ни слова.

Они подошли к привратницкой.

Дверь отворилась.

— Прощайте, Женевьева, — сказал князь, — и главное, успокойтесь. Я здесь.

Он закрыл дверь, повернулся и тут же слегка отпрянул.

Напротив него с высоко поднятой головой стоял широкоплечий, могучего телосложения человек с моноклем, барон Альтенхайм.

Две-три секунды они молча смотрели друг на друга. Барон улыбался.

— Я ждал тебя, Люпен, — сказал он.

Несмотря на безупречное умение владеть собой, Сернин вздрогнул. Он пришел, чтобы разоблачить своего противника, а этот противник с первого взгляда разоблачил его самого. И в то же время этот противник отважно, нагло предлагал вступить в борьбу, словно не сомневался в победе. Жест был отчаянный и свидетельствовал о недюжинной силе.

Оба мужчины с нескрываемой враждебностью, вызывающе смотрели друг на друга.

— Что дальше? — спросил Сернин.

— Дальше? Ты не думаешь, что нам необходимо встретиться?

— Зачем?

— Мне надо с тобой поговорить.

— Когда?

— Завтра. Пообедаем в ресторане.

— А почему не у тебя?

— Ты не знаешь моего адреса.

— Напротив.

Князь быстро выхватил торчавшую из кармана Альтенхайма газету, на которой еще сохранился почтовый штемпель, и сказал:

— Двадцать девять, вилла Дюпон.

— Ловко, ничего не скажешь, — заметил тот. — Значит, завтра у меня.

— До завтра, у тебя. В котором часу?

— В час дня.

— Я буду. Мое почтение.

Они почти расстались, когда Альтенхайм вдруг остановил Сернина.

— Еще одно слово, князь. Прихвати свое оружие.

— Зачем?

— У меня четверо слуг, а ты будешь один.

— У меня мои кулаки, — отвечал Сернин, — условия будут равные.

Он повернулся, было, спиной к барону, потом вдруг вспомнил:

— Вот что. Найми еще четверо слуг.

— Зачем?

— Я передумал. Возьму с собой свой стек.

II

Ровно в час всадник миновал ограду виллы Дюпон, спокойной провинциальной улочки, единственный выход с которой смотрит на улицу Перголези, в двух шагах от проспекта дю Буа.

По сторонам улицы — сады и красивые особняки, а в самом конце ее замыкал своего рода маленький парк, где возвышался большой старый дом, возле которого проходит железная дорога Большого кольца.

Именно там, в доме номер 29 и проживал барон.

Сернин бросил поводья своего коня выездному лакею, которого прислал заранее, сказав ему:

— Приведешь его обратно в половине третьего.

Он позвонил. Калитка сада была открыта, и князь направился к крыльцу, где его ожидали два рослых молодца в ливреях. Они проводили гостя в огромный каменный вестибюль, холодный и безо всяких украшений. Дверь за ним закрылась с глухим стуком, и, несмотря на всю его неукротимую храбрость, у князя возникло тягостное чувство от ощущения того, что он один в этой

уединенной тюрьме, в окружении врагов.

— Доложите о князе Сернине.

Гостиная находилась рядом. Его провели туда незамедлительно.

— А-а, вот и вы, дорогой князь, — сказал барон, выходя ему навстречу. — Что ж, представьте себе… Доминик, обед через двадцать минут… До тех пор нас не беспокоить. Так вот, представьте себе, дорогой князь, я не очень верил в ваш визит.

— И почему же?

— Ну как же! Ваше объявление войны сегодня утром было столь очевидно, что всякая встреча кажется бесполезной.

— Мое объявление войны?

Барон развернул номер газеты «Гранд Журналь» и показал пальцем на заметку в рубрике «*Сообщения*».

«Исчезновение господина Ленормана не оставило безучастным Арсена Люпена. После предварительного расследования и в продолжение его намерения разобраться в деле Кессельбаха Арсен Люпен принял решение найти господина Ленормана *живым или мертвым* и передать правосудию виновника или виновников гнусной серии злодеяний».

— Это ведь ваше сообщение, дорогой князь.

— Действительно, мое.

— Следовательно, я прав, это война.

— Да.

Альтенхайм пригласил Сернина сесть, сел сам и обратился к нему примирительным тоном:

— Ну нет, я не могу с этим согласиться, невозможно, чтобы два таких человека, как мы, сражались, принося друг другу вред. Надо лишь объясниться и найти взаимопонимание: мы созданы, чтобы ладить между собой.

— Напротив, я думаю, что два таких человека, как мы, не созданы, чтобы поладить.

Барон, сдержав нетерпеливый жест, продолжал:

— Послушай, Люпен… Кстати, ты согласен, чтобы я называл тебя Люпеном?

— А как мне называть тебя? Альтенхайм, Рибейра или Парбери?..

— О! О! Я вижу, что ты осведомлен еще больше, чем я думал! Да ты силен, черт возьми… Еще одна причина, чтобы нам объединиться.

И, наклонившись к нему, он добавил:

— Послушай, Люпен, подумай хорошенько над моими словами, ведь нет ни одного, которое бы я здраво не взвесил. Так вот… Мы оба сильны… Ты улыбаешься? Напрасно… Не исключено, что

ты обладаешь возможностями, которых нет у меня, но у меня есть возможности, о которых не знаешь ты. К тому же, как тебе известно, я не слишком щепетилен… зато ловок… и обладаю способностью менять свою личность, которую такой мастер, как ты, должен оценить. Словом, два противника стоят друг друга. Однако остается вопрос: почему мы противники? Мы преследуем одну и ту же цель, скажешь ты. Ну и что? Известно ли тебе, к чему приведет наше соперничество? Каждый из нас станет мешать действиям другого и уничтожать плоды его работы, и в результате оба мы не достигнем цели! Кто от этого выиграет? Какой-нибудь Ленорман или какой-то третий мошенник… Это слишком глупо.

— Действительно, слишком глупо, — согласился Сернин, — но есть одно средство.

— Какое?

— Отступись.

— Не шути. Это серьезно. Предложение, которое я хочу тебе сделать, из тех, что не отбрасывают, не изучив хорошенько. Короче, в двух словах: давай объединимся.

— О! О!

— Разумеется, мы будем свободны, каждый со своей стороны, во всем, что нас касается. Но в

отношении дела, о котором идет речь, мы объединим наши усилия. Тебе это подходит? Рука об руку, и все пополам.

— Твой вклад?

— Мой?

— Да. Ты знаешь, чего я стою, я свое доказал. В союзе, который ты предлагаешь, тебе известна, так сказать, сумма моего вклада… Какова твоя?

— Стейнвег.

— Этого мало.

— Это очень много. От Стейнвега мы узнаем правду о Пьере Ледюке. От Стейнвега мы узнаем, что такое знаменитый проект Кессельбаха.

Сернин рассмеялся.

— И для этого ты нуждаешься во мне?

— Что ты имеешь в виду?

— Послушай, мой милый, твое предложение несерьезно. Если Стейнвег у тебя в руках, а ты ищешь моего сотрудничества, это означает, что тебе не удалось заставить его заговорить. Иначе ты обошелся бы без моих услуг.

— И что?

— А то, что я отказываюсь.

Оба мужчины снова встали, решительные и непримиримые.

— Я отказываюсь, — четко произнес Сернин. —

Чтобы действовать, Люпен ни в ком не нуждается. Я из тех, кто шагает в одиночку. Если бы ты был равен мне, то мысль о сообществе никогда не пришла бы тебе в голову. Если ты настоящий командир, командуешь ты. *Объединиться, значит, подчиниться*. Я не подчиняюсь!

— Ты отказываешься? Отказываешься? — повторил Альтенхайм, побледнев от обиды.

— Все, что я могу сделать для тебя, мой милый, это предложить тебе место в моем отряде. Для начала простым солдатом. Под моим руководством ты увидишь, как генерал выигрывает битву… и как он один получает добычу, причем для себя одного. Такое тебя устраивает, новобранец?

Вне себя Альтенхайм заскрипел зубами, процедив:

— Ты не прав, Люпен… ты не прав… Я тоже ни в ком не нуждаюсь, и это дело обременяет меня не более, чем множество других, которые я довел до конца… Все это я говорил для того, чтобы поскорее достигнуть цели, не мешая друг другу.

— Ты мне не мешаешь, — высокомерно заявил Люпен.

— Да будет тебе! Если не объединиться, преуспеет лишь один.

— Этого мне достаточно.

— И преуспеет он только после того, как переступит через тело другого. Ты готов к такого рода дуэли, Люпен?.. Смертельной дуэли, понимаешь? Удар ножом, такой способ ты презираешь, но если ты сам получишь его, Люпен, прямо в горло?

— Ах так! В конечном счете вот что ты мне предлагаешь?

— Нет, сам я не очень люблю кровь… Взгляни на мои кулаки… я бью… и человек падает… у меня свои особые удары… Но *тот, другой*… Вспомни-ка… маленькая ранка на горле… Ох, Люпен, берегись его. Он страшен и неумолим… Его ничто не остановит.

Эти слова он произнес тихим голосом и с таким волнением, что Сернин вздрогнул при омерзительном воспоминании о незнакомце.

— Барон, — усмехнулся он, — можно подумать, что ты боишься своего сообщника!

— Я боюсь за других, за тех, кто встает у нас на дороге, за тебя, Люпен. Соглашайся или ты пропал. Я и сам, если надо, буду действовать. Цель слишком близка… Я почти касаюсь ее… Отступись, Люпен!

Он излучал несокрушимую энергию и отчаянную волю и был так резок, что, казалось, мог нанести удар врагу немедленно.

Сернин пожал плечами.

— Боже! До чего я проголодался, — зевая, сказал он. — Как поздно у тебя едят!

Открылась дверь.

— Господа, пожалуйте к столу, — сообщил метрдотель.

— Ах, вот добрая весть!

На пороге Альтенхайм схватил его за руку и, не обращая внимания на присутствие слуги, сказал:

— Добрый совет… соглашайся. Час решающий… И это лучше всего… клянусь тебе, лучше всего… Надо соглашаться… соглашайся…

— Черная икра! — воскликнул Сернин. — Ах, как это мило… Ты вспомнил, что принимаешь русского князя.

Они сели напротив друг друга, и борзая барона, огромный зверь с длинной серебристой шерстью, заняла место между ними.

— Представляю вам Сириуса, моего самого верного друга.

— Соотечественник, — сказал Сернин. — Я никогда не забуду того пса, которого хотел подарить мне царь, когда я имел честь спасти ему жизнь.

— А-а, вы имели честь… Наверняка террористический заговор?

— Да, заговор, который организовал я сам.

Представьте себе, что этот пес, которого звали Севастополь…

Обед продолжался весело. К Альтенхайму вернулось его хорошее настроение, и оба мужчины состязались в остроумии и учтивости. Сернин рассказывал забавные истории, на которые барон отвечал другими историями, и это были рассказы об охоте, о спорте, о путешествиях, в которых то и дело звучали родовитые имена Европы, испанских грандов, английских лордов, венгерских мадьяр, австрийских эрцгерцогов.

— Ах, — молвил Сернин, — какое прелестное у нас ремесло! Оно сводит нас со всем, что есть хорошего на земле. А ну-ка, Сириус, отведай этой птицы с трюфелями.

Пес не спускал с него глаз, хватая все, что протягивал ему Сернин.

— Бокал шамбертена, князь?

— С удовольствием, барон.

— Рекомендую его вам, оно из погребов короля Леопольда.

— Подарок?

— Да, подарок, который я сделал себе сам.

— Оно восхитительно… Какой букет!.. С печеночным паштетом это настоящий шедевр. Мои комплименты, барон, у вас первоклассный

повар.

— Этот повар — кухарка, которую я за бешеные деньги переманил у Левро, депутата-социалиста. Да вот, отведайте это какао-глясе, и обращаю ваше внимание на кексы к нему. Гениальное изобретение, скажу вам.

— Они прелестны, по крайней мере, с виду, — сказал Сернин, положив кексы себе на тарелку. — Если их щебет соответствует оперению… Держи, Сириус, тебе должно понравиться. Сама Локуста[3] не сумела бы приготовить лучше.

Взяв один кекс, он протянул его псу. Тот разом проглотил его, застыл на две-три секунды, словно остолбенев, потом закружился на месте и упал, будто сраженный молнией.

Сернин отскочил назад, чтобы кто-то из слуг коварно не напал на него, и со смехом сказал:

— Послушай, барон, когда хочешь отравить кого-то из своих друзей, постарайся, чтобы голос звучал спокойно и не дрожали руки… Иначе возникнут подозрения… Однако я полагал, что убийство претит тебе?

— Ножом — да, — отвечал Альтенхайм, не дрогнув. — Но мне всегда хотелось кого-нибудь

---

[3] Примечания: 3
Римская отравительница времен Нерона.

отравить. Я хотел изведать вкус этого.

— Черт возьми, милейший! У тебя губа не дура. Отравить русского князя!

Он подошел к Альтенхайму и сказал ему доверительным тоном:

— А знаешь, что произошло бы, если бы тебе это удалось, то есть если бы мои друзья не увидели меня снова самое позднее в три часа? В половине четвертого префект полиции в точности знал бы, что собой представляет так называемый барон Альтенхайм, и этого самого барона задержали бы еще до конца дня и засадили бы в тюрьму.

— Ба! — отвечал Альтенхайм. — Из тюрьмы сбегают… в то время как из царства, куда я собирался тебя отправить, не возвращаются.

— Разумеется, только прежде надо было отправить меня туда, а это не так просто.

— Хватило бы кусочка одного из этих кексов.

— Ты в этом уверен?

— Попробуй.

— Нет, мой милый, ты решительно не обладаешь еще свойствами настоящего авантюриста и наверняка никогда им не станешь, если расставляешь мне подобные ловушки. Когда считаешь себя достойным вести такую жизнь, какую имеем честь вести мы, следует обладать определен-

ными способностями быть готовым ко всяким случайностям… например, не умереть, если какой-нибудь прохвост попытается тебя отравить… Неустрашимая душа в неуязвимом теле. Вспомни царя Митридата.

И, снова садясь, Сернин добавил:

— А теперь за стол! Но поскольку я люблю доказывать доблести, которые себе приписываю, и, кроме того, не хочу огорчать кухарку, дай-ка мне эту тарелку с кексами.

Взяв один из них, он разломил его и протянул половинку барону:

— Ешь!

Тот отпрянул.

— Трус! — сказал Сернин.

И на глазах изумленного барона и его приспешников стал есть первую, а потом вторую половину кекса, причем спокойно, добросовестно, как едят некое лакомство, самую малую крошку которого было бы жаль потерять.

III

Они встретились снова.

Тем же вечером князь Сернин пригласил барона Альтенхайма в «Кабаре Ватель» на ужин с поэтом, музыкантом, финансистом и двумя

хорошенькими артистками, сосьетерками[4] Французского театра.

На следующий день они обедали в Булонском лесу, а вечером увиделись в Опере.

И в течение всей недели они встречались ежедневно.

Можно было подумать, что они не могут обойтись друг без друга и что их связывает большая дружба, основанная на доверии, уважении и симпатии.

Они много веселились, пили хорошие вина, курили превосходные сигары и смеялись, как сумасшедшие.

На самом деле они свирепо следили друг за другом. Смертельные враги, снедаемые дикой ненавистью, каждый из них, уверенный в победе и стремящийся к ней с неукротимой волей, они дожидались благоприятной минуты, Альтенхайм — чтобы устранить Сернина, а Сернин — чтобы низвергнуть Альтенхайма в бездну, которую готовил для него. Они оба знали, что развязка не за горами. Тому или другому грозила гибель, это был вопрос нескольких часов, самое большее — дней.

Захватывающая драма, странная и всепоглоща-

---

[4] Примечания: 4

Пайщицы театра «Комеди Франсез» (другое название Французского театра).

ющая острота которой должна была нравиться такому человеку, как Сернин. Знать своего противника и жить с ним рядом, знать, что при малейшем шаге, малейшей оплошности тебя подстерегает смерть — какое наслаждение!

Однажды в саду клуба на улице Камбон, в котором состояли и князь, и Альтенхайм, их вдвоем застал тот сумеречный июньский час, когда начинают ужинать, а вечерние игроки еще не собрались. Они прогуливались по лужайке, вдоль которой, окаймленная кустами, шла стена с маленькой дверью. И вдруг, пока Альтенхайм что-то говорил, у Сернина возникло ощущение, будто голос его становится менее уверенным, почти дрожащим. Краешком глаза он наблюдал за своим собеседником. Руку Альтенхайм держал в кармане своего пиджака, и сквозь ткань Сернин *увидел* эту руку, сжимавшую рукоятку кинжала, руку неуверенную, нетвердую, то исполненную решимости, то без сил.

Восхитительный момент! Отважится ли он нанести удар? Что одержит над ним победу: боязливый инстинкт, у которого недостает смелости, или сознательная воля, целиком направленная на совершение убийства?

Выпрямившись, сложив руки за спиной, Сер-

нин ждал, содрогаясь от страха и удовольствия. Барон умолк, и так, в молчании, они шагали бок о бок.

— Да бей же, наконец! — воскликнул князь.

Он остановился и, повернувшись к своему спутнику, продолжал:

— Бей же, наконец, теперь или никогда! Никто тебя не увидит. Ты скроешься через эту маленькую дверь, ключ от которой по чистой случайности висит на стене, и привет, барон… все шито-крыто… Вот только я думаю, что все это было подстроено… Ты нарочно привел меня сюда… И ты колеблешься? Так ударь же, наконец!

Он смотрел барону прямо в глаза. Тот был мертвенно-бледен, содрогаясь от бессильной энергии.

— Мокрая курица! — усмехнулся Сернин. — Мне из тебя никогда ничего не сделать. Хочешь, скажу тебе правду? Так вот, я внушаю тебе страх. Ну да, ты всегда не очень уверен в том, что может случиться, когда ты со мной. Ты сам хочешь действовать, но именно мои действия, мои возможные действия определяют ситуацию. Нет, ты решительно пока не тот, кто заставит угаснуть мою звезду!

Не успел он произнести эти слова, как почувствовал, что его схватили за шею и тянут назад.

Кто-то, скрывавшийся в кустах, возле маленькой двери, поймал его за голову. Князь увидел, как поднимается чья-то рука, вооруженная ножом с блестящим лезвием. Рука опустилась, острие ножа коснулось его горла.

В ту же минуту Альтенхайм набросился на него, чтобы прикончить, и они повалились на зеленый бордюр. Это было делом двадцати-тридцати секунд, не более. Несмотря на всю свою силу и натренированность в борьбе, Альтенхайм почти сразу же осел, вскрикнув от боли. Сернин, поднявшись, кинулся к маленькой двери, которая только что захлопнулась, скрыв темный силуэт. Слишком поздно! Он услышал звук ключа в скважине и не смог открыть дверь.

— Ах, бандит! — выругался он. — Тот день, когда я тебя поймаю, станет днем моего первого преступления! Но во имя Господа!..

Вернувшись, он наклонился и подобрал обломки кинжала, который сломался во время удара.

Альтенхайм зашевелился.

— Ну как, барон, тебе лучше? Ты ведь не знал такого приема, а? Это то, что я называю прямым ударом в солнечное сплетение, он гасит жизненное солнце сразу, словно свечу. Это чисто, быстро, без боли… и безошибочно. В то время как удар

кинжала?.. Полная ерунда! Достаточно носить лишь маленький ошейник со стальными пластинками, какой ношу я сам, и можно плевать на всех, в особенности на твоего жалкого черного приятеля, поскольку он всегда целит в горло, дурацкое чудище! Посмотри на его любимую игрушку… Одни осколки!

Он протянул ему руку.

— Поднимайся, барон. Я приглашаю тебя на ужин. И постарайся запомнить секрет моего превосходства: неустрашимая душа в неуязвимом теле.

Он пошел в гостиную клуба, заказал столик на две персоны, сел на диван и стал дожидаться времени ужина, размышляя:

«Партия, разумеется, забавна, но становится опасной. Пора с этим кончать… Иначе эти скоты отправят меня в рай раньше, чем я того желаю… Досадно то, что я ничего не могу с ними поделать, пока не найду старика Стейнвега… Ибо, по сути, интерес представляет лишь старик Стейнвег, и если я цепляюсь за барона, то потому, что надеюсь обнаружить хоть какой-нибудь след… Но что, черт возьми, они с ним сделали? Альтенхайм, несомненно, общается с ним ежедневно, несомненно и то, что он пытается сделать

невозможное, чтобы вырвать у него сведения относительно проекта Кессельбаха. Но где он с ним видится? Где они его запрятали? У друзей? У него, на вилле Дюпон, двадцать девять?».

Раздумывал он довольно долго, потом закурил сигарету и, сделав три затяжки, выбросил ее. Должно быть, это был сигнал, поскольку к нему сразу подошли и сели рядом два молодых человека, которых он, вроде бы, не знал, но с которыми украдкой перекинулся парой слов.

Это были братья Дудвиль, на сей раз в обличье светских людей.

— В чем дело, патрон?

— Возьмите десяток наших людей, отправляйтесь в двадцать девятый номер по улице вилла Дюпон и войдите туда.

— Черт возьми! Но как?

— Именем закона. Вы ведь инспекторы Уголовной полиции? С обыском.

— Но у нас нет права…

— Присвойте себе это право.

— А слуги? Если они воспротивятся?

— Они не закричат.

— А если вернется Альтенхайм?

— Раньше десяти часов он не вернется. Я беру это на себя. У вас есть два с половиной часа. Это

больше, чем вам потребуется, чтобы обыскать дом сверху донизу. Если отыщите старика Стейнвега, сообщите мне.

Приближался барон Альтенхайм, и Сернин пошел навстречу ему.

— Мы поужинаем, не так ли? После мелкого инцидента в саду у меня живот подвело. В этой связи, мой дорогой барон, я мог бы дать вам несколько советов.

Они сели за стол.

После трапезы Сернин предложил партию в бильярд, которая была принята. После бильярда они перешли в зал игры в баккара. Крупье как раз возвещал:

— Банк в пятьдесят луидоров, никто не желает?

— Сто луидоров, — сказал Альтенхайм.

Сернин взглянул на часы. Десять. Дудвили не возвращались. Значит, поиски оказались бесплодными.

— Хорошо, — согласился он.

Альтенхайм сел и раздал карты.

— Я выиграю.

— Нет.

— Семь.

— Шесть.

— Я проиграл, — сказал Сернин. — Удвоим ставки?

— Ладно, — согласился барон.

Он раздал карты.

— Восемь, — произнес Сернин.

— Девять, — открыл свои карты барон.

Сернин отошел, прошептав:

— Мне это обойдется в три сотни луидоров, но я спокоен, теперь его не оторвать.

Вскоре автомобиль доставил его к номеру двадцать девять на улице вилла Дюпон, и он сразу же встретился с Дудвилями и их людьми, собравшимися в вестибюле.

— Вы обнаружили старика?

— Нет.

— Проклятье! Должен же он где-то быть! А прислуга?

— Там, на кухне, связаны.

— Хорошо. Предпочитаю, чтобы меня не видели. Уходите все. Жан, останься внизу на страже. Жак, покажи мне дом.

Он наскоро осмотрел подвал, чердак. Он нигде не задерживался, прекрасно зная, что не найдет за несколько минут то, что его люди не смогли отыскать за три часа. Однако он в точности запомнил устройство и расположение комнат.

Закончив, князь вернулся в комнату, на которую Дудвиль указал ему, как на спальню Альтенхайма, и внимательно изучил ее.

— Вот что мне подойдет, — сказал он, приподнимая занавес, закрывавший заполненный одеждой темный стенной шкаф. — Отсюда видно всю комнату.

— А если барон станет обыскивать свой дом?

— Зачем?

— Но от своих слуг он узнает, что мы к нему приходили.

— Да, но не подумает, что один из нас расположился здесь. Он скажет себе, что попытка не удалась, вот и все. Так что я остаюсь.

— А как вы выйдете?

— А-а, ты слишком многого от меня хочешь! Главное было войти. Ступай, Дудвиль, закрой двери. Иди к брату и бегите прочь… До завтра… или вернее…

— Или вернее…

— Не думайте обо мне. В нужное время я подам вам знак.

Он сел на маленький ящик, стоявший в глубине шкафа. Его защищали четыре ряда висевшей одежды. Если не случится дотошного расследования, ему, очевидно, ничто не угрожает.

Прошло десять минут. Сернин услышал глухую рысь лошади со стороны улицы и звук колокольчика. Остановился какой-то экипаж, внизу стукнула входная дверь, и почти сразу же до него донеслись голоса, восклицания. Постепенно шум нарастал, вероятно, одного из пленников освободили от кляпа.

«Они объясняются, — подумал Сернин. — Ярость барона, должно быть, беспредельна… Теперь он понимает причину моего поведения в клубе этим вечером, я его попросту оставил в дураках… В дураках, это еще как сказать, поскольку, в конце-то концов, Стейнвег по-прежнему от меня ускользает… И первое, что должно заботить Альтенхайма, это не забрали ли у него Стейнвега? Чтобы узнать это, он побежит в тайник. Если он поднимется, значит, тайник наверху. Если он спустится, значит, тайник в подвале».

Он прислушался. В комнате первого этажа не смолкал шум голосов, однако не похоже было, что люди передвигаются. Верно, Альтенхайм допрашивал своих приспешников. Лишь через полчаса Сернин услышал шаги поднимавшихся по лестнице.

«Стало быть, это наверху, — сказал он себе, — но почему они не спешат?»

— Всем ложиться спать, — послышался голос Альтенхайма.

Барон вошел в спальню с одним из своих людей и закрыл дверь.

— Я тоже, Доминик, ложусь. Даже если мы проговорим всю ночь, нам никуда не продвинуться.

— На мой взгляд, — сказал другой, — они приходили искать Стейнвега.

— Я тоже так думаю, потому-то мне и смешно, ведь Стейнвега здесь нет.

— Но где же он все-таки? Что вам удалось с ним сделать?

— Ну, это уж мой секрет, а ты знаешь, что свои секреты я держу при себе.

— Значит, князь остался ни с чем?

— Похоже, что так. И к тому же ему пришлось раскошелиться, чтобы прийти к такому отличному результату. Нет, правда, мне до того смешно!.. Несчастный князь!..

— Все равно, — продолжал другой, — надо бы от него избавиться.

— Будь спокоен, старина, это не замедлит произойти. Не пройдет и недели, как я подарю тебе отменный бумажник, сделанный из шкуры Люпена. Позволь мне лечь, я засыпаю на ходу.

Звук закрывающейся двери. Потом Сернин

услышал, как барон запирает задвижку, затем вытаскивает все из карманов, заводит свои часы и раздевается.

Он был весел, насвистывал и напевал, даже разговаривал вслух:

— Да, из шкуры Люпена… не пройдет и недели… и даже четырех дней! Иначе он нас сожрет, негодяй!.. Этим вечером его план не удался, но это ничего не значит… Ведь расчет был верным… Стейнвег может находиться лишь здесь… Только вот…

Он лег в постель и сразу выключил электричество. Сернин приблизился к занавеске и, слегка приподняв ее, увидел смутный свет, сочившийся сквозь окна, оставляя кровать в кромешной тьме.

«Бесспорно, это я простофиля, — сказал он себе. — Я полностью просчитался. Как только он захрапит, я улизну…»

Однако его удивил приглушенный звук, природу которого он не смог определить, но исходил этот звук от кровати. Это было что-то вроде скрипа, впрочем, едва уловимого.

— Ну как, Стейнвег, что у тебя там?

Это говорил барон! Не было ни малейшего сомнения, что говорил именно он, но как мог-

ло статься, что он обращался к Стейнвегу, раз Стейнвега в комнате не было? А Альтенхайм продолжал:

— Ты по-прежнему несговорчив?.. Да?.. Болван! И все-таки тебе придется рассказать, что тебе известно… Нет?.. Тогда спокойной ночи и до завтра…

«Я грежу, грежу, — говорил себе Сернин. — Или это он грезит вслух. Поразмыслим. Стейнвега рядом с ним нет, его нет и в соседней комнате… и даже в доме его нет. Альтенхайм сам сказал это… Тогда что означает эта ошеломляющая история?»

Он заколебался. Не наброситься ли ему на барона, не взять ли его за горло и силой добиться от него того, чего он не смог добиться хитростью? Вздор! Ни за что Альтенхайм не даст запугать себя.

— Ладно, — прошептал он, — я ухожу, отделаюсь потерянным вечером, вот и все.

Однако он не ушел. Он чувствовал, что нельзя уходить, что он должен остаться, что еще может подвернуться случай.

С величайшими предосторожностями он снял четыре или пять костюмов и пальто, разложил их на полу, расположился поверх и, прислонясь спиной к стене, преспокойно заснул.

Барон был не из ранних пташек. Часы пробили девять, когда он встал с постели и позвал слугу.

Прочитав корреспонденцию, которую тот принес, барон молча оделся и стал писать письма, пока слуга старательно развешивал в шкафу вчерашнюю одежду, а Сернин, сжав кулаки, говорил себе:

«Неужели мне придется раздавить солнечное сплетение этого типа?»

В десять часов барон приказал:

— Уходи!

— Вот только еще этот жилет…

— Говорю тебе, пошел прочь. Вернешься, когда я тебя позову… не раньше.

Он сам закрыл за слугой дверь, выждал пару минут, как человек, не доверяющий другим, и, подойдя к столу, где находился телефонный аппарат, снял трубку.

— Алло!.. Мадемуазель, прошу вас соединить меня с Гаршем… Да, мадемуазель, вы мне позвоните…

Он остался у аппарата.

Сернин дрожал от нетерпения. Не собирается ли барон разговаривать со своим товарищем по преступлению?

Раздался звонок.

— Алло, — ответил Альтенхайм. — А-а, это Гарш… прекрасно… Мадемуазель, соедините меня с номером тридцать восемь… Да, тридцать восемь…

И через несколько секунд так тихо и так четко, как только возможно, он произнес:

— Номер тридцать восемь… Это я… никаких лишних слов… Вчера? Да, мы упустили его в саду… В другой раз, конечно… но дело не терпит… Вечером он перерыл весь дом… я тебе расскажу… Разумеется, ничего не нашел… Что?.. Алло!.. Нет, старик Стейнвег отказывается говорить… угрозы, обещания, ничто не помогло… Алло… Ну да, черт возьми, он знает, что мы ничего не можем… Мы не знаем проекта Кессельбаха, а историю Пьера Ледюка — лишь отчасти… Разгадка у него… О, он заговорит, я за это ручаюсь… И даже этой ночью, иначе… Э-э, что ты хочешь, все, только бы не упустить его! Представляешь, если князь выкрадет его? О, этот через три дня должен получить свое… У тебя есть идея!.. Действительно… идея хорошая. О! О! Превосходная… я этим займусь… Когда увидимся? Давай во вторник? Ладно. Я приеду во вторник… в два часа…

Он положил трубку и вышел. Сернин слышал, как он отдавал приказания:

— На этот раз осторожней, а? Не попадитесь глупо, как вчера, раньше ночи я не вернусь.

Тяжелая дверь вестибюля закрылась, потом послышались стук калитки в саду и звук колокольчика удаляющейся лошади.

Через двадцать минут явились двое слуг, они открыли окна и навели порядок в комнате.

После того, как они ушли, Сернин прождал еще довольно долго, до предполагаемого часа их трапезы. Потом, решив, что слуги на кухне за столом, он выскользнул из шкафа и принялся изучать кровать и стену, у которой та стояла.

«Странно, — подумал он, — действительно странно… Ничего особенного. У кровати никакого двойного дна… Под ней нет люка. Посмотрим соседнюю комнату».

Он очень осторожно прошел туда. Это была пустая комната, без всякой мебели.

«Значит, не здесь скрывается старик… В толще этой стены? Невозможно, скорее это перегородка, и очень тонкая. Черт возьми! Я ничего не понимаю».

Дюйм за дюймом он исследовал пол, стену, кровать, теряя время на тщетные опыты. Наверняка тут был какой-то трюк, возможно, весьма простой, но он его пока не разгадал.

«Разве только, — сказал он себе, — Альтенхайм действительно не бредил… Это единственно допустимое предположение. А чтобы проверить его, у меня есть лишь один способ — остаться. И я остаюсь. Будь что будет».

Опасаясь быть застигнутым врасплох, он снова вернулся в свое укрытие и больше не двигался, предаваясь мечтам и подремывая, мучимый, впрочем, сильнейшим голодом.

И свет померк. И наступила тьма.

Альтенхайм вернулся лишь после полуночи. Он поднялся к себе в спальню, на этот раз один, разделся, лег и сразу же, как накануне, выключил электричество.

То же тревожное ожидание. Тот же необъяснимый слабый скрип. И все тем же насмешливым тоном Альтенхайм произнес:

— Ну что, как дела, дружище?.. Ругательства?.. Ну нет, ну нет, старина, это совсем не то, о чем тебя просят! Ты на ложном пути. Что мне нужно, так это доподлинные откровения, самые полные, самые подробные касательно всего, что ты поведал Кессельбаху… история Пьера Ледюка и так далее. Это ясно?

Сернин с изумлением слушал. На сей раз ошибки быть не могло: барон *действительно*

обращался к старику Стейнвегу. Впечатляющая беседа! Ему казалось, он подслушивает таинственный диалог живого и мертвого, разговор с существом невообразимым, пребывающим в другом мире, существом невидимым, неосязаемым, несуществующим.

Барон продолжал, насмешливый и жестокий:

— Ты голоден? Поешь, старина. Только помни, что я сразу выдал тебе весь твой запас хлеба и что, откусывая его, из расчета по нескольку крошек за двадцать четыре часа, тебе этого хватит самое большее на неделю… Ну, предположим, на десять дней! Через десять дней все, конец, и не станет больше папаши Стейнвега. Если только до тех пор ты не согласишься заговорить. Нет? Подождем до завтра… Спи, старина.

На следующий день в час дня, после ночи и утра без происшествий, князь Сернин невозмутимо выходил с улицы вилла Дюпон и, слабо держась на ногах, с туманом в голове направлялся к соседнему ресторану, подводя итоги сложившейся ситуации:

«Таким образом, в ближайший вторник у Альтенхайма и убийцы из «Палас-отеля» состоится встреча в Гарше в доме с номером телефона тридцать восемь. И, следовательно, во вторник я сдам

полиции преступников и *освобожу господина Ленормана*. Тем же вечером настанет черед и старика Стейнвега, и я, наконец, узнаю, является ли Пьер Ледюк, да или нет, сыном какого-нибудь колбасника, и смогу ли я сделать его достойным мужем Женевьевы. Да будет так!»

Во вторник утром около одиннадцати часов председатель Совета Валангле вызвал префекта полиции и заместителя начальника Уголовной полиции, господина Вебера и показал им письмо за подписью князя Сернина, которое он только что получил по пневматической почте.

«Господин Председатель Совета,

Зная интерес, который вы проявляете к господину Ленорману, я хочу довести до вашего сведения факты, которые открыл мне случай.

Господин Ленорман заперт в подвалах виллы «Глицинии» в Гарше, возле пансиона.

Бандиты из «Палас-отеля» решили убить его сегодня в два часа.

Если полиция нуждается в моей помощи, в половине второго я буду в саду пансиона или у госпожи Кессельбах, дру-

гом которой я имею честь быть.

Примите, господин Председатель Совета, и т. д.

Князь Сернин»

— Это чрезвычайно важно, уважаемый господин Вебер, — сказал Валангле. — Добавлю, что мы должны полностью доверять утверждениям князя Поля Сернина. Я несколько раз ужинал с ним. Это умный, серьезный человек…

— Позвольте мне, господин председатель, — сказал помощник начальника Уголовной полиции, — вручить вам другое письмо, которое я тоже получил сегодня утром.

— Относительно того же дела?

— Да.

— Посмотрим.

Он взял письмо и прочитал:

«Предупреждаю вас, что князь Поль Сернин, называющий себя другом госпожи Кессельбах, не кто иной, как Арсен Люпен.

Довольно одного доказательства: Поль Сернин – это анаграмма имени Арсен Люпен. Те же самые буквы. Ни больше, ни меньше.

Л. М.»

В то время как Валангле пребывал в смущении, господин Вебер добавил:

— На сей раз наш друг Люпен нашел достойного себя противника. В то время как он доносит на него, тот выдает его нам. И вот лис в ловушке.

— И что теперь? — спросил Валангле.

— Теперь, господин председатель, мы попробуем примирить их… И для этого я возьму с собой две сотни людей.

Оливковый редингот

I

Четверть первого. Ресторан близ площади Мадлен. Князь обедает. За соседний столик садятся двое молодых людей. Он приветствует их и заводит с ними разговор, как со случайными знакомыми:

— Вы участники операции?

— Да.

— Сколько человек всего?

— Вроде бы шестеро. Каждый идет туда со своей стороны. Без четверти два встречаемся с господином Вебером у пансиона.

— Хорошо, я там буду.

— Что?

— Разве не я руковожу операцией? И разве не мне следует отыскать господина Ленормана, поскольку я публично объявил об этом?

— Значит, патрон, вы думаете, что господин Ленорман не умер?

— Я в этом уверен. Да, вчера я удостоверился, что Альтенхайм и его банда доставили господина Ленормана и Гуреля на мост Буживаля и бросили

их в воду. Гурель утонул, а господин Ленорман выбрался. Когда придет время, я приведу все доказательства.

— Но если он жив, тогда почему не показывается?

— Потому что он несвободен.

— Значит, то, что вы сказали, правда? Он находится в подвалах «Глициний»?

— У меня все основания так думать.

— Но как вы узнали? Какие у вас доказательства?

— Это мой секрет. Могу лишь сообщить вам, что эффект будет… как бы это сказать… ошеломляющий. Вы закончили?

— Да.

— Мой автомобиль за площадью Мадлен. Присоединяйтесь ко мне.

В Гарше Сернин отослал автомобиль, и они направились к тропинке, ведущей к школе Женевьевы, где и остановились.

— Слушайте меня внимательно, ребята. Это крайне важно. Вы позвоните в пансион. Как у инспекторов, у вас ведь есть возможность войти? Вы пойдете к флигелю «Гортензия», тому, что не занят. Там вы спуститесь в подвал и отыщете старый ставень — достаточно приподнять его,

чтобы освободить путь в подземный проход, который я обнаружил на днях, он ведет прямиком на виллу «Глицинии». Именно так встречались Гертруда и Альтенхайм. Именно по этому ходу прошел господин Ленорман, чтобы в конечном счете угодить в руки своих врагов.

— Вы так думаете, патрон?

— Да, я так думаю. А теперь вот о чем идет речь. Вы удостоверитесь, что проход находится в том же состоянии, в каком я оставил его этой ночью, что две двери, которые его перегораживают, открыты и в углублении, расположенном возле второй двери, по-прежнему лежит пакет, обернутый черной саржей, который я сам там оставил.

— Надо ли разворачивать пакет?

— Не надо, там сменная одежда. Ступайте и постарайтесь остаться незамеченными. Я жду вас.

Через десять минут они вернулись.

— Обе двери открыты, — сообщил Дудвиль.

— Пакет в черной сарже?

— На месте, у второй двери.

— Отлично! Сейчас двадцать пять минут второго. Скоро появится Вебер со своими бойцами. Они наблюдают за виллой и окружат ее, как только туда войдет Альтенхайм. Я, по согласованию с Вебером, звоню туда. Дальше у меня свой план.

Ладно, полагаю, никто скучать не будет.

И, отпустив братьев, Сернин пошел по тропинке в школу, не переставая рассуждать с самим собой:

«Все складывается как нельзя лучше. Битва развернется на территории, выбранной мной. Я неизбежно выиграю ее, я освобожусь от двух своих противников и буду один вовлечен в дело Кессельбаха… Один, с двумя прекрасными козырями: Пьером Ледюком и Стейнвегом… А сверх того есть еще и король… то есть я сам. Правда, существует одна загвоздка… Чем может сейчас заниматься Альтенхайм? Разумеется, у него тоже есть свой план нападения. С какой стороны он нападет на меня? И как относиться к тому, что он все еще этого не сделал? Это тревожит. Может, он донес на меня полиции?»

Сернин миновал маленький двор школы, ученицы которой находились на занятиях, и постучал в дверь.

— А-а, вот и ты! — сказала госпожа Эрнемон, открывая. — Ты что, оставил Женевьеву в Париже?

— Для этого надо было, чтобы Женевьева оказалась в Париже, — отвечал он.

— Но она там и оказалась, поскольку ты вызвал ее.

— Что ты такое говоришь? — воскликнул он, схватив ее за руку.

— Как? Но ты это знаешь лучше меня!..

— Ничего я не знаю… ничего не знаю… Рассказывай!..

— Разве ты не написал Женевьеве, велев присоединиться к тебе на вокзале Сен-Лазар?

— И она поехала?

— Ну да… Вы должны были вместе пообедать в отеле «Ритц»…

— Письмо… Покажи письмо.

Она поднялась за письмом и вручила его князю.

— Несчастная, неужели ты не заметила, что это фальшивка? Почерк подделан хорошо… но это фальшивка… Бросается в глаза.

Он в ярости прижал кулаки к вискам:

— Вот он, удар, которого я ждал. Ах, проклятый! Он атакует меня через нее… Но как он узнал? Ну нет, он не знает… Вот уже второй раз он пускается в авантюру… и все ради Женевьевы, потому что влюбился в нее… О нет, ни за что! Послушай, Виктория… Ты уверена, что она не любит его?.. Однако я теряю голову! Спокойно… спокойно… мне надо подумать… сейчас не время…

Он взглянул на часы.

— Тридцать пять минут второго… еще есть время… Глупец! Время для чего? Разве я знаю, где она?

Как безумный, Сернин ходил взад-вперед, и его старая кормилица, казалось, была поражена, увидев его настолько взволнованным и не вполне владеющим собой.

— В конце концов, — сказала она, — нет доказательств тому, что она не почувствовала ловушки и в последний момент не…

— Где она могла бы быть?

— Я не знаю… может, у госпожи Кессельбах…

— Верно… верно… ты права, — воскликнул он, озаренный внезапной надеждой.

И бегом бросился к пансиону.

По дороге возле двери он встретил братьев Дудвиль, входивших к консьержке, из каморки которой открывался вид на дорогу, что позволяло наблюдать за подходами к «Глициниям». Не останавливаясь, князь направился прямо к флигелю Императрицы, позвал Сюзанну и велел проводить его к госпоже Кессельбах.

— Женевьева? — спросил он.

— Женевьева?

— Да, она не приходила?

— Нет, вот уже несколько дней.

— Но ведь она должна прийти, не так ли?

— Вы думаете?

— Я в этом уверен. Куда же ей еще пойти? Вспомните?..

— Сколько бы я ни припоминала, уверяю вас, мы с Женевьевой не собирались встречаться.

И, вдруг испугавшись, добавила:

— Вы тревожитесь? С Женевьевой ничего не случилось?

— Нет, ничего.

Он уже уходил. Его осенила одна мысль. А что, если Альтенхайма не было на вилле «Глицинии»? Если время встречи изменилось?

«Надо увидеться с ним… — говорил он себе, — просто необходимо, любой ценой».

И он бросился бежать, ни на что не обращая внимания. Однако перед привратницкой мгновенно вновь обрел хладнокровие: он увидел помощника начальника Уголовной полиции, который разговаривал в саду с братьями Дудвиль. Если бы князь сохранял обычную свою проницательность, то заметил бы мелкую дрожь, охватившую господина Вебера при его приближении, но он ничего не увидел.

— Господин Вебер, не так ли? — спросил он.

— Да… С кем имею честь?..

— Князь Сернин.

— А-а, прекрасно, господин префект полиции сообщил мне о той значительной услуге, которую вы нам оказали, сударь.

— Услуга будет полной, лишь когда я сдам бандитов.

— Вскоре так и случится. Я думаю, что один из этих бандитов только что вошел… довольно плотный мужчина с моноклем.

— Действительно, это барон Альтенхайм. Ваши люди на месте, господин Вебер?

— Да, спрятались на дороге на расстоянии двухсот метров.

— Хорошо, господин Вебер, мне кажется, что надо собрать их и привести к этой привратницкой. Я позвоню. Поскольку барон Альтенхайм меня знает, полагаю, что мне откроют, и я войду… вместе с вами.

— План превосходный, — сказал господин Вебер, — я сейчас вернусь.

Он покинул сад и пошел по дороге в противоположную сторону от «Глициний».

Сернин поспешно схватил за руку одного из братьев Дудвиль.

— Беги за ним, Жак… Отвлеки его… на то время, пока я зайду в «Глицинии»… А потом задержи-

вай штурм… как можно дольше… придумывай предлоги… Мне нужно десять минут… Пусть окружат виллу… но не входят внутрь. А ты, Жан, займи место во флигеле «Гортензия», у выхода из подземного прохода. Если барон захочет выйти оттуда, размозжи ему голову.

Дудвили удалились. Князь выскользнул наружу и подбежал к высокой бронированной калитке, ведущей в «Глицинии».

Звонить ли?

Вокруг — никого. Одним прыжком Сернин взобрался на калитку, поставив ногу на выступающий край засова; цепляясь за перекладины решетки, упираясь коленями и подтягиваясь на руках, с риском упасть на острые концы перекладин, ему удалось преодолеть калитку и спрыгнуть.

Он быстро пересек мощеный двор и поднялся по ступенькам перистиля с колоннами, куда выходили окна, вплоть до фрамуг закрытые сплошными ставнями.

Пока он раздумывал, каким способом проникнуть в дом, приоткрылась дверь, железный скрежет которой напомнил ему дверь на улице вилла Дюпон, и появился Альтенхайм.

— Князь, вы таким образом проникаете в част-

ные владения? Я буду вынужден обратиться к жандармам, любезный.

Схватив его за горло, Сернин опрокинул Альтенхайма на банкетку и произнес:

— Женевьева… Где Женевьева? Если ты не скажешь мне, что ты, несчастный, с ней сделал…

– *Прошу обратить внимание*, — с трудом пробормотал барон, — *что ты не даешь мне говорить*.

Сернин отпустил его.

— К делу!.. Да поживее!.. Отвечай… Женевьева?..

— Есть одна вещь, — возразил барон, — гораздо более неотложная, в особенности если речь идет о молодцах нашей породы, — это оказаться взаперти у себя дома…

И он старательно закрыл дверь, заперев ее на задвижку. Потом, проводив Сернина в соседнюю приемную без мебели и без гардин, сказал ему:

— Теперь я в твоем распоряжении. Чем могу служить, князь?

— Что с Женевьевой?

— Она в полном порядке.

— Ах так! Ты признаешься?..

— Черт возьми! Я даже скажу, что твоя неосмотрительность на сей счет удивила меня. Почему

ты не предпринял никаких шагов? Было неизбежно…

— Хватит! Где она?

— Ты невежлив.

— Где она?

— В четырех стенах, свободна…

— Свободна?..

— Да, свободна ходить от одной стены до другой.

— Наверняка это вилла Дюпон? В тюрьме, которую ты придумал для Стейнвега?

— А-а, тебе известно… Нет, она не там.

— Тогда где? Говори, иначе…

— Послушай, милый князь, ты полагаешь, что я буду настолько глуп, чтобы выдать тебе секрет, с помощью которого сдерживаю тебя? Ты любишь малютку…

— Замолчи! — вне себя воскликнул Сернин. — Я запрещаю тебе…

— Что дальше? Это, выходит, бесчестье? Но мне она очень нравится, и я даже пошел на риск…

Он не закончил фразы, испугавшись страшного гнева Сернина, гнева, с трудом сдерживаемого, безмолвного, исказившего черты князя.

Они долго смотрели друг на друга, каждый искал слабую точку противника. Под конец Сернин

подошел вплотную и четким голосом человека, который скорее угрожает, нежели предлагает соглашение, произнес:

— Послушай меня. Помнишь предложение о сотрудничестве, которое ты мне сделал? Дело Кессельбаха на двоих… действовать сообща… поделить барыши… Я отказался… Теперь я согласен…

— Слишком поздно.

— Подожди. Я соглашаюсь на большее: я отхожу от дела… Я ни во что не вмешиваюсь… ты получишь все… При надобности я помогу тебе.

— Условие?

— Скажи мне, где находится Женевьева?

Тот пожал плечами.

— Ты заговариваешься, Люпен. Это меня удручает… В твоем-то возрасте…

И снова молчание между двумя врагами, молчание страшное.

Барон усмехнулся:

— А все-таки это чертовское удовольствие, видеть, как ты канючишь, выпрашивая милостыню. Послушай, у меня такое ощущение, будто простой солдат дубасит сейчас своего генерала.

— Дурак, — прошептал Сернин.

— Князь, сегодня вечером я пришлю к тебе мо-

их секундантов… если ты еще будешь пребывать на этом свете.

— Дурак! — повторил Сернин с бесконечным презрением.

— Ты предпочитаешь покончить с этим прямо сейчас? Будь по-твоему, князь, пришел твой последний час. Можешь препоручить свою душу Господу. Ты улыбаешься? Напрасно. У меня перед тобой огромное преимущество: я убиваю… при надобности…

— Дурак! — еще раз сказал Сернин.

Он достал свои часы.

— Два часа, барон. У тебя осталось всего несколько минут. В пять минут третьего, самое большее в десять минут, господин Вебер и с полдюжины крепких, не слишком разборчивых молодчиков взломают дверь твоего логова и арестуют тебя… Не улыбайся. Выход, на который ты рассчитываешь, обнаружен, я его знаю, его охраняют. Так что ты попался. Это смертный приговор, старина.

Страшно побледнев, Альтенхайм пробормотал:

— Ты это сделал?.. Ты имел подлость?..

— Дом окружен. Штурм неизбежен. Говори, и я спасу тебя.

— Как?

— Выход из флигеля охраняют мои люди. Я

назову тебе пароль для них, и ты спасен.

Альтенхайм задумался на несколько секунд, казалось, заколебавшись, но потом вдруг решительно заявил:

— Это вранье. Ты не настолько прост, чтобы самому броситься в волчью пасть.

— Ты забываешь о Женевьеве. Если бы не она, думаешь, я был бы здесь? Говори.

— Нет.

— Ладно. Подождем, — сказал Сернин. — Сигарету?

— С удовольствием.

— Ты слышишь? — спросил через несколько секунд Сернин.

— Да… да… — вставая, сказал Альтенхайм. Послышались удары в калитку.

— Никаких положенных предупреждений, — произнес Сернин, — никаких переговоров… Ты по-прежнему упорствуешь?

— Больше, чем когда-либо.

— А знаешь, что с теми инструментами, какие у них есть, это ненадолго?

— Даже будь они в этой комнате, я бы тебе отказал.

Железная калитка поддалась. Послышался скрежет петель.

— Дать схватить себя, это я допускаю, — продолжал Сернин, — но самому протягивать руки в наручники, это чересчур глупо. Послушай, не упрямься. Говори и беги.

— А ты?

— Я остаюсь. Чего мне бояться?

— Взгляни.

Барон указал ему на щель в ставне. Сернин приложил к ней глаз и отскочил.

— Ах, бандит, ты тоже, тоже выдал меня! Там их не десять, Вебер привел с собой пятьдесят, сто, двести человек…

Барон откровенно смеялся:

— А если их столько, значит, речь, безусловно, идет об Арсене Люпене? *Для меня хватало и полдюжины.*

— Ты предупредил полицию?

— Да.

— Какое доказательство ты привел?

— Твое имя… Поль Сернин, то есть Арсен Люпен.

— И ты сам об этом догадался, сам?.. О том, о чем никто ни разу не подумал? Да будет тебе! Признайся, это опять все *тот*, убийца.

Князь смотрел в щелку. Множество полицейских окружили виллу, и теперь удары сокрушали

входную дверь.

Необходимо было подумать либо об отступлении, либо о выполнении задуманного им плана. Но удалиться, хотя бы на мгновение, это значило оставить Альтенхайма, а кто мог поручиться, что в распоряжении барона не было другого выхода, чтобы бежать? Эта мысль потрясла Сернина. Свободный барон! Барон, вольный вернуться к Женевьеве и мучить ее, и подчинить своей постыдной любви!

Стесненный в своих намерениях, вынужденный быстро импровизировать и при этом учитывать опасность, которой подвергалась Женевьева, Сернин какое-то время пребывал в жестокой нерешительности. Пристально глядя в глаза барона, он хотел бы вырвать его секрет и уйти, но больше не пытался переубедить его, любое слово казалось теперь бесполезным. И, не переставая размышлять, князь задавался вопросом, каковы были мысли барона и его средства, на чем основывалась его надежда на спасение. Окованная железом дверь в прихожую, хотя и крепко запертая на засовы, начала сотрясаться. Оба мужчины неподвижно стояли перед этой дверью. До них доносился звук голосов, смысл слов.

— Ты, кажется, крепко уверен в себе, — сказал

Сернин.

— Еще бы! — воскликнул Альтенхайм, подставив ему подножку, отчего тот упал, а барон обратился в бегство.

Сернин тотчас поднялся, вошел под большой лестницей в маленькую дверь, за которой исчез Альтенхайм, и, кубарем скатившись по каменным ступеням, очутился в подвале.

Коридор, просторное, низкое помещение, почти темное, барон стоял там на коленях, приподнимая крышку какого-то люка.

— Идиот, — воскликнул Сернин, набрасываясь на него, — ты прекрасно знаешь, что в конце этого прохода мы найдем моих людей, у них приказ убить тебя, как собаку. Разве что… разве только у тебя нет другого выхода, который начинается отсюда… А-а! Вот черт! Я догадался… И ты воображаешь…

Борьба была отчаянной. Альтенхайм, настоящий колосс, обладавший необыкновенно развитой мускулатурой, обхватил своего противника, парализовав его руки и пытаясь задушить его.

— Разумеется… разумеется… — с трудом выговорил тот, — хорошо придумано… Пока я не смогу воспользоваться своими руками, чтобы сломать тебе шею, у тебя преимущество… Вот только…

сможешь ли ты?

Он вздрогнул. Люк, который закрылся и на крышку которого они давили всей своей тяжестью, люк, казалось, дрогнул под ними. Сернин почувствовал усилия, которые *кто-то* прилагал, чтобы приподнять его, барон тоже должен был это почувствовать, поскольку отчаянно старался переместить поле битвы так, чтобы люк мог открыться.

«Это тот, *другой*! — подумал Сернин с безотчетным страхом, который внушало ему это таинственное существо. — Это другой… Если он войдет, я пропал».

Незаметными движениями Альтенхайму удалось переместиться, и он пытался подтянуть к себе своего противника. Но тот цеплялся ногами за ноги барона, ухитряясь вместе с тем понемногу высвобождать одну руку.

Над ними — мощные удары, похожие на удары тарана…

«У меня пять минут, — подумал Сернин. — Надо, чтобы через минуту этот парень…»

А вслух произнес:

— Осторожно, малыш. Держись крепче.

Он с невероятной силой сжал свои колени. Барон взвыл от боли, одно его бедро скособочилось.

Тогда Сернин, воспользовавшись мукой противника, напрягся, освободил свою правую руку и схватил его за горло.

— Отлично! Так будет спокойнее. Нет, не стоит искать нож… иначе я задушу тебя, как цыпленка. Видишь, я соблюдаю приличия… Я не слишком сжимаю… как раз настолько, чтобы ты не дергался.

Не переставая говорить, князь достал из своего кармана очень тонкую веревочку и одной рукой с необычайной ловкостью связал барону запястья. Впрочем, с трудом переводя дух, тот не оказывал больше никакого сопротивления. Несколькими точными движениями Сернин крепко связал его.

— Какой молодец! В добрый час! Я не узнаю тебя. А на случай, если бы тебе захотелось сбежать, вот моток проволоки, который дополнит мою работу… Сначала запястья… Теперь лодыжки… Ну вот и все… Боже! Какой ты милый!

Барон немного пришел в себя и, запинаясь, пробормотал:

— Если ты меня сдашь, Женевьева умрет.

— В самом деле!.. А как?.. Объяснись…

— Она заперта. Никто не знает ее убежища. Меня не будет, и она умрет от голода… как Стейнвег…

Сернин вздрогнул…

— Да, но ты заговоришь, — сказал Сернин.

— Ни за что.

— Нет, заговоришь. Не теперь, уже поздно, но этой ночью.

Он наклонился к нему и тихонько сказал на ухо:

— Послушай, Альтенхайм, и пойми меня хорошенько. Сейчас тебя арестуют. Этим вечером ты будешь спать в тюремной камере при префектуре. Это неизбежно, бесповоротно. Я и сам уже не в силах ничего изменить. Завтра тебя отвезут в тюрьму Санте, а позже — знаешь куда?.. Так вот, я даю тебе еще один шанс на спасение. Этой ночью, слышишь, этой ночью я проберусь к тебе в камеру, и ты скажешь мне, где находится Женевьева. Если не солжешь, через два часа ты будешь на свободе. Иначе… ты просто не дорожишь своей головой.

Тот не отвечал. Поднявшись, Сернин прислушался. Наверху — страшный грохот. Входная дверь поддалась. Шаги стучали по плитам прихожей и по полу гостиной. Господин Вебер и его люди искали их.

— Прощай, барон, подумай до вечера. Камера — хорошая советчица.

Он оттолкнул своего пленника, чтобы освободить люк, и приподнял крышку. Как он и ожидал, внизу на ступеньках лестницы никого уже не было.

Князь спустился, заботливо оставив люк открытым, словно собираясь вернуться.

Ступенек было двадцать, а внизу — начало прохода, по которому господин Ленорман и Гурель пошли в обратном направлении.

Ступив туда, Сернин вскрикнул. Ему почудилось чье-то присутствие.

Он включил свой карманный фонарь. В проходе никого не было.

Тогда он зарядил револьвер и громко сказал:

— Тем хуже для тебя… Я выстрелю.

Никакого ответа. Никакого шума.

«Наверняка это наваждение, — подумалось ему. — Я одержим этим существом. Ладно, если я хочу осуществить все и добраться до двери, надо поторапливаться… Углубление, куда я положил сверток с одеждой, недалеко. Я возьму сверток… и шутка будет сыграна… И какая шутка! Одна из лучших люпеновских…»

Он дошел до двери, которая была открыта, и тут же остановился. Справа находилась выемка, та самая, которую проделал господин Ленорман,

спасаясь от прибывавшей воды.

Он наклонился и подсветил отверстие.

— О! — вздрогнув, молвил князь. — Нет, это невозможно… Верно, Дудвиль толкнул сверток дальше.

Но напрасно он искал, вглядываясь в потемки. Пакета там не было, и Сернин не сомневался, что это опять дело рук таинственного существа, которое и забрало его.

«Жаль! Все было так хорошо улажено! Приключение принимало свой естественный оборот, и я уверенно приближался к его завершению… Теперь же мне надо как можно скорее удирать… Дудвиль во флигеле… Мой отход обеспечен… Сейчас не до шуток… надо спешить и устроить все заново, если возможно… А после займемся *им*… И пусть *тот самый* бережется моих когтей!»

Однако у князя вырвалось удивленное восклицание; он добрался до другой двери, и эта дверь, последняя перед флигелем, была заперта. Сернин ринулся на нее. Но зачем? Что мог он поделать?

— На этот раз, — прошептал Сернин, — я действительно пропал.

Он сел, вдруг почувствовав смертельную усталость. Он ощущал свою слабость перед лицом таинственного существа. Альтенхайм был не

в счет. Но тот, другой, персонаж мрака и безмолвия, другой превосходил его, разрушая все комбинации, истощая его своими потаенными дьявольскими атаками.

Сернин был побежден.

Вебер найдет его здесь, как загнанного зверя на дне своего логова.

II

— Ну нет, нет! — произнес он, внезапно распрямляясь. — Если бы речь шла только обо мне, возможно!.. Но есть Женевьева, Женевьева, которую надо спасти этой ночью… В конце концов, ничто не потеряно… Если *другой* только что скрылся, значит, существует второй выход поблизости. Спокойно, спокойно, Вебер и его команда еще не поймали меня.

Он начал исследовать проход и с фонарем в руке изучал кирпичи, из которых были сложены стены, когда до него донесся крик, крик жуткий, душераздирающий, заставивший содрогнуться от ужаса.

Это прозвучало где-то в стороне люка. И Сернин вдруг вспомнил, что оставил этот люк открытым, намереваясь подняться на виллу «Глицинии». Он поспешно вернулся, прошел в первую дверь.

Фонарь погас, но Сернин почувствовал что-то, вернее, кого-то, кто слегка коснулся его колен, кого-то, кто пробирался вдоль стены. И тотчас у него появилось ощущение, что это существо исчезает, растворяется, но каким образом, он не знал. В это мгновение князь наткнулся на ступеньку.

«Вот он, выход, — подумал он, — второй выход, через который проходит *он*».

Наверху снова раздался крик, чуть менее громкий, за ним последовали стоны, хрипы…

Сернин бегом поднялся по лестнице и, очутившись в низком помещении, бросился к барону. Альтенхайм агонизировал, горло его было в крови. Путы оказались перерезаны, но проволока, которая связывала его запястья и лодыжки, осталась нетронутой. *Не сумев освободить барона, сообщник зарезал его*.

Князь с ужасом смотрел на эту картину. Его заливал холодный пот. Он думал о плененной Женевьеве, совсем беспомощной, поскольку один барон знал, где она находится.

Было отчетливо слышно, как полицейские открывают маленькую потайную дверь прихожей. Как они спускаются по черному ходу.

Его отделяла от них лишь одна дверь, та, что вела в низкое помещение, где он находился. Сер-

нин запер ее на задвижку в тот самый момент, когда нападающие схватились за щеколду. Люк рядом с ним оставался открытым… То было возможное спасение, поскольку существовал еще и второй выход.

— Нет, — сказал он себе, — прежде всего Женевьева. После, если у меня будет время, подумаю о себе…

Опустившись на колени, Сернин положил руки на грудь барона. Сердце еще слабо билось. Он наклонился ниже:

— Ты ведь меня слышишь?

Веки едва заметно дрогнули.

В умирающем еле теплилась жизнь. Можно ли что-то извлечь из этого подобия существования?

Дверь, последний заслон, атаковали полицейские. Сернин прошептал:

— Я тебя спасу… у меня верные средства… Одно лишь слово… Женевьева?..

Можно было подумать, что это слово надежды придало сил Альтенхайму. Он попытался что-то сказать.

— Отвечай, — требовал Сернин, — отвечай, и я спасу тебя… Сегодня — это жизнь, завтра — свобода… Отвечай!

Дверь содрогалась под ударами.

Барон издавал невнятные звуки. В смятении склонившись над ним, собрав всю свою энергию, всю свою волю, Сернин в тревоге затаил дыхание. Полицейские, неизбежное задержание, тюрьма, об этом он даже не думал… Но Женевьева… Умирающая от голода Женевьева, которую могло освободить одно лишь слово этого негодяя!..

— Отвечай… Так надо…

Он приказывал, он умолял. Словно завороженный, побежденный этой неукротимой волей, Альтенхайм пролепетал:

— Ри… Риволи…

— Улица Риволи, да? Ты запер ее в одном из домов на этой улице… Номер дома?

Грохот… победоносные крики… дверь рухнула.

— Вперед, — воскликнул Вебер, — хватайте его!.. Хватайте обоих!

— Номер… отвечай… Если любишь ее, отвечай… К чему теперь молчать?

— Двадцать… двадцать семь, — выдохнул барон.

Полицейские окружили Сернина. Ему угрожали десять револьверов.

Он повернулся лицом к полицейским, те отпрянули в невольном страхе.

— Если двинешься, Люпен, — крикнул Вебер,

нацелив оружие, — я тебя пристрелю!

— Не стреляй, — спокойно сказал Сернин, — это бесполезно, я сдаюсь.

— Шутишь! Еще один твой трюк…

— Нет, — продолжал Сернин, — битва проиграна. Ты не имеешь права стрелять. Я не защищаюсь.

Достав два револьвера, он кинул их на пол.

— Шутишь! — не унимался неумолимый Вебер. — Прямо в сердце, ребята! При малейшем движении: огонь! При малейшем слове: огонь!

Там уже находились десять человек. Вебер добавил еще пятнадцать, пятнадцать револьверов были направлены на цель. И в ярости, дрожа от радости и страха, Вебер скрежетал зубами:

— В сердце! В голову! И никакой пощады! Если шевельнется, если заговорит… стрелять в упор!

Руки в карманах, безучастный, Сернин улыбался. В двух дюймах от виска его подстерегала смерть. Пальцы сжимались на спуске курка.

— А-а! — усмехнулся Вебер. — До чего приятно это видеть… Полагаю, на сей раз мы попали в десятку, и это очень скверно для тебя, господин Люпен.

Он раздвинул ставни широкого подвального окна, через которое внезапно ворвался дневной

свет, и повернулся к Альтенхайму. Но к величайшему его изумлению, барон, которого он считал мертвым, открыл глаза, глаза тусклые, ужасающие, уже отражавшие небытие. Барон смотрел на господина Вебера. Потом, казалось, стал искать кого-то взглядом и, увидев Сернина, содрогнулся от гнева. Можно было подумать, что он очнулся от своего оцепенения и что внезапно проснувшаяся ненависть отчасти вернула ему силы.

Опершись на руки, барон попытался заговорить.

— Вы узнаете его? — спросил господин Вебер.

— Да.

— Это Люпен, не так ли?

— Да… Люпен…

Сернин, по-прежнему улыбаясь, слушал.

— Боже! До чего забавно! — сказал он.

— Вы хотите еще что-то сказать? — спросил господин Вебер, заметив, как отчаянно дергаются губы барона.

— Да.

— Быть может, по поводу господина Ленормана?

— Да.

— Вы заперли его? Где же? Отвечайте…

Приподнявшись всем телом и настойчивым

взглядом, Альтенхайм указал на стенной шкаф в углу помещения.

— Там… там… — произнес он.

— Ах, мы наконец у цели, — усмехнулся Люпен.

Господин Вебер открыл шкаф. На одной из полок лежал пакет, обернутый черной саржей. В нем обнаружились шляпа, коробочка, одежда… Вебер вздрогнул. Он узнал оливковый рединготгосподина Ленормана.

— Ах, мерзавцы! — воскликнул он. — Они убили его.

— Нет, — подал знак Альтенхайм.

— Тогда что же?

— Это он… он…

— Как он?.. Это Люпен убил шефа?

— Нет.

С бешеным упорством Альтенхайм цеплялся за жизнь, обуреваемый жаждой говорить и обвинять… Секрет, который он хотел раскрыть, вертелся у него на языке, а он не мог, не в силах был облечь его в слова.

— Послушайте, — настаивал помощник начальника полиции, — господин Ленорман все-таки мертв?

— Нет.

— Он жив?

— Нет.

— Я не понимаю… Однако эта одежда? Этот редингот?..

Альтенхайм обратил глаза в сторону Сернина. Господина Вебера осенила одна мысль.

— А-а! Я понимаю! Люпен украл одежду господина Ленормана и рассчитывал воспользоваться ею, чтобы ускользнуть.

— Да… да…

— Неплохо! — воскликнул помощник начальника. — Трюк как раз в его духе. В этой комнате мы нашли бы Люпена переодетым господином Ленорманом и наверняка связанным. Для него это спасение… Только у него не хватило времени. Это так, правда?

— Да… Да…

Однако по взгляду умирающего господин Вебер почувствовал, что тут другое и что это еще не весь секрет. В чем же тогда дело? Что это за странная и необъяснимая загадка, которую умирающий хотел раскрыть, прежде чем умереть?

— А господин Ленорман, где он? — спросил Вебер.

— Здесь…

— Как здесь?

— Да.

— Но в этой комнате нет никого, кроме нас!

— Есть… есть…

— Да говорите же…

— Есть… Сер… Сернин…

— Сернин! А? Что?

— Сернин… Ленорман…

Господин Вебер так и вскинулся. Его озарил внезапный свет.

— Нет, нет, это невозможно, — прошептал он, — это безумие.

Он не спускал глаз со своего пленника. Сернин, казалось, очень веселился и присутствовал на сцене как зритель, который, развлекаясь, желает узнать развязку.

Выбившись из сил, Альтенхайм вытянулся во весь свой рост. Умрет ли он, прежде чем даст ключ к загадке, которую так неясно загадал? Господин Вебер, потрясенный нелепым, невероятным предположением, с которым он не соглашался и которое упорно не отпускало его, господин Вебер снова взялся за свое:

— Объяснитесь… Что за этим кроется? Какая тайна?

Барон, казалось, не слышал, он лежал неподвижный, с застывшими глазами. Господин

Вебер прилег рядом с ним и отчетливо, так, чтобы каждый слог проникал в глубину этой души, уже погруженной во мрак, проговорил:

— Послушай… Я правильно понял, не так ли? Люпен и господин Ленорман…

Чтобы продолжить, господину Веберу потребовалось усилие, настолько чудовищной казалась ему эта фраза. Однако барон не спускал с него потускневших глаз, в которых отражалась тревога. Дрожа от волнения, словно совершая кощунство, помощник начальника закончил:

— Это правда, не так ли? Ты в этом уверен? Оба они — одно и то же лицо?

Глаза оставались неподвижны. Струйка крови сочилась из уголка рта… Два или три всхлипа… Последняя судорога. Это был конец. В низкой комнате, заполненной людьми, воцарилось долгое молчание. Почти все охранявшие Сернина полицейские отвернулись и, пораженные, не понимая или отказываясь понимать, по-прежнему *слышали* невероятное обвинение, которое бандит не смог сформулировать.

Господин Вебер взял коробку, найденную в свертке из черной саржи, и открыл ее. В ней находились седой парик, очки с серебряными дужками, каштанового цвета шарф, а в двойном

дне — баночки с гримом и отделение с крохотными буклями седых волос — словом, все, из чего в точности можно было воссоздать облик господина Ленормана.

Вебер подошел к Сернину и какое-то время молча смотрел на него, задумчиво восстанавливая все стадии приключения, потом прошептал: «Так значит, это правда?». Сернин все с тем же улыбчивым спокойствием отвечал:

— Предположение не лишено ни изящества, ни смелости. Но прежде всего скажи своим людям, чтобы они оставили меня в покое со своими игрушками.

— Ладно, — согласился господин Вебер, подав знак полицейским. — А теперь отвечай.

— Что тебя интересует?

— Ты — господин Ленорман?

— Да.

Послышались возгласы. Жан Дудвиль, который находился там, пока его брат следил за тайным выходом, Жан Дудвиль, сообщник Сернина, смотрел на него с изумлением. Ошеломленный господин Вебер пребывал в нерешительности.

— Ты поражен, а? — сказал Сернин. — Признаюсь, это довольно забавно… Боже, как ты меня порой смешил, когда мы работали вместе, ты и

я, начальник и помощник начальника!.. А самое смешное то, что ты считал его мертвым, славного господина Ленормана… Мертвым. Как бедняга Гурель. Но нет, нет, старина, голубчик был все еще жив…

Он показал на труп Альтенхайма:

— Этот бандит швырнул меня в воду, в мешке, с камнем на поясе. Вот только он забыл отобрать у меня нож… А таким ножом прорывают мешки и режут веревки. Так-то вот, несчастный Альтенхайм… Если бы ты подумал об этом, то не оказался бы там, где находишься сейчас… Но довольно болтать… Мир праху твоему!

Господин Вебер слушал, не зная, что и думать. В конце концов, он в отчаянии махнул рукой, словно отказываясь что-либо понимать.

— Наручники, — приказал он, внезапно испугавшись.

— Это все, что ты придумал? — сказал Сернин. — Тебе недостает воображения… Впрочем, если тебе это нравится…

И, заметив в первом ряду своих недругов Дудвиля, протянул ему руки:

— Давай, друг, тебе выпала честь, и не стоит упираться… Я играю в открытую, поскольку нельзя иначе…

Он сказал это таким тоном, что Дудвиль понял — борьба на время кончена и остается лишь подчиниться. Дудвиль надел ему наручники. Не разжимая губ и без всякого выражения на лице Сернин шепнул: «Двадцать семь, улица Риволи… Женевьева».

При виде такой картины господин Вебер не мог не выразить удовлетворения.

— В путь! — сказал он. — В Сюрте![5]

— Вот именно, в Сюрте! — воскликнул Сернин. — Господин Ленорман посадит в тюрьму Арсена Люпена, а тот посадит князя Сернина.

— Ты чересчур умен, Люпен.

— Это верно, Вебер, мы никак не сможем поладить.

Во время переезда в автомобиле, который сопровождали три других автомобиля, набитых полицейскими, он не проронил ни слова. Они лишь заглянули в Сюрте. Памятуя о побегах, организованных Люпеном, господин Вебер тотчас отправил его снять антропометрические данные, после чего доставил в тюрьму предварительного заключения при префектуре, откуда Люпена направили в тюрьму Санте. Там его ждал

---

[5] Примечания: 5

Сюрте женераль — сыскная полиция во Франции.

директор, которого предупредили по телефону. Формальности занесения сведений об арестованном в тюремную книгу и личный досмотр были недолгими.

В семь часов вечера князь Поль Сернин переступил порог камеры номер 14 2-го отделения.

— Ваш апартамент неплох… совсем неплох, — заявил он. — Электрический свет, центральное отопление, ватерклозет… Словом, весь современный комфорт… Прекрасно, мы договорились… Господин директор, я с величайшим удовольствием готов снять ваш апартамент.

И он, не раздеваясь, бросился на кровать.

— Ах, господин директор, у меня к вам маленькая просьба.

— Какая?

— Пусть завтра утром не приносят мне мое какао раньше десяти часов… я умираю, как хочу спать.

Сернин отвернулся к стене.

Не прошло и пяти минут, как он спал крепким сном.

Три преступления Арсена Люпена

Санте-отель

I

Случившееся вызвало взрыв насмешек во всем мире. Разумеется, поимка Арсена Люпена стала громкой сенсацией, и общественность не скупилась на похвалы полиции, которые она заслуживала за этот реванш, столь долго ожидавшийся и полностью достигнутый. Великий авантюрист был схвачен. Необыкновенный, гениальный, неуловимый герой томился, как все прочие, в четырех стенах одиночной камеры, подавленный, в свою очередь, той грозной силой, которая зовется Правосудием и которая, рано или поздно, неизбежно сокрушает все встающие на ее пути препятствия и уничтожает замыслы своих противников.

Все это было сказано, напечатано, повторялось, комментировалось, пережевывалось. Префект полиции получил крест Командора, господин Вебер — крест Офицера[6]. Превозносились ловкость

---

[6] Примечания: 6

Две из пяти степеней Ордена Почетного легиона, учрежденного Бонапартом в 1802 г. по образцу рыцарских орденов для награждения за военные и гражданские заслуги.

и отвага даже самых незначительных сотрудников. Все аплодировали. Воспевали победу. Писали статьи и произносили речи.

Все так! И тем не менее кое-что преобладало над этим чудесным хором похвал, этим шумным ликованием, то был смех, безумный, неодолимый, стихийный, неудержимый и неистовый.

В течение четырех лет Арсен Люпен был начальником Уголовной полиции!!!

Он был им четыре года! Притом был им законно, со всеми правами, которые дарует эта должность, с уважением начальников, благосклонностью правительства, со всеобщим восхищением.

Целых четыре года покой жителей и защита собственности были доверены Арсену Люпену. Он заботился об исполнении закона. Он защищал невиновных и преследовал преступников.

А какие услуги он оказывал! Никогда порядок не нарушался меньше, никогда преступление не раскрывалось надежнее и быстрее! Вспомните дело Денизу, ограбление «Лионского кредита», нападение на орлеанский скорый, убийство барона Дорфа… сколько неожиданных и ошеломляющих побед, сколько великолепных подвигов, которые можно сравнить с самыми прославленными триумфами самых знаменитых полицейских!

Однажды в своей речи по случаю пожара в Лувре и задержанию виновников председатель Совета Валангле, защищая немного незаконный образ действий господина Ленормана, воскликнул: «Своей проницательностью, энергией, способностью принимать и исполнять решения, своими неожиданными методами и неисчерпаемыми возможностями господин Ленорман напоминает нам единственного человека, который, если бы еще жил, мог бы противостоять ему, то есть Арсена Люпена. Господин Ленорман — это Арсен Люпен на службе общества».

И вот теперь оказалось, что господин Ленорман был не кем иным, как Арсеном Люпеном!

Господин Ленорман! Арсен Люпен!

Теперь легко объяснялись те чудесные, на первый взгляд, ловкие проделки, которые еще недавно поражали толпу и приводили в замешательство полицию. Становилось понятным похищение из Дворца правосудия его сообщника в назначенную дату, средь бела дня. Разве не сказал он сам: «Все удивятся, когда узнают о простоте средств, которые я использовал для этого бегства. «И только-то?» — скажут тогда. Да, только и всего, но надо было до этого додуматься».

Это и в самом деле оказалось проще простого:

достаточно было стать начальником Уголовной полиции.

А Люпен был начальником Уголовной полиции, и все агенты сыскной полиции, подчиняясь его приказам, становились, не отдавая себе отчета, невольными сообщниками Люпена.

Отличная комедия! Восхитительный обман! Потрясающий, бодрящий фарс нашей эпохи бесхарактерности! И пусть заключенный, пусть бесповоротно побежденный, несмотря ни на что, Люпен стал великим победителем. Из своей одиночной камеры он властвовал над Парижем. Более чем когда-либо он был идолом, более чем когда-либо — Повелителем!

Проснувшись на следующий день в своем апартаменте в «Санте-отеле», как он сразу окрестил тюрьму, Арсен Люпен ясно представил себе чудовищный шум, который вызовет его арест под двойным именем Сернина и Ленормана и под двойным титулом князя и начальника Уголовной полиции.

Он потер руки и сформулировал свою мысль: «Чтобы составить компанию одинокому человеку, нет ничего лучше, чем одобрение его современников. О слава! Светило живых!..»

При свете дня камера понравилась ему еще

больше.

Высоко расположенное окно позволяло увидеть ветки дерева, сквозь которые проглядывала синева неба. Стены были белые. Из мебели — только стол и единственный стул, прикрепленные к полу. Но все это было чистым и симпатичным.

— Ладно, — сказал Люпен, — небольшой отдых здесь не лишен будет привлекательности… Но займемся нашим туалетом… Есть ли у меня все, что нужно?.. Нет… В таком случае — два звонка горничной.

Он нажал на устройство возле двери, которое привело в действие звуковой сигнал в коридоре.

Через мгновение снаружи были отодвинуты железные засовы и решетки, щелкнул замок и появился охранник.

— Горячей воды, дружок, — сказал Люпен.

Тот взглянул на него, оторопев и вместе с тем разъярившись.

— Ах, — воскликнул Люпен, — и махровое полотенце. Черт возьми! Здесь нет махрового полотенца!

— Ты насмехаешься надо мной, не так ли? Это не положено, — проворчал охранник.

Он уже уходил, когда Люпен резко схватил его за руку:

— Сто франков, если ты отнесешь на почту мое письмо.

Он вытащил из кармана купюру в сто франков, которую утаил при обыске, и протянул ее охраннику.

— Письмо… — повторил тот, взяв деньги.

— Именно!.. Сейчас напишу.

Он сел за стол, набросал карандашом несколько слов на листке, который сунул в конверт, и надписал его:

Господину С. Б. 42
До востребования, Париж.

Охранник взял письмо и ушел.

— Вот послание, — сказал себе Люпен, — которое дойдет по назначению вернее, чем если бы я сам его отнес. Ответ я получу самое большее через час. Как раз необходимое мне время, чтобы оценить положение дел.

Он расположился на стуле и вполголоса подвел итоги:

— Короче говоря, в настоящий момент мне предстоит бороться с двумя противниками. Первый — это общество, которое держит меня в своей власти и на которое мне плевать. Второй — неизвестный персонаж, который меня не держит, но

на которого мне совсем не плевать. Это он сообщил полиции, что я Сернин. Это он догадался, что я был господином Ленорманом. Это он запер дверь подземного хода, и это его стараниями меня заключили в тюрьму.

Арсен Люпен задумался на секунду, потом продолжал:

— Итак, в конечном счете борьба идет между ним и мной. И чтобы продолжить эту борьбу, то есть раскрыть и осуществить дело Кессельбаха, я оказался в заключении, в то время как он — на свободе, неизвестный, недосягаемый и располагающий двумя козырями, которые я считал своими, — это Пьер Ледюк и старик Стейнвег… Короче, он у цели после того, как окончательно устранил меня.

Снова задумчивая пауза — и новый монолог:

— Положение не блестящее. С одной стороны — все, с другой — ничего. Передо мной человек такой же сильный, как я, и даже сильнее, поскольку у него нет щепетильности, какой обременен я. И чтобы атаковать его, у меня нет никакого оружия.

Эти последние слова он машинально повторил несколько раз, потом умолк и, обхватив голову руками, долгое время оставался в задумчивости.

— Входите, господин директор, — сказал он при виде открывающейся двери.

— Так вы меня ждали?

— Разве я не писал вам, господин директор, попросив вас прийти? И ведь я ни секунды не сомневался, что охранник отнесет вам мое письмо. Я так мало в этом сомневался, что написал на конверте ваши инициалы — «С. Б.» и ваш возраст — сорок два.

Директор в самом деле звался Станислас Борели — это был человек с приятным, добрым от природы лицом, с заключенными он обращался с той снисходительностью, какая только была допустима.

— Вы не ошиблись относительно честности моих подчиненных, — сказал он Люпену. — Вот ваши деньги. Они будут вручены вам после вашего освобождения… А теперь вы пройдете в камеру для личного досмотра.

Люпен последовал за Борели в предназначенную для такой надобности маленькую комнату, разделся и, пока с оправданным недоверием проверяли его одежду, сам тоже подвергся тщательному досмотру.

Затем его препроводили в камеру, и господин Борели произнес:

— Теперь мне спокойнее. Дело сделано.

— И хорошо сделано, господин директор. Ваши люди выполняют свои обязанности с такой деликатностью, за которую я хочу поблагодарить их вот этим доказательством моего удовлетворения.

И он протянул господину Борели стофранковую купюру. Тот отпрянул.

— Ах, но… откуда это?

— Не стоит ломать голову, господин директор. Такой человек, как я, который ведет жизнь, какую веду я, всегда готов ко всяким случайностям, и любые невзгоды, какими бы тягостными они ни были, не застанут его врасплох, даже тюремное заключение.

Он зажал средний палец своей левой руки между большим и указательным пальцами правой руки, резким рывком вырвал его и спокойно предъявил господину Борели.

— Не вздрагивайте так, господин директор. Это не мой палец, а трубочка, сделанная из кишечной пленки. Искусно подкрашенная, она прочно надевается на мой средний палец, создавая впечатление, будто это настоящий палец, — сказал Люпен и со смехом добавил: — И к тому же, разумеется, надевается таким образом, чтобы

спрятать третью купюру в сто франков… А что вы хотите? Имеешь кошелек, какой можешь… и надо уметь им пользоваться…

Он умолк при виде растерянного лица господина Борели.

— Прошу вас, господин директор, не думайте, что я хочу пустить вам пыль в глаза своим умением быть приятным в общении. Мне хотелось лишь показать вам, что вы имеете дело с клиентом… особой породы… И сказать вам, что не следует удивляться, если мне случится нарушить привычные правила вашего заведения.

Придя в себя, директор решительно заявил:

— Хочется верить, что вы будете придерживаться этих правил и не заставите меня прибегнуть к строгим мерам…

— Это огорчило бы вас, господин директор, не так ли? Потому-то мне и хотелось уберечь вас, заранее доказав, что эти правила не помешают мне действовать по своему усмотрению, общаться с моими друзьями, защищать на воле вверенные мне серьезные интересы, писать в газеты, прислушивающиеся к моим подсказкам, продолжать осуществление моих планов и в конечном счете готовить мой побег.

— Ваш побег?

Люпен от души рассмеялся:

— Подумайте сами, господин директор… Единственное оправдание моего пребывания в тюрьме — это выход из нее.

Такой довод показался господину Борели недостаточным. Он, в свою очередь, заставил себя рассмеяться.

— Предупрежден — значит вооружен.

— Этого-то я и добивался. Примите все меры предосторожности, господин директор, ничего не упускайте, чтобы потом вас ни в чем не упрекнули бы. Я, со своей стороны, постараюсь, чтобы, каковыми бы ни были неприятности, которые вам придется претерпеть из-за этого побега, ваша карьера не пострадала. Вот что мне необходимо было сказать вам, господин директор. Вы можете удалиться.

И когда господин Борели ушел, глубоко взволнованный этим необычным постояльцем и сильно обеспокоенный событиями, которые готовились, заключенный бросился на кровать, прошептав:

— Ну что ж, старина Люпен, смелости тебе не занимать! В самом деле, можно подумать, что ты уже знаешь, как выберешься отсюда!

II

Тюрьма Санте выстроена по системе лучеиспускания. В центре основной части — круглая площадка, к которой все коридоры сходятся таким образом, что ни один заключенный не может выйти из камеры, чтобы его сразу же не заметили надсмотрщики на своем посту в стеклянной кабине, занимающей середину этой площадки.

Посетителя тюрьмы удивляет прежде всего то, что ему поминутно встречаются заключенные без сопровождения, которые передвигаются так, будто они свободны. В действительности, чтобы пройти от одной точки до другой, например, от своей камеры к тюремной машине, которая ожидает их во дворе для доставки во Дворец правосудия, то есть в следственный отдел, арестанты преодолевают прямые линии, каждая из которых заканчивается дверью. Дверь им открывает охранник, единственная обязанность которого — следить за двумя прямыми линиями, которые эта дверь контролирует.

И таким образом заключенные, на вид свободные, отправляются от двери к двери, от одного зоркого глаза к другому, словно тюки, передающиеся из рук в руки.

Снаружи солдаты муниципальной гвардии получают «объект» и помещают его в один из отсеков «черного ворона».

Таков обычай.

В отношении Люпена дело обстояло иначе.

Поостереглись этой прогулки по коридорам. Поостереглись тюремного фургона. Поостереглись всего.

Господин Вебер явился самолично в сопровождении дюжины полицейских — своих лучших агентов, отборных, вооруженных до зубов, — забрал опасного арестанта на пороге его камеры и препроводил в фиакр, кучером которого был один из проверенных людей. Справа и слева, спереди и сзади бежали рысью солдаты муниципальной гвардии.

— Браво! — воскликнул Люпен. — Мне оказывают внимание, которое мне льстит. Почетный караул. Черт возьми, Вебер, у тебя есть представление о субординации. Ты не забываешь о своем долге по отношению к твоему непосредственному начальнику. — И, хлопнув того по плечу, добавил: — Вебер, я собираюсь подать в отставку. И своим преемником назначу тебя.

— Это почти уже осуществилось, — сказал Вебер.

— Какая хорошая новость! А я беспокоился насчет своего побега. Теперь я спокоен. Как только Вебер станет начальником служб Уголовной полиции…

Господин Вебер не принял вызова. В сущности, перед лицом своего противника он испытывал странное и сложное чувство, сотканное из страха, которое внушал ему Люпен, почтительности, которую он питал к князю Сернину, и благоговейного восхищения, которое он всегда выражал господину Ленорману. И все это было смешано со злобой, завистью и удовлетворенной ненавистью.

Они прибыли во Дворец правосудия. Внизу, у «Мышеловки» дожидались агенты Уголовной полиции, среди которых Вебер с радостью увидел двух своих лучших, ближайших помощников, братьев Дудвиль.

— Господин Формери на месте?

— Да, шеф, господин следователь у себя в кабинете.

Господин Вебер поднялся по лестнице, за ним шел Люпен в сопровождении Дудвилей.

— Женевьева? — шепнул арестант.

— Спасена…

— Где она?

— У своей бабушки.
— Госпожа Кессельбах?
— В Париже, в отеле «Бристоль».
— Сюзанна?
— Исчезла.
— Стейнвег?
— Мы ничего не знаем.
— Вилла Дюпон под охраной?
— Да.
— Утренняя пресса хорошая?
— Отличная.
— Прекрасно. Вот инструкции, как писать мне.

Они подходили к внутреннему коридору второго этажа. Люпен сунул в руку одного из братьев крохотный бумажный шарик.

Когда Люпен в сопровождении помощника начальника полиции вошел в кабинет господина Формери, тот произнес прелестную фразу:

— А-а! Вот и вы! Я не сомневался, что рано или поздно мы вас поймаем.

— Я тоже не сомневался, господин следователь, — сказал Люпен, — и я рад, что именно вас выбрала судьба, чтобы воздать справедливость честному человеку, каковым я являюсь.

«Он смеется надо мной», — подумал господин Формери.

И таким же насмешливо-серьезным тоном ответил:

— Честный человек, каковым вы являетесь, сударь, должен теперь объясниться относительно трехсот сорока четырех дел воровства, взлома, мошенничества, подделки, шантажа, хранения краденого и так далее. Трехсот сорока четырех!

— Неужели? Всего-то? — воскликнул Люпен. — Какой стыд!

— Честный человек, каковым вы являетесь, должен дать свои объяснения относительно убийства господина Альтенхайма.

— Это что-то новенькое. Идея ваша, господин следователь?

— Именно так.

— Ну и ну! По правде говоря, вы делаете успехи, господин Формери.

— Положение, в каком вас застали, не оставляет по этому поводу никаких сомнений.

— Никаких, вот только позволю себе задать вам один вопрос: от какой раны скончался Альтенхайм?

— От удара в горло ножом.

— И где этот нож?

— Его не нашли.

— Почему же его не нашли, если убийца — я и

меня застали возле человека, которого я вроде бы убил?

— И кто же, по-вашему, убийца?..

— Не кто иной, как тот, кто зарезал господина Кессельбаха, Шапмана и так далее. Характер раны — убедительное тому доказательство.

— Каким образом он ускользнул?

— Через люк, который вы обнаружите в том же помещении, где произошла драма.

Господин Формери хитро улыбнулся:

— Как же так случилось, что вы не последовали этому спасительному примеру?

— Я пытался ему последовать. Но выход преграждала дверь, которую я не смог открыть. Именно во время этой попытки *другой* вернулся в помещение и убил своего сообщника, опасаясь откровений, какие тот не преминул бы сделать. В то же время он спрятал в глубине шкафа, где его и нашли, пакет с приготовленной мной одеждой.

— Для чего предназначалась эта одежда?

— Чтобы мне переодеться. По прибытии в «Глицинии» мое намерение было таково: передать Альтенхайма в руки правосудия, устраниться в качестве князя Сернина и вновь появиться в образе…

— Вероятно, господина Ленормана?

— Вот именно.

— Нет.

— Почему?

Господин Формери насмешливо улыбался, грозя указательным пальцем.

— Нет, — повторил он.

— Почему нет?

— История с господином Ленорманом… Это хорошо для публики, дружище. Но господина Формери вам не удастся заставить поверить, будто Люпен и Ленорман одно и то же лицо.

Он рассмеялся.

— Люпен — начальник Уголовной полиции! Нет! Все, что хотите, только не это! Есть же границы… Я, конечно, человек терпеливый… но все-таки… Послушайте, между нами, в чем причина этого нового вранья? Признаюсь, я не совсем понимаю…

Люпен с изумлением взглянул на него. Несмотря на все, что ему было известно о господине Формери, он представить себе не мог такой степени самодовольства и слепоты. Двойственная личность князя Сернина в настоящий момент ни у кого не вызывала сомнений. И лишь один господин Формери…

Люпен повернулся к помощнику начальника

полиции, который слушал все это, разинув рот.

— Мой дорогой Вебер, оказывается ваше продвижение по службе — под вопросом. Ведь если господин Ленорман — это не я, то, значит, он существует… А если он существует, то я не сомневаюсь, что господин Формери, с его-то чутьем, отыщет его в конечном счете… и в таком случае…

— Его найдут, господин Люпен, — воскликнул следователь. — Я позабочусь об этом, и, признаюсь, очная ставка его с вами будет весьма необычной.

Рассмеявшись, он стал барабанить пальцами по столу.

— До чего забавно! Нет, с вами не соскучишься. Итак, вы вроде бы господин Ленорман, и именно вы заставили арестовать вашего сообщника Марко!

— Разумеется! Разве не следовало доставить удовольствие председателю Совета и спасти кабинет министров? Случай исторический.

Господин Формери держался за бока от смеха.

— А-а! Вот умора! Боже, до чего смешно! Ваш ответ облетит весь мир. И что же, согласно вашему утверждению, после убийства господина Кессельбаха это с вами я проводил расследование

в «Палас-отеле»?..

— И это со мной вы следили за делом с диадемой, когда я был герцогом де Шармерасом, — язвительным тоном отвечал Люпен.

Господин Формери содрогнулся, постыдное воспоминание смело всю его веселость. Внезапно став серьезным, он произнес:

— Итак, вы упорствуете в своем нелепом утверждении?

— Приходится, поскольку это истина. Если вы сядете на теплоход, направляющийся в Индокитай, вам будет нетрудно отыскать в Сайгоне доказательства смерти настоящего господина Ленормана, честного человека, чье место я занял и свидетельство о смерти которого я вам предоставлю.

— Вранье!

— Честное слово, господин следователь, признаюсь вам, мне это совершенно безразлично. Если вам не нравится считать меня господином Ленорманом, не будем больше говорить об этом. Если вам нравится думать, что я убил Альтенхайма, — как угодно. Вы потеряете время, добывая доказательства, но повторяю вам, все это не имеет для меня никакого значения. Все ваши вопросы и все мои ответы я рассматриваю как не

имевшие места. Ваше расследование не в счет по той простой причине, что, когда оно закончится, я буду у черта на куличках. Вот только…

Не стесняясь, он взял стул и, сев напротив господина Формери по другую сторону стола, сухо сказал:

— Есть одно «но», и оно таково: знайте, сударь, что, несмотря на видимость и вопреки вашим намерениям, у меня-то нет намерения терять время. У вас есть свои дела… у меня свои. За исполнение ваших вам платят. Я делаю свои… и плачу себе сам. А дело, которым я занят сейчас, из тех, что не терпят ни минуты невнимательности, ни секунды промедления в подготовке и исполнении действий для его осуществления. Итак, я его продолжаю, и поскольку вы временно вменяете мне в обязанность сидеть без дела в четырех стенах камеры, то именно вам, господа, я поручаю блюсти мои интересы. Понятно?

С вызывающим видом и презрением на лице он встал, и такова была сила воздействия этого человека, что оба его собеседника не решились прервать его.

Господин Формери выбрал позицию стороннего наблюдателя, который развлекается, и рассмеялся:

— До чего смешно! До чего забавно!

— Забавно или нет, сударь, но будет именно так. Мой процесс, дознание, убил я или нет, исследование моего прошлого, моих былых проступков и злодеяний, словом, всякой чепухи, этим я разрешаю вам развлекаться, однако так, чтобы при этом вы ни на минуту не упускали из вида цель вашей миссии.

— Которая состоит?.. — все так же насмешливо спросил господин Формери.

— Которая состоит в том, чтобы вы заменили меня в моих расследованиях относительно проекта господина Кессельбаха и, главное, обнаружили господина Стейнвега, немецкого подданного, похищенного и незаконно лишенного свободы покойным бароном Альтенхаймом.

— Это еще что за история?

— Эта история из тех, которые я хранил в тайне, когда был… или, скорее, считал себя господином Ленорманом. Часть ее происходила в моем кабинете, тут, поблизости, и Вебер должен отчасти быть в курсе. В двух словах: старик Стейнвег знает правду о таинственном проекте, осуществить который стремился господин Кессельбах, а Альтенхайм, который тоже преследовал эту цель, спрятал господина Стейнвега.

— Так просто людей не спрятать. Этот Стейнвег должен ведь где-то быть.

— Разумеется.

— И вы знаете, где он?

— Да.

— Любопытно было бы…

— В доме двадцать девять по улице вилла Дюпон.

Господин Вебер пожал плечами.

— Значит, у Альтенхайма? В особняке, где он жил?

— Да.

— Какая глупость! Разве можно этому верить! В кармане барона я нашел его адрес. Час спустя особняк был занят моими людьми!

Люпен с облегчением вздохнул:

— А-а, хорошая новость! Я-то опасался вмешательства сообщника, того, до которого я не смог добраться, и второго похищения Стейнвега. Слуги?

— Ушли!

— Да, их, верно, предупредил телефонный звонок *того, другого*. Но Стейнвег там.

Господин Вебер вышел из себя:

— Но там никого не было, говорю же вам, что мои люди не покидали особняк.

— Господин помощник начальника Уголовной полиции, я даю лично вам поручение произвести обыск в особняке на улице вилла Дюпон… Завтра вы представите мне отчет о результатах вашего обыска.

Господин Вебер снова пожал плечами и, не обращая внимания на дерзость Люпена, отвечал:

— У меня есть более неотложные дела…

— Господин помощник начальника Уголовной полиции, нет ничего более срочного. Если вы будете медлить, все мои планы рухнут. Старик Стейнвег не заговорит никогда.

— Почему?

— Потому что умрет с голода, если через день, — самое большее через два — вы не принесете ему еды.

III

— Это серьезно… Очень серьезно… — прошептал господин Формери. — К несчастью…

Он улыбнулся.

— К несчастью, ваше откровение грешит большим недостатком.

— И каким же?

— Дело в том, господин Люпен, что все это надувательство… А что вы хотите? Я начинаю

разбираться в ваших трюках, и чем более непонятными они мне кажутся, тем больше я им не доверяю.

— Идиот, — проворчал Люпен.

Господин Формери встал.

— Ну вот, дело сделано. Как видите, это был чисто формальный допрос, расстановка двух дуэлянтов. Теперь, когда шпаги обнажены, нам недостает лишь непременного свидетеля этих обменов ударами, вашего адвоката.

— Вот как! Это необходимо?

— Необходимо.

— Заставить работать одного из мэтров адвокатуры в ожидании дебатов… настолько маловероятных?

— Так надо.

— В таком случае я выбираю мэтра Кембеля.

— Председателя коллегии адвокатов. В добрый час, вы получите отличную защиту.

Так закончилось это первое заседание. Спускаясь по лестнице «Мышеловки» между двумя Дудвилями, арестант короткими фразами требовательно произнес:

— Следите за домом Женевьевы… постоянно четыре человека… За госпожой Кессельбах тоже… Они обе под угрозой. Будут производить обыск на

улице вилла Дюпон… присутствуйте там. Если найдут Стейнвега, постарайтесь, чтобы он молчал… при надобности немного припугните.

— Когда вы будете на свободе, патрон?

— Пока ничего не поделаешь… Впрочем, это не к спеху… Я отдыхаю.

Внизу его встретили солдаты муниципальной гвардии, окружившие автомобиль.

— Домой, ребята, — воскликнул Люпен, — и поживее. Ровно в два часа у меня свидание с самим собой.

Переезд прошел без происшествий.

Вернувшись в свою камеру, Люпен написал длинное письмо с подробнейшими инструкциями братьям Дудвиль и два других письма.

Одно из них Женевьеве:

Женевьева, теперь вы знаете, кто я, и поймете, почему я скрыл от вас имя того, кто дважды уносил вас, совсем маленькой, на руках.

Женевьева, я был другом вашей матери, далеким другом, о двойной жизни которого она не знала, но на которого считала возможным положиться. И вот почему перед смертью она написала мне несколь-

ко слов, умоляя заботиться о вас.

Хоть и будучи недостойным вашего уважения, Женевьева, я останусь верен этому зароку. Не изгоняйте меня насовсем из вашего сердца.

Арсен Люпен

Другое письмо было адресовано госпоже Кессельбах.

Лишь сочувствие привело князя Сернина к госпоже Кессельбах. Но безграничная потребность преданно служить ей удержала его подле нее.

Ныне, когда князь Сернин стал всего лишь Арсеном Люпеном, он просит госпожу Кессельбах не лишать его права оберегать ее издалека, как оберегают того, кого больше не увидят.

На столе лежали конверты. Люпен взял один, потом второй, а когда брал третий, заметил листок белой бумаги, присутствие которого его удивило и на котором были наклеены слова, вырезанные, по-видимому, из газеты:

Борьба с Альтенхаймом не принесла тебе успеха. Откажись заниматься делом, и я не стану мешать твоему побегу.

Л. М.

В который раз Люпен испытал чувство отвращения и страха, которое внушало ему это мерзкое, фантастическое существо, — ощущение гадливости, которое испытывают, прикасаясь к ядовитой рептилии.

«Опять он, — подумалось ему, — и даже здесь!»

В смятение Люпена приводило и другое, внезапно посещавшее его иногда видение этой враждебной силы, силы столь же могучей, как его собственная, и располагавшей потрясающими средствами, о которых сам он не имел представления.

Он сразу же заподозрил своего охранника. Но как можно было подкупить человека с таким суровым выражением лица?

— Ну что ж, в конце концов, тем лучше! — воскликнул Люпен. — Я всегда имел дело лишь с растяпами… Чтобы побороть меня самого, мне пришлось неожиданно возложить на себя обязанности начальника Уголовной полиции… На сей раз мне повезло!.. Вот человек, который может

заткнуть меня за пояс, так сказать, играючи… Если я, находясь в тюрьме, сумею избежать ударов и сокрушить его, увидеть Стейнвега и вырвать у него признание, дать ход делу Кессельбаха и полностью осуществить его, защитить госпожу Кессельбах и добиться счастья и богатства для Женевьевы… Ну что ж, тогда, значит, Люпен навсегда останется Люпеном… а ради этого для начала поспим…

Он улегся на кровать, прошептав:

— Стейнвег, потерпи, не умирай до завтрашнего вечера, и клянусь тебе…

Люпен проспал весь конец дня, и всю ночь, и все утро. Около одиннадцати часов ему пришли сообщить, что мэтр Кембель ожидает его в адвокатской приемной, на что арестант ответил:

— Ступайте скажите мэтру Кембелю, что если он нуждается в сведениях о моей деятельности, пусть обратится к газетам за последние десять лет. Мое прошлое принадлежит истории.

В полдень, с теми же церемониями и предосторожностями, какие осуществлялись накануне, Люпена доставили во Дворец правосудия. Он снова встретился со старшим из Дудвилей, с которым обменялся несколькими словами и которому вручил три письма, и был препровожден

к господину Формери.

Там находился мэтр Кембель с целым ворохом документов.

Люпен тотчас извинился:

— Примите мои сожаления, уважаемый мэтр, за то, что я не смог вас принять, а также мои сожаления по поводу труда, который вы согласились на себя взять, труда бесполезного, поскольку…

— Да, да, мы знаем, — прервал его господин Формери, — что вы собираетесь путешествовать. Договорились. Но пока что приступим к работе. Арсен Люпен, несмотря на все наши розыски, у нас нет достоверных сведений относительно вашего подлинного имени.

— Как странно! У меня тоже.

— Мы даже не можем утверждать, что вы тот самый Арсен Люпен, который содержался в Санте в 19.. году и бежал оттуда в первый раз.

— «В первый раз» — это очень точное выражение.

— В действительности оказалось, — продолжал господин Формери, — что в досье Арсена Люпена, обнаруженном в антропометрическом отделе, указаны приметы Арсена Люпена, которые по всем пунктам отличаются от ваших нынешних примет.

— Еще более странно.

— Сведения другие, размеры другие, отпечатки пальцев другие… Две фотографии, и те не имеют ничего общего. Поэтому я требую, чтобы вы предоставили нам сведения о подлинной своей личности.

— Это как раз то, о чем я хотел бы попросить вас. Я жил под столькими именами, что в конце концов забыл свое. Я уже не узнаю себя.

— Итак, отказ отвечать.

— Да.

— А почему?

— Потому.

— Это окончательное решение?

— Да. Я уже говорил: ваше расследование не в счет. Вчера я дал вам поручение провести другое, которое меня интересует. Я жду результатов.

— А я, — воскликнул господин Формери, — я сказал вам вчера, что не верю ни единому слову из вашей истории со Стейнвегом и что не стану этим заниматься.

— Тогда почему вчера после нашей встречи вы лично отправились на улицу вилла Дюпон и вместе с господином Вебером тщательно обыскали дом номер двадцать девять?

— Откуда вы знаете?.. — довольно раздраженно

спросил следователь.

— Из газет…

— Ах так! Вы читаете газеты!

— Надо же быть в курсе дел.

— Действительно, для очистки совести я осмотрел этот дом — наскоро и не придавая ни малейшего значения…

— Напротив, вы придаете этому такое значение и выполняете данное мною вам поручение со столь достойным похвал рвением, что в настоящий момент помощник начальника Уголовной полиции проводит там обыск.

Господин Формери, казалось, был ошеломлен.

— Что за небылицы! У нас с господином Вебером есть дела поважнее.

В эту минуту вошел служащий и сказал что-то на ухо господину Формери.

— Пусть войдет! — воскликнул тот. — Пусть войдет!..

И сразу же заторопился:

— Ну что, господин Вебер, есть новости? Вы нашли этого человека?

Он даже не взял на себя труд скрытничать, настолько ему не терпелось узнать новости.

— Ничего не нашли, — отвечал помощник начальника полиции.

— Ах, вы уверены?

— Я утверждаю, что в этом доме никого нет, ни живого, ни мертвого.

— Однако…

— Дело обстоит именно так, господин следователь.

Оба они, казалось, были разочарованы, словно убежденность Люпена, в свою очередь, завладела ими.

— Вот видите, Люпен… — с сожалением произнес господин Формери и добавил: — Все, что мы можем предположить, это что старик Стейнвег был заперт там, но теперь его нет.

— Позавчера утром он был еще там, — заявил Люпен.

— А в пять часов вечера мои люди заняли здание, — заметил господин Вебер.

— Придется, стало быть, согласиться с тем, — заключил господин Формери, — что после полудня его забрали.

— Нет, — сказал Люпен.

— Вы думаете?

Непроизвольный вопрос следователя был простодушной данью уважения проницательности Люпена, точно так же, как своего рода заведомое подчинение всякому решению противника.

— Не думаю, а уверен, — непререкаемо заявил Люпен. — Физически невозможно, чтобы господин Стейнвег был освобожден в этот момент. Стейнвег находится в доме под номером двадцать девять по улице вилла Дюпон.

Господин Вебер воздел руки к потолку:

— Но это же безумие! Ведь я только что оттуда! Ведь я обыскал каждую из комнат!.. Человек — не монета в сто су, его так просто не спрячешь.

— Так что же делать? — простонал господин Формери.

— Что делать, господин следователь? — отвечал Люпен. — Все проще простого. Сесть в автомобиль и со всеми предосторожностями, какие вам заблагорассудятся, отвезти меня в двадцать девятый номер по улице вилла Дюпон. В данный момент час дня. В три часа я обнаружу Стейнвега.

Предложение было четким, властным, требовательным. Два должностных лица ощутили силу этой потрясающей воли. Господин Формери взглянул на господина Вебера. В конце концов, почему бы и нет? Что мешает этой попытке?

— Что вы об этом думаете, господин Вебер?

— М… м… м!.. Ну не знаю.

— Да, и все-таки… Речь идет о жизни человека…

— Разумеется… — произнес помощник начальника полиции, начиная сомневаться.

Открылась дверь. Служащий принес письмо, которое господин Формери распечатал и прочел такие слова:

Остерегайтесь. Если Люпен войдет в дом на улице вилла Дюпон, он выйдет оттуда свободным. Подготовлен его побег.

Л. М.

Господин Формери страшно побледнел. Его ужаснула опасность, которой он только что избежал. В который раз Люпен посмеялся над ним. Никакого Стейнвега не существовало.

Едва слышно господин Формери пробормотал благодарственную молитву. Если бы не чудо этого анонимного письма, он бы пропал, он был бы обесчещен.

— На сегодня довольно, — сказал он. — Допрос мы продолжим завтра. Охрана, доставьте заключенного в Санте.

Люпен не дрогнул. Он сказал себе, что удар нанесен *Тем*. Он сказал себе, что двадцать шансов против одного было за то, что спасение Стейнвега не могло произойти теперь, но в итоге оставался тот самый двадцать первый шанс за то, чтобы

ему, Люпену, не отчаиваться, на это не было никакой причины.

И он просто произнес:

— Господин следователь, я назначаю вам встречу на завтра на десять часов утра в доме двадцать девять по улице вилла Дюпон.

— Вы с ума сошли! Но раз я не желаю!..

— Зато я желаю, и этого довольно. Завтра в десять часов. Не опаздывайте.

IV

Как и в предыдущий раз, вернувшись в свою камеру, Люпен лег и, зевая, продолжал раздумывать: «По сути, для продвижения моих дел нет ничего полезнее такого существования. Каждый день я совершаю маленький толчок, который приводит в действие весь механизм, и мне остается лишь набраться терпения до завтра. События происходят сами собой. Какой покой для переутомленного человека!»

И он повернулся к стене.

«Стейнвег, если ты дорожишь жизнью, не умирай пока!!! Я прошу тебя, немного доброй воли. Поступай, как я: спи».

За исключением времени приема пищи, Люпен вновь проспал до утра. Его разбудил шум задви-

жек и замков.

— Вставайте и одевайтесь, — сказал ему охранник. — Это срочно.

Господин Вебер и его люди встретили Люпена в коридоре и отвели его к фиакру.

— Кучер, вилла Дюпон, двадцать девять, — сказал Люпен, поднимаясь в фиакр. — И поживее.

— А-а, вы, стало быть, знаете, что мы едем туда? — спросил помощник начальника полиции.

— Конечно, знаю, поскольку вчера я назначил господину Формери встречу на десять часов в доме двадцать девять по улице вилла Дюпон. Когда Люпен что-то говорит, это исполняется. Доказательство…

Усиленные полицейские предосторожности на улице Перголезе порадовали заключенного. Многочисленные группы агентов запрудили всю улицу. Что касается виллы Дюпон, то она была просто-напросто закрыта для движения.

— Осадное положение, — усмехнулся Люпен. — Вебер, раздай от моего имени по луидору каждому из этих бедняг, которых ты потревожил без надобности. Все-таки здорово вы перетрусили! Еще немного, и ты надел бы мне наручники.

— Мне недоставало лишь твоего желания, — ответил господин Вебер.

— Так давай, старина. Надо же уравнять счет между нами! Подумай, у тебя сегодня всего лишь три сотни людей!

Со скованными руками Люпен вышел из экипажа у крыльца, и его тотчас доставили в комнату, где находился господин Формери. Полицейские ушли. Остался только господин Вебер.

— Прошу прощения, господин следователь, — сказал Люпен, — возможно, я опоздал на две-три минуты. Будьте уверены, в следующий раз я постараюсь…

Господин Формери был мертвенно-бледен. Его сотрясала нервная дрожь.

— Сударь, госпожа Формери… — заикаясь, начал он, но, задохнувшись, вынужден был умолкнуть, у него перехватило горло.

— Как она поживает, славная госпожа Формери? — с интересом осведомился Люпен. — Я имел удовольствие танцевать с ней минувшей зимой на балу в ратуше, и это воспоминание…

— Сударь, — снова заговорил следователь, — сударь, вчера вечером госпоже Формери позвонила ее мать, попросив срочно приехать. Госпожа Формери тотчас ушла, к несчастью, без меня, поскольку я как раз изучал ваше дело.

— Вы изучали мое дело? Какая глупость, — за-

метил Люпен.

— Так вот, в полночь, — продолжал следователь, — не дождавшись возвращения госпожи Формери, я забеспокоился и поспешил к ее матери. Госпожи Формери там не оказалось. Ее мать ей не звонила. Все это было гнуснейшей западней. В настоящее время госпожа Формери все еще не вернулась.

— Ах! — с возмущением произнес Люпен.

И, поразмыслив, добавил:

— Насколько я помню, госпожа Формери очень красива, не так ли?

Следователь, казалось, не понял. Он подошел к Люпену и встревоженным голосом несколько театрально продолжал:

— Сударь, сегодня утром меня предупредили письмом, что мою жену мне вернут сразу же, как только будет обнаружен господин Стейнвег. Вот это письмо. На нем подпись — Люпен. Оно от вас?

Люпен взглянул на письмо и с важным видом заявил:

— Оно от меня.

— Это значит, что вы принуждением хотите добиться от меня руководства поисками господина Стейнвега.

— Я этого требую.

— И сразу после моя жена будет свободна?

— Она будет свободна.

— Даже в том случае, если поиски окажутся бесплодными?

— Такое недопустимо.

— А если я откажусь? — воскликнул господин Формери в неожиданном приступе возмущения.

Люпен прошептал:

— Отказ мог бы иметь серьезные последствия… Госпожа Формери красива…

— Ладно. Ищите… вы хозяин, — проскрежетал господин Формери.

И господин Формери скрестил руки, как человек, который умеет при случае смириться перед превосходящей силой событий.

Господин Вебер не проронил ни слова, но в ярости кусал свои усы, и чувствовалось, какой гнев он испытывает, вновь уступая капризам этого врага, побежденного, но по-прежнему победоносного.

— Поднимемся, — сказал Люпен.

Они поднялись.

— Откройте дверь этой комнаты.

Ее открыли.

— Пускай с меня снимут наручники.

С минуту господин Формери и господин Вебер колебались, обмениваясь вопросительными взглядами.

— Пускай снимут с меня наручники, — повторил Люпен.

— Я за все отвечаю, — заверил помощник начальника полиции.

И, подав знак сопровождавшим его восьмерым солдатам, добавил:

— Оружие к бою! По первой команде — огонь!

Солдаты достали свои револьверы.

— Сложить оружие, — приказал Люпен, — и руки в карманы.

Заметив сомнение полицейских, он решительно заявил:

— Клянусь честью, я здесь для того, чтобы спасти жизнь агонизирующего человека, и не собираюсь сбегать.

— Честь Люпена… — пробормотал один из полицейских.

Резкий удар по ноге заставил его взвыть от боли. Все полицейские, содрогаясь от ненависти, рванули вперед.

— Ни с места! — крикнул господин Вебер, встав между ними. — Начинай, Люпен… Даю тебе один час… Если через час…

— Никаких условий, — возразил неуступчивый Люпен.

— Э-э! Делай по-своему, скотина! — в отчаянии буркнул помощник начальника полиции.

И, отступив, увлек за собой своих людей.

— Прекрасно, — сказал Люпен. — Теперь можно спокойно работать.

Усевшись в удобное кресло, он попросил сигарету, закурил ее и стал пускать в потолок кольца дыма, в то время как остальные ждали, не пытаясь скрыть своего любопытства.

Через какое-то время Люпен произнес:

— Вебер, вели отодвинуть кровать.

Кровать отодвинули.

— Пусть уберут все занавеси алькова.

Занавеси убрали.

Наступило долгое молчание.

Это было похоже на один из тех гипнотических экспериментов, при которых присутствуют с иронией, смешанной с тревогой и неясной боязнью таинственных вещей, которые могут случиться. Быть может, доведется увидеть возникшего из пространства умирающего, вызванного неумолимыми заклинаниями мага. Быть может, доведется увидеть…

— Как, уже! — воскликнул господин Формери.

— Все в порядке, — сказал Люпен. — Неужели вы думаете, господин следователь, что я ни о чем не размышляю в своей камере и заставил бы доставить меня сюда, не имея каких-либо точных соображений по этому вопросу?

— И что? — спросил господин Вебер.

— Пошли одного из своих людей к щитку электрических звонков. Это должно быть недалеко от кухни.

Один из полицейских удалился.

— Теперь нажми на кнопку звонка, который находится здесь, в алькове, на высоте кровати… Хорошо… Жми сильнее… Не отпускай… Ну, хватит… Теперь верни типа, которого посылали вниз.

Через минуту появился полицейский.

— Ну что, артист, ты слышал звонок?

— Нет.

— Один из номеров на щитке отозвался?

— Нет.

— Прекрасно. Я не ошибся, — сказал Люпен. — Вебер, будь любезен, отвинти этот звонок, как видишь, он фальшивый. Вот так… Крути фарфоровый колпачок вокруг кнопки… Прекрасно… А теперь что ты видишь?

— Что-то вроде воронки, — отвечал господин

Вебер, — похоже на конец какой-то трубки.

— Наклонись… приложи рот к этой трубке, как будто это рупор.

— Готово.

— Позови… Позови: Стейнвег!.. Эй! Стейнвег!.. Не надо кричать… Просто говори… Ну что?

— Никто не отвечает.

— Тем хуже, он умер… или не в состоянии ответить.

— В таком случае все пропало! — воскликнул господин Формери.

— Ничего не пропало, — возразил Люпен, — просто все будет дольше. Как у всех трубок, у этой два конца; надо найти второй.

— Но для этого придется разрушить весь дом.

— Да нет… нет… Вы увидите…

Люпен сам принялся за работу в окружении полицейских, которые, впрочем, больше были озабочены тем, чтобы смотреть, что он делает, чем следить за ним.

Он перешел в другую комнату и сразу же, как и предвидел, заметил свинцовую трубку, видневшуюся в углу комнаты и поднимавшуюся к потолку, как водопроводная труба.

— А-а! — молвил Люпен. — Она идет вверх!.. Неглупо… Обычно ищут в подвалах…

Провод был обнаружен, оставалось лишь следовать за ним. Так они добрались до третьего этажа, потом до четвертого, затем до мансарды. И там увидели, что потолок одной из мансард был пробит и труба уходит на очень низкий чердак, который, в свою очередь, пробуравлен в верхней части.

А над ним находилась крыша.

Они подставили лестницу и проникли в слуховое окно. Крыша состояла из пластин листового железа.

— Разве вы не видите, что след негодный? — заявил господин Формери.

Люпен пожал плечами:

— Вовсе нет.

— И все-таки, раз труба выходит под пластинами листового железа…

— Это лишь доказывает, что между этими пластинами и верхней частью чердака есть свободное пространство, где мы найдем… то, что ищем.

— Невозможно!

— Сейчас посмотрим. Пускай поднимут пластины… Нет, не там… Труба должна выходить здесь.

Трое полицейских исполнили приказание. Один из них воскликнул:

— А-а! Мы добрались.

Все наклонились. Люпен оказался прав. Под железом, которое поддерживала решетка из наполовину прогнивших деревянных реек, в самом высоком месте оставалась пустота примерно в метр высотой.

Первый спустившийся полицейский пробил пол и упал на чердак.

Надо было осторожно продвигаться под крышей, приподнимая железо.

Немного дальше находилась дымовая труба. Люпен, который шел впереди и следил за работой полицейских, остановился, сказав:

— Вот.

Там лежал человек или, скорее, труп: при ослепительном свете дня они увидели его искаженное болью, мертвенно-бледное лицо. Цепями он был прикреплен к железным кольцам, вделанным в корпус трубы. Возле него стояли две миски.

— Он умер, — сказал следователь.

— Почем вы знаете? — возразил Люпен.

Пощупав ногой пол, показавшийся ему более прочным в этом месте, он приблизился к трупу.

Господин Формери и помощник начальника полиции последовали его примеру.

После короткого осмотра Люпен произнес:

— Он еще дышит.

— Да, — согласился господин Формери, — сердце бьется слабо, но оно бьется. Вы думаете, его можно спасти?

— Разумеется, раз он не умер… — заявил Люпен с завидной уверенностью. И приказал: — Молока, немедленно! Молока, смешанного с водой Виши. Живо! И я отвечаю за все.

Через двадцать минут старик Стейнвег открыл глаза.

Люпен, стоявший возле него на коленях, прошептал медленно и отчетливо, дабы запечатлеть в сознании больного свои слова:

— Послушай, Стейнвег, никому не открывай тайны Пьера Ледюка. Я, Арсен Люпен, куплю ее у тебя за цену, которую ты назначишь.

Взяв Люпена за локоть, следователь серьезным тоном произнес:

— А госпожа Формери?

— Госпожа Формери свободна. Она с нетерпением ждет вас.

— Как это?

— Послушайте, господин следователь, я прекрасно знал, что вы согласитесь на маленькую экспедицию, которую я вам предлагал. Отказ с вашей стороны был недопустим…

— Почему?
— Госпожа Формери слишком красива.

Страница современной истории

I

Люпен резким движением выбросил два своих кулака справа налево, потом притянул их на грудь, снова выбросил и снова притянул.

Это движение, которое он выполнил тридцать раз кряду, сменило сгибание торса вперед и назад, за сгибанием последовало поочередное поднимание ног, затем размахивание руками.

Все продолжалось четверть часа — четверть часа, которую Люпен, чтобы размять мускулы, посвящал шведской гимнастике.

Потом он расположился за столом, взял листы белой бумаги, лежавшие в пронумерованных пакетах, и, сложив один из них, сделал из него конверт — то же он последовательно проделал с другими листками.

Он дал согласие на этот труд и заставлял себя выполнять его ежедневно, поскольку заключенные имели право выбирать работы, которые им нравились: склеивание конвертов, изготовление бумажных вееров, металлических кошельков и тому подобное.

Таким образом, занимая руки машинальным движением и вместе с тем придавая гибкость мускулам механическими сгибаниями, Люпен не переставал думать о своих делах.

Шум задвижек, скрежет замка…

— А-а, это вы, добрейший тюремщик. Настала минута последнего туалета, отсекания волос, которое предшествует великому финальному отсечению?

— Нет, — отвечал тюремщик.

— Тогда расследование? Прогулка во Дворец правосудия? Это меня удивляет, поскольку славный господин Формери предупредил меня на днях, что отныне из предосторожности он будет проводить допросы прямо в моей камере, что, признаюсь, нарушает мои планы.

— К вам посетитель, — коротко ответил тюремщик.

«Ну вот, — подумал Люпен. И, направляясь в приемную, твердил себе: — Черт возьми, если это то, что я думаю, значит, я — молодчина! За четыре дня из глубин своего застенка запустить это дело — мастерский ход!»

Посетителей, имеющих законное разрешение за подписью руководителя первого отдела префектуры полиции, проводят в узкие поме-

щения, предназначенные для переговоров. В этих помещениях, разделенных посредине двумя решетками, которые отделяет пространство в пять-десять сантиметров, имеются две двери, выходящие в два разных коридора. Заключенный входит в одну дверь, посетитель — в другую. Таким образом, они не могут ни касаться друг друга, ни тихо беседовать, ни передавать друг другу какие-либо предметы. Кроме того, в некоторых случаях на свидании может присутствовать охранник.

На этот раз такая честь выпала старшему охраннику.

— Кто, черт возьми, добился разрешения нанести мне визит? — воскликнул, входя, Люпен. — Сегодня же не мой приемный день.

Пока охранник закрывал дверь, Люпен подошел к решетке и рассмотрел человека, который стоял за другой решеткой и чьи черты смутно различались в полумраке.

— А-а! — радостно вымолвил он. — Это вы, господин Стрипани! Какой счастливый случай!

— Да, это я, дорогой князь.

— Нет, умоляю вас, уважаемый господин, никаких титулов. Здесь я отказался от всех этих погремушек человеческого тщеславия. Называй-

те меня Люпен, это более уместно.

— Я готов, но я-то знал князя Сернина, и это князь Сернин спас меня от нищеты и вернул мне счастье и удачу! Поймите, что для меня вы навсегда останетесь князем Серниным.

— К делу, господин Стрипани… К делу! Время старшего охранника драгоценно, и мы не имеем права злоупотреблять им. В двух словах, что привело вас ко мне?

— Что меня привело? О, Боже мой, это очень просто. Мне показалось, что вы будете недовольны, если я обращусь не к вам, а к кому-то другому, чтобы продолжить работу, которую вы начали. И потом, только у вас в руках все детали, которые позволили в такой срок установить истину и поспособствовать моему спасению. Поэтому лишь вы один в состоянии отразить новый удар, который мне угрожает. И это, безусловно, понял господин префект полиции, когда я изложил ему положение дел…

— Я действительно удивлен, что вам разрешили…

— Отказать было невозможно, дорогой князь. Необходимо ваше вмешательство в дело, которое затрагивает множество интересов, причем это не только мои интересы, они касаются высокопо-

ставленных персон, которые вам известны…

Люпен краешком глаза следил за охранником. Тот, наклонившись, слушал их с живым интересом, жадно пытаясь уловить тайное значение произносившихся слов.

— И поэтому?.. — спросил Люпен.

— Поэтому, дорогой князь, я умоляю вас собрать все ваши воспоминания по поводу того печатного документа, изложенного на четырех языках и по крайней мере начало которого имело отношение…

Удар в челюсть, чуть ниже уха… Покачнувшись, старший охранник без единого стона, как сноп, упал на руки Люпена.

— Хороший удар, Люпен, — похвалил он себя. — Чистая работа. Скажите, Стейнвег, у вас есть хлороформ?

— Вы уверены, что он без сознания?

— Еще бы! Он отключился на две-три минуты… Но этого недостаточно.

Немец достал из кармана медную трубочку и вытянул ее, как телескоп. На конце трубочки был прикреплен крохотный пузырек.

Люпен взял пузырек, вытряс из него несколько капель на носовой платок и приложил этот платок к носу старшего охранника.

— Прекрасно!.. Бедняга получил свое… А я в наказание схлопочу неделю или две карцера… Но это мелкие радости ремесла.

— А я?

— Вы? А что с вами могут сделать?

— Как же! Удар кулаком…

— Вы тут ни при чем.

— А разрешение увидеться с вами? Это же просто-напросто фальшивка.

— Вы тут ни при чем.

— Я им воспользовался.

— Прошу прощения! Позавчера вы по всем правилам обратились с законной просьбой от имени Стрипани. Сегодня утром вы получили официальный ответ. Остальное вас не касается. Побеспокоить могут лишь моих друзей, которые изготовили этот ответ. Поживем — увидим!

— А если нас прервут?

— Почему?

— У них был такой изумленный вид, когда я достал свое разрешение на встречу с Люпеном. Директор велел привести меня и изучал разрешение со всех сторон. Я не сомневаюсь, что они звонят в префектуру полиции.

— А я в этом уверен.

— И что?

— Все предусмотрено, старина. Не волнуйся, и давай поговорим. Полагаю, если ты пришел, то знаешь, о чем идет речь?

— Да. Ваши друзья мне объяснили…

— И ты согласен?

— Человек, который спас меня от смерти, может располагать мною, как сочтет нужным. Каковы бы ни были услуги, которые я смогу ему оказать, я все равно останусь его должником.

— Прежде чем выдать свой секрет, подумай о положении, в котором я нахожусь… беспомощный арестант…

Стейнвег рассмеялся:

— Нет, умоляю вас, шутки в сторону. Я открыл свой секрет Кессельбаху, потому что он был богат и вернее, чем кто-либо другой, мог извлечь из этого пользу; а вы, хоть и арестант, и беспомощный, но в сто раз сильнее, чем Кессельбах с его сотней миллионов.

— О! О!

— И вы сами прекрасно об этом знаете! Ста миллионов недостало бы, чтобы обнаружить дыру, где я умирал, и тем более всего за час доставить меня сюда, к беспомощному арестанту. Тут нужно что-то другое. И это другое у вас есть.

— В таком случае рассказывай. И начнем по

порядку. Имя убийцы?

— Это невозможно.

— Как это невозможно? Но раз ты его знаешь, ты должен все мне открыть.

— Все, но не это.

— Однако…

— Позже.

— Ты с ума сошел! Но почему?

— У меня нет доказательств. Позже, когда вы окажетесь на свободе, мы поищем вместе. Впрочем, зачем? И потом, я правда не могу.

— Ты боишься его?

— Да.

— Ладно, — сказал Люпен. — В конце концов, это не самое срочное. А об остальном ты решился рассказать?

— Обо всем.

— Ну что ж, отвечай. Как зовется Пьер Ледюк?

— Герман IV, великий герцог Дё-Пон-Вельденца, князь Бернкастель, граф де Фистинген, владетель Висбадена и прочих земель.

Люпен вздрогнул от радости, узнав, что его подопечный определенно не сын колбасника.

— Черт возьми! — прошептал он. — Да у нас титул! Насколько я знаю, великое герцогство Дё-Пон-Вельденц находится в Пруссии?

— Да, на Мозеле. Род Вельденц — это ветвь рода Палатин де Дё-Пон. Великое герцогство было оккупировано французами после Люневильского мира и стало частью департамента Мон-Тоннер. В 1814 году его восстановили в пользу Германа I, прадеда нашего Пьера Ледюка. У сына, Германа II, молодость была бурной, он разорился, промотал финансы своей страны, его возненавидели подданные, они в конце концов сожгли частично старинный замок Вельденц и прогнали властителя из своих владений. Великое герцогство стало тогда управляться тремя регентами от имени Германа II, который, что довольно любопытно, не отрекся от власти и сохранил свой титул правящего великого герцога. Он достаточно бедно жил в Берлине, позже принял участие во Французской кампании вместе с Бисмарком, другом которого был, при осаде Парижа его настиг разрыв снаряда, и, умирая, он вверил Бисмарку своего сына Германа… Германа III.

— Отца, стало быть, нашего Ледюка, — заметил Люпен.

— Да, Герман III понравился канцлеру, который не раз использовал его в качестве тайного посланца к иностранным деятелям. После падения своего покровителя Герман III, покинув

Берлин, путешествовал и, вернувшись, обосновался в Дрездене. Когда Бисмарк умер, Герман III находился там. Через два года умер и он сам. Вот публичные факты, известные всем в Германии, такова история трех Германов, великих герцогов Дё-Пон-Вельденц, в XIX веке.

— Ну а четвертый, Герман IV, тот, который нас интересует?

— О нем чуть позже. Теперь перейдем к неизвестным фактам.

— Но известным тебе одному, — сказал Люпен.

— Мне и еще кое-кому.

— Как это еще кое-кому? Секрет, значит, не сохранился?

— Нет, нет, секрет надежно хранят те, кто им владеет. Не бойтесь, ручаюсь, что они крайне заинтересованы в том, чтобы его не разглашать.

— Но как же ты узнал о нем?

— От одного старого слуги и личного секретаря великого герцога Германа, последнего в роду. Слуга этот, который умер у меня на руках на Мысе, сначала поведал мне, что его хозяин был тайно женат и оставил сына. После чего открыл мне и сам секрет.

— Тот самый, о котором ты позже поведал Кессельбаху?

— Да.

— Рассказывай.

В тот миг, когда он произносил эти слова, послышался звук ключа в замочной скважине.

II

— Ни слова, — шепнул Люпен.

Он прислонился к стене возле двери. Створка открылась. Люпен резко захлопнул ее, оттолкнув тюремщика, тот вскрикнул.

Люпен схватил его за горло.

— Молчи, старина. Если станешь шуметь, ты пропал.

Он уложил тюремщика на пол.

— Будешь умником?.. Уразумел ситуацию? Да? Прекрасно… Где твой носовой платок? Теперь давай запястье… Хорошо, так спокойней. Послушай… Тебя послали из предосторожности, не так ли? Чтобы в случае необходимости помочь старшему охраннику?.. Превосходная мера, но несколько запоздалая. Видишь, старший охранник мертв!.. Если шелохнешься, издашь хоть звук, тут же отправишься за ним следом.

Взяв у тюремщика ключи, Люпен вставил один из них в замочную скважину.

— Так нам будет спокойнее.

— Вам — да, но не мне, — возразил старик Стейнвег.

— Зачем им сюда приходить?

— А если они слышали его крик?

— Не думаю. Но в любом случае мои друзья дали тебе поддельные ключи?

— Да.

— Тогда заткни скважину… Готово? Ну что ж, теперь у нас впереди добрых десять минут. Видишь, мой милый, как самые сложные на первый взгляд вещи на деле оказываются простыми. Довольно лишь немного хладнокровия и умения подчиняться обстоятельствам. Ну будет, не волнуйся и рассказывай. По-немецки можешь? Не нужно, чтобы этот тип принимал участие в обсуждении государственных тайн. Давай, старина, и не спеши. Мы у себя дома.

Стейнвег продолжал:

— В тот же вечер, когда умер Бисмарк, великий герцог Герман III и его верный слуга — мой друг с Мыса — сели в поезд, который доставил их в Мюнхен… Как раз вовремя, чтобы успеть на скорый до Вены. Из Вены они отправились в Константинополь, потом в Каир, в Неаполь, в Тунис, в Испанию, в Париж, в Лондон, в Санкт-Петербург, в Варшаву… И ни в одном из этих городов они не

задерживались. Они бросались в первый попавшийся фиакр, велев забрать два своих чемодана, и мчались по улицам, спешили на какую-нибудь соседнюю станцию или пристань, садились на поезд или пассажирское судно.

— Короче, преследуемые, они стремились сбить со следа, — сделал вывод Люпен.

— Однажды вечером они покинули город, одетые в блузы и фуражки рабочих, с узлами на спине. Пешком они проделали тридцать пять километров, отделявших их от Вельденца, где находится старый замок Дё-Пон, или, скорее, руины старого замка.

— Не трать время на описания.

— Весь день они прятались в одном из соседних лесов, а с наступлением ночи приблизились к древним крепостным стенам. Там Герман велел своему слуге дожидаться его, а сам взобрался на стену через брешь, прозванную Волчьей. Час спустя он возвратился. На следующей неделе после новых странствий он вернулся к себе в Дрезден. Экспедиция была закончена.

— И цель этой экспедиции?..

— Великий герцог ни слова не обронил об этом своему слуге. Но тот по некоторым деталям, по совпадениям определенных фактов смог восста-

новить истину, по крайней мере, частично.

— Скорее, Стейнвег, теперь время уже поджимает, а мне не терпится узнать.

— Через две недели после экспедиции граф де Вальдемар, офицер из охраны императора и один из его личных друзей, явился к великому герцогу в сопровождении шестерых мужчин. Он провел там весь день, запершись в кабинете великого герцога. Не раз оттуда доносился шум пререканий, резких споров. Под окнами в саду слуга уловил вот такую долетевшую до него фразу: «Эти бумаги были вам переданы, его величество в этом уверен. Если вы не желаете отдать их по доброй воле…» Конец фразы, смысл угрозы, как, впрочем, и всей сцены, легко угадываются по последствиям: дом Германа обыскали сверху донизу.

— Но это было незаконно.

— Это было бы незаконно, если бы великий герцог воспротивился этому, однако он самолично сопровождал графа при обыске.

— И что же они искали? Мемуары канцлера?

— Нечто более важное. Пачку секретных бумаг, о существовании которых знали по допущенным утечкам — было доподлинно известно, что их вверили великому герцогу Герману.

Люпен обоими локтями уперся в решетку, его

пальцы сжимали железные прутья. Он взволнованно прошептал:

— Секретные бумаги… и наверняка очень важные?

— Первостепенной важности. Предание гласности этих документов имело бы непоправимые последствия не только для внутренней политики, но и для всего мира.

— О! — задыхаясь от волнения, повторял Люпен. — О! Возможно ли это? Какие у тебя доказательства?

— Доказательства? Свидетельство супруги великого герцога, признание, которое она сделала слуге после смерти своего мужа.

— В самом деле… в самом деле… — пробормотал Люпен. — Мы имеем свидетельство самого великого герцога.

— Более того! — воскликнул Стейнвег.

— Что?

— Документ! Документ, написанный его рукой, с личной подписью, документ, который содержит…

— Что именно?

— Список секретных бумаг, которые были ему вверены.

— В двух словах?..

— В двух словах невозможно. Текст пространный, снабженный примечаниями и неясными порой ремарками. Приведу лишь два заголовка, которые относятся к двум пачкам секретных бумаг: «Подлинные письма кронпринца Бисмарку». А датируются эти письма временем трехмесячного правления Фридриха III. Чтобы представить себе, что могут содержать эти письма, вспомните болезнь Фридриха III и его распри с собственным сыном.

— Да… да… я знаю… А другой заголовок?

— «Точные копии писем Фридриха III и императрицы Виктории к английской королеве Виктории…»

— Там есть это? Есть это? — задыхаясь, проговорил Люпен.

— Примечание великого герцога было таким: «Текст договора с Англией и Францией». А еще — несколько неясные слова: «Эльзас-Лотарингия… Колонии… Военно-морское ограничение…»

— Есть и это, — пробормотал Люпен. — Неясно, говоришь ты? Напротив, ошеломляющие слова! Ах, неужели такое возможно!..

Послышался шум. В дверь постучали.

— Не входить, — сказал Люпен, — я занят.

Постучали в другую дверь со стороны Стейн-

вега.

— Немного терпения, — крикнул Люпен, — через пять минут я закончу. — И повелительным тоном обратился к старику: — Не беспокойся и продолжай… Итак, по твоему мнению, экспедиция великого герцога и его слуги в замок Вельденц не имела другой цели, кроме как спрятать бумаги?

— Сомнений быть не может.

— Ладно. Но ведь великий герцог мог забрать их с тех пор?

— Нет, он до самой смерти не покидал Дрездена.

— Но враги великого герцога, те, кто был крайне заинтересован забрать эти бумаги и уничтожить, могли искать их там, где они находились.

— Действительно, их розыски указали им путь туда.

— Откуда тебе это известно?

— Вы прекрасно понимаете, что я не оставался безучастным и что первой моей заботой, когда я получил эти сведения, было отправиться в Вельденц и самому все разузнать в окрестных деревнях. Так я узнал, что уже дважды в замок вторгалось с дюжину людей, прибывавших из Берлина и рекомендованных регентом.

— И что?

— А то, что они ничего не нашли, поскольку с той поры посещать замок не разрешалось.

— Но кто мешает проникнуть туда?

— Гарнизон из пятидесяти солдат, стерегущих замок днем и ночью.

— Солдаты великого герцогства?

— Нет, солдаты из личной охраны императора.

В коридоре послышались громкие голоса, и в дверь снова постучали. Позвали старшего охранника.

— Он спит, господин директор, — отозвался Люпен, узнавший голос господина Борели.

— Открывайте! Приказываю вам открыть.

— Невозможно, замок заело. Могу дать вам совет: сделайте вокруг него надрез.

— Открывайте!

— А как, по-вашему, быть с судьбой Европы, которую мы как раз обсуждаем?

Люпен повернулся к старику:

— Так, значит, ты не смог попасть в замок?

— Нет.

— Но ты уверен, что эти самые бумаги спрятаны там.

— Послушайте! Разве я не привел вам все доказательства? Разве я не убедил вас?

— Да, да, — прошептал Люпен, — они спрятаны там… сомнений нет… они спрятаны там.

Казалось, он уже видит за́мок. Казалось, мысленно воображает себе загадочный тайник. Зрелище неисчерпаемых сокровищ, представление о сундуках, наполненных драгоценными камнями и золотом, не взволновало бы его сильнее, чем мысль о клочках бумаги, которые сторожила охрана кайзера. Какое чудесное завоевание предстояло! И притом вполне достойное его! А какие проницательность и интуицию он проявил, пустившись наудачу по этому неведомому следу!

Снаружи «работали» над замком.

— От чего умер великий герцог? — спросил Люпен у старого Стейнвега.

— От плеврита, всего за несколько дней. Он едва смог прийти в сознание, и самым ужасным было то, какие неслыханные усилия он предпринимал между двумя приступами бреда, чтобы собраться с мыслями и произнести какие-то слова. Время от времени он звал свою жену, в отчаянии смотрел на нее и безуспешно шевелил губами.

— Короче, он заговорил? — внезапно спросил Люпен, которого начинала беспокоить «работа» вокруг замка.

— Нет, не заговорил. Однако в минуту просвет-

ления ему удалось что-то написать на листке бумаги, которую подала ему жена.

— И что? Эта запись…

— В основном неразборчива…

— В основном… но что-то же все-таки ясно? — с жадностью спросил Люпен.

— Вначале три цифры, прекрасно различимые: одна восьмерка, одна единица и одна тройка…

— 813… да, я знаю… А дальше?

— Дальше буквы… несколько букв, среди которых со всей определенностью можно восстановить лишь группу из трех и сразу после — группу из двух букв.

— «Апоон», не так ли?

— Ах, вам известно…

Замок дрогнул, почти все винтики из него были извлечены. Испугавшись, что их сейчас прервут, Люпен спросил:

— Таким образом, неполное слово «Апоон» и цифра 813 — и есть те формулы, которые великий герцог завещал жене и сыну, чтобы позволить им отыскать секретные бумаги?

— Да.

Люпен обеими руками вцепился в замок, чтобы удержать его от падения.

— Господин директор, вы разбудите старшего

охранника. Это не слишком любезно, еще минуту, можно? Стейнвег, что сталось с женой великого герцога?

— Она умерла вскоре после мужа, можно сказать, от горя.

— И ребенка забрала семья?

— Какая семья? У великого герцога не было ни братьев, ни сестер. К тому же брак был морганатический, тайный. Нет, ребенка взял старый слуга Германа и вырастил его под именем Пьер Ледюк. Это был довольно скверный мальчишка, своевольный, взбалмошный, неуживчивый. Однажды он уехал из дома. Больше его не видели.

— Он знал тайну своего рождения?

— Да, и ему показали листок бумаги, на котором Герман написал буквы и цифры, 813 и так далее.

— А этот секрет потом открыли только тебе?

— Да.

— А ты, ты доверил его лишь господину Кессельбаху?

— Ему одному. Но из предосторожности, показав ему листок со знаками и буквами, а также список, о котором я вам говорил, я сохранил оба эти документа. События показали, что я был прав.

— И эти документы, они у тебя?

— Да.

— Они в безопасности?

— В абсолютной.

— В Париже?

— Нет.

— Тем лучше. Не забывай, что твоя жизнь в опасности и что тебя преследуют.

— Я это знаю. Малейшая оплошность, и я пропал.

— Вот именно. Поэтому будь осторожен, сбей со следа своего врага, забери бумаги и жди моих указаний. Дело верное. Самое позднее через месяц мы вместе отправимся в замок Вельденц.

— А если я окажусь в тюрьме?

— Я вытащу тебя оттуда.

— Это возможно?

— На следующий же день после того, как выйду сам. Нет, я ошибся, тем же вечером… час спустя.

— Стало быть, у вас есть какой-то способ?

— Да, вот уже десять минут, как он у меня есть — и безошибочный. Тебе больше нечего мне сказать?

— Нет.

— Тогда я открываю.

Он потянул дверь и, склонясь перед господином Борели, произнес:

— Господин директор, прошу прощения, не знаю как и…

Он не закончил. Появление директора и трех его людей не оставило ему времени.

Господин Борели побледнел от гнева и возмущения. Вид двух распростертых охранников потряс его.

— Мертвы! — воскликнул он.

— Да нет же, нет, — усмехнулся Люпен. — Взгляните, этот шевелится. Говори, скотина.

— А другой? — не унимался господин Борели, бросаясь к старшему охраннику.

— Всего лишь заснул, господин директор. Он очень устал, поэтому я предоставил ему несколько минут отдыха. Я ходатайствую за него. Я был бы очень огорчен, если бы этот человек…

— Довольно шуток, — резко произнес господин Борели и обратился к охранникам: — Пусть его доставят обратно в камеру… пока. Что же касается этого посетителя…

Больше Люпен ничего не узнал о намерениях господина Борели в отношении старого Стейнвега. Но для него это был совершенно незначительный вопрос. Он уносил в свое одиночество проблемы, исполненные гораздо более значимого интереса, чем судьба старика. Он обладал

секретом господина Кессельбаха!

Грандиозная комбинация Люпена

I

К величайшему удивлению Люпена, карцер ему не грозил. Несколько часов спустя господин Борели самолично пришел сообщить арестанту, что считает это наказание бесполезным.

— Не только бесполезным, господин директор, но и опасным, — возразил Люпен, — опасным, неуместным и подстрекательским.

— И в чем же это проявилось бы? — спросил господин Борели, которого его постоялец определенно беспокоил все больше и больше.

— А вот в чем, господин директор. Вы сейчас прибыли из префектуры полиции, где рассказали кому следует о мятеже заключенного Люпена и показали разрешение на свидание, выданное господину Стрипани. Ваше оправдание было весьма простым, поскольку когда господин Стрипани представил вам разрешение, вы предусмотрительно позвонили в префектуру и выразили свое удивление, а в префектуре вам ответили, что разрешение вполне законное.

— Ах, вы в курсе…

— Конечно, в курсе, ведь по телефону в префектуре вам ответил один из моих друзей. И сразу же по вашей просьбе началось немедленное расследование, порученное уполномоченному лицу, и это уполномоченное лицо обнаружило, что выданное разрешение не что иное, как фальшивка, подготовленная… сейчас как раз ищут, кем… И будьте покойны, ничего не найдут…

В знак протеста господин Борели улыбнулся.

— Итак, — продолжал Люпен, — допрашивают моего друга Стрипани, для которого не составило ни малейшей трудности назвать свое настоящее имя — Стейнвег! Как такое возможно? Выходит, что заключенному Люпену удалось провести кого-то в тюрьму Санте и проговорить с этим человеком целый час! Какой скандал! Не лучше ли замять его, не так ли? Господина Стейнвега отпускают, а господина Борели, снабженного всеми необходимыми полномочиями, направляют в качестве посла к заключенному Люпену, чтобы купить его молчание. Это правда, господин директор?

— Абсолютная правда! — согласился господин Борели, решив обратить все в шутку, дабы скрыть свое смущение. — Можно подумать, что у вас провидческий дар. Итак, вы принимаете наши

условия?

Люпен рассмеялся:

— То есть соглашаюсь ли я на вашу просьбу? Да, господин директор, успокойте господ из префектуры. Я буду молчать. В конце концов, у меня много побед в активе, и я могу оказать вам милость своим молчанием. Я не дам никаких сообщений в прессу… по крайней мере, по этому поводу.

Это означало сохранить за собой свободу делать таковые по другим поводам. Действительно, вся деятельность Люпена сводилась к этой двойной цели: переписываться со своими друзьями и через них вести одну из тех кампаний в прессе, которыми он отличался.

Впрочем, с момента своего ареста Люпен отдал необходимые распоряжения двум Дудвилям и полагал, что приготовления близятся к завершению.

Ежедневно он добросовестно занимался изготовлением конвертов, необходимые материалы для которых ему каждое утро приносили в пронумерованных пакетах, и каждый вечер уносили готовые конверты, сложенные и смазанные клеем.

А поскольку распределение пронумерованных

пакетов между заключенными, избравшими такого рода работу, всегда производилось одинаковым образом, то пакет, предназначавшийся Люпену, неизбежно каждый день должен был носить один и тот же порядковый номер.

При проверке подсчет оказывался верным. Оставалось лишь подкупить одного из служащих частного предприятия, которому были доверены поставка и отправка конвертов.

Это не составило особого труда.

Уверенный в успехе, Люпен, стало быть, спокойно дожидался, когда на верхнем листке в пакете появится условленный с его друзьями знак.

Время, впрочем, протекало быстро. Около полудня Люпена ежедневно посещал господин Формери, и в присутствии молчаливого свидетеля — адвоката Кембеля — арестант претерпевал строжайший допрос.

Это было ему в радость. Убедив в конце концов господина Формери в своем неучастии в убийстве барона Альтенхайма, он признавался следователю в выдуманных преступлениях, и тотчас назначенные господином Формери расследования приводили к ошеломляющим результатам, к скандальным ошибкам, в которых общественность узнавала манеру, свойственную великому

мастеру иронии, каковым являлся Люпен.

Мелкие невинные забавы, как говаривал он. Разве нельзя поразвлечься?

Однако близился час более серьезных дел. На пятый день Люпен заметил условленный знак — отметину ногтем поперек второго листа в пакете.

— Наконец, — сказал он, — вот оно.

Из тайника он извлек крохотный пузырек, открыл его, смочил кончик указательного пальца содержавшейся в пузырьке жидкостью и провел им по третьему листку пакета.

Проявились черточки, потом буквы, потом слова и фразы.

> *Все идет хорошо. Стейнвег на свободе. Прячется в провинции. Женевьева Эрнемон в добром здравии. Она часто ходит в отель «Бристоль» навестить больную госпожу Кессельбах. Каждый раз она встречает там Пьера Ледюка. Отвечайте тем же способом. Ни малейшей опасности.*

Таким образом, была установлена связь с внешним миром. В который раз усилия Люпена увенчались успехом. Теперь оставалось лишь

выполнить свой план, воспользоваться откровениями старика Стейнвега и обрести свободу благодаря одной из самых необычайных и гениальных комбинаций, которые когда-либо зарождались в его мозгу.

Спустя три дня в «Гран Журналь» появились такие несколько строк:

> Помимо мемуаров Бисмарка, где, согласно хорошо информированным людям, содержится лишь официальная история событий, к которым был причастен великий канцлер, существует ряд конфиденциальных писем, представляющих значительный интерес.
>
> Эти письма были найдены. Из верного источника нам известно, что со дня на день они будут опубликованы.

Всем памятен шум, который подняла во всем мире эта загадочная заметка, комментарии, какие она вызвала, высказанные предположения и, в частности, полемика в немецкой прессе. Кто в ответе за эти строки? О каких письмах идет речь? Какие личности писали их канцлеру, кто именно состоял с ним в переписке? Была ли то посмертная месть? Или же нескромность со сто-

роны какого-либо корреспондента Бисмарка?

Вторая заметка привлекла особое внимание общества, возбудив его странным образом.

Она была составлена так:

«Санте-отель», камера № 14 2-го отделения.

Господин директор «Гран Журналя»,

в номере за минувший вторник вы опубликовали заметку, составленную на основе нескольких слов, оброненных мною накануне вечером во время лекции, которую я проводил в Санте относительно иностранной политики. Заметка эта, в основном правдивая, требует, однако, небольшого уточнения. Письма действительно существуют, и никто не может оспорить их исключительную важность, поскольку вот уже десять лет они являются предметом непрекращающихся поисков со стороны заинтересованного правительства. Но никто не знает, где эти письма, и никто не знает ни единого слова из того, что они содержат…

Общественность, уверен, не рассердит-

ся на меня за то, что я заставляю ее ждать, прежде чем удовлетворить ее законное любопытство. Кроме того, что у меня нет на руках всех элементов, необходимых для поиска истины, теперешние мои занятия не позволяют мне, как я хотел бы, посвятить этому делу необходимое время.

Все, что я могу сказать в настоящий момент, это что письма были доверены умирающим одному из его верных друзей и что этому другу впоследствии довелось претерпеть тяжелые последствия его преданности – столкнуться со слежкой и обысками.

Я отдал приказ двум лучшим агентам моей тайной полиции снова взять этот след с самого начала и не сомневаюсь, что дня через два я буду в состоянии прояснить эту захватывающую тайну.

Арсен Люпен

Таким образом, дело вел не кто иной, как Арсен Люпен! Это он из недр своей тюрьмы выводил на сцену комедию или трагедию, обещанную в первой заметке. Вот это приключение! Все возли-

ковали. С таким артистом, как Люпен, спектакль наверняка будет яркий и захватывающий.

Через три дня в «Гран Журналь» читали:

> Мне сообщили имя преданного друга, на которого я намекал. Речь идет о великом герцоге Германе III, правившем (хотя и лишенном владения) государе великого герцогства Дё-Пон-Вельденц и доверенном лице Бисмарка, безусловной дружбой которого он располагал.
>
> В его доме был проведен обыск графом де В... в сопровождении двенадцати человек. Результат этого обыска был отрицательный, но тем не менее подтвердилось то обстоятельство, что великий герцог обладал теми бумагами.
>
> Где он их спрятал? На этот вопрос, вероятно, ни у кого в мире пока что нет ответа.
>
> Я прошу двадцать четыре часа, чтобы найти его.
>
> ***Арсен Люпен***

И в самом деле, через двадцать четыре часа обещанная заметка появилась:

Знаменитые письма спрятаны в феодальном замке Вельденца, главного города великого герцогства Дё-Пон, в замке, частично разрушенном в XIX веке.

В каком точно месте? И что в действительности представляют собой эти письма? Таковы две проблемы, разгадкой которых я занят и решение которых я предоставлю через четыре дня.

Арсен Люпен

В означенный день «Гран Журналь» вырывали друг у друга. Ко всеобщему разочарованию, обещанных сведений там не оказалось. На следующий день — то же молчание, как и еще через день.

Что же случилось?

Об этом узнали благодаря утечке в префектуре полиции. Директора тюрьмы Санте, похоже, предупредили, что Люпен связывается со своими сообщниками благодаря пакетам с конвертами, которые он изготавливает. Обнаружить ничего не смогли, но на всякий случай запретили несносному заключенному любую работу.

На что несносный заключенный ответил:

— Раз мне нечего больше делать, я займусь сво-

им процессом. Пусть предупредят моего адвоката, председателя коллегии Кембеля.

Это было правдой. Люпен, который до тех пор отказывался от любых разговоров с мэтром Кембелем, согласился принять его и подготовить свою защиту.

II

На следующий же день мэтр Кембель, обрадовавшись, пригласил Люпена в приемную адвокатов.

Мэтр был пожилой мужчина, носивший очки, увеличительные стекла которых делали его глаза огромными. Он положил на стол шляпу, раскрыл свою папку и сразу же принялся задавать вопросы, которые тщательно подготовил.

Люпен с величайшей любезностью отвечал на них, вдаваясь в нескончаемые подробности, которые мэтр Кембель тотчас записывал на карточки, приколотые одна поверх другой.

— Так, значит, — повторял адвокат, склонив голову над бумагами, — вы говорите, что в ту пору…

— Я говорю, что в ту пору…

Незаметно, едва ощутимым и вполне естественным движением Люпен облокотился на

стол. Опустив руку, он мало-помалу протиснул ее под шляпу мэтра Кембеля, сунул палец внутрь и вытащил одну из тех сложенных в длину бумажных лент, которые вставляют между кожей и подкладкой, когда шляпа слишком велика.

Он расправил бумагу. Это было послание Дудвиля, написанное при помощи условных знаков.

Я нанят камердинером к мэтру Кембелю. Вы безбоязненно можете отвечать мне тем же путем.

Это Л... М..., убийца, разоблачил трюк с конвертами. К счастью, вы предвидели удар!

Дальше следовал подробный отчет обо всех событиях и комментарии, вызванные сообщениями Люпена.

Люпен вынул из кармана такую же точно ленту со своими инструкциями, осторожно вставил ее вместо той, другой, и убрал руку. Дело было сделано.

И переписка Люпена с «Гран Журналь» возобновилась незамедлительно.

Я извиняюсь перед общественностью за то, что не выполнил своего обещания.

Почтовая служба в «Санте-отеле» плачевна.

Впрочем, финал близок. У меня на руках все документы, устанавливающие истину на неоспоримой основе. Я подожду оглашать их. Тем не менее знайте: среди писем есть адресованные канцлеру тем, кто провозглашал тогда себя его учеником и почитателем и кому через несколько лет суждено было избавиться от этого обременительного опекуна и править самому.

Достаточно ли ясно я выразился?

И на следующий день:

Письма эти были написаны во время болезни последнего императора. Довольно ли этого, чтобы обозначить всю их важность?

Четыре дня молчания, и появилась последняя, незабываемая заметка:

Мое расследование закончено. Теперь я знаю все. Поразмыслив хорошенько, я разгадал секрет тайника. Мои друзья

отправятся в Вельденц и, несмотря на все препятствия, проникнут в замок путем, который я им укажу.

После этого газеты опубликуют точные копии этих писем, содержание которых я уже знаю, но хочу полностью воспроизвести их текст.

Публикация писем – достоверная и неотвратимая – состоится ровно через две недели, день в день, 22 августа.

До тех пор я замолкаю… и жду.

Связь с «Гран Журналь» действительно была прекращена, но Люпен не прекратил переписываться со своими друзьями «через шляпу», как они выражались. Это было до того просто! Никакой опасности. Разве мог кто-нибудь догадаться, что шляпа мэтра Кембеля служила Люпену почтовым ящиком?

Чуть ли не каждое утро при посещении знаменитый адвокат преданно доставлял почту своего клиента — письма из Парижа, письма из провинции, письма из Германии, все это было уменьшено, сжато Дудвилем до коротких формул и изложено на шифрованном языке.

А через час мэтр Кембель важно уносил на

волю распоряжения Люпена.

Но вот однажды директор Санте получил телефонограмму за подписью «Л. М.», уведомлявшую его, что мэтр Кембель, по всей вероятности, служит Люпену невольным почтальоном и что в интересах директора наблюдать за посещениями этого уважаемого человека.

Директор предупредил мэтра Кембеля, и тогда тот решил приходить в тюрьму в сопровождении своего секретаря.

Таким образом, и на этот раз, несмотря на все усилия Люпена и богатство его изобретательности, несмотря на чудеса находчивости, которые он заново проявлял после каждого поражения, Люпен опять оказался отрезанным от внешнего мира силой дьявольского гения его грозного противника.

Причем он оказался отрезанным от мира в самую критическую, самую торжественную минуту, когда из глубины своей камеры готов был рискнуть всем в борьбе с объединенными силами, столь отчаянно преследовавшими его.

Тринадцатого августа, когда он сидел напротив двух адвокатов, его внимание привлек заголовок газеты, в которую были завернуты некоторые бумаги мэтра Кембеля. Заголовок большими

знаками: «813». И подзаголовок: *Новое убийство. Беспокойство в Германии. Будет ли раскрыта тайна Апоона?*

Люпен побледнел в тревоге. Ниже он прочел следующие слова:

> Две сенсационные депеши получены нами за последний час.
>
> Возле Аугсбурга обнаружен труп старика, зарезанного ножом. Личность его удалось установить: это господин Стейнвег, о котором шла речь в деле Кессельбаха.
>
> В то же время нам телеграфируют, что в Кельн срочно был вызван знаменитый английский детектив Херлок Шолмс. В Кельне он встретится с императором, и оттуда оба они отправятся в замок Вельденц.
>
> Херлок Шолмс будто бы принял на себя обязательство раскрыть тайну Апоона.
>
> Если он преуспеет, это станет жестоким провалом непонятной кампании, которую столь странным образом вот уже месяц ведет Арсен Люпен.

III

Возможно, никогда еще общественное любопытство не было взбудоражено до такой степени, ведь предстоял поединок, поединок в данном случае невидимый и, можно сказать, анонимный, но впечатляющий из-за скандала, который возник вокруг самой авантюры, и той ставки, которую оспаривали два непримиримых противника, на этот раз вновь противостоявших друг другу.

Причем речь шла не о мелких частных интересах, незначительных ограблениях, жалких личных страстях, но о деле действительно мирового масштаба, в которое была втянута политика трех великих наций Запада и которое могло нарушить мир на Земле.

Не будем забывать, что в ту пору начался марокканский кризис. Довольно было одной искры, чтобы разгорелся настоящий пожар.

Так что ожидание сопровождалось страхом, хотя никто в точности не знал, чего ждать. Ибо, в конце-то концов, если детектив выйдет из поединка победителем, если он найдет письма, то кто об этом узнает? Каково будет доказательство этого триумфа?

По сути, надеялись только на Люпена и на его

обычай брать в судьи своих деяний общественность. Что он собирается делать? Как сможет отвести грозившую ему страшную опасность? Да и отдавал ли он себе в ней отчет?

В четырех стенах камеры № 14 заключенный задавал себе примерно такие же вопросы, но он-то был движим не праздным любопытством, а реальной тревогой и ежеминутным страхом.

Он ощущал себя непоправимо одиноким, с беспомощными руками, беспомощной волей, беспомощным умом. Каким бы ловким, изобретательным, бесстрашным, героическим он ни был, это ничего не значило. Борьба продолжалась за пределами досягаемости. Теперь роль Люпена была кончена. Он собрал детали и натянул все пружины огромной машины, которая должна была обеспечить, должна была в какой-то мере механически дать ему свободу, а у него не было возможности совершить ни единого движения, дабы усовершенствовать свое творение и присматривать за ним. В назначенную дату должен состояться запуск механизма. Но до тех пор могло произойти множество неблагоприятных случайностей, возникнуть множество препятствий, а у него не будет средства устранить эти случайности, сгладить препятствия.

Люпен пережил тогда самые горестные часы своей жизни. Он усомнился в себе. Он задавался вопросом, не придется ли ему гнить в кошмаре каторги.

Не ошибся ли он в своих расчетах? Не ребячеством ли было верить, что в назначенную дату произойдет событие, которое обеспечит ему свободу?

— Безумие! — воскликнул Люпен. — Мое рассуждение ошибочно… Как можно уповать на подобное стечение обстоятельств? Достаточно ничтожной мелочи, чтобы разрушить все… какой-нибудь песчинки…

Смерть Стейнвега и исчезновение документов, которые старик должен был ему передать, его ничуть не беспокоили. Без документов в крайнем случае можно было бы обойтись: с помощью нескольких слов, сказанных ему Стейнвегом, посредством проницательности и умения он восстановит содержание писем императора и составит план баталии, которая принесет ему победу. Но он думал о Херлоке Шолмсе, который находился там, в эпицентре битвы, и который, обнаружив письма, сможет таким образом уничтожить столь терпеливо возводившееся сооружение.

И еще он думал о *Другом*, беспощадном враге, затаившемся вблизи тюрьмы, возможно, скрывавшемся в самой тюрьме: тот угадывал потаенные планы Люпена даже прежде, чем они успевали возникнуть в тайниках его мысли.

Семнадцатое августа… Восемнадцатое августа… Девятнадцатое… Еще два дня… Скорее, два столетия! О! Нескончаемые минуты! Обычно такой спокойный, хладнокровный, такой изобретательный затейник, Люпен нервничал, чувствуя то возбуждение, то подавленность. Бессильный против врага, страшно подозрительный, угрюмый.

Двадцатое августа…

Ему хотелось действовать, а он не мог. Как бы там ни было, он не обладал возможностью приблизить час развязки. Неизвестно, настанет ли эта развязка, но у Люпена не будет уверенности до того момента, как истечет последний час последнего дня вплоть до последней минуты. Лишь тогда он осознает окончательный провал своей комбинации.

— Провал неизбежен, — не переставал повторять он, — успех зависит от чересчур зыбких обстоятельств и может быть достигнут лишь с помощью чрезвычайно тонких психологических приемов… Нет сомнений, что я заблуждаюсь

относительно достоинств и значимости моих средств… И тем не менее…

К нему возвращалась надежда. Он взвешивал свои шансы. Внезапно они казались ему реальными и потрясающими. Событие должно было произойти так, как он его предвидел, и по тем самым причинам, на которые он рассчитывал. Это было неизбежно…

Да, неизбежно. Однако лишь при условии, что Шолмс не отыщет тайник…

И снова он думал о Шолмсе, и снова его одолевало неизбывное уныние.

Последний день…

Проснулся Люпен поздно, после ночи скверных снов.

В тот день он никого не видел, ни следователя, ни своего адвоката. Послеполуденное время тянулось томительно и медленно, и наступил вечер, сумрачный вечер в камере… Его лихорадило. Сердце металось в груди, словно испуганный зверек…

И неотвратимо проходили минуты…

В девять часов — ничего. В десять часов — ничего.

Всеми своими нервами, натянутыми, словно тетива лука, Люпен вслушивался в неясные шумы

тюрьмы, пытаясь уловить сквозь неумолимые стены все, что могло пробиться с воли.

Но зачем? Разве не все кончено?

— А-а! — воскликнул он. — Я схожу с ума. Пусть все это кончится! Так будет лучше. Я снова начну, но по-другому… попробую что-то другое… Только я не могу больше, не могу.

Обхватив голову руками, он сжимал ее изо всех сил, замкнувшись в самом себе и сосредоточив свою мысль на одном, словно хотел наяву воспроизвести событие потрясающее, ошеломляющее, *недопустимое*, с которым он связывал свою независимость и успех.

— Надо, чтобы это случилось, — прошептал он, — так надо, и надо не потому, что я этого хочу, но потому, что это логично. И это случится… Это случится…

Он бил себя кулаками по голове, и безумные слова готовы были сорваться с его губ…

Заскрежетал замок. В своей ярости Люпен не услышал звука шагов в коридоре, но вдруг в его камеру проник луч света, и дверь отворилась.

Вошли три человека.

Люпен ничуть не удивился.

Неслыханное чудо осуществилось, и это сразу же показалось ему естественным, нормальным,

соответствующим истине и справедливости.

Его захлестнула волна гордости. В эту минуту у него действительно появилось четкое осознание своей силы и ума.

— Я должен включить электричество? — спросил один из трех мужчин, в котором Люпен признал директора тюрьмы.

— Нет, — отвечал с иностранным акцентом самый высокий из его спутников.

— Я должен уйти?

— Поступайте в соответствии с вашими обязанностями, сударь, — заявил тот же человек.

— Согласно инструкциям, полученным мной от префекта полиции, я должен целиком отвечать вашим желаниям.

— В таком случае, сударь, предпочтительнее, чтобы вы удалились.

Господин Борели вышел, оставив дверь приоткрытой, и остановился снаружи на расстоянии слышимости.

Высокий посетитель обменялся несколькими словами с тем, кто пока что не произнес ни слова, и Люпен безуспешно пытался различить в темноте их физиономии. Он видел лишь черные силуэты, облаченные в широкие плащи автомобилистов. На головах у гостей были шляпы с

опущенными полями.

— Вы и есть Арсен Люпен? — спросил мужчина, направив свет фонаря ему прямо в лицо.

Он улыбнулся:

— Да, меня зовут Арсен Люпен, в настоящее время я заключенный в Санте, камера четырнадцать, второе отделение.

— Вы тот, — продолжал посетитель, — кто опубликовал в «Гран Журналь» серию заметок, в общем-то невероятных, в которых речь идет о так называемых письмах…

Люпен прервал его:

— Прошу прощения, сударь, но прежде чем продолжить эту беседу, цель которой, между нами говоря, мне не совсем ясна, я был бы вам весьма признателен, если бы вы сказали, с кем я имею честь беседовать.

— Это абсолютно лишнее, — возразил иностранец.

— Абсолютно необходимое, — заявил Люпен.

— Зачем?

— По причине вежливости, сударь. Вы знаете мое имя, я вашего не знаю и не могу согласиться с таким нарушением этикета.

Иностранец вышел из терпения.

— Тот факт, что директор этой тюрьмы привел

нас, доказывает…

— … что господин Борели не знает этикета, — сказал Люпен. — Господин Борели должен был представить нас друг другу. Здесь мы равны, сударь. Нет старшего и подчиненного, заключенного и посетителя, который снисходит до встречи с ним. Есть двое мужчин, и у одного из этих мужчин на голове шляпа, а это не положено.

— Ах, так, но…

— Относитесь к этому как вам будет угодно, — сказал Люпен.

Подойдя поближе, иностранец хотел заговорить.

— Сначала шляпа, — повторил Люпен, — шляпа…

— Выслушайте меня!

— Нет.

— Да.

— Нет.

Атмосфера глупо накалялась. Тот из двух иностранцев, который молчал, положил руку на плечо своего спутника и сказал ему по-немецки:

— Предоставь все мне…

— Как! Мы же договорились…

— Замолчи и уходи.

— Оставить вас одного!..

— Да.

— Но дверь?..

— Закроешь ее и удалишься…

— Но этот человек… вы его знаете… Арсен Люпен…

— Уходи.

Высокий с ворчанием вышел.

— Закрой же дверь, — крикнул второй посетитель. — Поплотнее… Совсем… Хорошо.

Тогда он повернулся, взял фонарь и поднял его.

— Должен ли я назвать вам свое имя? — спросил он.

— Нет, — отвечал Люпен.

— А почему?

— Потому что я его знаю.

— А-а!

— Вы тот, кого я ждал.

— Меня!

— Да, ваше величество.

Карл Великий

I

— Тише, — поспешно сказал иностранец. — Не произносите этих слов.

— Как мне называть вас, ваше?..

— Никак.

Оба они замолчали, но этот момент передышки был не из тех, что предшествуют борьбе двух противников, готовых сражаться. Иностранец ходил взад-вперед хозяином, который привык повелевать и подчинять себе. Люпен, застыв, утратил свой обычный вызывающий вид и насмешливую улыбку. С серьезным выражением лица он ждал. Однако в глубине своей души он безумно, со всем пылом наслаждался той необычайной ситуацией, в которой оказался здесь, в этой камере арестанта, он, заключенный, он, авантюрист, он, мошенник и взломщик, он, Арсен Люпен… а напротив него — этот полубог современного мира, существо грозное, наследник Цезаря и Карла Великого.

На мгновение собственное могущество одурманило Люпена. При мысли о своем торжестве

слезы выступили у него на глазах.

Иностранец остановился.

И сразу же, с первой фразы они очутились в самом сердце ситуации.

— Завтра двадцать второе августа. Письма должны быть опубликованы в этот день, не так ли?

— Даже этой ночью. Через два часа мои друзья должны доставить в «Гран Журналь» пока еще не письма, но их точный список с примечаниями великого герцога Германа.

— Этот список не будет доставлен.

— Он не будет доставлен.

— Вы передадите его мне.

— Он будет передан в руки вашего… в ваши руки.

— И все письма тоже.

— Все письма тоже.

— И ни одно не будет скопировано.

— Ни одно не будет скопировано.

Иностранец говорил спокойным голосом, в котором не было ни малейшего намека на просьбу, ни малейшей властной интонации. Он не приказывал и не спрашивал: он излагал неизбежные действия Арсена Люпена. Это будет так. Так будет, каковыми бы ни стали требования Арсена

Люпена, какой бы ни была цена, которую он установит за исполнение этих действий. Условия принимались заранее.

«Черт возьми, — сказал себе Люпен, — я имею дело с серьезным противником. Если обратятся к моему благородству, я пропал».

Даже то, каким образом начался разговор, откровенность слов, привлекательность голоса и манер, все это ему бесконечно нравилось.

Он собрался с силами, дабы не проявить слабости и не отказаться от преимуществ, которых с таким упорством добивался.

А иностранец продолжал:

— Вы читали эти письма?

— Нет.

— Но кто-то из ваших прочел их?

— Нет.

— Но как же тогда?..

— Зато я читал список примечаний великого герцога. А кроме того, я знаю, где находится тайник, куда он спрятал все свои бумаги.

— Почему вы до сих пор не забрали их?

— Секрет тайника я узнал, лишь когда оказался здесь. В настоящее время мои друзья в пути.

— За́мок под охраной: его занимают двести самых надежных моих людей.

— Недостаточно будет и десяти тысяч.

После минутного раздумья посетитель спросил:

— Как вы узнали секрет?

— Я его угадал.

— Но у вас была другая информация, какие-то подробности, о которых не сообщали газеты?

— Ничего.

— Однако по моему приказу в течение четырех дней обыскивали весь замок…

— Херлок Шолмс плохо искал.

— Вот как! — молвил иностранец. — Это странно… Странно… И вы уверены, что ваше предположение верно?

— Это не предположение, а уверенность.

— Тем лучше, тем лучше, — прошептал гость. — Спокойнее будет, когда эти бумаги перестанут существовать.

И, встав внезапно напротив Люпена, спросил:

— Сколько?

— Что? — Люпен был озадачен.

— Сколько за бумаги? Сколько за выдачу секрета?

Он ожидал услышать сумму. И предложил сам:

— Пятьдесят тысяч… сто тысяч?

И так как Люпен не отвечал, посетитель немно-

го неуверенно продолжил:

— Больше? Двести тысяч? Ладно! Я согласен.

Улыбнувшись, Люпен тихо сказал:

— Цифра привлекательная. Но нельзя исключать, что какой-нибудь монарх, ну, скажем, король Англии, дойдет до миллиона. Как вы считаете, если со всей откровенностью?

— Думаю, это возможно.

— И что эти письма не имеют для императора цены, что они могут одинаково стоить как два миллиона, так и двести тысяч франков… хоть три миллиона, хоть два?

— Думаю, да.

— И *если понадобится*, император отдал бы эти три миллиона?

— Да.

— Тогда договориться будет легко.

— На этой основе? — не без тревоги воскликнул иностранец.

— На этой основе — нет… Денег я не ищу. Мне нужно другое, другая вещь стоит для меня гораздо дороже, чем миллионы.

— Какая?

— Свобода.

Иностранец вздрогнул:

— Как! Ваша свобода… Но я не в силах… Это

касается вашей страны… правосудия… У меня нет власти.

Люпен подошел ближе и, еще больше понизив голос, произнес:

— Вы обладаете всей властью, ваше величество… Моя свобода не такое уж исключительное событие, чтобы вам отказать.

— Значит, мне придется испросить ее?

— Да.

— У кого?

— У Валангле, председателя совета министров.

— Но даже сам господин Валангле может не больше, чем я…

— Он может открыть двери этой тюрьмы.

— Это был бы скандал.

— Когда я говорю «открыть»… — «Приоткрыть» — этого мне будет достаточно… Изобразят мое бегство… Общественность настолько готова к этому, что не потребует никакого отчета.

— Хорошо… хорошо… Но господин Валангле никогда не согласится…

— Он согласится.

— Почему?

— Потому что вы выразите ему такое желание.

— Мое желание для него не приказ.

— Нет, но между правительствами такие вещи

делаются. А господин Валангле весьма дипломатичен…

— Неужели вы полагаете, что французское правительство совершит столь беззаконное действие ради единственной радости быть мне приятным?

— Это будет не единственная радость.

— Какой станет другая?

— Радость послужить Франции, приняв предложение, которое будет сопровождать просьбу о моей свободе.

— И я сделаю такое предложение?

— Да, ваше величество.

— В чем оно будет заключаться?

— Я не знаю, но мне кажется, что всегда существует благоприятная почва, чтобы договориться… Есть возможности соглашения…

Иностранец смотрел на него, не понимая. Люпен наклонился и, словно подыскивая слова, словно выражая некую гипотезу, произнес:

— Я полагаю, что две страны не находят общего языка по ничтожному поводу… Что у них разные точки зрения на второстепенный вопрос… например, колониальный вопрос, где на карту поставлено скорее их самолюбие, нежели их интересы… Разве нет возможности руководителю

одной из этих стран самому прийти к тому, чтобы обсудить это дело в духе нового соглашения?.. И дать необходимые инструкции… чтобы…

— … чтобы я оставил Марокко Франции, — рассмеявшись, сказал иностранец.

Идея, которую предложил Люпен, показалась ему на редкость смехотворной, и он смеялся от всего сердца. Какая несоразмерность между целью, которую требовалось достичь, и предложенными средствами!

— Конечно… конечно… — продолжал иностранец, безуспешно стараясь снова стать серьезным, — идея, конечно, оригинальная… Перевернуть всю мировую политику ради того, чтобы дать свободу Арсену Люпену! Разрушить планы империи, чтобы позволить Арсену Люпену вновь совершать свои подвиги!.. А почему бы уж в таком случае не попросить заодно Эльзас и Лотарингию?

— Я об этом думал, — признался Люпен.

Иностранец развеселился еще больше.

— Восхитительно! Но вы пощадили меня?

— На этот раз да.

Люпен скрестил руки. Он тоже веселился, преувеличивая свою роль, и продолжал с нарочитой серьезностью:

— Однажды обстоятельства могут сложиться так, что в моих руках окажется возможность *потребовать* и *добиться* этого возврата. В тот день я, разумеется, не премину это сделать. А сейчас оружие, которым я располагаю, вынуждает меня к большей скромности. Мира в Марокко мне достаточно.

— Только и всего?

— Только и всего.

— Марокко взамен вашей свободы?

— Не более того… или, поскольку ни в коем случае не следует упускать из вида сам предмет этой беседы, скорее немного доброй воли со стороны одной из двух великих стран, о которых идет речь… а взамен отказ от писем, которые находятся в моей власти.

— Эти письма!.. Письма!.. — с раздражением прошептал иностранец. — В конце концов, ценность их, возможно, не столь велика…

— Они написаны вашей рукой, ваше величество, и вы оценили их достаточно высоко, придя ко мне в эту камеру.

— Ну и что?

— Есть и другие письма, происхождения которых вы не знаете и о которых я могу дать вам определенные сведения.

— А-а! — обеспокоенно произнес иностранец.

Люпен заколебался.

— Говорите, говорите со всей откровенностью, — приказал иностранец, — выражайтесь яснее.

В глубокой тишине Люпен заявил с определенной торжественностью:

— Двадцать лет назад был выработан проект договора между Германией, Англией и Францией.

— Это ложь! Это невозможно! Кто мог это сделать?

— Отец нынешнего императора и королева Англии, его бабушка, оба они были под влиянием императрицы.

— Невозможно! Повторяю, это невозможно!

— Переписка хранится в тайнике замка в Вельденце, в тайнике, секрет которого знаю лишь я один.

Иностранец в волнении ходил взад и вперед.

Остановившись, он сказал:

— Текст договора составляет часть этой переписки?

— Да, ваше величество. Он написан рукой вашего отца.

— И о чем там речь?

— По этому договору Англия и Франция шли на

уступки и обещали Германии огромное колониальное влияние, то влияние, которого у нее нет и которое необходимо ей сегодня, чтобы обеспечить себе величие, достаточно большое влияние, чтобы она оставила свои мечты о гегемонии и смирилась, согласившись быть… всего лишь такой, какая она есть.

— И взамен этого влияния Англия требовала?..

— Сокращения немецкого флота.

— А Франция?

— Эльзас и Лотарингию.

Император умолк, задумчиво опершись о стол. Люпен продолжал:

— Все было готово. Правительства Парижа и Лондона уже выразили согласие. Дело считалось решенным. Предстояло подписать большой союзнический договор, который заложил бы основы всеобщего и окончательного мира. Но я спрашиваю ваше величество, что подумает ваш народ, что подумает весь мир, когда станет известно, что Фридрих III, один из героев семидесятых, немец, чистокровный немец, уважаемый всеми своими согражданами и даже врагами, соглашался и, следовательно, считал справедливым возврат Эльзаса и Лотарингии?

Люпен умолк на мгновение, чтобы проблема

ясно обозначилась перед совестью императора, перед совестью человека, сына и государя.

И в заключение сказал:

— Только его величеству дано знать, желает он или не желает, чтобы история запечатлела этот договор. Что касается меня, ваше величество, то вы видите, что моей скромной персоне отводится не так много места в этом споре.

После этих слов последовало долгое молчание. Люпен ждал ответа с тревогой в душе. В эту минуту, которую он замыслил и в какой-то мере породил с такими усилиями и таким упорством, разыгрывалась его судьба… Минута, рожденная его умом, была историческая, и его «скромная персона», что бы он там ни говорил, имела в эту минуту немалый вес для решения судеб империй и мира на земле…

Напротив него, в тени, размышлял Цезарь.

Что он скажет? Какое примет решение?

В течение нескольких минут, показавшихся Люпену бесконечными, его величество шагал по камере.

Потом остановился и сказал:

— Есть другие условия?

— Да, ваше величество, но незначительные.

— Какие?

— Я отыскал сына великого герцога. Герцогство Дё-Пон-Вельденц должно быть ему возвращено.

— Дальше?

— Он любит юную девушку, которая тоже его любит, это самая красивая и самая добродетельная из женщин. Он женится на ней.

— Дальше?

— Это все.

— Больше ничего?

— Ничего. Вашему величеству остается лишь велеть доставить это письмо директору «Гран Журналь», чтобы он, не читая, уничтожил статью, которую должен получить с минуты на минуту.

С замиранием сердца Люпен дрожащей рукой протянул письмо. Если император возьмет его, это станет свидетельством его согласия.

Император заколебался, но тут же яростным жестом забрал письмо, надел шляпу, закутался в свой плащ и, не сказав ни слова, вышел.

Несколько секунд Люпен не двигался, словно оглушенный…

Потом вдруг упал на стул с криками радости и гордости.

II

— Господин следователь, сегодня я с сожалением должен проститься с вами.

— Как, господин Люпен, значит, вы намерены нас покинуть?

— Против своей воли, господин следователь, будьте уверены, у нас ведь сложились на редкость сердечные отношения. Но всякому удовольствию приходит конец. Мой курс лечения в «Санте-отеле» окончен. Меня ждут другие обязанности. Этой ночью мне придется бежать.

— Тогда удачи вам, господин Люпен.

— Благодарю вас, господин следователь.

И Арсен Люпен стал терпеливо дожидаться часа своего побега, задаваясь вопросом, как именно осуществится этот побег и какими способами Франция и Германия, объединившись для такого достойного похвалы дела, сумеют осуществить его без большого скандала.

Во второй половине дня охранник приказал ему направиться во двор к выходу. Он поспешил туда и встретил директора, который передал его на руки господину Веберу, а означенный господин Вебер велел ему подняться в автомобиль, где уже было занято одно место.

У Люпена сразу же начался приступ безумного смеха.

— Как! Это тебе, мой бедный Вебер, выпала такая незадача! Это ты будешь в ответе за мой побег? Признайся, что тебе не повезло! Ах, бедняга, какая неприятность! Прославленного моим арестом, теперь тебя обессмертит мой побег.

Он взглянул на своего другого спутника.

— Вот как, господин префект полиции, вы тоже в деле? Ну и подарочек вам преподнесли, а? Могу дать один совет, оставайтесь в сторонке. Вся честь Веберу! Она по праву принадлежит ему… Он крепкий малый!..

Ехали быстро, сначала вдоль Сены и через Булонский лес. В Сен-Клу свернули.

— Прекрасно, — воскликнул Люпен, — мы едем в Гарш! Во мне там нуждаются, чтобы на месте воспроизвести смерть Альтенхайма. Мы спустимся в подземелье, я исчезну, и потом скажут, что я скрылся через другой выход, известный мне одному. Боже! До чего глупо!

Он казался огорченным.

— Глупо, дальше некуда! Я краснею от стыда… И такие люди правят нами!.. Что за эпоха! Несчастные, вам надо было обратиться ко мне. Я изобрел бы для вас отменный побег в жанре чуда.

У меня столько идей! Общественность вопила бы о чуде и тряслась бы от восторга. А вместо этого… Впрочем, правда и то, что вас застали слегка врасплох… И тем не менее…

Программа была именно такой, как предвидел Люпен. Через пансион проникли во флигель «Гортензия». Люпен и два его спутника спустились и пересекли подземный проход. В самом конце пути помощник начальника полиции обратился к нему:

— Вы свободны.

— Ну вот! — сказал Люпен. — Только и всего-то! Моя искренняя признательность, дорогой Вебер, и извинения за беспокойство. Господин префект, мое почтение вашей супруге.

Он поднялся по лестнице, которая вела на виллу «Глицинии», приподнял люк и прыгнул в комнату.

На его плечо опустилась чья-то рука.

Перед Люпеном стоял его вчерашний посетитель, тот, кто сопровождал императора. По бокам справа и слева от него стояли четверо мужчин.

— Ах, вот оно как! — молвил Люпен. — Что за шутки? Значит, я не свободен?

— Нет, нет, — буркнул немец своим жестким голосом, — вы свободны… свободны отправиться

в путешествие с нами пятерыми… если вас это устроит.

Люпен секунду смотрел на него с безумным желанием познакомить его с силой удара в нос.

Но эти пятеро мужчин выглядели чертовски решительно. Да и начальник их не испытывал к нему особой нежности, так что этот парень, подумалось Люпену, будет счастлив прибегнуть к крайним мерам. И к тому же, в конце-то концов, какая ему разница?

Он усмехнулся:

— Устроит ли меня! Да это моя мечта!

Во дворе их дожидался большой лимузин. Двое мужчин сели впереди, двое других — сзади. Люпен с иностранцем расположились на сиденье в глубине.

— В путь, — по-немецки воскликнул Люпен, — в Вельденц!

— Тише! — сказал ему спутник. — Эти люди ничего не должны знать. Говорите по-французски. Они не понимают. Да и зачем сейчас говорить?

— Действительно, — согласился Люпен, — зачем?

Весь вечер и всю ночь они ехали без всяких происшествий. Дважды заправлялись бензином в маленьких спящих городках.

Немцы по очереди сторожили своего пленника, а тот открыл глаза лишь на рассвете…

Для первой трапезы остановились в расположенной на холме придорожной гостинице, возле которой стоял указательный столб. Люпен увидел, что они находятся на равном расстоянии от Меца и от Люксембурга. Там свернули на дорогу, идущую на северо-восток, в сторону Трева.

Люпен обратился к своему спутнику:

— Я имею честь говорить с графом де Вальдемаром, доверенным лицом императора, тем, кто обыскивал дом Германа III в Дрездене?

Немец безмолвствовал.

«Твоя физиономия, мой милый, мне не по душе, — подумал Люпен. — Рано или поздно я над тобой посмеюсь. Ты некрасивый, толстый, грузный, короче, ты мне не нравишься».

А вслух добавил:

— Господин граф напрасно мне не отвечает. Я заговорил не просто так: в ту минуту, когда мы садились в машину, позади нас на горизонте я увидел автомобиль. Вы его заметили?

— Нет, а что?

— Ничего.

— Однако…

— Да нет, ничего… простое замечание… Впро-

чем, у нас преимущество в десять минут… да и мощность нашего автомобиля, по крайней мере, сорок лошадиных сил.

— Шестьдесят, — заметил немец, с тревогой искоса взглянув на него.

— О! Тогда мы спокойны.

Они взобрались на маленький откос. На самом верху граф выглянул в окно.

— Черт возьми! — выругался он.

— В чем дело? — спросил Люпен.

Повернувшись к нему, граф угрожающе произнес:

— Берегитесь… Если что-то случится, тем хуже.

— Э-э! Похоже, автомобиль приближается… Но чего вы опасаетесь, дорогой граф? Наверняка это какой-нибудь путешественник… возможно, даже помощь, которую вам посылают.

— Мне не нужна помощь, — проворчал немец.

Он снова выглянул в окно. Автомобиль находился уже не более чем в двухстах или трехстах метрах.

Он обратился к своим людям, указав на Люпена:

— Связать его! И если будет сопротивляться…

Он достал свой револьвер.

— Зачем мне сопротивляться, славный тевто-

нец? — усмехнулся Люпен.

И добавил, пока ему связывали руки:

— По правде говоря, забавно видеть, как люди принимают предосторожности, когда это бесполезно, и не принимают их, когда это необходимо. Что вам, черт возьми, может сделать этот автомобиль? Думаете, там мои сообщники? Что за идея!

Не ответив, немец отдал приказ водителю:

— Правее!.. Замедли ход… Пропусти его… Если они тоже сбавят скорость, остановись!

Однако, к его величайшему удивлению, автомобиль, напротив, удвоил скорость. В облаке пыли он вихрем обогнал их.

В открытом автомобиле виднелся силуэт стоящего позади человека в черном.

Он поднял руку.

Прозвучали два выстрела.

Граф, закрывавший собой левую дверцу, упал.

Прежде чем заняться им, два его спутника поспешили закончить связывать Люпена.

— Бестолочи! Тупицы! — крикнул дрожавший от ярости Люпен. — Отпустите же меня! Ну вот, теперь еще и остановились! Скорее за ним, трижды идиоты… Поймайте его!.. Это черный человек… убийца… Ах, болваны!..

Ему заткнули рот. Потом занялись графом. Рана

показалась несерьезной, и ее быстро перевязали. Однако сильно возбужденного раненого вскоре охватила лихорадка, он начал бредить.

Восемь часов утра. Они находились в чистом поле, вдали от деревень. Мужчины не имели ни малейших сведений о точной цели путешествия. Куда ехать? Кого предупредить о случившемся?

Автомобиль поставили у какого-то лесочка и стали ждать.

Таким образом прошел целый день. Лишь к вечеру прибыла кавалерийская группа, посланная из Трева на поиски автомобиля.

Два часа спустя Люпен вышел из лимузина и, по-прежнему в сопровождении двух немцев, поднялся при свете фонаря по ступеням какой-то лестницы, которая вела в маленькую комнату с окнами, забранными железными решетками.

Там он провел ночь.

На следующее утро какой-то офицер провел его через заполненный солдатами двор к центру длинного ряда зданий, сгрудившихся у подножия пригорка, где виднелись величественные руины.

Люпена препроводили в просторную, наспех обставленную комнату. Сидя за письменным столом, его позавчерашний посетитель читал газеты и отчеты, жирно подчеркивая отдельные

строки красным карандашом.

— Оставьте нас, — обратился он к офицеру. И, подойдя к Люпену, сказал: — Бумаги.

Тон был теперь совсем иным. Сухой, повелительный тон хозяина, находящегося на своей территории, хозяина, который обращается к подчиненному — и какому подчиненному! Мошеннику, авантюристу худшего сорта, перед которым он вынужден был унижаться!

— Бумаги, — повторил он.

Люпен не смутился и спокойно сказал:

— Они в замке Вельденца.

— Мы находимся в служебных помещениях замка Вельденца.

— Бумаги средь этих развалин.

— Идем туда. Проводите меня.

Люпен не шелохнулся.

— В чем дело?

— А в том, ваше величество, что все не так просто, как вы думаете. Нужно некоторое время, чтобы привести в действие элементы, необходимые для раскрытия этого тайника.

— Сколько часов вам потребуется?

— Двадцать четыре.

Быстро подавленный гневный жест.

— А-а! Об этом мы не договаривались.

— Не было уточнений, ваше величество… И по этому поводу, и по поводу маленького путешествия, которое его величество заставили меня совершить с шестью телохранителями. Я должен отдать бумаги, вот и все.

— А я должен предоставить вам свободу лишь после получения бумаг.

— Вопрос доверия, ваше величество. Я посчитал бы себя столь же обязанным отдать эти бумаги, если бы оказался на свободе по выходу из тюрьмы, и ваше величество может не сомневаться, что я не унес бы их с собой. Разница лишь в том, ваше величество, что они уже были бы в вашем распоряжении. Ведь мы потеряли целый день. А один день в таком деле… это еще один лишний день… Следовало доверять, только и всего.

Император не без удивления смотрел на этого отщепенца, этого бандита, который, похоже, обиделся на то, что не поверили его слову.

Ничего не ответив, он позвонил.

Появился граф де Вальдемар, он был очень бледен.

— Ах, это ты, Вальдемар? Ты оправился?

— Я в вашем распоряжении, ваше величество.

— Возьми с собой пятерых людей… тех же самых, поскольку ты в них уверен. Ты ни на минуту

не оставишь этого… господина до завтрашнего утра. — Он взглянул на свои часы. — До десяти часов завтрашнего утра… Нет, я даю ему время до полудня. Ты пойдешь туда, куда он захочет пойти, сделаешь то, что он скажет тебе сделать. Словом, ты в его полном распоряжении. В полдень я присоединюсь к тебе. Если с последним ударом часов он не отдаст мне письма, ты снова посадишь его в твой автомобиль и, не теряя ни секунды, доставишь прямо в тюрьму Санте.

— А если он попробует бежать…

— Принимай меры.

И он ушел.

Люпен взял со стола сигару и бросился в кресло.

«В добрый час! Я предпочитаю такой образ действий. Это откровенно и решительно».

Граф позвал своих людей и обратился к Люпену:

— В путь!

Люпен закурил сигару и не шелохнулся.

— Свяжите ему руки! — сказал граф.

И когда приказ был исполнен, повторил:

— Ну теперь… в путь!

— Нет.

— Как это нет?

— Я размышляю.

— О чем?

— О месте, где может находиться этот тайник.

Граф вздрогнул.

— Как! Вы не знаете?

— Черт возьми! — усмехнулся Люпен. — Самое забавное в этом приключении то, что у меня нет ни малейшего представления ни об этом самом тайнике, ни о способах обнаружить его. Ну, что вы об этом скажете, дорогой Вальдемар? Вот потеха… ни малейшего представления…

Письма императора

I

Развалины Вельденца, хорошо знакомые всем, кто посещает берега Рейна и Мозеля, представляют собой руины старинного феодального замка, построенного в 1277 году архиепископом Фистингена. Возле огромной главной башни, развороченной войсками Тюренна, — уцелевшие стены большого дворца эпохи Возрождения, где в течение трех веков обитали великие герцоги Дё-Пон.

Именно этот дворец был разграблен восставшими подданными Германа II. Пустые окна являли собой две сотни зияющих дыр на четырех фасадах. Все деревянные панели, обивка, большая часть мебели были сожжены. Приходилось шагать по обуглившимся перекладинам паркетных полов, и временами сквозь разрушенные потолки виднелось небо.

За два часа Люпен в сопровождении своего эскорта обошел все.

— Я очень вами доволен, дорогой граф. Не думаю, что когда-либо мне доводилось встречать

столь осведомленного и, большая редкость, столь молчаливого проводника. А сейчас, если позволите, надо пообедать.

По сути, теперь Люпен знал не больше, чем раньше, и его замешательство лишь возрастало. Чтобы выйти из тюрьмы и поразить воображение своего посетителя, он блефовал, притворяясь, будто все знает, а на самом деле он еще только выяснял, с чего начать поиски.

«Дела плохи, — говорил он себе, — как нельзя более плохи».

Впрочем, он не обладал в полной мере своей обычной проницательностью. Он был одержим одной навязчивой идеей, мыслью о неизвестном, о чудовище, об убийце, который, он знал, идет по его пятам.

Каким образом таинственный персонаж отыскал его следы? Как он узнал о выходе Люпена из тюрьмы и движении в сторону Люксембурга и Германии? Была ли то чудодейственная интуиция? Или все дело в точной информации? Но тогда какой ценой, какими обещаниями или угрозами он мог ее добиться?

Все эти мысли неотступно терзали ум Люпена.

Около четырех часов дня, после новой прогулки по руинам, во время которой он безуспешно

исследовал камни, измерял толщину стен, внимательно осматривал форму и облик предметов, Люпен спросил графа:

— Не осталось ли какого-нибудь слуги последнего великого герцога, который бы проживал в замке?

— Вся прислуга того времени разбрелась кто куда. Лишь один продолжал жить в окрестностях.

— И что с ним?

— Два года назад он умер.

— Бездетным?

— У него был сын, который женился и был изгнан, как и его жена, за скандальное поведение. Они оставили самого младшего из своих детей, девочку по имени Изильда.

— Где она живет?

— Здесь, в конце подсобных помещений. Ее дед служил гидом для посетителей в то время, когда замок можно было осматривать. С тех пор маленькая Изильда всегда проживала в этих развалинах, где ее терпели из жалости: бедное, невинное существо, которое едва говорит и не знает, что говорит.

— Она всегда была такой?

— Вроде бы нет. Разум мало-помалу оставил ее годам к десяти.

— Вследствие какого-то горя или испуга?

— Нет, без всякого повода, как мне сказали. Отец был алкоголиком, а мать покончила с собой в приступе безумия.

Подумав, Люпен заявил:

— Я хотел бы встретиться с ней.

Граф как-то странно улыбнулся.

— Встретиться с ней вы, конечно, можете.

Выяснилось, что Изильда как раз находится в одной из комнат, которую ей оставили.

Люпен был удивлен, обнаружив премиленькое существо, чересчур худенькое, чересчур бледное, но почти красивое, со светлыми волосами и нежным личиком. Во взгляде ее зеленоватых глаз застыло смутное, отстраненное выражение, как в глазах слепой.

Он задал ей несколько вопросов, на которые Изильда не ответила, и еще другие, на которые она отвечала бессвязными фразами, словно не понимала ни смысла обращенных к ней слов, ни смысла слов, которые произносила сама.

Люпен настаивал, с большой нежностью взяв ее за руку и ласковым голосом расспрашивая о том времени, когда она была еще в разуме, о ее дедушке, о воспоминаниях, которые могла пробудить в ней детская жизнь на свободе среди

величественных руин замка.

Безучастная, с застывшим взглядом, Изильда безмолвствовала, хотя, возможно, и была взволнованна, однако волнение не могло пробудить ее дремлющий ум.

Люпен попросил карандаш и бумагу. Карандашом он написал на чистом листе «813».

Граф опять улыбнулся.

— А-а! Что вызвало у вас смех? — раздраженно воскликнул Люпен.

— Ничего… ничего… Мне интересно… очень интересно…

Девушка взглянула на листок, который ей протягивали, и с рассеянным видом отвернулась.

— Не получается, — насмешливо произнес граф.

Люпен написал буквы «Апоон».

Все то же невнимание Изильды.

Люпен не бросил своих попыток и стал чертить в несколько приемов все те же буквы, но каждый раз оставлял между ними интервалы, которые менялись. И каждый раз зорко следил за лицом девушки.

Она не шелохнулась, глаза ее были прикованы к бумаге с безразличием, которое ничто, казалось, не в силах возмутить.

Но вдруг она схватила карандаш, вырвала из рук Люпена последний листок и, словно под воздействием внезапного озарения, вписала две буквы «Л» в промежутке, оставленном Люпеном.

Тот вздрогнул.

Образовалось слово: *«Аполлон»*.

Между тем Изильда не выпускала из рук ни карандаш, ни листок и судорожно сжатыми пальцами, с напряженным выражением лица пыталась подчинить свою руку неуверенному велению своего бедного мозга.

Люпен ждал, охваченный дрожью.

Как одержимая, она быстро написала одно слово — «*Диана*».

— Еще слово!.. Другое слово! — с жаром попросил он.

Вцепившись в карандаш, Изильда сломала грифель, написала обломком большое «Ю» и в изнеможении бросила карандаш.

— Еще слово! Так надо! — приказал Люпен, схватив ее за руку.

Но по ее глазам, снова безучастным, он понял, что та мимолетная вспышка восприимчивости больше не повторится.

— Пошли отсюда, — сказал он.

Люпен уже удалялся, когда она бросилась бе-

жать и преградила ему дорогу. Он остановился.

— Чего ты хочешь?

Она протянула открытую ладонь.

— Как! Денег? Это в ее привычках, просить милостыню? — обратился он к графу.

— Нет, — ответил тот, — и я не могу понять…

Изильда достала из кармана две золотые монетки, радостно постукивая ими друг о друга.

Люпен осмотрел их.

То были французские монеты, совсем новенькие, с указанием года выпуска.

— Где ты это взяла? — с волнением воскликнул Люпен. — Французские монеты! Кто тебе их дал?.. И когда?.. Сегодня? Говори!.. Отвечай!

Он пожал плечами.

— Какой же я дурак! Как будто она может мне ответить!.. Дорогой граф, прошу вас одолжить мне сорок марок… Спасибо… Держи, Изильда, это тебе…

Она взяла обе монетки и, сжав их в ладони вместе с двумя другими, позвенела ими, а потом, протянув руку, показала на развалины дворца эпохи Возрождения — казалось, ее жест особо выделял левое крыло и верхушку этого крыла.

Было ли это машинальное движение или следовало рассматривать его как благодарность за

две золотые монетки?

Он взглянул на графа. Тот не переставал улыбаться.

«Чего он веселится, этот скот? — рассердился Люпен. — Можно подумать, он насмехается надо мной».

В сопровождении своего эскорта Люпен на всякий случай двинулся в сторону дворца.

Первый этаж состоял из сообщавшихся друг с другом огромных приемных залов, куда собрали кое-какую мебель, уцелевшую после пожара.

На втором этаже с северной стороны располагалась длинная галерея, на которую выходили двенадцать прекрасных одинаковых залов.

Такая же галерея повторялась на третьем этаже, но с двадцатью четырьмя комнатами, тоже похожими одна на другую. И все это пустое, обветшалое, плачевное.

Наверху — ничего. Мансарды были сожжены.

Напряженно вглядываясь, Люпен в течение часа неутомимо шагал, сновал, носился.

С наступлением вечера он бросился в один из двенадцати залов второго этажа, словно выбрав его по каким-то особым, известным ему одному причинам.

Он был несколько удивлен, обнаружив там

императора — тот курил, сидя в кресле, которое велел себе принести.

Не обращая внимания на его присутствие, Люпен начал осмотр зала согласно методам, к которым обычно прибегал в подобных случаях, то есть разделив помещение на участки и по очереди исследуя их.

По прошествии двадцати минут он сказал:

— Я попросил бы ваше величество соблаговолить побеспокоиться. Тут находится камин…

Император покачал головой.

— Действительно есть необходимость, чтобы я побеспокоился?

— Да, ваше величество, этот камин…

— Этот камин такой же, как все остальные, и этот зал не отличается от соседних.

Люпен смотрел на императора, не понимая. Тот встал и с улыбкой сказал:

— Я полагаю, господин Люпен, что вы немного посмеялись надо мной.

— Каким образом, ваше величество?

— О, Боже мой, самую малость! Вы получили свободу с условием передать мне интересующие меня бумаги, а у вас нет ни малейшего понятия о месте, где они находятся. Вы меня попросту… как это у вас, французов, говорится? Одурачили?

— Вы так думаете, ваше величество?

— Черт возьми! То, о чем знают, не ищут, а вы вот уже добрых часов десять, как ищете. Не кажется ли вам, что встает вопрос о немедленном возвращении в тюрьму?

Люпен, казалось, удивился:

— Разве ваше величество не назначили мне как крайний срок полдень завтрашнего дня?

— Зачем ждать?

— Зачем? А затем, чтобы позволить мне завершить мое дело.

— Ваше дело? Но оно даже не началось, господин Люпен.

— В этом ваше величество ошибается.

Подумав, Люпен с вежливостью произнес:

— Поскольку ваше величество нуждается в доказательствах, чтобы доверять мне, то пожалуйста. У каждого из двенадцати залов, которые выходят в эту галерею, есть свое имя, заглавная буква которого обозначена на двери. Одна из этих надписей, менее, чем другие, стертая пламенем, поразила меня, когда я пересекал галерею. Я изучил другие двери и обнаружил, едва различимые, такие же заглавные буквы, выгравированные в галерее над фронтонами. И вот одна из этих букв была «Д», первая буква имени Диана. Другая

была «А», первая буква Аполлона. Оба эти имени принадлежат мифологическим божествам. Носят ли и другие заглавные буквы такой же точно характер? Я обнаружил «Ю» — заглавную букву Юпитера, «В» — заглавную букву Венеры, «М» — заглавную букву Меркурия, «С» — заглавную букву Сатурна и так далее. Эта часть проблемы была разрешена: каждый из двенадцати залов носит имя какого-то олимпийского божества, а сочетание Апоон, дополненное Изильдой, обозначает зал Аполлона. И, стало быть, здесь, в зале, где мы находимся, спрятаны письма. Возможно, теперь довольно нескольких минут, чтобы обнаружить их.

— Нескольких минут или нескольких лет… да и то! — со смехом заметил император.

Казалось, он очень развеселился, да и граф тоже не скрывал своей веселости.

— Ваше величество изволит мне объяснить? — спросил Люпен.

— Господин Люпен, захватывающее расследование, которое вы провели сегодня и блестящие результаты которого вы нам представили, я уже проводил. Да, две недели назад в компании с вашим другом Херлоком Шолмсом. Вместе мы расспросили малышку Изильду; вместе мы ис-

пользовали тот же метод, что и вы, и вместе мы обнаружили заглавные буквы в галерее и пришли сюда, в зал Аполлона.

Люпен смертельно побледнел.

— А-а! Шолмс… приходил… сюда? — пробормотал он.

— Да, после четырех дней поисков. Правда, это нас никуда не продвинуло, поскольку мы ничего не нашли. И тем не менее я знаю, что писем здесь нет.

Глубоко уязвленный в своей гордыне насмешкой, дрожа от ярости, Люпен возмутился, словно получил удар плетью. Никогда он не чувствовал себя униженным до такой степени. Охваченный бешенством, он готов был задушить тучного Вальдемара, смех которого выводил его из себя.

Сдержавшись, однако, он произнес:

— Шолмсу понадобилось четыре дня, ваше величество. А мне — несколько часов. Я потратил бы еще меньше, если бы мне не мешали в моих поисках.

— И кто же вам мешал, Боже мой? Мой верный граф? Надеюсь, он не осмелился…

— Нет, ваше величество, речь идет о самом страшном и самом могущественном из моих врагов, том дьявольском существе, которое убило

своего сообщника Альтенхайма.

— Он здесь? Вы думаете? — воскликнул император в волнении, которое свидетельствовало о том, что ему была известна малейшая подробность этой драматической истории.

— Он всюду, где я. Он угрожает мне своей неизбывной ненавистью. Это он разгадал меня под маской господина Ленормана, начальника полиции, это он заставил бросить меня в тюрьму, и он преследует меня с того дня, как я вышел оттуда. Вчера, думая настигнуть меня в автомобиле, он ранил графа де Вальдемара.

— Но кто вас уверяет, кто говорит вам, что он в Вельденце?

— Изильда получила две золотые монеты, две французские золотые монеты!

— И зачем он явился сюда? С какой целью?

— Не знаю, ваше величество, но это настоящий дух зла. Вашему величеству следует поостеречься! Он способен на все.

— Невозможно! В этих развалинах у меня двести человек. Он не мог сюда проникнуть. Его бы увидели.

— Кто-то его все-таки видел.

— Кто же?

— Изильда.

— Допросить ее! Вальдемар, отведи твоего пленника к этой девушке.

Люпен показал свои связанные руки.

— Борьба будет жестокой. Могу ли я сражаться таким образом?

— Развяжи его… И держи меня в курсе… — сказал император графу.

Таким образом, неожиданным усилием, без всяких доказательств, отважно примешав к разговору омерзительный призрак убийцы, Арсен выиграл время и вернул себе руководство поисками.

«Еще шестнадцать часов, — говорил он себе. — Это больше, чем мне нужно».

Он прибыл в помещение, занимаемое Изильдой в самом конце бывших подсобных служб, строений, служивших казармой двумстам охранникам развалин, все левое крыло которых, как раз это, предназначалось офицерам.

Изильды там не было.

Граф послал на поиски двух своих людей. Они вернулись. Девушку никто не видел.

Однако она не могла выйти за ограду развалин. Что же касается дворца эпохи Возрождения, то он, можно сказать, был обложен половиной войска, и никто не мог туда проникнуть.

Наконец жена одного лейтенанта, проживавшая по соседству, заявила, что она не отходила от своего окна, так что девушка не могла уйти без ее ведома.

— Если бы она не ушла, — воскликнул Вальдемар, — то она была бы здесь, а ее нет.

— Наверху есть этаж? — спросил Люпен.

— Да, но из этой комнаты на этаж нет лестницы.

— Нет, лестница есть.

И Люпен указал на маленькую дверцу, открытую в темный чулан. Во тьме виднелись первые ступеньки лестницы, крутой, как приставная.

— Прошу вас, дорогой граф, — сказал он Вальдемару, который хотел подняться, — предоставьте эту честь мне.

— Почему?

— Это опасно.

Он устремился вперед и сразу же оказался на антресоли, узкой и низкой.

— О! — вырвался у него крик.

— В чем дело? — спросил граф, поднявшись, в свою очередь.

— Тут… на полу… Изильда…

Он опустился на колени и тотчас при первом осмотре понял, что девушка всего лишь оглуше-

на, на ней не было никаких следов ранения, разве что несколько царапин на руках.

Во рту носовой платок в виде кляпа.

— Вот оно что, — сказал Люпен. — Убийца находился здесь с ней. Когда мы пришли, он ударил ее кулаком и заткнул ей рот, чтобы мы не услышали стонов.

— Но куда он убежал?

— Да вот… сюда… Тут коридор, которым связаны все мансарды второго этажа.

— А оттуда?

— Оттуда он спустился по лестнице одного из жилищ.

— Но его увидели бы!

— Как знать? Это существо невидимо. Неважно! Пошлите своих людей разузнать. Пусть обыщут все мансарды и все жилища первого этажа!

Он заколебался. Надо ли и ему тоже пуститься преследовать убийцу?

Вдруг какой-то звук привлек его внимание. Девушка поднялась, и из ее рук покатилось с дюжину золотых монет. Люпен осмотрел их. Все были французскими.

— Ладно, — сказал он, — я не ошибся. Вот только почему столько золота? В награду за что?

Внезапно он заметил на полу какую-то книгу

и нагнулся, чтобы поднять ее. Однако девушка более проворным движением схватила книгу и прижала к себе с такой необузданной силой, словно готова была защищать ее от любых нападок.

— Вот как, — молвил Люпен, — золотые монеты были предложены за этот том, однако она отказывается отдать его. Отсюда и царапины на руках. Интересно было бы знать, почему убийца хотел завладеть этой книгой. Не мог ли он прежде пролистать ее? — И он обратился к Вальдемару: — Дорогой граф, прикажите, пожалуйста…

Вальдемар подал знак. Трое из его людей набросились на девушку, и после отчаянной борьбы, когда несчастная топала от гнева и корчилась с громкими криками, у нее вырвали книгу.

— Тихо, девочка, — говорил Люпен, — спокойно… Все это ради праведного дела… Пусть следят за ней! А я тем временем изучу предмет тяжбы.

Это был разрозненный том Монтескьё в старом переплете, которому насчитывался, по крайней мере, целый век, под названием «Книдский храм». Но, едва открыв его, Люпен воскликнул:

— Так, так, это странно. К лицевой стороне каждой из страниц приклеен листок пергамента, и на этих листках оставлены строчки очень мелким и очень убористым почерком.

В самом начале он прочитал:

— «Дневник шевалье Жиля де Мальреша, французского слуги его королевского высочества принца Дё-Пон-Вельденца, начатый в 1794 году от рождества Христова».

— Как, там так написано? — спросил граф.

— А что вас удивляет?

— Деда Изильды, старика, который умер два года назад, звали Мальрейх, то есть то же самое германизированное имя.

— Чудесно! Значит, дед Изильды был сыном или внуком французского слуги, который вел свой дневник в разрозненном томе Монтескьё. И таким образом этот дневник попал в руки Изильды.

Он листал книгу наугад:

— «15 сентября 1796 — его высочество охотился.

20 сентября 1796 — его высочество выезжал верхом. Он сел на Купидона».

— Черт возьми, — прошептал Люпен, — пока ничего захватывающего.

Он стал читать дальше:

— «12 марта 1803 — я послал десять экю Герману. Он работает поваром в Лондоне».

Люпен рассмеялся.

— О! О! Герман свергнут с престола. Уважение катится вниз.

— Правящий великий герцог действительно был изгнан из своих владений французскими войсками, — заметил Вальдемар.

— «1809, — продолжал Люпен. — Сегодня во вторник Наполеон ночевал в Вельденце. Это я стелил постель его величеству, а на другой день выливал воду после его туалета». Вот как! — произнес Люпен. — Наполеон останавливался в Вельденце?

— Да, да, присоединившись к своей армии во время Австрийской кампании, которая закончилась Ваграмом. Это честь, которой герцогская семья очень гордилась.

Люпен продолжил:

— «28 октября 1814 — его королевское высочество вернулся в свои владения.

29 октября — этой ночью я проводил его высочество к тайнику и был счастлив показать ему, что никто не узнал о его существовании. Да и как догадаться, что тайник может находиться…»

Внезапная пауза… Крик Люпена… Изильда, неожиданно вырвавшись из рук охранявших ее мужчин, набросилась на него и, выхватив книгу, убежала.

— Ах, плутовка! Бегите же… Обойдите снизу. А я буду ловить ее в коридоре.

Однако Изильда захлопнула дверь и закрыла ее на задвижку. Люпену пришлось спуститься так же, как другим, и идти вдоль помещений в поисках лестницы, которая привела бы его на второй этаж.

Лишь четвертое жилище было открыто, и он смог подняться. Но коридор оказался пуст, и ему пришлось стучать в двери, ломать замки и входить в незанятые комнаты, в то время как Вальдемар, столь же пылкий в преследовании, как и он сам, протыкал занавеси и драпировки концом своей сабли.

Послышались крики, они доносились с первого этажа, со стороны правого крыла. Все бросились туда. В конце коридора одна из офицерских жен подавала им знаки, она сообщила, что девушка у нее.

— Откуда вы знаете? — спросил Люпен.

— Я хотела войти в свою комнату. Дверь была заперта, и я услышала шум.

Люпен тоже не смог открыть дверь.

— Окно, — воскликнул он, — там должно быть окно.

Его провели наружу и, взяв саблю графа, он

сразу же разбил стекла.

Затем, при поддержке двух мужчин, уцепился за стену, просунул руку, отодвинул оконную задвижку и спрыгнул в комнату.

Изильда предстала перед ним в языках пламени, она сидела на корточках перед камином.

— О! Несчастная! — воскликнул Люпен. — Она бросила книгу в огонь!

Резко оттолкнув ее, он хотел забрать книгу и обжег руки. Тогда с помощью щипцов он вытащил ее из огня и накрыл скатертью со стола, чтобы погасить пламя.

Но было слишком поздно. Сгоревшие страницы старой рукописи рассыпались пеплом.

II

Люпен долго смотрел на Изильду.

— Можно, пожалуй, подумать, будто она знает, что делает, — сказал граф.

— Нет, нет, она не знает. Только ее дед, верно, вручил ей эту книгу, как сокровище, сокровище, которое никто не должен видеть, и она по глупости, инстинктивно, предпочла бросить ее в огонь, чем выпустить из рук.

— И что теперь?

— Что вы имеете в виду?

— Вы не найдете тайник?

— Ах, дорогой граф! Вы, стало быть, на какое-то мгновение поверили в мой возможный успех? И Люпен не кажется вам больше законченным шарлатаном? Успокойтесь, Вальдемар, у Люпена немало средств для достижения своей цели. Я найду тайник.

— До двенадцати часов завтрашнего дня?

— До двенадцати часов сегодняшнего вечера. Но я умираю от истощения. И если вы окажете милость…

Его отвели в один из залов подсобных помещений, где столовались унтер-офицеры, и подали весьма питательный ужин, в то время как граф отправился с рапортом к императору.

Через двадцать минут граф вернулся. И они сели напротив друг друга, задумчивые и молчаливые.

— Вальдемар, хорошая сигара не повредила бы… Благодарю вас. Эта похрустывает, как и полагается гаванам, которые знают себе цену.

Он закурил сигару и через минуту-другую произнес:

— Вы можете курить, граф, мне это не мешает.

Прошел час; Вальдемар дремал и время от времени, чтобы пробудиться, выпивал рюмку

коньяка.

Солдаты несли службу, шагая взад-вперед.

— Кофе, — попросил Люпен.

Ему принесли кофе.

— До чего скверный, — проворчал он. — Если такой пьет государь!.. И все-таки еще одну чашку, Вальдемар. Возможно, ночь будет длинной. О! Какой мерзкий кофе!

Он закурил вторую сигару и больше не произносил ни слова.

Проходили минуты. Люпен по-прежнему не шевелился и ничего не говорил.

Внезапно Вальдемар вскочил на ноги и с возмущением сказал ему:

— Эй, встать!

Люпен в этот момент насвистывал. И преспокойно продолжал это делать.

— Встать, говорят вам.

Люпен обернулся. Только что вошел его величество.

Он встал.

— Как наши дела? — спросил император.

— Я думаю, ваше величество, что в скором времени смогу угодить вам.

— Как? Вы нашли…

— Тайник? Более или менее, ваше величество…

Мне недостает кое-каких деталей… Но на месте все прояснится, я в этом не сомневаюсь.

— Мы должны оставаться здесь?

— Нет, ваше величество, я попрошу вас сопровождать меня во дворец эпохи Возрождения. Однако у нас есть время, и, если ваше величество позволит, мне хотелось бы прямо сейчас обдумать два или три пункта.

Не дожидаясь ответа, он сел, к величайшему негодованию Вальдемара.

Какое-то время спустя император, удаливший-ся, чтобы побеседовать с графом, вернулся.

— На этот раз господин Люпен готов?

Тот хранил молчание. И снова тот же вопрос… Люпен опустил голову.

— Да он спит, по правде говоря, можно подумать, что он спит.

Разъяренный Вальдемар резко толкнул Люпена в плечо. Люпен упал со стула, покатился по полу и после двух-трех судорог больше не шевелился.

— Что с ним такое? — воскликнул император. — Надеюсь, он не умер!

Взяв лампу, император наклонился.

— Как он побледнел! Лицо восковое!.. Взгляни, Вальдемар… Послушай сердце… Он жив?

— Да, ваше величество, — через мгновение

отозвался граф, — сердце бьется ровно.

— Тогда что же это? Я не понимаю… Что произошло?

— Не пойти ли мне за врачом?

— Ступай, бегом…

Доктор нашел Люпена в таком же точно состоянии — неподвижным и спокойным. Он велел уложить его на кровать, долго осматривал и спросил, что больной ел.

— Вы, значит, опасаетесь отравления, доктор?

— Нет, ваше величество, признаков отравления нет. Но я предполагаю… Что это за поднос и чашка?

— Кофе, — отвечал граф.

— Для вас?

— Нет, для него. Я не пил.

Доктор налил себе кофе и, попробовав, пришел к заключению:

— Я не ошибся: больной был усыплен с помощью наркотика.

— Но кем? — раздраженно воскликнул император. — Послушай, Вальдемар, это невыносимо, то, что здесь происходит!

— Ваше величество…

— Да, с меня довольно!.. Я начинаю действительно верить, что этот человек прав и в замке

кто-то есть… Эти золотые монеты, этот наркотик…

— Если бы кто-то проник за ограждение, мы бы знали, ваше величество… Вот уже три часа, как всюду ведутся поиски.

— Однако не я приготовил кофе, уверяю тебя… И если только это не ты…

— О! Ваше величество!

— Ладно, ищи… доискивайся… В твоем распоряжении две сотни людей, и подсобные помещения не такие большие! Ведь в конце-то концов бандит бродит здесь, вокруг этих строений… где-то вблизи кухни… почем я знаю? Ступай! Пошевеливайся!

Всю ночь тучный Вальдемар старательно пошевеливался, поскольку так приказал господин, но действовал он без особой убежденности, ведь невозможно было, чтобы чужой спрятался среди развалин, так хорошо охраняемых. И действительно, дальнейшее подтвердило его правоту: поиски оказались бесполезными, обнаружить таинственную руку, приготовившую снотворное питье, не удалось.

Эту ночь Люпен провел в кровати, недвижимый. Утром не покидавший его доктор ответил посыльному императора, что больной все еще

спит.

В девять часов, однако, Люпен сделал первое движение, предпринял какое-то усилие, чтобы пробудиться.

Чуть позже он прошептал:

— Который час?

— Девять часов тридцать пять минут.

Он предпринял новое усилие, чувствовалось, что в своем оцепенении все его существо напрягается, дабы вернуться к жизни.

Часы пробили десять.

Вздрогнув, Люпен произнес:

— Пусть отнесут меня… пусть отнесут меня во дворец.

С одобрения врача Вальдемар позвал своих людей и велел предупредить императора.

Положив Люпена на носилки, они пустились в путь ко дворцу.

— На второй этаж, — прошептал Люпен.

Его подняли.

— В конце коридора, — сказал он, — последняя комната слева.

Люпена отнесли в последнюю комнату, она была двенадцатой, ему дали стул, на который он и опустился в изнеможении.

Прибыл император; Люпен не шелохнулся,

вид у него был отсутствующий, взгляд ничего не выражал.

Потом, через несколько минут, он, казалось, пробудился, обвел глазами стены, потолок, людей и произнес:

— Это был наркотик?

— Да, — подтвердил доктор.

— Нашли… человека?

— Нет.

Как будто бы размышляя, Люпен несколько раз задумчиво покачал головой, однако все вскоре заметили, что он спит.

Император подошел к Вальдемару.

— Прикажи, чтобы подогнали твой автомобиль.

— А? Но как же, ваше величество?..

— А так! Я начинаю думать, что он смеется над нами и все это комедия, чтобы выиграть время.

— Возможно… в самом деле… — согласился Вальдемар.

— Разумеется! Он использует некоторые любопытные совпадения, но ничего не знает, и его история с золотыми монетами, его наркотик, это тоже выдумки! Если мы и дальше будем поддаваться этой нехитрой игре, он просто ускользнет от нас. Твой автомобиль, Вальдемар.

Граф отдал приказания и вернулся. Люпен не пробудился. Император, который осматривал зал, обратился к Вальдемару:

— Это зал Минервы, не так ли?

— Да, ваше величество.

— Но тогда почему здесь в двух местах буква «Н»?

Действительно, здесь присутствовали две буквы «Н»: одна над камином, другая — на старых, вделанных в стену, полуразрушенных часах, виден был их сложный механизм и неподвижно застывшие гири.

— Эти две буквы «Н»... — начал было Вальдемар.

Но император не слушал ответа. Люпен снова зашевелился, открыв глаза и произнося невнятные звуки. Он встал, прошел через зал и снова в изнеможении упал.

И началась борьба, отчаянная борьба его мозга, нервов и воли против парализовавшего его оцепенения, борьба умирающего со смертью, борьба жизни с небытием.

Это была крайне мучительная картина.

— Он страдает, — прошептал Вальдемар.

— Или играет страдание, — заявил император, — причем играет блистательно. Каков

комедиант!

— Укол, доктор, — пробормотал Люпен, — укол кофеина… немедленно…

— Вы позволите, ваше величество? — спросил доктор.

— Конечно… До полудня нужно делать все, что он хочет. Я дал ему обещание.

— Сколько минут… до полудня? — продолжал Люпен.

— Сорок, — ответили ему.

— Сорок?.. Я успею… Наверняка успею… так надо…

Он обхватил голову руками.

— А-а! Если бы у меня был мой мозг, настоящий, здравый мозг, который мыслит! Это было бы делом одной секунды! Остался лишь один неясный пункт… Но я не могу… моя мысль ускользает… я не в силах ее ухватить… Это жестоко…

Плечи его вздрагивали. Неужели он плакал?

Слышно было, как он повторял:

— 813… 813…

Потом потише:

— 813… Восемь… один… три… да, конечно… но почему?.. Этого недостаточно…

Император прошептал:

— Он меня волнует. С трудом верится, что чело-

век может так играть роль…

— Половина… три четверти…

Прижав ладони к вискам, Люпен оставался неподвижен.

Император ждал, не спуская глаз с хронометра, который держал Вальдемар.

— Еще десять минут… еще пять…

— Вальдемар, твой автомобиль здесь? Люди готовы?

— Да, ваше величество.

— Твой хронометр со звоном?

— Да, ваше величество.

— Тогда с последним звуком в полдень…

— Однако…

— С последним звуком в полдень, Вальдемар.

В этой сцене поистине было что-то трагическое, своего рода величие и торжественность, которые окрашивают часы при ожидании возможного чуда. Казалось, будто вот-вот прозвучит голос самой судьбы.

Император не скрывал своей тревоги. Этот странный авантюрист, который звался Арсеном Люпеном, необычайную жизнь которого он знал, этот человек волновал его… И, решив покончить со всей этой сомнительной историей, он тем не менее не мог помешать себе ждать… и

надеяться.

Еще две минуты… еще одна минута. Потом стали считать по секундам.

Люпен, казалось, спал.

— Пора, приготовься, — обратился император к графу.

Послышался серебряный звон хронометра… один, два, три, четыре, пять…

— Вальдемар, подтяни гири старых часов.

Всеобщее изумление. Это заговорил Люпен, причем очень спокойно.

Вальдемар только пожал плечами, возмущенный обращением на «ты».

— Повинуйся, Вальдемар, — сказал император.

— Ну да, повинуйся, дорогой граф, — настаивал Люпен, который вновь обрел свою иронию, — тянуть лямку — это по твоей части, а теперь потяни за лямки часов… поочередно… одну, вторую… чудесно… Вот как заводили часы в былое время.

И в самом деле, часы пошли, слышалось их регулярное тиканье.

— Теперь стрелки, — сказал Люпен. — Поставь их чуть раньше полудня… Не двигайся… дай мне…

Он встал и подошел к циферблату на расстояние одного шага, не больше, все его существо

напряглось, глаза застыли.

Прозвучали двенадцать ударов, двенадцать тяжелых, гулких ударов.

Долгое молчание. Ничего не произошло. Однако император ждал, словно был уверен — что-то должно произойти. И Вальдемар, выпучив глаза, не шелохнулся.

Люпен, склонившийся над циферблатом, выпрямился и прошептал:

— Прекрасно… я понял.

Вернувшись к своему стулу, он скомандовал:

— Вальдемар, поставь стрелки на без двух минут полдень. Ах, нет, нет, старина, не против хода… по ходу… Ну да, это будет дольше… но как иначе?

Пробили все часы и получасы, вплоть до половины одиннадцатого.

— Послушай, Вальдемар, — сказал Люпен.

Он заговорил серьезно, без насмешки, словно сам был взволнован и встревожен ожиданием.

— Послушай, Вальдемар, видишь на циферблате маленькое закругленное острие, которое показывает первый час? Это острие подрагивает, не так ли? Положи сверху указательный палец левой руки и нажми. Хорошо. Теперь большим пальцем сделай то же самое с острием, которое

показывает третий час. Хорошо… Правой рукой нажми острие восьмого часа. Хорошо. Благодарю тебя. Ступай садись, дорогой.

Мгновение, потом большая стрелка передвинулась, коснулась двенадцатого острия… И снова пробило полдень.

Люпен, сильно побледнев, безмолвствовал. В молчании прозвучал каждый из двенадцати ударов.

На двенадцатом ударе послышался звук какого-то выключения. Часы резко остановились. Маятник застыл.

И внезапно возвышавшийся над циферблатом бронзовый орнамент в виде бараньей головы упал, обнаружив своего рода маленькую нишу, выдолбленную прямо в камне.

В этой нише находилась украшенная резьбой серебряная шкатулка.

— Ах! — молвил император. — Вы были правы.

— А вы в этом сомневались, ваше величество? — сказал Люпен.

Он взял шкатулку и подал ему.

— Пусть его величество соблаговолит открыть сам. Там письма, которые его величество поручил мне искать.

Император открыл шкатулку и вздрогнул от

удивления.

Шкатулка была пуста.

III

Шкатулка была пуста!

Развязка представлялась неожиданной, ошеломляющей, непредсказуемой. После успеха подсчетов, осуществленных Люпеном, после столь изобретательной разгадки секрета часов император, не сомневавшийся больше в финальном успехе, казалось, был в замешательстве.

Напротив него Люпен, бледный, со стиснутыми зубами, с налитыми кровью глазами, исходил яростью и бессильной ненавистью. Он вытер покрывшийся потом лоб, потом живо схватил шкатулку, перевернул ее, осмотрел, как будто надеялся отыскать второе дно. Наконец, для большей верности, в приступе ярости раздавил ее, стиснув с неодолимой силой.

Это его утешило. Он вздохнул свободнее.

— Кто это сделал? — спросил его император.

— Все тот же человек, ваше величество, тот, кто следует по той же дороге, что и я, и идет к той же цели, — убийца господина Кессельбаха.

— Когда?

— Этой ночью. Ах, ваше величество, почему

после выхода из тюрьмы вы не оставили меня свободным! Свободный, я прибыл бы сюда, не потеряв ни часа. Я прибыл бы раньше него! Раньше него я дал бы золота Изильде!.. Раньше него прочитал бы дневник де Мальреша, старого французского слуги!

— Вы, значит, думаете, что он действовал на основании откровений этого дневника?..

— Конечно, ваше величество, у него-то было время их прочитать. И втихомолку, осведомленный, не знаю где и кем, обо всех наших передвижениях, он усыпил меня, чтобы развязать себе руки на эту ночь.

— Но дворец охраняют.

— Его охраняют ваши солдаты. Разве для таких людей, как он, это имеет значение? Я не сомневаюсь, впрочем, что Вальдемар сосредоточил свои поиски на подсобных помещениях, оголив таким образом двери дворца.

— Но бой часов? Эти двенадцать ударов ночью?

— Игра, ваше величество! Игра, чтобы помешать часам звонить!

— Все это кажется мне совершенно невероятным.

— А мне все это кажется вполне ясным. Если бы

можно было сейчас же обыскать карманы всех ваших людей или узнать обо всех расходах, которые они сделают в следующем году, наверняка найдут двоих или троих, кто в настоящий момент обладает несколькими банковскими купюрами, разумеется, французского банка.

— О! — возмутился Вальдемар.

— Да, дорогой граф, это вопрос цены, а *тот* за ценой не постоит. Я уверен, что если бы он захотел, то и вы сами…

Император не слушал, погруженный в свои раздумья. Он прохаживался по комнате, потом подал знак офицеру, находившемуся в галерее.

— Мой автомобиль… и пусть готовятся… мы уезжаем.

Остановившись, он с минуту смотрел на Люпена и, подойдя к графу, сказал:

— Ты, Вальдемар, тоже в путь… Прямо в Париж, без остановок…

Прислушавшись, Люпен уловил слова Вальдемара:

— С этим пройдохой я предпочел бы с дюжину охранников дополнительно!..

— Забирай их. И действуй быстро, ты должен прибыть этой ночью.

— Нелепость, — прошептал Люпен, пожав

плечами.

Император повернулся к нему, и Люпен повторил:

— Да, ваше величество, это так, ибо Вальдемар неспособен уберечь меня. Мой побег неизбежен, и тогда…

Он резко топнул ногой.

— И тогда, ваше величество, неужели вы думаете, что я еще раз буду терять свое время? Если вы отказываетесь от борьбы, то я от нее не отказываюсь. Я начал, и я закончу.

Император возразил:

— Я не отказываюсь, но за дело возьмется моя полиция.

Люпен рассмеялся:

— Да простит меня ваше величество! Это до того смешно! Полиция его величества! Она стоит столько же, сколько стоят все полиции мира, то есть ничего, совсем ничего! Нет, ваше величество, я не вернусь в Санте. На тюрьму мне наплевать. Но против этого человека мне нужна свобода, и я ее сохраню.

Император вышел из терпения:

— Этот человек, но вы даже не знаете, кто он.

— Я это узнаю, ваше величество. И только один я могу это узнать. И он тоже знает, что лишь один

я могу это узнать. Я его единственный враг. На меня одного он покушается. Это меня он хотел настичь в тот день пулей из своего револьвера. Это меня ему довольно было усыпить этой ночью, чтобы получить свободу действовать по своему усмотрению. Дуэль между нами. Миру нет до этого дела. Никто не в силах мне помочь, и никто не в силах помочь ему. Нас двое, вот и все. До сих пор удача ему благоволила. Но в конечном счете неизбежно, фатально верх над ним возьму я.

— Почему?

— Потому что я сильнее.

— А если он убьет вас?

— Он меня не убьет. Я вырву у него когти, я сведу на нет его силу. И я получу письма. Нет такой человеческой силы, которая помешала бы мне заполучить их.

Он говорил с такой неистовой убежденностью и таким уверенным тоном, что все предсказанное им приобретало видимость уже свершившегося.

Император не мог устоять и не поддаться смутному, необъяснимому чувству, которое отражало своего рода восхищение, а также то большое доверие, которого с такой настойчивостью требовал Люпен. По сути, он колебался лишь потому, что терзался сомнениями: ну как же, использо-

вать этого человека и сделать его, так сказать, своим союзником. И озабоченный, не зная, на что решиться, он, не говоря ни слова, прохаживался между галереей и окнами.

В конце концов он сказал:

— А кто нас заверит, что письма были украдены этой ночью?

— Кража датирована, ваше величество.

— Что вы такое говорите?

— Взгляните на внутреннюю часть фронтона, который скрывал этот тайник. Дата там вписана белым мелом: полночь, двадцать четвертое августа.

— В самом деле… в самом деле… — прошептал ошеломленный император. — Как же я не увидел?

И добавил, не скрывая своего любопытства:

— А эти две буквы «Н», начертанные на стене… почему они здесь? Ведь это зал Минервы.

— Это зал, где ночевал Наполеон, император французов, — заявил Люпен.

— Что вы об этом знаете?

— Спросите у Вальдемара, ваше величество. Что касается меня, то, когда я пролистал дневник старого слуги, меня озарило. Я понял, что и Шолмс, и я, мы пошли по ложному пути. *Апоон*,

неполное слово, написанное на ложе смерти великим герцогом Германом, это не сокращенное слово *Аполлон*, а имя *Наполеон*.

— Справедливо… вы правы… — согласился император, — одни и те же буквы встречаются в обоих словах и в том же порядке. Ясно, что великий герцог хотел написать *Наполеон*. Но цифра 813?..

— А-а! Этот вопрос мне было труднее всего прояснить. Я всегда думал, что надо сложить три цифры 8, 1 и 3, и полученное таким образом число 12 мне сразу показалось подходящим для этого зала, двенадцатого в галерее. Но этого было недостаточно. Следовало отыскать что-то другое, что-то, чего мой ослабевший ум не в силах был осознать. Вид часов, этих часов, находившихся как раз в зале Наполеона, стал для меня откровением. Цифра 12, очевидно, означала двенадцатый час. Полдень! Полночь! Разве это не торжественное мгновение, которое охотнее всего выбирают? Но почему именно эти три цифры — 8, 1 и 3, а не какие-либо другие, которые дали бы тот же итог? Вот тогда-то я и решил заставить пробить часы в первый раз, для пробы. И, заставив их пробить, я увидел, что указатели первого, третьего и восьмого часа подвижны. Таким образом, я получил три

цифры — 1, 3 и 8, поставленные в предначертанном порядке, они давали цифру 813. Вальдемар нажал три острия. И это сработало. Результат вашему величеству известен. Вот, ваше величество, объяснение этого таинственного слова и трех цифр 8, 1, 3, которые великий герцог написал слабеющей рукой и благодаря которым, как он надеялся, его сын разгадает однажды секрет Вельденца и станет обладателем знаменитых писем, которые были там спрятаны.

Император слушал со страстным вниманием, все более удивляясь изобретательности, прозорливости, проницательности и силе воли, которые он наблюдал у этого человека.

— Вальдемар! — произнес он.

— Ваше величество?

Но в то мгновение, когда он собирался заговорить, в галерее послышались возгласы. Вальдемар вышел и сразу вернулся.

— Это безумная, ваше величество, которой хотят помешать войти.

— Пусть войдет, — с живостью воскликнул Люпен, — ее надо впустить, ваше величество.

По мановению руки императора Вальдемар пошел за Изильдой.

Появление девушки повергло всех в изумление.

Ее лицо, такое бледное, было покрыто черными пятнами. Сведенные судорогой черты выражали жестокое страдание. Судорожно прижимая руки к груди, она задыхалась.

— О! — с ужасом вымолвил Люпен.

— В чем дело? — спросил император.

— Доктора, ваше величество! Нельзя терять ни минуты!

Люпен подошел к девушке.

— Говори, Изильда… Ты что-то видела? Ты что-то хочешь сказать?

В глазах девушки, словно озаренных болью, появилась какая-то осмысленность. Она издавала звуки… но ни единого слова.

— Послушай, — сказал Люпен, — отвечай «да» или «нет»… кивком головы… Ты его видела? Ты знаешь, где он?.. Ты знаешь, кто он?.. Послушай, если ты не ответишь…

Он с трудом сдержал гневный порыв. Но, вспомнив внезапно вчерашнее и то, что она скорее всего сохранила только зрительную память того времени, когда была еще в разуме, он написал на белой стене заглавные буквы «Л» и «М».

Протянув руки к буквам, она вроде бы утвердительно кивнула.

— А дальше? — заторопил ее Люпен. — Даль-

ше!.. Напиши сама.

Но, издав страшный крик, она с воплями бросилась на пол.

Потом вдруг — тишина, неподвижность. Еще судорога. И она застыла.

— Мертва? — спросил император.

— Отравлена, ваше величество.

— Ах, несчастная… А кем?

– *Им*, ваше величество. Она наверняка его знала. Он испугался ее разоблачения.

Прибыл врач. Император указал ему на Изильду, потом обратился к Вальдемару:

— Всем твоим людям приступить к делу… Пусть обыщут дом… Телеграмму на пограничные вокзалы…

Он подошел к Люпену:

— Сколько времени вам понадобится, чтобы вернуть письма?

— Месяц, ваше величество…

— Хорошо, Вальдемар будет ждать вас здесь. Он получит мои указания и полномочия предоставить вам все, что вы пожелаете.

— Чего я желаю, ваше величество, так это свободы.

— Вы свободны…

Глядя, как он удаляется, Люпен произнес сквозь

зубы:

— Прежде всего свобода… А потом, когда я отдам твои письма, о величество, всего лишь рукопожатие, непременно рукопожатие императора взломщику… чтобы доказать тебе, как ты не прав, гнушаясь мною. Ведь, в конце-то концов, это все-таки неучтиво! Господин, ради которого я покидаю свои апартаменты в «Санте-отеле» и которому оказываю услугу, так вот этот господин позволяет себе воротить нос… Ну попадись он мне снова, этот клиент!

Семеро бандитов

I

— Мадам примет этого гостя?

Долорес Кессельбах взяла визитную карточку, которую протягивал слуга: *Андре Бони*.

— Нет, — ответила она, — я его не знаю.

— Господин очень настаивает, мадам. Он говорит, что мадам ожидает его визита.

— А-а!.. Возможно… действительно… Проводите его сюда.

После событий, перевернувших жизнь Долорес и неумолимо преследовавших ее, она покинула отель «Бристоль» и перебралась в один тихий дом на улице Винь, в глубине Пасси.

За домом простирался красивый сад, окаймленный другими густыми садами. Когда мучительные приступы не удерживали Долорес целыми днями никому не видимой в комнате с закрытыми ставнями, она просила вынести ее под деревья и, печальная, оставалась лежать там, неспособная противостоять злой судьбе.

Снова заскрипел песок аллеи, и в сопровождении слуги появился молодой человек с элегантны-

ми манерами, очень просто одетый. По несколько устаревшей моде некоторых художников, он носил отложной воротник и развевающийся темно-синий шейный платок в белый горошек.

Слуга удалился.

— Андре Бони, не так ли? — спросила Долорес.

— Да, мадам.

— Я не имею чести…

— Напротив, мадам. Зная, что я был одним из друзей госпожи Эрнемон, бабушки Женевьевы, вы написали этой даме в Гарш, что желаете побеседовать со мной. И вот я здесь.

Долорес приподнялась, очень взволнованная.

— Ах, это вы…

— Да.

— Правда? — пролепетала она. — Это вы? Я не узнаю вас.

— Вы не узнаете князя Поля Сернина?

— Нет… Ничего похожего… ни лоб, ни глаза… И к тому же совсем не таким…

— … представляли газеты заключенного тюрьмы Санте, — с улыбкой сказал он. — Однако это действительно я.

Последовало долгое молчание, во время которого оба испытывали неловкость и смущение.

Наконец он произнес:

— Могу ли я узнать причину?..

— Женевьева вам не сказала?

— Я ее не видел… Но ее бабушке показалось, что вы нуждаетесь в моих услугах.

— Это так… Это так…

— Каких именно?.. Я так счастлив…

Она заколебалась на мгновение, потом прошептала:

— Мне страшно.

— Страшно! — воскликнул он.

— Да, — тихо промолвила она, — я боюсь, боюсь всего, боюсь того, что есть, и того, что будет завтра, послезавтра… боюсь жизни. Я столько выстрадала… и не могу больше.

Он смотрел на нее с огромной жалостью. Смутное чувство, всегда толкавшее его к этой женщине, обрело более определенный характер сегодня, когда она просила у него покровительства. То была пылкая потребность полностью, самоотверженно посвятить себя ей без надежды на вознаграждение.

— Я теперь одна, — продолжала она, — совсем одна, со слугами, которых наняла случайно, и мне страшно… Я чувствую, как вокруг меня что-то затевается.

— А с какой целью?

— Я не знаю. Но враг бродит вокруг и все приближается.

— Вы его видели? Вы что-нибудь заметили?

— Да, по улице в последние дни несколько раз прошли двое мужчин, они останавливались возле дома.

— Их приметы?

— Одного я разглядела хорошо. Высокий, крепкий, бритый наголо, на нем была очень короткая куртка черного сукна.

— Как у официанта кафе?

— Да, метрдотеля. Я велела проследить за ним одному из моих слуг. Он свернул на улицу де ля Помп и вошел в подозрительного вида дом, первый этаж которого занимает винный торговец. Это первый дом слева. Потом, следующей ночью…

— Следующей ночью?

— Из окна своей спальни я заметила тень в саду.

— Это все?

— Да.

Подумав, он предложил:

— Не позволите ли, чтобы двое моих людей спали внизу, в одной из комнат первого этажа?..

— Двое ваших людей?

— О, ничего не опасайтесь… Это два славных человека, папаша Шароле и его сын… По виду никак не скажешь, кто они на самом деле… С ними вы будете спокойны. Что же касается меня…

Он заколебался. Он ждал, что она попросит его прийти еще. Но поскольку она молчала, сказал:

— Что касается меня, лучше, чтобы меня здесь не видели… да, лучше… для вас. Мои люди будут держать меня в курсе.

Ему хотелось бы сказать больше и остаться, и сесть подле нее, и утешить ее. Но у него создалось впечатление, что сказано было все, что им следовало сказать друг другу, и любое лишнее слово, сказанное им, стало бы оскорблением.

Тогда он низко поклонился и вышел.

Сад он пересек быстрым шагом, торопясь очутиться подальше и смирить свое волнение. На пороге прихожей дома его ждал слуга. В ту минуту, когда он уже шагнул на улицу, в дверь кто-то позвонил. Молодая женщина.

Он вздрогнул: «Женевьева!»

Она с удивлением пристально посмотрела на него и сразу же, хотя и сбитая с толку необычайной молодостью его взгляда, узнала его. Это вызвало у нее такое волнение, что она пошатнулась и вынуждена была опереться на дверь.

Сняв шляпу, он смотрел на нее, не решаясь протянуть ей руку. Протянет ли она свою? Это был уже не князь Сернин… Это был Арсен Люпен. И она знала, что он — Арсен Люпен и что он вышел из тюрьмы.

На улице шел дождь. Она отдала свой зонтик слуге, прошептав:

— Будьте любезны, откройте его и поставьте в сторонке…

И пошла дальше.

— Мой бедный старик, — сказал себе Люпен, удаляясь, — такие потрясения для нервного и чувствительного существа, как ты! Следи за сердцем, иначе… Да ладно, будет тебе, вот уже и глаза на мокром месте! Плохой знак, господин Люпен, ты стареешь.

Он ударил по плечу молодого человека, пересекавшего шоссе Мюэтт и направлявшегося к улице Винь. Молодой человек остановился и через несколько секунд сказал:

— Простите, сударь, но мне кажется, я не имею чести…

— Вам неверно кажется, дорогой господин Ледюк. Думаю, вас подводит память. Вспомните-ка Версаль… комнатку в отеле «Дёз Ампрёр»…

— Вы!

Молодой человек в ужасе отпрянул назад.

— Боже мой, ну да, я, князь Сернин, или, скорее, Люпен, поскольку вам известно мое настоящее имя! Неужели вы думали, что Люпен умер? Ах, да, понимаю — тюрьма… Вы надеялись… Гуляй, мальчик!

Он осторожно похлопал его по плечу.

— Послушайте, молодой человек, опомнитесь, у вас есть несколько отличных спокойных дней, чтобы писать стихи. Час еще не пробил. Пиши стихи, поэт!

Он с силой сжал его руку и сказал прямо в лицо:

— Однако час близок, поэт. Не забывай, что ты принадлежишь мне и душой, и телом. И готовься сыграть свою роль. Она будет трудной и прекрасной. Клянусь Богом, ты и вправду кажешься мне человеком такой роли!

Он расхохотался и сделал пируэт, оставив молодого человека оглушенным.

Чуть дальше, на углу улицы де ля Помп, находился винный погребок, о котором ему говорила госпожа Кессельбах. Он вошел туда и долго разговаривал с хозяином. Потом взял автомобиль и велел отвезти себя в «Гранд-отель», где он проживал под именем Андре Бони.

Там его ожидали братья Дудвиль.

Хоть и избалованный такого рода излияниями, Люпен, однако, получал удовольствие от знаков восхищения и преданности, какими осыпали его друзья.

— Объяснитесь, патрон!.. Что произошло? К вашим чудесам мы привыкли… но есть же все-таки пределы… Так, значит, вы свободны? И вы здесь, в центре Парижа, неузнаваемый.

— Сигару? — предложил Люпен.

— Спасибо… нет.

— Это ты напрасно, Дудвиль. Сигары вполне достойные. Я получил их от тонкого знатока, который горд быть моим другом.

— А можно узнать, кто это?

— Кайзер… Ладно, перестаньте изображать обалдевших кретинов и введите меня в курс дел, я не читал газет. Мой побег, какое впечатление произвел он на общественность?

— Ошеломляющее, патрон!

— Версия полиции?

— Ваше бегство будто бы имело место в Гарше во время воспроизведения обстоятельств убийства Альтенхайма. К несчастью, журналисты доказали, что это было невозможно.

— А дальше?

— Дальше — оторопь. Доискиваются, насмехаются, в общем, веселятся вовсю.

— Вебер?

— Вебер сильно скомпрометирован.

— А кроме этого, ничего нового в службах Уголовной полиции? Убийца так и не обнаружен? Никакого намека на возможность установить подлинную личность Альтенхайма?

— Нет.

— Просто поразительно! Подумать только, и мы платим миллионы в год, чтобы прокормить этих людей. Если и дальше так пойдет, я отказываюсь платить свои налоги. Возьми стул и перо, Дудвиль. Сегодня вечером отнесешь это письмо в «Гран Журналь». Давненько мир не получал от меня известий. Он, наверное, сгорает от нетерпения. Пиши:

Господин директор!

Прошу прощения у публики, законное нетерпение которой будет обмануто.

Я совершил побег из тюрьмы, и у меня нет возможности поведать, каким образом я сбежал. После побега я раскрыл тот знаменитый секрет, но точно так же не имею возможности рассказать,

что это за секрет и как я его раскрыл.

Когда-нибудь все это станет предметом некоего оригинального повествования, которое на основании моих записей опубликует мой постоянный биограф. Это страница французской истории, которую наши внуки прочтут не без интереса.

А пока у меня есть дела поважнее. Возмущенный тем, в какие руки попали обязанности, которые я исполнял, устав констатировать, что дело Кессельбаха-Альтенхайма все на той же точке, я отстраняю от должности господина Вебера и вновь возвращаю себе почетный пост, который я с таким блеском и ко всеобщему удовлетворению занимал под именем господина Ленормана.

Арсен Люпен,
начальник Уголовной полиции

II

В восемь часов вечера Арсен Люпен и Дудвиль входили в модный ресторан «У Кайяра» — Люпен, затянутый во фрак, но с чересчур широкими

брюками артиста и слабоватым узлом галстука, Дудвиль — в рединготе, с осанкой и важным видом судьи.

Они выбрали место в углублении, отделенном от большого зала двумя колоннами.

Заносчивый метрдотель с блокнотом в руках ожидал указаний. Люпен сделал заказ с кропотливостью и утонченностью завзятого гурмана.

— Конечно, — заметил он, — тюремная кухня была приемлема, и все-таки изысканная трапеза — это приятно.

Он ел с большим аппетитом и молча, лишь изредка произносил короткую фразу, которая указывала на последовательность его забот.

— Разумеется, все образуется... но будет трудно... Какой противник!.. Больше всего меня поражает то, что после шести месяцев борьбы я даже не знаю, чего он хочет!.. Главный сообщник мертв, мы почти достигли конца баталии, и однако я не стал яснее разбираться в его игре... К чему он стремится, несчастный?.. Мой-то план ясен: завладеть великим герцогством, посадить на трон великого герцога, которого я придумал, дать ему в супруги Женевьеву... и править. Все это прозрачно, по чести, без жульничества. Но он, гнусный персонаж, этот злой дух тьмы, какой

цели он хочет достигнуть? Официант! — позвал Люпен.

Подошел метрдотель.

— Господин желает?..

— Сигары.

Метрдотель вернулся с несколькими коробками.

— Что вы мне посоветуете? — спросил Люпен.

— Вот великолепные “Upmann”.

Люпен предложил одну сигару Дудвилю, другую взял себе и обрезал.

Метрдотель зажег спичку и поднес ее.

Люпен проворно схватил его за руку.

— Ни слова… Я тебя знаю… Твое настоящее имя — Доминик Лека…

Мужчина, крупный и сильный, хотел высвободиться, но чуть не вскрикнул от боли. Люпен вывернул ему руку.

— Тебя зовут Доминик… ты живешь на улице де ла Помп, на пятом этаже, где укрылся с маленьким состоянием, приобретенным на службе — да слушай же, болван, или я сломаю тебе кости, — приобретенным на службе у барона Альтенхайма, у которого ты был метрдотелем.

Тот застыл, смертельно побледнев от страха.

Вокруг них в маленьком зале было пусто. Ря-

дом, в ресторане, трое господ курили, и две пары беседовали, пробуя ликеры.

— Видишь, нас никто не побеспокоит… можно поболтать.

— Кто вы? Кто вы?

— Ты меня не припоминаешь? Вспомни-ка тот знаменитый обед на улице вилла Дюпон… Это ты, старый холуй, подал мне тарелку с кексами… и какими кексами!..

— Князь… князь… — пробормотал тот.

— Ну да, князь Арсен, князь Люпен собственной персоной… А-а! А-а! Ты вздохнул с облегчением… Ты говоришь себе, что тебе нечего бояться Люпена, так ведь? Ошибаешься, старик, тебе очень даже есть чего бояться.

Он достал из кармана удостоверение и показал ему:

— На, посмотри, теперь я в полиции… А что ты хочешь, именно так мы всегда и кончаем… мы, великие сеньоры воровства, императоры преступлений.

— Что теперь? — по-прежнему с испугом спросил метрдотель.

— Теперь ступай туда, к клиенту, который зовет тебя, выполни свои обязанности и возвращайся. Только без шуток, не пытайся улизнуть. Снаружи

у меня десять агентов, которые глаз с тебя не спустят. Ступай.

Метрдотель повиновался. Через пять минут он возвратился и, повернувшись спиной к залу, встал у столика, словно обсуждая с посетителями качество сигар.

— Так в чем дело? — спросил он.

Люпен выложил на стол несколько купюр по сто франков.

— Сколько точных ответов на мои вопросы, столько бумажек.

— Годится.

— Я начинаю. Сколько вас было у барона Альтенхайма?

— Семеро, не считая меня.

— Не больше?

— Нет. Один лишь раз мы наняли итальянских рабочих, чтобы прорыть подземные ходы от виллы «Глицинии» в Гарш.

— Подземных ходов было два?

— Да, один вел во флигель «Гортензия», другой шел от первого и выходил под флигелем госпожи Кессельбах.

— Чего вы хотели?

— Похитить госпожу Кессельбах.

— Две горничные, Сюзанна и Гертруда, были

сообщницами?

— Да.

— Где они?

— За границей.

— А семеро твоих приятелей из банды Альтенхайма?

— Я ушел от них. А они продолжают.

— Где я могу их найти?

Доминик заколебался. Люпен протянул две купюры по сто франков и сказал:

— Твоя щепетильность делает тебе честь, Доминик. Остается лишь наплевать на нее и отвечать.

Доминик ответил:

— Вы найдете их в доме номер три на дороге Револьт в Нёйи. Одного из них зовут Старьевщик.

— Отлично. А теперь имя, настоящее имя Альтенхайма. Ты его знаешь?

— Да. Рибейра.

— Доминик, так не пойдет. Рибейра — это псевдоним. Я спрашиваю у тебя настоящее имя.

— Парбери.

— Другой псевдоним.

Метрдотель колебался. Люпен показал три купюры по сто франков.

— К черту! — воскликнул мужчина. — В конце концов, он умер, так ведь? Действительно умер.

— Его имя? — настаивал Люпен.

— Его имя? Шевалье де Мальреш.

Люпен подскочил на своем стуле.

— Что? Что ты сказал? Шевалье?.. Повтори… шевалье?..

— Рауль де Мальреш.

Долгое молчание. Люпен с застывшим взглядом думал об отравленной безумной из Вельденца. Изильда носила то же имя: Мальреш. И такое же имя носил французский мелкий дворянин, приехавший в XVIII веке ко двору Вельденца.

— Из какой страны этот Мальреш? — спросил он.

— Происхождение французское, но родился в Германии… Я видел однажды его документы… Так я узнал его имя. Ах, если бы он проведал об этом, думаю, он задушил бы меня.

Поразмыслив, Люпен произнес:

— Это он командовал всеми вами?

— Да.

— Но у него был сообщник, компаньон?

— Ах, молчите… молчите…

На лице метрдотеля внезапно отразилась неописуемая тревога. Люпен распознал те же ужас и отвращение, которые испытывал сам, думая об убийце.

— Кто это? Ты его видел?

— О! Не будем говорить об этом… О нем не следует говорить.

— Я тебя спрашиваю, кто это?

— Это хозяин… шеф… Его никто не знает.

— Но ты-то его видел. Отвечай. Ты его видел?

— Иногда, в темноте… ночью. Днем — никогда. Его распоряжения поступают на клочках бумаги… или по телефону.

— Его имя?

— Я не знаю. О нем никогда не говорили. Это приносило несчастье.

— Он одет в черное, не так ли?

— Да, в черное. Он маленький и худенький… светловолосый.

— И он убивает, правда?

— Да, убивает… Ему убить все равно что другому украсть кусок хлеба.

Голос его дрожал.

— Помолчим, — взмолился он, — о нем не надо упоминать… Говорю же вам… это приносит несчастье.

Люпен умолк, невольно поддавшись тревоге этого человека.

Он долго пребывал в задумчивости, потом встал и сказал метрдотелю:

— Держи, вот твои деньги, но если хочешь жить спокойно, прояви благоразумие и никому ни слова о нашей встрече.

Он вышел из ресторана вместе с Дудвилем и до Порт-Сен-Дени не проронил ни слова, озабоченный тем, что узнал.

Наконец он схватил за руку своего спутника и произнес:

— Слушай внимательно, Дудвиль. Ты отправишься на Северный вокзал и придешь как раз вовремя, чтобы успеть на люксембургский экспресс. Поедешь в Вельденц, столицу великого герцогства Дё-Пон-Вельденц. В ратуше ты легко получишь свидетельство о рождении шевалье де Мальреша и сведения о его семье. Послезавтра, в субботу, вернешься.

— Я должен предупредить Уголовную полицию?

— Это я беру на себя. Я скажу им, что ты болен. А-а, еще одно слово! Встретимся в полдень на дороге Револьт, в маленьком ресторане «Бюффало». Оденься рабочим.

На следующий день Люпен — в рабочей блузе и с фуражкой на голове — направился в Нёйи и начал свое расследование в доме номер 3 на дороге Револьт. Ворота вели в первый двор, а дальше —

настоящий поселок, целый ряд крытых проходов и мастерских, где копошилось множество ремесленников, женщин и детей. За пару минут Люпен добился расположения консьержки, с которой проговорил около часа на самые разные темы. В течение этого часа он увидел, как мимо один за другим прошли три персонажа, чьи повадки его поразили.

«Это то, что нужно, — подумал он, — дичь, которая сильно пахнет… запах не обманывает… Вид добропорядочных людей, черт возьми! Но глаз хищного зверя, который знает, что враг повсюду и что за каждым кустом, за каждым деревом может скрываться засада».

Во второй половине дня и утром в субботу Люпен продолжал расследование и вскоре обрел уверенность, что все семеро сообщников Альтенхайма проживают в этих зданиях. Четверо из них открыто занимались профессией «торговцев одеждой». Двое других продавали газеты, седьмой говорил, что он старьевщик, впрочем, его так и называли.

Они ходили друг за другом, не подавая вида, что знакомы. Однако вечером Люпен установил, что они собираются в своего рода сарае, расположенном в глубине последнего из дворов. Там

Старьевщик хранил свои товары — старые железки, сломанные жаровни, ржавые печные трубы… и к тому же наверняка большую часть краденых предметов.

— Ладно, — сказал он себе, — дело продвигается. У своего кузена из Германии я просил месяц, но думаю, хватит и двух недель. И особое удовольствие доставляет мне то, что операция начнется как раз с тех типов, которые заставили меня нырнуть в Сену. Мой бедный старина Гурель, наконец-то я отомщу за тебя. Пришло время!

В полдень он вошел в ресторан «Бюффало», в маленький низкий зал, куда заглядывали каменщики и кучера, чтобы подкрепиться дежурным блюдом.

Кто-то сел рядом с ним.

— Все в порядке, патрон.

— А-а, это ты, Дудвиль. Тем лучше. Мне не терпится узнать. Ты получил сведения? Свидетельство о рождении? Рассказывай поскорее.

— Так вот. Отец и мать Альтенхайма умерли за границей.

— Дальше.

— Они оставили троих детей.

— Троих?

— Да, старшему сегодня было бы тридцать. Его

звали Рауль де Мальреш.

— Это наш человек, Альтенхайм. Дальше?

— Самым младшим ребенком была девочка, Изильда. В регистрационной книге свежими чернилами помечено «Умерла».

— Изильда… Изильда, — повторил Люпен. — Я так и думал, Изильда была сестрой Альтенхайма… Я заметил знакомое мне выражение лица… Вот что их связывало… Но третий ребенок, вернее, второй?

— Сын. Ему было бы сейчас двадцать шесть лет.

— Его имя?

— Луи де Мальреш.

Люпен вздрогнул.

— Так и есть! Луи де Мальреш… Инициалы «Л. М.». Ужасная, пугающая подпись… Убийцу зовут Луи де Мальреш… Это брат Альтенхайма и брат Изильды. Он убил и того и другую, опасаясь их разоблачений…

Долгое время Люпен мрачно молчал, наверняка одержимый таинственным существом.

— Чего было опасаться своей сестры Изильды? — возразил Дудвиль. — Мне сказали, она была безумной.

— Да, безумной, но способной вспомнить

некоторые подробности своего детства. Она узнала брата, вместе с которым выросла… И это воспоминание стоило ей жизни. — И Люпен добавил: — Безумная! Да все эти люди безумны… Мать безумна… Отец алкоголик… Альтенхайм просто скотина… Изильда — бедная помешанная… А что касается того, убийцы, то это чудовище, слабоумный маньяк…

— Вы считаете, слабоумный, патрон?

— Ну конечно, слабоумный! С проблесками гениальности, хитростью и интуицией демона, но тронутый, сумасшедший, как все семейство де Мальреш. Убивают лишь безумные, особенно безумные вроде этого. Ведь в конце-то концов…

Он вдруг умолк, и Дудвиля поразило выражение его исказившегося лица.

— В чем дело, патрон?

— Посмотри.

III

Только что вошедший в ресторан мужчина повесил на вешалку свою шляпу — черную шляпу мягкого фетра, сел за маленький столик, изучил предложенное ему официантом меню, сделал заказ и стал ждать, скрестив на скатерти обе руки, неподвижный, с негнущимся торсом.

Люпен смог хорошенько разглядеть его.

Лицо у него было худое и полностью лишенное всякой растительности, прорезанное глубокими орбитами, в которых виднелись серые, стального цвета глаза. Кожа казалась натянутой от одной кости до другой, словно пергамент, и такая жесткая, такая плотная, что ни один волосок не смог бы проткнуть ее.

И лицо это было безжизненным. Оно ничего не выражало, его ничто не одушевляло. Никакой мысли, казалось, не было места под этим лбом из слоновой кости. И веки, без ресниц, никогда не шевелились, что придавало взгляду неподвижность взгляда статуи.

Люпен подал знак одному из официантов заведения.

— Кто этот господин?

— Тот, кто там обедает?

— Да.

— Это наш клиент. Он приходит два или три раза в неделю.

— Вы знаете его имя?

— Ну конечно! Леон Массье.

— О! — взволнованно произнес Люпен. — «Л. М.»… те же буквы… А может, это Луи де Мальреш?

Он с жадностью разглядывал его. Вид мужчины и правда соответствовал его предположениям, тому, что он знал о нем и о его мерзком существовании. Однако его смутил этот взгляд мертвеца там, где он ожидал увидеть жизнь и огонь… Смутила невозмутимость там, где он предполагал муку, смятение, ни с чем не сравнимую гримасу великих проклятых.

— А чем он занимается, этот господин? — спросил Люпен официанта.

— Пожалуй, ничего не смогу вам сказать. Это странный тип… Он всегда один… Никогда ни с кем не разговаривает. Мы здесь не слышали даже звука его голоса. Он пальцем указывает на блюда, которые желает… За двадцать минут со всем покончено… Он расплачивается… уходит…

— Но возвращается?

— Каждые четыре или пять дней. Нерегулярно.

— Это он, это может быть только он, — твердил себе Люпен, — это Мальреш, вот он… он дышит в четырех шагах от меня. Вот руки, которые убивают. Вот мозг, который опьяняет запах крови… Вот чудовище, вампир…

А между тем, возможно ли это? Ведь под конец Люпен стал считать убийцу существом столь фантастическим, что пришел в замешательство,

увидев его в живом обличье, передвигающимся туда-сюда, словом, действующим. У него не укладывалось в голове, что тот ест, как другие, хлеб и мясо, пьет пиво, как первый встречный, это он-то, кто мерещился ему гнусной скотиной, которая насыщается живой плотью и сосет кровь своих жертв.

— Пошли отсюда, Дудвиль.

— Что с вами, патрон? Вы так побледнели.

— Мне нужен свежий воздух. Уйдем.

На улице он сделал глубокий вдох, вытер вспотевший лоб и прошептал:

— Теперь лучше. А то я задыхался.

И, взяв себя в руки, он продолжал:

— Дудвиль, развязка близка. Неделями я на ощупь борюсь с невидимым врагом. А тут вдруг случай поставил его на моем пути! Теперь условия равны.

— А если нам разойтись, патрон? Он видел нас вместе. По отдельности мы будем не так для него заметны.

— Разве он нас видел? — задумчиво спросил Люпен. — Кажется, будто он ничего не видит, ничего не слышит и ни на что не смотрит. Какой озадачивающий тип!

И действительно, десять минут спустя появил-

ся Леон Массье и удалился, даже не проверив, следят ли за ним. Закурив сигарету и заложив одну руку за спину, он беззаботно шагал, как любой праздно прогуливающийся, который наслаждается солнцем и свежим воздухом, не подозревая, что за его прогулкой могут следить.

Он миновал городскую черту, прошел вдоль остатков укреплений вокруг Парижа и, пройдя через ворота Шамперре, вернулся назад по дороге Револьт.

Войдет ли он в здание дома номер 3? Люпену страшно этого хотелось, поскольку это стало бы бесспорным доказательством его сообщничества с бандой Альтенхайма; однако мужчина повернул и вышел на улицу Делезман, по которой проследовал за велодром Бюффало.

Слева, напротив велодрома, среди сдающихся в аренду теннисных кортов и окаймляющих улицу Делезман домишек, стоял уединенный флигелек, окруженный небольшим садом.

Леон Массье остановился, достал связку ключей, открыл сначала калитку сада, потом дверь флигеля и исчез.

Люпен осторожно подошел поближе. Он сразу же отметил, что дома на дороге Револьт шли до самой стены сада.

Подойдя еще ближе, он увидел, что стена эта очень высокая и что к ней прислоняется сарай, построенный в глубине сада.

По месторасположению он уяснил, что этот сарай примыкает к другому, тому, что стоит в последнем дворе дома номер 3 и служит складом для Старьевщика.

Таким образом, Леон Массье проживал в доме, прилегающем к помещению, где собирались семеро из банды Альтенхайма. Следовательно, Леон Массье и был верховным главарем, который руководил этой бандой, и, очевидно, общался со своими сообщниками, используя проход между двумя сараями.

— Я не ошибся, — сказал Люпен. — Леон Массье и Луи де Мальреш — это одно и то же лицо. Ситуация упрощается.

— Здорово, — одобрительно отозвался Дудвиль, — и через несколько дней все будет улажено.

— То есть я получу удар стилетом в горло.

— Что вы такое говорите, патрон? Что за идея!

— Ну, как знать! У меня всегда было предчувствие, что это чудовище принесет мне несчастье.

Отныне речь, можно сказать, шла о том, чтобы сопутствовать жизни де Мальреша таким обра-

зом, дабы ни одно из его движений не осталось неизвестным.

Эта жизнь, если верить людям квартала, которых расспрашивал Дудвиль, была наистраннейшая. Тип из флигеля, как его называли, проживал там всего лишь несколько месяцев. Он ни с кем не встречался и никого не принимал. Никакого слуги у него не видели. И окна, притом даже ночью широко открытые, всегда оставались темными, ни свеча, ни какая-нибудь лампа не освещали их.

Впрочем, большей частью Леон Массье уходил на закате дня и возвращался очень поздно — на рассвете, уверяли люди, которые встречали его с восходом солнца.

— А известно, чем он занимается? — спросил Люпен своего приятеля, когда тот присоединился к нему.

— Нет. Его существование совершенно неупорядоченно, иногда он исчезает на несколько дней… или, вернее, остается взаперти. Словом, никто ничего не знает.

— Ну что ж, а мы узнаем, и причем скоро.

Люпен ошибался. После недели расследований и непрерывных усилий никаких новых подробностей об этом странном типе он не узнал. Из

необычайного происходило лишь то, что когда Люпен следовал за этим мужчиной, он, неспешно передвигавшийся по улицам, никогда не останавливаясь, каким-то чудом внезапно исчезал. Иногда он использовал, конечно, дома с двойным выходом. Но в других случаях он, казалось, растворялся посреди толпы, словно призрак. И Люпен оставался на месте, окаменевший, ошеломленный, охваченный яростью и смятением.

Он тотчас бежал на улицу Делезман и вставал на стражу. Минуты шли за минутами, часы за часами. Проходила часть ночи. Потом появлялся этот загадочный человек. Чем он мог заниматься?

IV

— Вам письмо по пневматической почте, патрон, — сказал ему как-то около восьми часов вечера Дудвиль, присоединившийся к Люпену на улице Делезман.

Люпен раскрыл конверт. Госпожа Кессельбах умоляла прийти ей на помощь. С наступлением сумерек, писала она, двое мужчин встали под ее окнами, и один из них сказал: «Повезло, никто ничего не заметил… Значит, решено, этой ночью осуществим задуманное». Она спустилась и

обнаружила, что ставень на кухне не запирался или, по крайней мере, его можно было открыть снаружи.

— Наконец-то, — сказал Люпен, — враг сам предлагает нам сражение. Тем лучше! Мне надоело томиться ожиданием под окнами Мальреша.

— А он сейчас у себя?

— Нет, он опять сыграл со мной шутку на свой лад. Теперь я сыграю с ним свою. Но прежде послушай меня внимательно, Дудвиль. Ты соберешь с дюжину наших людей, самых крепких… кстати, возьми Марко и секретаря Жерома. После истории с «Палас-отелем» я отпустил их на каникулы… На этот раз они понадобятся. Собрав наших людей, отвези их на улицу Винь. Папаша Шароле и его сын должны уже стоять там на посту. Ты договоришься с ними и в половине двенадцатого присоединишься ко мне на углу улиц Винь и Рейнуар. Оттуда мы будем наблюдать за домом.

Дудвиль ушел. Люпен подождал еще с час, пока тихая улица Делезман совсем не опустела, потом, видя, что Леон Массье не возвращается, решился подойти ближе к флигелю.

Вокруг — никого… Разбежавшись, Люпен прыгнул на каменный край, поддерживающий

калитку сада. Через несколько минут он уже был на месте.

План его состоял в том, чтобы взломать дверь дома и обыскать комнаты, дабы найти наконец пресловутые письма императора, похищенные Мальрешем в Вельденце. Однако Люпен счел, что визит в сарай более неотложен.

Он был очень удивлен, увидев, что сарай не заперт, и удостоверился при свете своего электрического фонарика в том, что он абсолютно пуст и что в задней стене нет никакой двери.

Поискам Люпен предавался долго и все так же безуспешно. Однако снаружи он заметил прислоненную к сараю лестницу, которая, вероятно, служила для подъема на своего рода антресоли, обустроенные под черепичной крышей.

Старые ящики, соломенные снопы, садовые рамы загромождали эти антресоли или, скорее, изображали, что загромождают, ибо Люпен легко обнаружил проход, который привел его к стене.

Там он наткнулся на раму, которую хотел отодвинуть.

Не сумев этого сделать, Люпен рассмотрел ее внимательно и обнаружил, что, во-первых, рама прикреплена к стене, а во-вторых, в ней недостает одного стекла.

Он просунул в отверстие руку: там была пустота. Направив туда свет фонаря, он увидел большой ангар — сарай, более просторный, чем во флигеле, заполненный железным ломом и самыми разными предметами.

— Так и есть, — сказал себе Люпен, — это окошко проделано в сарае Старьевщика, на самом верху. Именно оттуда Луи де Мальреш наблюдает за своими сообщниками, видит и слышит их, а они его не видят и не слышат. Теперь мне ясно, почему они не знают своего шефа.

Все выяснив, он погасил свой фонарь и уже собрался уходить, когда напротив, в самом низу открылась дверь. Кто-то вошел. Зажглась лампа. Люпен узнал Старьевщика.

Тогда он решил остаться, поскольку предстоящая экспедиция не могла состояться, пока этот человек находился тут.

Старьевщик достал из кармана два револьвера.

Он проверил их и зарядил пулями, насвистывая какой-то модный мотивчик.

Так прошел час. Люпен начал беспокоиться, не решаясь, однако, уйти.

Промелькнули еще минуты, полчаса, час…

Наконец мужчина громко произнес:

— Входи.

В сарай проскользнул один из бандитов, потом, один за другим, появились третий, четвертый…

— Мы в полном составе, — сказал Старьевщик. — Дьёдонне и Жуффлю присоединятся к нам на месте. Пора, нельзя терять времени… Вы вооружены?

— Под завязку.

— Тем лучше. Будет жарко.

— Откуда ты знаешь, Старьевщик?

— Я видел шефа… Когда я говорю, что видел его… Нет… Но он говорил со мной…

— Да, — произнес один из мужчин, — как всегда, в темноте, на углу какой-нибудь улицы. А-а, мне больше нравились повадки Альтенхайма. По крайней мере, мы знали, что делать.

— А сейчас ты не знаешь? — возразил Старьевщик. — Мы врываемся в дом к Кессельбахше.

— А два охранника? Два малых, которых поставил Люпен?

— Тем хуже для них. Нас семеро. Им останется только помалкивать.

— А Кессельбахша?

— Сначала кляп, потом веревка, и доставим ее сюда… Прямо вот на этот старый диван… А дальше подождем распоряжений.

— Плата хорошая?

— Прежде всего драгоценности Кессельбахши.

— Да, при условии, что все выгорит, но я говорю про обещанное.

— Вперед три купюры по сто франков для каждого из нас. А после — вдвое больше.

— Деньги у тебя?

— Да.

— В добрый час. Можно говорить что угодно, но в отношении оплаты второго такого, как этот тип, не сыскать.

И совсем тихо, так, что Люпен едва расслышал:

— Скажи, Старьевщик, а если придется пустить в ход нож, награда будет?

— Такая, как всегда. Две тысячи.

— А если это Люпен?

— Три тысячи.

— А-а! Вот бы нам заполучить его!

Один за другим они покинули сарай.

Люпен успел еще услышать такие слова Старьевщика:

— Вот план нападения. Разделимся на три группы. Свисток, и каждый бросается вперед…

Люпен поспешно вышел из своего укрытия, спустился по лестнице, не заходя во флигель, обогнул его и перебрался через калитку.

«Старьевщик прав, будет жарко! А-а, так они хотят моей шкуры! Награда за Люпена! Негодяи!»

Миновав городскую черту, он вскочил в такси.

— Улица Рейнуар.

Велев остановиться в трехстах шагах от улицы Винь, он пошел на угол двух улиц.

К величайшему его удивлению, Дудвиля там не оказалось.

«Странно, — подумал Люпен, — а ведь уже за полночь… Мне кажется, дело нечисто».

Он подождал десять, двадцать минут. В половине первого — никого. Опоздание было тревожным знаком. Но, в конце концов, даже если Дудвиль и его друзья не смогли прийти, Шароле с сыном и его, Люпена, будет достаточно, чтобы отбить нападение, не считая помощи прислуги.

Он пошел вперед, как вдруг увидел двоих мужчин, пытавшихся укрыться в какой-то нише.

«Черт возьми, — сказал он себе, — это передовой отряд банды, Дьёдонне и Жуффлю. Я по-дурацки дал себя опередить».

Тут он потерял еще какое-то время. Пойти ли ему прямо на Дьёдонне и Жуффлю, чтобы вывести их из игры, и проникнуть затем в дом через кухонное окно, которое, как он знал, было не заперто? Казалось, что это наиболее разумное ре-

шение, позволявшее ему, кроме того, немедленно увести из дома госпожу Кессельбах, избавив ее от опасности.

Да, но это означало и провал его плана, означало упустить уникальную возможность поймать в ловушку всю банду целиком, а также наверняка и Луи де Мальреша.

Внезапно где-то по другую сторону дома раздался свисток.

Неужели это уже они? И нападение произойдет через сад?

Но оба мужчины, услышав сигнал, перемахнули через окно и исчезли.

Люпен бросился вперед, взобрался на балкон и спрыгнул в кухню. По звуку шагов он решил, что нападающие двинулись в сад, и этот звук был столь отчетлив, что он успокоился. Шароле и его сын тоже не могли его не услышать.

Поэтому он поднялся. Спальня госпожи Кессельбах находилась наверху. Люпен торопливо вошел.

При свете ночника он увидел на диване Долорес, она была в обмороке. Люпен устремился к ней, приподнял ее и повелительным тоном потребовал ответить:

— Послушайте… Шароле? Его сын?.. Где они?

— Как?.. Но… они ушли…

— Что? Ушли!

— Вы писали мне… час назад… Телефонограмма…

Он подобрал лежавший на полу голубой листок и прочитал:

Немедленно отошлите двух охранников… и всех моих людей… Я жду их в «Гранд-отеле». Ничего не бойтесь.

— Черт побери! И вы поверили! А ваши слуги?

— Тоже отосланы.

Он подошел к окну. Снаружи, из конца сада, приближались трое мужчин.

Из окна соседней комнаты, выходившего на улицу, он увидел двух других.

Люпен вспомнил о Дьёдонне, о Жуффлю и особенно о Луи де Мальреше, который, верно, бродит где-то, невидимый и грозный.

— Черт побери, — прошептал он, — мне начинает казаться, что я пропал.

Черный человек

I

В это мгновение у Арсена Люпена появилось ощущение, даже уверенность в том, что его заманили в ловушку способами, которые у него не было возможности распознать, зато он угадывал их необычайную ловкость и мастерство.

Все было преднамеренно, все было согласовано: удаление его людей, исчезновение или предательство слуг, само присутствие в доме госпожи Кессельбах.

Разумеется, все это удалось по воле врага, благодаря счастливому, чуть ли не чудесному стечению обстоятельств — ибо в конце-то концов Люпен мог появиться здесь до того, как ложное послание удалило его друзей. В таком случае произошла бы битва его собственной банды против банды Альтенхайма. И Люпен, вспомнив поведение Мальреша, убийство Альтенхайма, отравление безумной в Вельденце, Люпен спрашивал себя, а была ли ловушка направлена против него одного и не предполагал ли Мальреш, как возможность, всеобщую жаркую схватку и устранение сообщ-

ников, которые теперь мешали ему.

Скорее то была интуиция, едва промелькнувшая мимолетная мысль. Время требовало действий. Надо было защитить Долорес, похищение которой при любых условиях было смыслом нападения.

Он приоткрыл окно на улицу и нацелил свой револьвер. Один выстрел, тревога, поднятая в квартале, и бандиты сбегут.

— Ну нет, — прошептал он, — нет. Пусть не говорят, что я уклонился от борьбы. Возможность слишком хорошая… К тому же как знать, сбегут ли они!..

Он вернулся в спальню Долорес. Снизу донесся шум. Он прислушался и, поскольку шум доносился с лестницы, запер замок на два оборота.

Долорес судорожно плакала на диване.

Люпен умолял ее:

— У вас достанет сил? Мы на втором этаже. Я мог бы помочь вам спуститься… Простыни в окно…

— Нет, нет, не покидайте меня… Они убьют меня… Защитите меня.

Он взял ее на руки и отнес в соседнюю комнату.

— Не двигайтесь и успокойтесь, — сказал он,

склонившись над ней. — Клянусь вам, пока я жив, ни один из этих людей не прикоснется к вам.

Дверь первой комнаты содрогнулась.

Ухватившись за Люпена, Долорес воскликнула:

— Ах, вот они… вот они… Они вас убьют… вы один…

Он с жаром ответил ей:

— Я не один: здесь вы… вы здесь, со мною рядом.

Он хотел высвободиться. Обхватив его голову двумя руками и глядя ему прямо в глаза, она прошептала:

— Куда вы идете? Что вы собираетесь делать? Нет… не умирайте… Я не хочу… Надо жить… так надо…

Она бормотала слова, которых он не слышал и которые она, казалось, нарочно заглушала, чтобы он не мог их расслышать. Теряя силы, совсем ослабев, она вновь потеряла сознание.

Люпен склонился над Долорес и мгновение смотрел на нее. Осторожно он коснулся поцелуем ее волос.

Потом, вернувшись в первую комнату, запер дверь, разделявшую две комнаты, и включил электричество.

— Минуту, парни! — крикнул он. — Неужели вам так не терпится, чтобы вас прикончили?.. Вам известно, что здесь Люпен? Берегитесь!

Не переставая говорить, он развернул ширму, чтобы скрыть диван, на котором только что лежала госпожа Кессельбах, и набросал на него платья и одеяла.

Под ударами нападающих дверь того и гляди должна была рухнуть.

— Сейчас, сейчас! Я бегу! Вы готовы? Ну что ж, первому из этих господ!..

Он быстро повернул ключ и отодвинул задвижку.

Крики, угрозы, толкотня злобных зверюг в проеме открытой двери.

Но войти, однако, никто не решался. Прежде чем наброситься на Люпена, бандиты, охваченные беспокойством и страхом, колебались.

Он это предвидел.

Стоя посреди комнаты на самом свету и вытянув руку, он держал между пальцами пачку банкнот, из которых, пересчитывая по одной, сделал семь равных частей. Потом спокойно произнес:

— Три тысячи в награду каждому, если Люпена

отправят ad patres?[7] Ведь именно это вам обещали, не так ли? Вот вам вдвое больше.

Он положил пачки на стол в пределах досягаемости для бандитов.

— Вранье! — завопил Старьевщик. — Он пытается выиграть время. Стреляем в него!

И он поднял руку. Приятели остановили его.

А Люпен продолжал:

— Разумеется, это ничего не меняет в планах вашей кампании. Вы проникли сюда, во-первых, чтобы похитить госпожу Кессельбах, во-вторых, чтобы завладеть ее драгоценностями. Я считал бы себя последним дураком, если бы воспротивился этому двойному намерению.

— Ах вот к чему ты клонишь, — проворчал Старьевщик, который невольно слушал его.

— Ах, ах, Старьевщик, я начинаю интересовать тебя. Входи же, старина… Входите все… На верху лестницы сквозняк… и голубчики вроде вас рискуют простудиться… Ну что! Мы боимся? А я, между тем, один… Давайте, смелее, мои ягнятки.

Заинтригованные, они с опаской вошли в комнату.

— Закрой дверь, Старьевщик… так нам бу-

---

[7] Примечания: 7
К праотцам (*лат.*).

дет спокойнее. Спасибо, толстячок. А-а, я вижу, по пути тысячные купюры испарились. Следовательно, все согласны. Как легко, однако, договориться между собой честным людям!

— Что дальше?

— Дальше? Ну что ж, раз мы компаньоны…

— Компаньоны!

— Черт возьми, разве вы не приняли мои деньги? Мы работаем вместе, толстячок, и вместе будем, во-первых, похищать молодую особу, во-вторых, похищать драгоценности.

Старьевщик усмехнулся:

— Ты нам для этого не нужен.

— Ошибаешься, толстячок.

— А зачем ты нам?

— Затем, что вы не знаете, где находится тайник с драгоценностями, а я — я знаю.

— Мы его найдем.

— Завтра. Не этой ночью.

— Ладно, говори. Чего ты хочешь?

— Поделить добычу.

— Почему же ты не забрал все себе, если знаешь тайник?

— Невозможно открыть его одному. Есть секрет, но я его не знаю. Вы здесь, и я хочу вас использовать.

Старьевщик колебался.

— Поделить… поделить… Несколько камешков и, возможно, немного меди…

— Дурак! Там больше, чем на миллион.

Мужчины, пораженные, вздрогнули.

— Ладно, — сказал Старьевщик, — но если Кессельбахша сбежит? Она ведь в другой комнате?

— Нет, она здесь.

Люпен на мгновение отодвинул одну из створок ширмы, дав увидеть груду платьев и одеял на диване.

— Она здесь, в обмороке. Но я отдам ее только после дележа.

— Однако…

— Как хотите, выбирайте. Я, конечно, один. Но вы знаете, чего я стою. Так что…

Мужчины посоветовались, и Старьевщик спросил:

— Где тайник?

— Под очагом камина. Но если не знаешь секрета, надо сначала приподнять весь камин, зеркало, мрамор, вроде бы все разом. Работа не из легких.

— Ха! Мы готовы. Ты увидишь. За пять минут…

Старьевщик отдал распоряжения, и тотчас его товарищи с поразительным рвением и дисциплиной принялись за дело. Двое из них, встав на

стулья, старались приподнять зеркало. Четверо других взялись за сам камин. Старьевщик, стоя на коленях, наблюдал за камином и командовал:

— Смелее, парни!.. А ну-ка все вместе… Осторожней! Раз, два… А-а, смотрите, сдвинулось.

Застыв позади них, руки в карманах, Люпен с умилением наблюдал за ними и вместе с тем всею своей гордыней художника и мастера наслаждался столь жестоким испытанием своей власти и силы, тем безжалостным воздействием, которое он осуществлял на других. Как эти бандиты хоть на минуту могли допустить возможность столь невероятной истории и утратить всякое понятие о вещах до такой степени, что предоставили ему все шансы на удачу в этой баталии?

Люпен достал из карманов два огромных револьвера, массивных и грозных, вытянул обе руки и спокойно, выбирая двух первых мужчин, которых убьет, и двух других, которые упадут следом, прицелился, как прицелился бы в две мишени на стенде. Два выстрела сразу, и еще два…

Вопли… Четверо мужчин рухнули один за другим, словно куклы в настольной игре.

— Из семи удалены четверо, остались трое, — сказал Люпен. — Стоит ли продолжать?

Его руки были по-прежнему вытянуты, два

револьвера направлены на группу, состоявшую из Старьевщика и двух его приятелей.

— Подлец! — проворчал Старьевщик, пытаясь достать оружие.

— Лапы вверх! — крикнул Люпен. — Или я стреляю… Прекрасно, а вы разоружите его… иначе…

Дрожа от страха, два бандита парализовали своего шефа и заставили его подчиниться.

— Свяжите его!.. Свяжите его, черт возьми! Чего вы мешкаете?.. Я уйду, и вы свободны… Ну, все ясно? Сначала запястья… вашими ремнями… Теперь лодыжки. Да поживее…

Растерянный, побежденный, Старьевщик больше не сопротивлялся. Пока приятели связывали его, Люпен наклонился над ними и рукояткой револьвера нанес им два страшных удара по голове. Они осели.

— Отличная работа, — произнес он, переводя дух. — Жаль, что их не пятьдесят… Я был в ударе… И все это с легкостью… с улыбкой на губах… Что ты об этом думаешь, Старьевщик?

Бандит не скупился на ругательства.

— Не грусти, толстяк, — сказал Люпен. — Утешься, говоря себе, что ты способствуешь доброму делу, спасению госпожи Кессельбах. Сейчас она сама поблагодарит тебя за твою любезность.

Он направился к двери второй комнаты и открыл ее.

— Ах! — опешив, произнес он, остановившись, потрясенный, на пороге.

Комната была пуста.

Он подошел к окну и увидел прислоненную к балкону лестницу, складную стальную лестницу.

— Похищена… похищена… — прошептал он. — Луи де Мальреш… А-а! Разбойник…

II

С минуту поразмыслив, Люпен, стараясь преодолеть тревогу, сказал себе, что в конечном счете, раз госпоже Кессельбах, похоже, не грозит немедленная опасность, не стоит паниковать. Однако его охватила внезапная ярость, и он набросился на бандитов, наградил несколькими тумаками раненых, которые излишне суетились, отыскал и забрал банкноты, заткнул рты, связал руки шнурками и подхватами от занавесок, разорванными на ленты простынями и одеялами и под конец выложил на ковер перед диваном семь человеческих свертков, тесно прижатых друг к другу и связанных, словно тюки.

— Мумии на вертеле, — усмехнулся он. — Деликатес для любителя! Куча идиотов, как это

вас угораздило так вляпаться? Вы похожи на утопленников в морге... И вы еще нападаете на Люпена, защитника вдовы и сироты!.. Дрожите? Не стоит, ягнятки! Люпен никогда и мухи не обидел... Вот только Люпен порядочный человек и не любит прохвостов, и Люпен знает свои обязанности. Ну как можно жить рядом с такими шалопаями, как вы? Это что же получается? Никакого больше уважения к жизни ближнего? Никакого уважения к чужому имуществу? Никаких законов? Ни общества, ни совести, ничего? Куда мы идем, Господи, куда мы идем?

Не удосужившись даже запереть бандитов, он вышел из комнаты, спустился на улицу и добрался до своего такси. Шофера он послал на поиски другого автомобиля и привел обе машины к дому госпожи Кессельбах.

Щедрые чаевые, выданные заранее, помогли избежать ненужных объяснений. С помощью шоферов он спустил вниз семерых пленников и расположил их в машинах как попало, вповалку. Раненые кричали, жаловались. Люпен захлопнул двери.

— Берегись! — сказал он, а сам сел в первый автомобиль. — В путь!

— Куда едем? — спросил шофер.

— Тридцать шесть, набережная Орфевр, Уголовная полиция.

Взревели моторы… и странный кортеж двинулся преодолевать склоны Трокадеро.

На улицах они обогнали несколько тележек с овощами. Люди, вооруженные шестами, гасили уличные фонари.

В небе сияли звезды. Веял свежий ветерок.

Люпен напевал.

Площадь Конкорд, Лувр… Вдалеке черная громада Собора Парижской Богоматери…

Повернувшись, он приоткрыл дверцу:

— Все в порядке, приятели? У меня тоже, спасибо. Ночь восхитительная, и можно вдохнуть свежего воздуха!..

Автомобиль подпрыгнул на неровной мостовой набережной. И вот уже Дворец правосудия и ворота Уголовной полиции.

— Подождите тут, — обратился Люпен к обоим шоферам, — а главное, позаботьтесь о ваших клиентах.

Он пересек первый двор и проследовал по правому коридору, который вел в помещения центральной службы.

Там инспекторы дежурили постоянно.

— Дичь, господа, — сказал он, входя, — и круп-

ная. Господин Вебер на месте? Я новый полицейский комиссар Отёя.

— Господин Вебер у себя дома. Предупредить его?

— Секунду. Я тороплюсь. Я оставлю ему записку.

Он сел за стол и написал:

Дорогой Вебер!

Я доставил тебе семерых бандитов, входивших в банду Альтенхайма, тех, кто убил Гуреля… и других, тех, что убили и меня под именем господина Ленормана.

Теперь остался только их шеф. Я приступаю к его немедленному аресту. Присоединяйся ко мне. Он проживает в Нёйи на улице Делезман и называет себя Леон Массье.

С дружеским приветом.

Арсен Люпен,
начальник Уголовной полиции

Он запечатал послание.

— Это для господина Вебера. И это срочно. А теперь мне нужны семь человек, чтобы принять поставку товара. Я оставил его на набережной.

У автомобилей к нему присоединился один из

главных инспекторов.

— А-а, это вы, господин Лебёф, — сказал ему Люпен. — У меня отличный улов… Все банда Альтенхайма… Они здесь, в автомобилях.

— Где же вы их взяли?

— Во время похищения госпожи Кессельбах и грабежа ее дома. Однако обо всем этом я расскажу в надлежащее время.

Главный инспектор отвел его в сторону и с удивлением произнес:

— Но простите, ко мне пришли от комиссара Отёя. И мне не кажется… С кем я имею честь разговаривать?..

— С человеком, который сделал вам отличный подарок в виде семерых бандитов высочайшей пробы.

— Однако мне хотелось бы знать…

— … мое имя?

— Да.

— Арсен Люпен.

Неожиданно подставив ножку своему собеседнику, он проворно добежал до улицы Риволи, вскочил в проезжавший мимо автомобиль и велел ехать к заставе Терн.

Дорога Револьт находилась поблизости; он направился к дому номер 3.

Несмотря на все его хладнокровие и умение владеть собой, Арсену Люпену не удавалось справиться с охватившим его волнением. Найдет ли он Долорес Кессельбах? Доставил ли Луи де Мальреш молодую женщину к себе или в сарай Старьевщика?

Люпен забрал у Старьевщика ключ от этого сарая, так что ему не составило труда, позвонив, пересечь все дворы, отпереть дверь и войти на склад хлама.

Включив свой фонарь, он огляделся. Чуть правее находилось свободное пространство, где на его глазах сообщники совещались в последний раз.

На упоминавшемся Старьевщиком диване он заметил что-то темное.

Там с кляпом во рту лежала завернутая в одеяла Долорес…

Он освободил ее.

— Ах, вот и вы!.. Вот и вы, — прошептала она. — Они ничего вам не сделали?

И тотчас, поднявшись, она указала в глубь склада:

— Там, *он* прошел с той стороны… Я слышала… Я уверена… Надо пойти за ним… прошу вас…

— Сначала вы, — сказал он.

— Нет, он… Покарайте его… прошу вас… покарайте его.

На этот раз страх, вместо того чтобы сразить Долорес, казалось, придал ей необычайные силы, и она повторила в порыве неукротимого желания выдать страшного врага, который мучил ее:

— Сначала он… Я не могу больше жить, вы должны спасти меня от него… должны… я не могу больше жить…

Развязав Долорес, он заботливо уложил ее на диване и сказал:

— Вы правы… Впрочем, здесь вам нечего бояться… Ждите меня, я вернусь.

Он уже собрался уходить, когда она вдруг схватила его за руку:

— А как же вы?

— Что я?

— Если этот человек…

Казалось, будто она страшится этой решающей для Люпена битвы, на которую сама его обрекала, и будто в последний момент она была бы счастлива остановить его.

— Спасибо, не беспокойтесь, — прошептал он. — Чего мне опасаться? Он один.

И, оставив ее, Люпен направился в глубь сарая. Как и ожидалось, там он обнаружил пристав-

ленную к стене лестницу, которая привела его к маленькому окошку — через него он наблюдал за собранием бандитов. То был путь, который выбрал Мальреш, чтобы пробраться в свой дом на улице Делезман.

Люпен снова проделал этот путь, как несколькими часами раньше, перешел в другой сарай и спустился в сад. Он очутился за тем самым флигелем, который занимал Мальреш.

Странно, но он ни секунды не сомневался, что Мальреш там. Он неизбежно встретится с ним, чудовищная дуэль, которую они вели друг с другом, близилась к концу. Еще несколько минут, и все будет кончено.

Люпен был в замешательстве! Когда он схватился за ручку двери, она повернулась, и дверь уступила его усилиям. Флигель даже не был заперт.

Он пересек кухню, прихожую и поднялся по лестнице, причем шел он решительно, не пытаясь заглушить шум своих шагов.

На лестничной площадке он остановился. Лоб его покрылся по́том, а в висках стучало от прилива крови.

Тем не менее он был спокоен, полностью владел собой и отдавал себе отчет в своих мыслях.

Люпен положил на ступеньку два револьвера.

— Никакого оружия, — сказал он себе, — только мои руки, ничего, кроме усилий двух моих рук… Этого довольно… так оно лучше.

Перед ним — три двери. Он выбрал ту, что посередине, и повернул ручку. Никакого препятствия. Он вошел.

В комнате не было света, но через широко открытое окно проникала ясность лунной ночи, и во тьме он видел простыни и белые занавеси кровати.

Там кто-то возвышался.

На этот силуэт он резко направил луч своего фонаря.

Мальреш!

Мертвенно-бледное лицо Мальреша, его сумрачные глаза, его скулы трупа, его тощая шея…

И все это, без малейшего движения, находилось в пяти шагах от него, и он не мог бы сказать, выражало ли это безжизненное лицо, это лицо мертвеца, ужас или хотя бы немного беспокойства.

Люпен сделал шаг, второй, третий.

Человек не шелохнулся.

Видел ли он? Понимал ли? Казалось, что глаза его смотрят в пустоту и что он находится во вла-

сти какой-то галлюцинации, а не в присутствии реального человека.

Еще один шаг…

«Он будет защищаться, — подумал Люпен, — надо, чтобы он защищался».

И Люпен протянул к нему руку.

Человек не сделал ни единого движения, не отпрянул, его веки не дрогнули. Произошло соприкосновение.

И тогда Люпен, потрясенный, ошеломленный, потерял голову. Он опрокинул человека, уложил его на кровать, завернул в простыни, стянул одеялами и прижал своим коленом, словно добычу… а человек и не подумал сопротивляться.

— А-а, — воскликнул Люпен, опьяненный от радости и утоленной ненависти. — Наконец-то я тебя раздавил, гнусная тварь! Наконец я хозяин положения!..

Он услышал шум снаружи, с улицы Делезман, удары, наносимые по калитке.

Бросившись к окну, он прокричал:

— Это ты, Вебер? Уже! В добрый час! Ты образцовый служитель! Закрой калитку, любезный, и поспеши, ты будешь желанным гостем.

За несколько минут он обшарил одежду своего пленника, завладел его бумажником, схватил бу-

маги, которые смог найти в ящиках письменного стола и секретера, и, бросив их на стол, быстро просмотрел.

У него вырвался радостный крик: там была пачка писем, пачка знаменитых писем, которые он обещал отдать императору.

Положив остальные бумаги на место, Люпен подбежал к окну.

— Все в порядке, Вебер! Можешь войти! Ты найдешь убийцу Кессельбаха в его кровати, готовенького и связанного… Прощай, Вебер…

Торопливо скатившись по лестнице, Люпен добежал до сарая и, пока Вебер входил в дом, присоединился к Долорес Кессельбах.

Он один, один арестовал семерых сообщников Альтенхайма!

И это он выдал правосудию таинственного шефа банды, гнусное чудовище, Луи де Мальреша!

III

Сидя за столом на широком деревянном балконе, молодой человек писал.

Иногда он поднимал голову и туманным взором созерцал перспективу склонов, где тронутые осенью деревья роняли свои последние листья на красные крыши вилл и садовые лужайки. Потом

он снова начинал писать.

Через какое-то время он взял листок бумаги и прочитал вслух:

– Дни нашей жизни плывут неизвестно куда,

Их словно уносит течение

И прибивает к тем берегам,

Где кончается жизни значение.

— Неплохо, — произнес за его спиной чей-то голос, — мадам Амабль Тастю[8] не сделала бы лучше. Впрочем, не все же могут быть Ламартином[9].

— Вы!.. Вы! — в растерянности пролепетал молодой человек.

— Ну да, поэт, Арсен Люпен собственной персоной пришел повидать своего дорогого друга Пьера Ледюка.

Пьер Ледюк задрожал, как дрожат в лихорадке.

— Настал час? — спросил он тихим голосом.

— Да, милейший Пьер Ледюк, для тебя настал

---

[8] Примечания: 8

Сабина-Казимира Амабль Тастю (1798–1885) — французская писательница.

[9] Примечания: 9

Альфонс Мари Луи де Ламартин (1790–1869) — французский писатель-романтик.

час покинуть или, вернее, прервать вялое существование поэта, которое вот уже несколько месяцев ты ведешь у ног Женевьевы и госпожи Кессельбах, и исполнить роль, предназначенную тебе в моей пьесе… Прелестной пьесе, уверяю тебя, отличной маленькой драме, ладно скроенной по всем правилам искусства, с волнениями, смехом и зубовным скрежетом. Мы наконец дошли до пятого акта, приближается развязка, и это ты, Пьер Ледюк, станешь ее героем. Какая слава!

Молодой человек встал.

— А если я откажусь?

— Идиот!

— Да, если я откажусь? В конце-то концов, кто заставляет меня подчиняться вашей воле? Кто обязывает меня принимать на себя роль, которой я еще не знаю, но которая заранее внушает мне отвращение и которой я стыжусь?

— Идиот! — повторил Люпен.

И, принудив Пьера Ледюка сесть, он занял место рядом с ним и заговорил самым ласковым голосом:

— Ты совершенно забыл, милый юноша, что зовешься не Пьером Ледюком, а Жераром Бопре. Если ты носишь прелестное имя Пьера Ледюка, то потому, что ты, Жерар Бопре, убил Пьера Ледюка

и украл у него его личность.

Молодой человек возмутился:

— Вы с ума сошли! Вы прекрасно знаете, что сами все это устроили…

— Черт возьми, да, я-то хорошо это знаю, но как быть с правосудием, когда я представлю ему доказательство, что настоящий Пьер Ледюк умер насильственной смертью и что ты занял его место?

Ошеломленный молодой человек проговорил, заикаясь:

— Этому не поверят… Зачем мне было это делать? С какой целью?

— Идиот! Цель настолько очевидна, что даже сам Вебер ее заметил бы. Ты лжешь, когда говоришь, что не хочешь соглашаться на роль, которой не знаешь. Эта роль, ты ее знаешь. Это та самая роль, которую играл бы Пьер Ледюк, если бы не умер.

— Но для меня, для всех Пьер Ледюк — это всего лишь имя. Кем он был? И кто я?

— Тебе-то что до этого?

— Я хочу знать. Я хочу знать, куда иду.

— А если узнаешь, пойдешь ли прямо вперед?

— Да, если цель, о которой вы говорите, стоит того.

— А иначе, ты думаешь, стал бы я так стараться?

— Кто я? Какова бы ни была моя судьба, будьте уверены, что я буду ее достоин. Но я хочу знать. Кто я?

Сняв шляпу, Арсен Люпен поклонился со словами:

— Герман IV, великий герцог герцогства Дё-Пон-Вельденц, князь Бернкастель, курфюрст Трева и владетель прочих земель.

Тремя днями позже Люпен увозил госпожу Кессельбах в автомобиле в сторону границы. Путешествие проходило в молчании.

Люпен с волнением вспоминал испуганный жест Долорес и слова, которые она произнесла в доме на улице Винь в тот момент, когда он собирался защищать ее от сообщников Альтенхайма. И она тоже должна была помнить об этом, ибо в его присутствии испытывала смущение и явное волнение.

Вечером они прибыли в маленький замок, целиком утопавший в листве и цветах, увенчанный огромной шапкой черепицы и окруженный большим садом с вековыми деревьями.

Они встретили уже обосновавшуюся там Женевьеву, которая возвращалась из соседнего города,

где нанимала прислугу из местных.

— Вот ваше жилище, мадам, — сказал Люпен. — Это замок Брюгген. Здесь вы в полной безопасности дождетесь окончания всех этих событий. Завтра вашим гостем будет Пьер Ледюк, которого я предупредил.

Он тотчас уехал и направился в Вельденц, где вручил графу Вальдемару пресловутую пачку отвоеванных писем.

— Вам известны мои условия, уважаемый Вальдемар, — сказал Люпен. — Речь прежде всего о том, чтобы воздать справедливость роду Дё-Пон-Вельденц и вернуть великое герцогство великому герцогу Герману IV.

— Я сегодня же начну переговоры с регентством. По моим сведениям, это будет совсем нетрудно. А этот великий герцог Герман…

— В настоящее время его высочество проживает под именем Пьера Ледюка в замке Брюгген. Относительно его личности я предоставлю все доказательства, какие потребуются.

Тем же вечером Люпен направился в Париж с намерением активно продвигать процесс Мальреша и семерых бандитов.

Каким было это дело, каким образом оно было проведено и как разворачивалось, говорить об

этом, пожалуй, излишне, настолько всем памятны факты и даже самые незначительные детали. Это одно из тех сенсационных событий, которые комментируют и обсуждают между собой самые неотесанные крестьяне самых отдаленных селений. Но о чем мне хотелось бы напомнить, так это о том огромном участии, которое принял Арсен Люпен в судебном процессе и в самом расследовании.

По сути, следствием руководил именно он. С самого начала он подменил собой государственные органы, распоряжаясь проводить обыски, указывая на необходимые меры, предписывая вопросы, которые следовало задать подсудимым, имея ответы на все…

Кто не помнит всеобщего изумления, когда в утренних газетах публиковались его послания, исполненные неумолимой логики и авторитета, послания, подписанные поочередно:

Арсен Люпен, следователь.
Арсен Люпен, генеральный прокурор.
Арсен Люпен, министр юстиции.
Арсен Люпен, сыщик.

Он привносил в это дело столько рвения, пыла и даже жестокости, что это удивляло, ведь обыч-

но он бывал весьма насмешливым и в общем-то по своему темпераменту скорее расположенным к снисходительности, в какой-то мере профессиональной.

Нет, на этот раз он ненавидел.

Он ненавидел этого Луи де Мальреша, кровавого бандита, подлого зверя, перед которым всегда испытывал страх и который даже запертый, даже побежденный все еще внушал ему то чувство ужаса и отвращения, которое испытывают при виде рептилии.

Кроме того, Мальреш имел дерзость преследовать Долорес, разве не так?

— Он играл, он проиграл, — говорил себе Люпен, — ему не сносить головы.

Именно этого он желал своему ужасному врагу: эшафота, когда тусклым утром нож гильотины скользит и убивает…

Странный подсудимый, тот, кого следователь на протяжении месяцев допрашивал в стенах своего кабинета… Странный персонаж, этот костлявый человек с лицом скелета и мертвыми глазами!

Казалось, он был в разлуке с самим собой. Его тут не было. И его вовсе не заботили ответы!

— Меня зовут Леон Массье.

То была единственная фраза, после которой он замкнулся в себе.

А Люпен возражал:

— Ты лжешь! Леон Массье, родившийся в Периго и с десяти лет сирота, умер семь лет назад. Ты завладел его документами. Но позабыл свидетельство о его смерти. Вот оно.

И Люпен отправил в прокуратуру копию этого свидетельства.

— Я — Леон Массье, — снова утверждал подсудимый.

— Ты лжешь, — отвечал Люпен, — ты Луи де Мальреш, последний потомок мелкого дворянина, обосновавшегося в Германии в XVIII веке. У тебя был брат, который называл себя то Парбери, то Рибейра, то Альтенхайм: этого брата ты убил. У тебя была сестра, Изильда де Мальреш: эту сестру ты убил.

— Я — Леон Массье.

— Ты лжешь. Ты — Мальреш. Вот твое свидетельство о рождении. Вот свидетельство твоего брата, свидетельство твоей сестры.

И все эти три свидетельства Люпен также прислал в прокуратуру.

Впрочем, за исключением того, что касалось его личности, Мальреш никак не защищался,

наверняка раздавленный скоплением доказательств, выдвигаемых против него. Что он мог сказать? В распоряжении правосудия находились сорок записок, написанных его рукой — это подтвердило сравнение почерков, — написанных его рукой банде сообщников, записок, которые, забрав обратно, он не счел нужным порвать.

И все эти записки были приказаниями, касающимися дела Кессельбаха, похищения господина Ленормана и Гуреля, преследования старика Стейнвега, устройства подземных ходов в Гарше и так далее. Возможно ли было отрицать это?

Правосудие смутила, правда, одна довольно странная вещь. На очной ставке со своим шефом все семеро бандитов заявили, что они его не знают. Они никогда его не видели. Его инструкции они получали либо по телефону, либо в темноте посредством как раз этих маленьких записок, которые Мальреш без единого слова быстро передавал им.

А впрочем, разве сообщение между флигелем на улице Делезман и сараем Старьевщика не служило убедительным доказательством сообщничества? Оттуда Мальреш все видел и слышал. Оттуда шеф следил за своими людьми.

Противоречия? Факты на первый взгляд

несовместимые? Люпен все объяснил. В той знаменитой статье, опубликованной утром в день судебного процесса, он взялся за дело с самого начала, раскрыл всю подноготную, распутал клубок, представил Мальреша, проживавшего втайне от всех в номере своего брата, лжемайора Парбери, невидимкой передвигавшегося по коридорам «Палас-отеля» и убившего Кессельбаха, убившего служащего отеля, убившего секретаря Шапмана.

Всем памятны те дебаты. Они были ужасающими и в то же время тусклыми; ужасающими в силу тревожной атмосферы, давившей на толпу, и неотвязных мыслей о преступлении и крови, засевших в памяти; тусклыми, тягостными, сумрачными, удушливыми по причине невероятного молчания, которое хранил обвиняемый.

Ни единого протеста. Ни единого движения. Ни единого слова.

Восковая фигура, которая не видела и не слышала! Пугающий призрак спокойствия и безучастности! Людей в зале пробирала дрожь. Их обезумевшее воображение рисовало себе скорее не человека, а своего рода сверхъестественное существо, духа восточных легенд, одного из тех богов Индии, которые являются символами всего свирепого, жестокого, кровавого и разрушитель-

ного.

Что же касается других бандитов, то на них даже не смотрели, ничтожные статисты, они терялись в тени всеподавляющего шефа.

Самыми волнующими стали показания госпожи Кессельбах. Ко всеобщему удивлению и к удивлению Люпена, Долорес, не отзывавшаяся ни на один вызов следователя, ведь убежища ее не знали, Долорес, скорбная вдова, появилась, чтобы принести неопровержимое свидетельство разоблачения убийцы ее мужа.

Она долго смотрела на него, потом просто сказала:

— Это тот, кто проник в мой дом на улице Винь, тот, кто похитил меня, и тот, кто запер меня в сарае Старьевщика. Я узнаю его.

— Вы утверждаете это?

— Я клянусь в этом перед Господом и перед людьми.

Через день Луи де Мальреш, он же Леон Массье, был приговорен к смерти. И его личность настолько, можно сказать, заслонила личности его сообщников, что за теми признали смягчающие обстоятельства.

— Луи де Мальреш, вам есть что сказать? — спросил председатель судебного заседания.

Тот не ответил.

Единственный вопрос оставался неясным в глазах Люпена. Почему Мальреш совершил все эти преступления? Чего он хотел? Какова была его цель?

В скором времени Люпену суждено было узнать это, близился день, когда, изнемогая от ужаса, охваченный отчаянием, смертельно раненный, он узнает страшную истину.

А пока, не без того, правда, чтобы возвращаться к этой мысли, он не занимался больше делом Мальреша. Решив, как он говорил, стать новым человеком, успокоившись относительно судьбы госпожи Кессельбах и Женевьевы, за мирным существованием которой Люпен следил издалека, и, наконец, оставаясь с помощью Дудвиля, которого он отправил в Вельденц, в курсе переговоров, продолжавшихся между двором Германии и регентством великого герцогства Дё-Пон-Вельденц, он тратил все свое время на то, чтобы покончить с прошлым и подготовить будущее.

Мысль об иной жизни, которую ему хотелось вести на глазах у госпожи Кессельбах, внушала ему новые чаяния и неожиданные чувства, тут оказывался замешан и образ самой госпожи Кессельбах, хотя Люпен не отдавал себе в этом

ясного отчета.

За несколько недель он уничтожил все доказательства, которые однажды могли бы скомпрометировать его, все следы, которые могли бы привести к нему. Каждого из своих бывших сподвижников он наделил суммой денег, достаточной, чтобы защитить их от нужды, и попрощался с ними, сообщив, что отбывает в Южную Америку.

Однажды утром, после ночи кропотливых раздумий и углубленного изучения ситуации, он воскликнул:

— Все кончено. Бояться больше нечего. Старый Люпен умер. Дорогу молодому.

Ему доставили депешу из Германии. То была ожидаемая развязка. Регентский совет, под сильным влиянием Берлинского двора, вынес вопрос на рассмотрение избирателей великого герцогства, и те, под сильным влиянием Регентского совета, подтвердили свою неколебимую приверженность старой династии Вельденца. Графу Вальдемару, а также трем делегатам от дворянства, армии и магистратуры предписано было отправиться в замок Брюггена, неукоснительно установить личность великого герцога Германа IV и вместе с его высочеством принять

необходимые распоряжения касательно его торжественного прибытия во владения его отцов, прибытия, которое должно было состояться в начале следующего месяца.

— На этот раз свершилось, — сказал себе Люпен, — великий проект господина Кессельбаха реализуется. Остается лишь заставить Вальдемара поверить в моего Пьера Ледюка. Пустяки! Завтра будет объявлено о предстоящем бракосочетании Женевьевы и Пьера. И Вальдемару представят невесту великого герцога!

И, счастливый, он отправился в автомобиле в замок Брюггена.

По дороге Люпен напевал, насвистывал, заговаривал со своим шофером.

— Октав, а ты знаешь, кого имеешь честь везти? Властелина мира… Да, старина, ты поражен, а? Это истинная правда. Я — властелин мира.

Потирая руки, он продолжал говорить с самим собой:

— Хотя дело было долгим. Вот уже год, как началась борьба. Правда, это была самая чудовищная борьба, которую мне довелось вести… Черт возьми, война гигантов!..

И он повторил:

— Но на этот раз свершилось. Враги поверже-

ны. Никаких препятствий между мной и целью. Место свободно, пора строить! Материалы у меня под рукой, есть рабочие, так что строим, Люпен! И пусть дворец будет достоин тебя!

Он велел остановить автомобиль в нескольких сотнях метров от замка, чтобы его приезд остался незамеченным, и сказал Октаву:

— Ты войдешь через двадцать минут, в четыре часа, и отнесешь мои чемоданы в маленькое шале в конце парка. Там я и буду жить.

На первом повороте дороги, в конце тенистой липовой аллеи, его взору открылся замок. Издалека Люпен увидел на крыльце Женевьеву.

Сердце его тихонько дрогнуло.

— Женевьева, Женевьева, — с нежностью произнес он, — Женевьева… обещание, которое я дал твоей умирающей матери, тоже исполняется… Женевьева, великая герцогиня… А я — подле нее, в тени, оберегаю ее счастье… и добиваюсь осуществления великих комбинаций Люпена.

Рассмеявшись, он скрылся за купой деревьев, стоявших слева от аллеи, и пошел вдоль густой чащи. Он добрался до замка так, чтобы его нельзя было заметить из окон гостиной и больших комнат.

Ему хотелось увидеть Долорес прежде, чем

она его увидит, и, как в случае с Женевьевой, он несколько раз произнес ее имя, но с волнением, удивившим его самого:

— Долорес… Долорес…

Украдкой он проследовал по коридорам и вошел в столовую. Из этой комнаты в зеркало можно было увидеть половину гостиной.

Он подошел поближе.

Долорес возлежала в шезлонге, а Пьер Ледюк, стоя перед ней на коленях, с восторженным видом смотрел на нее.

Карта Европы

I

Пьер Ледюк любил Долорес!

Люпена пронзила глубокая, острая боль, словно нанесли удар самим основам его жизни, боль такая сильная, что он ясно понял — и это было в первый раз, — чем стала для него Долорес, постепенно, так, что он этого не осознавал.

Пьер Ледюк любил Долорес и смотрел на нее так, как смотрят, когда любят.

Люпен почувствовал в себе слепую, неистовую жажду убийства. Этот взгляд, взгляд любви, обращенный на молодую женщину, этот взгляд приводил его в бешенство. У него возникло ощущение великого безмолвия, окутавшего молодую женщину и юношу, и в этом безмолвии, в неподвижности поз не оставалось ничего живого, кроме этого взгляда любви, этого немого и сладострастного гимна, которым глаза выражали всю страсть, все желание, воодушевление и порыв одного существа к другому.

И Люпен тоже смотрел на госпожу Кессельбах. Глаза Долорес оставались невидимы под

опущенными веками, ее шелковистыми веками с длинными черными ресницами. Но как она чувствовала этот взгляд любви, который искал ее взгляда! Как она трепетала под неосязаемой лаской!

«Она любит его… она его любит, — подумал Люпен, сгорая от ревности. И когда Пьер позволил себе какое-то движение, вспыхнул: — О несчастный! Если он осмелится коснуться ее, я убью его».

Вместе с тем, отмечая расстройство своего разума и стараясь побороть его, он размышлял:

«До чего же я глуп! Как ты, Люпен, мог дать себе волю!.. Послушай, вполне естественно, что она его любит… Да, разумеется, тебе показалось, будто ты угадал в ней некое чувство при твоем появлении… некое волнение… Трижды идиот, ты ведь всего-навсего бандит, вор… в то время как он, он — герцог, и он молодой…»

Пьер не шелохнулся, только губы его дрогнули, и Долорес, похоже, оживала. Медленно, потихоньку она подняла веки, слегка повернула голову, и глаза ее вернули юноше тот самый взгляд, которым даруют себя и вверяются, взгляд более глубокий, чем самый проникновенный поцелуй.

Это произошло внезапно, стремительно, словно удар грома. Люпен ринулся в гостиную, в три прыжка набросился на молодого человека, повалил его на пол и, придавив коленом грудь своего соперника, обращаясь к госпоже Кессельбах, крикнул вне себя:

— Так, стало быть, вы не знали? Он вам не сказал, мошенник?.. И вы его любите, его? Неужели он похож на великого герцога? Ах, до чего забавно!..

Он в ярости усмехался, в то время как Долорес смотрела на него с изумлением.

— Он — великий герцог! Герман IV, герцог Дё-Пон-Вельденца! Правящий государь! Великий курфюрст! Просто умереть со смеху. Он! Да его зовут Бопре, Жерар Бопре, это последний из бродяг… Нищий, которого я подобрал в грязи. Великий герцог? Это я сделал его великим герцогом! А-а! До чего смешно!.. Видели бы вы, как он отрезал себе мизинец… три раза падал в обморок… мокрая курица… А-а! Ты позволяешь себе поднимать глаза на дам… и бунтовать против хозяина… Ну погоди, великий герцог Дё-Пон-Вельденца!

Схватив юношу на руки, точно какой-нибудь сверток, Люпен раскачал его и выбросил в открытое окно.

— Берегись роз, герцог, у них есть шипы.

Когда он обернулся, рядом с ним стояла Долорес и смотрела на него глазами, которых он у нее не знал, глазами женщины, которая ненавидит и которую душит гнев. Возможно ли, чтобы это была Долорес, слабая, болезненная Долорес?

Она прошептала:

— Что вы делаете?.. Вы осмеливаетесь?.. А он?.. Значит, это правда?.. Он солгал мне?

— Солгал ли он? — воскликнул Люпен, понимая ее женское унижение. — Солгал ли он? Он, великий герцог! Просто-напросто шут, инструмент, который я настраивал, чтобы играть на нем мелодию моей фантазии! Ах, глупец! Глупец!

В ярости он топал ногой, грозя кулаком в сторону открытого окна. Потом принялся ходить из конца в конец по комнате, бросая фразы, в которых прорывалось неистовство его тайных помыслов.

— Глупец! Значит, он не видел, чего я жду от него? Не угадал величия своей роли? А-а! Эту роль я силой вобью в его мозги. Выше голову, кретин! Ты будешь великим герцогом по моей воле! И правящим государем! С цивильным листом и подданными, чтобы обирать их! И дворцом, который вновь отстроит тебе Карл Великий! И

хозяином, которым буду я, Люпен! Понимаешь ты это, тупица? Выше голову, черт подери, еще выше! Посмотри на небо, вспомни, что один из династии Дё-Пон был повешен за воровство еще до того, как встал вопрос о Гогенцоллернах[10]. А ты носишь имя Дё-Пон, черт возьми, по крайней мере, ты — один из них, и рядом я, я, Арсен Люпен! И ты будешь великим герцогом, говорю тебе, пусть и картонным, но великим герцогом, одухотворенным моим дыханием и горящим моим огнем. Марионетка? Пусть так. Но марионетка, которая будет говорить *моими* словами, воспроизводить *мои* жесты, выполнять *мою* волю, которая осуществит *мои* мечты… да… мои мечты.

Он застыл, словно ослепленный великолепием своей грезы.

Потом он подошел к Долорес и глухим голосом произнес:

— Слева от меня — Эльзас-Лотарингия… Справа — Баден, Вюртемберг, Бавария… южная Германия, все эти плохо спаянные государства, недовольные, раздавленные сапогом прусского Карла

[10] Примечания: 10

Гогенцоллерны — династия бранденбургских курфюрстов в 1415–1701 гг., прусских королей в 1701–1918 гг., германских императоров в 1871–1918 гг.

Великого, но встревоженные, готовые освободиться… Понимаете ли вы, что такой человек, как я, может устроить там, среди них, какие чаяния он может пробудить, какую ненависть раздуть, какие вызвать возмущения и мятежи?

Потом еще тише повторил:

— Слева — Эльзас-Лотарингия!.. Вы понимаете? Это мечты… да полно! Это реальность послезавтрашнего дня, нет, завтрашнего. Да… я хочу… я хочу… О, все, чего я хочу, и все, что я сделаю, это неслыханно!.. Вы только подумайте, в двух шагах от эльзасской границы! Посреди немецкой страны! Рядом со старым Рейном! Довольно будет немного стараний и умения, чтобы перевернуть мир. Умение, оно у меня есть… есть с избытком… И я стану хозяином! Я буду тем, кто правит. Для того, для марионетки, титул и почести… Для меня — власть! Я останусь в тени. Никаких должностей: ни министр, ни даже камергер! Никто. Я буду просто одним из служителей дворца, возможно, садовником… Да, садовником… О, потрясающая жизнь! Выращивать цветы и менять карту Европы!

Она с жадностью смотрела на него, покоренная, подчиненная неукротимой силе этого человека. И ее глаза выражали восхищение, которого она

не пыталась скрыть. Он положил руки на плечи молодой женщины и сказал:

— Вот моя мечта. И какой бы великой она ни была, клянусь вам, ее превзойдут дела. Кайзер уже видел, чего я стою. Однажды он увидит меня перед собой, стоящим лагерем лицом к лицу с ним. У меня на руках все козыри. Валангле пойдет со мной!.. Англия тоже… партия выиграна… Вот моя мечта… Есть и другая…

Внезапно он умолк. Долорес не спускала с него глаз, крайнее волнение преобразило ее черты. Люпена охватила огромная радость, ибо он в который раз отчетливо почувствовал волнение этой женщины рядом с ним. Больше он не был для нее… тем, кем он был, вором, бандитом, он стал человеком, который любил, чья любовь пробуждала в глубине дружественной души невыразимые чувства.

Поэтому он больше ничего не говорил, но сказал ей, не произнося вслух, все слова нежности и обожания, думая о жизни, которую они смогут вести где-то, недалеко от Вельденца, никому неведомые и всемогущие.

Их объединило долгое молчание. Потом она встала и тихо сказала:

— Уходите, умоляю вас уйти… Пьер женится на

Женевьеве, это я вам обещаю, но лучше, чтобы вы ушли… чтобы вас здесь не было… Уходите, Пьер женится на Женевьеве…

Он подождал мгновение. Возможно, ему хотелось бы более определенных слов, но он не решался ни о чем просить. И потому удалился, ослепленный, опьяненный и несказанно счастливый повиноваться и подчинять свою судьбу ее судьбе!

На пути к двери Люпену попался низенький стул, который ему пришлось переставить. Однако нога его на что-то наткнулась. Он наклонился. Это было маленькое карманное зеркало из эбенового дерева с золотым вензелем.

Внезапно он вздрогнул и поспешно подобрал его.

Вензель состоял из двух переплетенных букв, «Л» и «М».

«Л» и «М»!

— Луи де Мальреш, — с дрожью произнес Люпен.

Он повернулся к Долорес.

— Откуда это зеркало? Чье оно? Будет очень важно…

Схватив зеркало, она внимательно рассматривала его:

— Я не знаю… Я никогда его не видела… Возможно, прислуга…

В эту минуту в гостиную вошла Женевьева и, не заметив Люпена, которого скрывала ширма, сразу воскликнула:

— Вот как! Ваше зеркало, Долорес… Значит, вы его нашли?.. Вы столько времени заставляли меня искать его!.. Где же оно было?

И девушка ушла со словами:

— Ах, прекрасно, тем лучше!.. Вы так беспокоились!.. Пойду сейчас же предупрежу, чтобы больше не искали…

Люпен не шелохнулся, он был в замешательстве, безуспешно пытаясь понять. Почему Долорес не сказала правду? Почему она сразу же не объяснилась по поводу этого зеркала?

У него мелькнула одна мысль, и он отчасти наугад спросил:

— Вы знали Луи де Мальреша?

— Да, — молвила она, наблюдая за ним и словно стараясь понять осаждавшие его мысли.

Он в крайнем возбуждении бросился к ней.

— Вы его знали? Кем он был? Кто он? И почему вы ничего не сказали? Где вы с ним познакомились? Говорите… Отвечайте… Прошу вас…

— Нет, — сказала она.

— Однако это необходимо… необходимо… Подумайте сами! Луи де Мальреш, убийца! Чудовище!.. Почему вы ничего не сказали?

Она, в свою очередь, положила руки на плечи Люпена и очень твердо заявила:

— Послушайте, никогда не спрашивайте меня об этом, потому что я никогда не отвечу… Эта тайна умрет со мной… что бы ни случилось, никто ее не узнает, никто в мире, клянусь.

II

Озадаченный, Люпен несколько минут стоял перед ней в замешательстве.

Ему вспомнилось молчание Стейнвега и ужас старика, когда он попросил его открыть страшную тайну. Долорес тоже ее знала и молчала.

Не сказав ни слова, он вышел.

Свежий воздух, простор подействовали на него благотворно. Выйдя за ограду парка, Люпен долго бродил по полям, разговаривая вслух:

— В чем дело? Что происходит? Вот уже долгие месяцы, сражаясь и действуя, я заставлял плясать под мою дудку всех персонажей, которым надлежит способствовать осуществлению моих планов, и все это время я забывал присмотреться к ним и понять, что волнует их сердце и ум. Я

не знаю Пьера Ледюка, я не знаю Женевьеву, я не знаю Долорес… Я обращался с ними как с марионетками, в то время как это живые люди. И сегодня я наталкиваюсь на препятствия…

Топнув ногой, он воскликнул:

— На препятствия, которых не существует! На состояние души Женевьевы и Пьера мне плевать… Я обдумаю это позже, в Вельденце, когда устрою их счастье. Но Долорес… Она знает Мальреша и ничего не сказала!.. Почему? Какие отношения их связывают? Боится ли она его? Боится, что он убежит и явится отомстить за откровение?

С наступлением темноты он пошел в шале, которое оставил за собой в глубине парка, и поужинал там в сквернейшем расположении духа, сердясь на Октава, который обслуживал его то слишком медленно, то слишком быстро.

— С меня довольно, оставь меня… Сегодня ты делаешь одни глупости… А этот кофе?.. Он отвратителен.

Люпен отодвинул наполовину полную чашку, вышел из шале и в течение двух часов гулял по парку, перемалывая все те же мысли.

Под конец у него вырисовалось одно предположение: «Мальреш сбежал из тюрьмы, он

терроризирует госпожу Кессельбах и уже знает от нее про инцидент с зеркалом…»

Люпен пожал плечами: «И этой ночью он явится рассчитаться с тобой. Ладно, я заговариваюсь. Самое лучшее пойти спать».

Он вернулся в свою комнату, лег в постель и тотчас заснул тяжелым сном, населенным кошмарами. Дважды он просыпался и хотел зажечь свечу и дважды снова падал как подкошенный.

Однако ежечасно он слышал бой деревенских часов или, вернее, думал, что слышит, ибо был погружен в своего рода оцепенение, при котором, казалось, полностью сохранялось сознание.

И его осаждали сновидения, сновидения тревоги и ужаса. Он явственно уловил шум открывающегося окна. Явственно, сквозь закрытые веки, сквозь густую тьму он узрел приближавшееся видение.

И это видение склонилось над ним.

С невероятным усилием Люпен поднял веки и взглянул… или, по крайней мере, ему так представилось. Грезил ли он? Или пробудился? Люпен в отчаянии спрашивал себя об этом.

Опять шум… Рядом с ним кто-то взял коробок спичек.

— Значит, я все увижу, — с огромной радостью

сказал он себе.

Чиркнула спичка. Зажглась свеча.

Люпен почувствовал, как по его коже с головы до ног струится пот, и вместе с тем сердце его почти перестало биться, замерев от ужаса. *Рядом находился человек*.

Возможно ли это? Нет, нет… А между тем *он видел*… О! Ужасающая картина!..

Человек, чудовище находилось тут.

— Я не хочу… Я не хочу… — в ужасе пробормотал Люпен.

Чудовище было тут, человек, одетый в черное, с маской на лице, в мягкой шляпе с опущенными полями на светлых волосах.

— О! Я вижу сон… я вижу сон, — со смехом произнес Люпен, — это кошмар…

Напрягшись изо всех сил, он попытался сделать хоть одно движение, одно-единственное, которое прогнало бы призрак.

И не смог.

И вдруг он вспомнил: чашка кофе! Вкус этого питья… похожий на вкус кофе, который он выпил в Вельденце… Он издал крик, сделал последнее усилие и в изнеможении упал на постель.

Но в своем бреду он успел почувствовать, как человек освободил ворот его рубашки, обнажил

ему горло и поднял руку, и он увидел, что рука эта сжимается на рукоятке кинжала, маленького стального кинжала, похожего на тот, который нанес удары господину Кессельбаху, Шапману, Альтенхайму и стольким другим…

III

Несколькими часами позже Люпен пробудился, разбитый усталостью, с горечью во рту.

Пару минут он пытался собрать свои мысли и вдруг, все вспомнив, инстинктивно поднял руку, чтобы защититься, словно на него нападали.

— Какой же я дурак, — воскликнул он, соскакивая с кровати. — Это кошмар, галлюцинация. Достаточно хорошенько подумать. Если бы это был *он, если бы действительно* это был человек из плоти и крови, который этой ночью поднял на меня руку, то он зарезал бы меня, как цыпленка. *Тот* не колеблется. Будем логичны. Почему он пощадил меня? Ради моих прекрасных глаз? Нет, я видел сон, вот и все.

Он стал насвистывать и оделся, изображая величайшее спокойствие, однако ум его не переставал работать, а глаза — искать…

На полу, на подоконнике — никаких следов. Поскольку его комната находилась на первом

этаже, а спал он с открытым окном, было очевидно, что враг пришел бы оттуда.

Однако он ничего не обнаружил ни под окном, ни у подножия внешней стены, на песке аллеи, окаймлявшей замок.

— И тем не менее… тем не менее, — повторял он сквозь зубы.

Он позвал Октава.

— Где ты готовил кофе, который дал мне вчера вечером?

— В замке, патрон, как и все остальное. Здесь нет плиты.

— Ты пил этот кофе?

— Нет.

— Ты выбросил все, что было в кофейнике?

— Ну конечно, патрон. Вы сочли его таким скверным. Смогли выпить всего несколько глотков.

— Хорошо. Подготовь автомобиль. Мы уезжаем.

Люпен был не тот человек, чтобы мириться с сомнениями. Он жаждал решительного объяснения с Долорес. Но прежде требовалось прояснить некоторые вопросы, казавшиеся неясными, и увидеть Дудвиля, который прислал ему из Вельденца довольно странные сведения.

Люпен велел незамедлительно доставить себя в великое герцогство, куда добрался к двум часам. Там он встретился с графом Вальдемаром и под каким-то предлогом попросил его отложить поездку делегатов регентства в Брюгген. Потом пошел на встречу с Жаном Дудвилем в одну из местных таверн.

Дудвиль отвел его в другую таверну, где представил ему маленького господина, довольно бедно одетого: Герра Стокли, служащего архивов гражданского состояния.

Беседа была долгой. Ушли они вместе, и все трое украдкой проследовали по кабинетам ратуши. В семь часов Люпен отужинал и уехал. В десять часов прибыл в замок Брюггена и спросил Женевьеву, чтобы вместе с ней попасть в комнату госпожи Кессельбах.

Ему ответили, что мадемуазель Эрнемон вызвали в Париж телеграммой от бабушки.

— Ладно, — сказал он, — но госпожу Кессельбах можно увидеть?

— Мадам удалилась сразу после ужина. Должно быть, она спит.

— Нет, я заметил свет в ее будуаре. Она примет меня.

Впрочем, он не стал дожидаться ответа госпожи

Кессельбах. В будуар он вошел почти сразу вслед за служанкой и, отослав ее, обратился к Долорес:

— Мне нужно поговорить с вами, мадам, это срочно… извините меня… Признаю, что мой поступок может показаться вам неуместным… Но вы поймете, я в этом уверен…

Он был крайне возбужден и, похоже, не расположен откладывать объяснение, тем более что на входе ему послышался какой-то шум.

Однако Долорес была одна. Она лежала и усталым голосом сказала ему:

— Быть может, мы могли бы… завтра…

Он не ответил, внезапно пораженный запахом, который удивил его в женском будуаре, запахом табака. И сразу же у него появилось предчувствие, даже уверенность, что там находился какой-то мужчина в тот самый момент, когда сам он входил, и что мужчина все еще находится здесь, где-то спрятавшись… Пьер Ледюк? Нет, Пьер Ледюк не курил. Тогда кто же?

Долорес прошептала:

— Прошу вас, покончим с этим.

— Да, да, но прежде… не могли бы вы сказать мне?..

Он умолк. К чему спрашивать ее? Если тут действительно прятался какой-то мужчина, разве

она выдаст его?

Тогда он решился и, пытаясь преодолеть угнетавшее его опасливое смущение от ощущения чужого присутствия, произнес тихонько, так, чтобы услышала только Долорес:

— Послушайте, я узнал одну вещь… которой я не понимаю… и которая глубоко волнует меня. Необходимо ответить мне, Долорес.

Он произнес это имя с величайшей нежностью, словно пытаясь повлиять на нее дружелюбием и лаской своего голоса.

— Что это за вещь? — спросила она.

— В регистрационной книге гражданского состояния Вельденца значатся три имени, это имена последних потомков семьи Мальреш, обосновавшейся в Германии…

— Да, вы мне об этом рассказывали…

— Это прежде всего Рауль де Мальреш, более известный под псевдонимом Альтенхайм, бандит, апаш высшего света — ныне покойный… убитый.

— Да.

— Затем Луи де Мальреш, чудовище, ужасный убийца, тот, кто через несколько дней будет обезглавлен.

— Да.

— Затем Изильда, безумная…

— Да.

— Таким образом, все это установлено, не так ли?

— Да.

— Так вот, — продолжал Люпен, еще больше наклоняясь к ней, — из расследования, которое я предпринял недавно, явствует, что второе из трех имен, Луи, или, вернее, часть строки, в которую оно было вписано, некогда подчистили. Сверху появилась новая запись, которая, однако, не закрыла полностью того, что было написано прежде. Таким образом…

— Таким образом?.. — тихим голосом произнесла госпожа Кессельбах.

— Таким образом, с помощью хорошей лупы и особых методов, которыми я располагаю, мне удалось восстановить некоторые из стертых слогов и безошибочно, со всей достоверностью, определить прежнюю запись. Так вот, там обнаруживается не Луи де Мальреш, а…

— О! Молчите, молчите…

Внезапно сломленная слишком долгим усилием сопротивления, которое она оказывала, госпожа Кессельбах согнулась и, обхватив голову руками, сотрясаясь всем телом, заплакала.

Люпен долго взирал на это беспечное и слабое существо, столь жалкое, столь растерянное. И ему захотелось замолчать, прекратить мучительный допрос, который он ей навязывал.

Но разве он действовал так не для того, чтобы спасти ее? И чтобы спасти ее, разве не требовалось ему узнать правду, какой бы болезненной она ни была?

Поэтому он продолжал:

— Зачем этот подлог?

— Это мой муж, — пролепетала она, — он сделал это. С его-то деньгами он мог все, и перед нашим бракосочетанием добился от мелкого служащего, чтобы в регистрационной книге изменили имя второго ребенка.

— Имя и пол, — заметил Люпен.

— Да, — сказала она.

— Так, значит, — продолжал он, — я не ошибся: прежнее имя, настоящее, было Долорес? Но почему ваш муж?..

— Вы не понимаете?

— Нет.

— Но посудите сами, — с дрожью в голосе сказала она, — я была сестрой безумной Изильды, сестрой бандита Альтенхайма. Мой муж или, вернее, мой жених не хотел, чтобы я оставалась

такой. Он любил меня. Я тоже любила его, и я согласилась. Он вымарал в регистрационной книге Долорес де Мальреш, он купил мне другие документы, другую личность, другое свидетельство о рождении, и я вышла замуж в Голландии под другим девичьим именем, Долорес Амонти.

Поразмыслив с минуту, Люпен задумчиво произнес:

— Да… да… я понимаю… Но тогда Луи де Мальреша не существует и убийца вашего мужа, убийца вашей сестры и вашего брата зовется иначе… Его имя…

Распрямившись, она поспешила сказать:

— Его имя! И все-таки это его имя… Да, он так зовется… Луи де Мальреш… Л и М… Запомните… Ах, не доискивайтесь, это ужасный секрет… И потом, какое это имеет значение?.. Виновный в тюрьме… Он виновен… Говорю вам… Разве он отпирался, когда я бросила ему обвинения прямо в лицо? Разве он мог отпираться под этим именем или под каким-либо другим? Это он… это он… Он убил… он нанес удар… Кинжал… стальной кинжал… Ах, если бы можно было сказать все!.. Луи де Мальреш… Если бы я могла…

В нервном приступе она упала в кресло. Ее рука судорожно ухватилась за руку Люпена, и он услы-

шал, как средь невнятных слов она бормочет:

— Защитите меня… защитите меня… Быть может, вы один… Ах, не покидайте меня… я так несчастна… Ах, какая пытка… Какая пытка!.. Это ад.

Свободной рукой он с бесконечной нежностью коснулся ее волос и лба, и под его лаской она мало-помалу расслабилась и успокоилась.

Тогда он снова взглянул на нее и долго, долго вопрошал себя, что могло скрываться за этим прекрасным, чистым челом, какой секрет опустошал эту таинственную душу? Она тоже боялась. Но кого? От кого она умоляла защитить ее?

В который раз его снова одолевал образ черного человека, этого Луи де Мальреша, мрачного и непостижимого врага, атакам которого ему приходилось противостоять, не зная, откуда они придут и придут ли они.

Пускай он в тюрьме, день и ночь под надзором… эка невидаль! Люпену ли не знать, по собственному опыту, что есть люди, для которых тюрем не существует и которые освобождаются от оков в предначертанный час? А Луи де Мальреш был из их числа.

Да, кто-то в тюрьме Санте занимал место в камере смертников. Но это мог быть сообщник

или какая-то жертва Мальреша… в то время как сам Мальреш бродил вокруг замка Брюггена, скользил, словно невидимый призрак, под прикрытием темноты, проникал в шале и ночью поднимал свой кинжал на Люпена, усыпленного и парализованного.

И не кто иной, как Луи де Мальреш, терроризировал Долорес, сводил ее с ума своими угрозами, держал ее в руках в силу какого-то страшного секрета и принуждал к молчанию и повиновению.

Люпен воображал себе план врага: бросить растерянную и дрожащую Долорес в объятия Пьера Ледюка, убить его, Люпена, и править вместо него, используя власть великого герцога и миллионы Долорес.

Версия вероятная, версия достоверная, которая соответствовала событиям и давала объяснение всем проблемам.

— Всем? — сам себе возражал Люпен. — Да… Но тогда почему он меня не убил этой ночью в шале? Ему оставалось только захотеть, а *он не захотел*. Одно движение, и я был бы мертв. Этого движения он не сделал. Почему?

Долорес открыла глаза, увидела его и слабо улыбнулась.

— Оставьте меня, — сказала она.

Люпен в нерешительности встал. Стоит ли проверять, не прячется ли враг за занавеской или за платьями в шкафу?

Она тихо повторила:

— Ступайте… Я буду спать…

И он ушел.

Однако снаружи он остановился под деревьями, которые образовывали темную чащу перед фасадом дворца. В будуаре Долорес он увидел свет. Потом свет переместился в спальню. Через несколько минут наступила тьма.

Он подождал еще. Если враг находился там, то, возможно, он выйдет из замка?

Прошел час… два часа… Никакого движения.

«Ничего не поделаешь, — подумал Люпен. — Либо он прячется в каком-нибудь углу в замке… либо вышел через дверь, которой не видно отсюда… Если только все это не самая нелепая из моих версий…»

Закурив сигарету, он направился к шале.

Когда он подошел поближе, то заметил, опять издалека, некую тень, которая, казалось, удалялась оттуда.

Он замер, опасаясь спугнуть врага.

Тень пересекла аллею. При проблеске света Люпену почудилось, будто он узнал силуэт Маль-

реша.

Он устремился вперед.

Тень бросилась бежать и исчезла.

— Ладно, — сказал он себе, — отложим до завтра. И на этот раз…

IV

Люпен вошел в комнату Октава, своего шофера, и приказал ему:

— Возьми автомобиль. Тебе надо быть в Париже в шесть часов утра. Ты встретишься с Жаком Дудвилем и велишь ему: первое — сообщить мне новости о приговоренном к смерти; второе — как только откроются почтовые отделения, отправить мне телеграмму, составленную таким образом…

Он написал текст телеграммы на листке бумаги и добавил:

— Как только выполнишь поручение, сразу вернешься, но только этим путем, вдоль стен парка. Ступай, не надо, чтобы о твоем отсутствии догадались.

Люпен отправился к себе в комнату, включил фонарь и начал тщательное обследование.

«Вот оно что, — подумал он вскоре, — сюда приходили этой ночью, пока я дежурил под окном.

И если приходили, то я подозреваю, с каким намерением… Нет, я не ошибся… Дело принимает скверный оборот… На сей раз я могу не сомневаться, быстрый удар кинжалом и…»

Из предосторожности он взял одеяло, выбрал укромный уголок парка и заснул под открытым небом.

Около одиннадцати часов утра к нему явился Октав.

— Все сделано, патрон. Телеграмма отправлена.

— Хорошо. Луи де Мальреш, он по-прежнему в тюрьме?

— По-прежнему. Вчера вечером Дудвиль проходил мимо его камеры в Санте. Оттуда вышел охранник. Они поговорили. Мальреш все тот же, похоже, молчит как рыба. Ждет.

— Чего ждет?

— Рокового часа, черт побери! В префектуре говорят, что казнь состоится послезавтра.

— Тем лучше, тем лучше, — сказал Люпен. — Яснее ясного, что он не сбежал.

Он отказывался понимать и даже искать разгадку, предчувствуя, что вскоре истина откроется ему целиком. Оставалось лишь подготовить план, чтобы враг угодил в ловушку.

«Либо чтобы я сам туда угодил», — со смехом подумал он.

Люпен был очень весел, ни о чем не заботился, и никогда еще битва не сулила ему лучших шансов на удачу.

Из замка слуга принес ему телеграмму, которую он велел Дудвилю послать себе и которую почтальон только что доставил. Он распечатал ее и положил в карман.

Незадолго до полудня Люпен встретил на аллее Пьера Ледюка и без всяких околичностей сказал ему:

— Я искал тебя… Все очень серьезно… Ты должен ответить мне со всей откровенностью. С тех пор, как ты в замке, тебе не доводилось видеть какого-нибудь мужчину, помимо немецких слуг, которых я сюда поместил?

— Нет.

— Подумай хорошенько. Речь не о каком-то посетителе. Я говорю о мужчине, который прячется, присутствие которого ты мог бы заметить, мало того, присутствие которого ты мог бы ощутить по какому-либо признаку, впечатлению.

— Нет… А вы предполагаете?..

— Да. Кто-то прячется здесь… кто-то тут бродит… Где? И кто? И с какой целью? Я не знаю…

но узнаю. У меня уже есть косвенные доказательства. Ты, со своей стороны, будь настороже… следи… А главное, ни слова госпоже Кессельбах… Не стоит ее волновать…

И он ушел.

Пьер Ледюк, озадаченный, потрясенный, продолжил путь к замку.

На лужайке он увидел синий листок и подобрал его. То была телеграмма, не скомканная, как выброшенная бумага, но аккуратно сложенная — очевидно, потерянная.

Она была адресована господину Мони, такое имя носил Люпен в Брюггене. В ней были следующие слова:

> *Знаем всю правду. Сведения письмом невозможны. Сегодня вечером выезжаю поездом. Встреча завтра утром в восемь часов на вокзале Брюггена.*

— Превосходно! — сказал себе Люпен, следивший из ближайших зарослей за действиями Пьера Ледюка. — Превосходно! Не пройдет и двух минут, как этот молодой идиот покажет телеграмму Долорес и расскажет ей обо всех моих опасениях. Они проговорят об этом весь день, и *тот* услышит, *тот* узнает, поскольку он

знает все, он живет в тени Долорес и Долорес в его руках, словно околдованная дичь… Сегодня вечером он примется за дело, опасаясь секрета, который должны мне открыть…

Напевая, он удалился.

«Этим вечером… этим вечером… потанцуем… Этим вечером… Какой вальс, друзья мои! Кровавый вальс под музыку маленького никелированного кинжала… Наконец-то мы посмеемся».

У входа в шале он позвал Октава, поднялся в свою комнату, бросился на кровать и сказал шоферу:

— Садись здесь, Октав, и не спи. Твой хозяин будет отдыхать. Позаботься о нем, верный слуга.

И он заснул крепким сном.

— Как Наполеон утром перед Аустерлицким сражением, — молвил он, пробудившись.

Было уже время ужина. Люпен плотно поел, потом, раскуривая сигарету, осмотрел свое оружие, перезарядил револьверы.

— «Порох сухой и шпага острая», как говорил мой приятель кайзер… Октав!

Прибежал Октав.

— Ступай ужинать в замок вместе со слугами. Сообщи, что ты едешь этой ночью в Париж на автомобиле.

— С вами, патрон?

— Нет, один. И как только закончится трапеза, ты действительно уедешь у всех на виду.

— Но в Париж я не поеду?

— Нет, ты будешь ждать на дороге за пределами парка, на расстоянии километра… пока я не приду. Это случится не скоро.

Он выкурил еще одну сигарету, прогулялся, прошел мимо замка, увидел свет в апартаментах Долорес, потом вернулся в шале.

Там он взял книгу. Это были «Сравнительные жизнеописания» знаменитых людей.

— Недостает одного, причем самого знаменитого, — заметил он. — Но будущее не за горами. Оно все расставит по своим местам. И рано или поздно я получу своего Плутарха.

Он прочитал «Жизнеописание Цезаря» и оставил на полях несколько заметок.

В половине двенадцатого он поднялся наверх.

Наклонившись, Люпен вглядывался через открытое окно в бескрайность ночи, ясной и звонкой, трепещущей от невнятных звуков. На губах его ожили воспоминания, воспоминания о любовных фразах, которые он читал или произносил, и несколько раз он назвал имя Долорес с пылкостью юноши, который едва осмеливается

доверить безмолвию имя своей возлюбленной.

— Пора, — сказал он, — приготовимся.

Он оставил окно приоткрытым, отодвинул преграждавший путь круглый столик и положил под подушку свое оружие. Потом спокойно, без малейшего волнения лег на кровать полностью одетый и задул свечу.

И подступил страх.

Это произошло немедленно. Как только его окутала тьма, подступил страх.

— Черт побери! — воскликнул Люпен.

Соскочив с кровати, он взял свое оружие и выбросил его в коридор.

— Мои руки, только мои руки! Нет ничего надежнее кольца моих рук!

Он лег. Снова мрак и молчание. И снова страх, затаенный, неотступный, всепоглощающий…

Двенадцать ударов на часах в деревне.

Люпен думал о гнусном существе, которое там, в ста метрах, в пятидесяти метрах от него готовилось, пробовало заточенное острие своего кинжала…

— Пусть приходит!.. Пусть приходит! — с дрожью шептал он. — И призраки развеются…

На деревенских часах пробило час.

И потянулись минуты, нескончаемые мину-

ты, минуты горячки и ужаса… У корней волос выступили капли пота и покатились по лбу, а Люпену казалось, что это кровавый пот заливает его целиком…

Два часа…

И вот где-то, совсем рядом, что-то дрогнуло, неуловимый звук, шелест потревоженных листьев… и это не был шелест листьев, которые колышет дыхание ночи…

Как и предвидел Люпен, на него мгновенно снизошел безграничный покой. Вся его натура великого авантюриста содрогнулась от радости. Это была борьба, наконец-то!

Под окном опять скрипнуло, более отчетливо, но все еще так слабо, что требовался натренированный слух Люпена, чтобы уловить этот звук.

Минуты, ужасающие минуты… Тьма стояла непроницаемая. Ни единый луч звезды или луны не пробивал ее.

И вдруг, решительно ничего не услышав, он *осознал*, что человек уже в комнате.

И человек направлялся к кровати. Он шел, как ходит призрак, не перемещая воздух комнаты и не колебля предметов, которых касался.

Однако всем своим чутьем, всею силой нервов Люпен видел жесты врага и угадывал даже после-

довательность его мыслей.

Сам он не шевелился, упершись в стену и чуть ли уже не на коленях, готовый вскочить.

Он почувствовал, как тень коснулась его, ощупывая простыни кровати, дабы найти место, куда нанести удар. Люпен уловил дыхание. Ему даже почудилось, будто он слышит биение чужого сердца. И с гордостью отметил, что его собственное сердце не стало биться сильнее… в то время как сердце другого… О да! Как он слышал его, это необузданное, обезумевшее сердце, которое, словно язык колокола, ударялось в грудную клетку.

Рука *того* поднялась…

Секунда, две секунды…

Неужели он колеблется? Неужели опять пощадит своего противника?

И Люпен произнес в полнейшей тишине:

— Да бей же! Бей!

Крик ярости… Рука резко опустилась, словно отпущенная пружина.

Потом стон.

Эту руку Люпен схватил на лету, на уровне запястья… И, ринувшись с кровати, грозный, неодолимый, схватил человека за горло и опрокинул.

И это все. Борьбы не было. Да никакой борьбы

и не могло быть. Человек оказался на полу, пригвожденный, прикованный двумя стальными заклепками, руками Люпена. И не было в мире человека такой силы, чтобы суметь освободиться от этого объятия.

И ни единого слова! Люпен не произнес ни одного из тех слов, в которых обычно с удовольствием находил выражение его насмешливый пыл. Ему не хотелось говорить. Минута была слишком торжественной.

Его не волновала пустая горделивая радость, пустое победоносное возбуждение. По сути, ему лишь не терпелось узнать, кто это был… Луи де Мальреш, приговоренный к смерти? Другой? Кто?

Рискуя задушить человека, он еще немного сжал его горло, и еще немного, и еще.

Люпен почувствовал, как сила врага, все, что оставалось от этой силы, покидает его. Мускулы расслабились, стали безжизненными. Рука раскрылась и выпустила кинжал.

Тогда, ощутив свободу, поскольку жизнь противника зависела от страстных тисков его пальцев, Люпен взял карманный фонарь, не нажимая, положил свой указательный палец на кнопку и поднес фонарь к лицу поверженного человека.

Ему оставалось лишь нажать на кнопку, лишь захотеть, и он узнает.

Секунду он наслаждался своим могуществом. Его захлестнула волна чувств. Видение своего торжества ослепило его. В который раз горделиво и героически он стал Властелином.

Сухим щелчком Люпен включил свет. И увидел лицо чудовища.

Он взвыл от ужаса.

Долорес Кессельбах!

Убийца

I

В голове Люпена поднялся ураган, циклон: раскаты грома, порывы ветра, шквалы разбушевавшейся стихии бесновались в ночном хаосе.

И яркие вспышки молнии порой прорезали тьму. И при огненном свете этих вспышек Люпен, растерявшийся, сотрясаемый дрожью, оцепеневший от ужаса, взирал и пытался понять.

Он не шевелился, вцепившись в горло врага, словно его одеревеневшие пальцы не могли уже разомкнуть свое кольцо. Впрочем, хотя теперь он *знал*, у него, можно сказать, не сложилось определенного впечатления, что это Долорес. Это все еще был черный человек, Луи де Мальреш, гнусный зверь мрака, и этого зверя он держал и уже не отпустит его.

Однако истина ринулась на приступ его сознания и совести, и, побежденный, терзаемый неизбывной тоской, он прошептал:

— О! Долорес… Долорес…

И сразу же Люпен нашел оправдание: безумие. Она была безумной. Сестра Альтенхайма

и Изильды, дочь последних Мальрешей, сумасшедшей матери и пьяницы-отца, она сама была безумной. Странной безумной, безумной со всей видимостью разума, но все-таки безумной, неуравновешенной, больной, за пределами естества, поистине чудовищной.

С непререкаемой уверенностью он это понял! То было безумие преступления. Одержимая единственной целью, к которой шла машинально, она убивала, алча крови, лишенная сознания и страшная.

Она убивала, потому что чего-то хотела, убивала, чтобы защититься, убивала, чтобы скрыть свое убийство. Но убивала еще и для того, чтобы *убить*, и это главное. Убийство удовлетворяло ее внезапные и непреодолимые желания.

В определенные моменты жизни, при некоторых обстоятельствах, перед лицом какого-то существа, ставшего вдруг противником, необходимо было, чтобы ее рука наносила удар.

И она наносила удар, вне себя от ярости, жестоко, неистово.

Странная, безумная, не отвечающая за свои убийства и вместе с тем столь здравая в своем ослеплении! Столь логичная в своем душевном смятении! Столь сообразительная в своей неле-

пости! Какая ловкость! Какое упорство! Какие комбинации, отвратительные и вместе с тем восхитительные!

И в мгновенном видении Люпен с необычайной проницательностью разглядел длинный ряд кровавых историй и разгадал таинственные пути, по которым следовала Долорес.

Он видел ее, оказавшуюся во власти проекта мужа и одержимую этим проектом, о котором, очевидно, она знала лишь частично. Он видел ее, тоже разыскивающей того самого Пьера Ледюка, которого преследовал ее муж, дабы выйти за него замуж и вернуться королевой в то маленькое королевство Вельденца, откуда постыдно были изгнаны ее родители.

И он видел ее в «Палас-отеле», в номере ее брата Альтенхайма, в то время как считали, что она в Монте-Карло. Он видел, как она на протяжении долгих дней следила за мужем, пробираясь вдоль стен, растворяясь в потемках, незамеченная и неразличимая в своем сумрачном одеянии.

И однажды ночью, обнаружив господина Кесселльбаха связанным, она нанесла удар.

И утром, под угрозой быть разоблаченной лакеем, она нанесла удар.

А час спустя, под угрозой быть разоблаченной

Шапманом, она увлекла его в номер своего брата и тоже нанесла удар.

Все это — без жалости, свирепо, с дьявольской ловкостью.

С такой же точно ловкостью она переговаривалась по телефону с двумя горничными, Гертрудой и Сюзанной, которые только что прибыли из Монте-Карло, где одна из них исполняла роль своей хозяйки. И Долорес, снова надев женскую одежду и выбросив белокурый парик, делавший ее неузнаваемой, присоединилась к Гертруде в ту минуту, когда та входила в отель, и сделала вид, будто она тоже только что приехала и еще не знает об ожидавшем ее несчастье.

Непревзойденная притворщица, она изображала супругу, чья жизнь разбита. Ее жалели. Ее горе оплакивали. Кто мог ее заподозрить?

И тогда началась война с ним, Люпеном, та жестокая война, та неслыханная война, которую она вела по очереди против господина Ленормана и князя Сернина, днем — на шезлонге, болезненная, изнемогающая, а ночью — неустанно бегая, неутомимая и ужасающая.

То были дьявольские комбинации, когда Гертруда и Сюзанна, запуганные и порабощенные, и та и другая, служили ей посланницами, возмож-

но, вроде нее переодеваясь в мужскую одежду, как в тот день, когда прямо во Дворце правосудия бароном Альтенхаймом был похищен старик Стейнвег.

То был целый ряд преступлений. Утопленный Гурель. Зарезанный Альтенхайм, ее брат. О! Беспощадная борьба в подземных переходах виллы «Глицинии», невидимая работа чудовища во тьме — сегодня все это становилось таким ясным!

И это она сорвала с него маску князя, она донесла на него, она бросила его в тюрьму, она разрушала все его планы, расходуя миллионы, чтобы выиграть битву.

Дальше события разворачивались стремительно. Сюзанна с Гертрудой исчезли, они, безусловно, мертвы! Стейнвег убит! Изильда, сестра, убита!

— О, гнусность, кошмар! — пробормотал Люпен в порыве отвращения и ненависти.

Он ненавидел это мерзкое создание. Ему хотелось раздавить его, уничтожить. До чего странная вещь — эти два существа, вцепившиеся друг в друга, неподвижно распростертые в бледных лучах зари, проникавших сквозь мрак ночи.

— Долорес… Долорес… — в отчаянии прошептал Люпен.

Изнемогая от ужаса, с блуждающим взглядом,

он отскочил назад. Что? Что с ним такое? Что это за гнусное ощущение холода, леденящее его руки?

— Октав! Октав!.. — позвал он, забыв об отсутствии шофера.

На помощь! Ему нужна была помощь! Кто-нибудь, кто успокоил бы и помог ему. Он дрожал от страха. О! Этот холод смерти, который он ощущал. Возможно ли это?.. Так, значит, в течение последних трагических минут он своими судорожно сжатыми пальцами…

С неистовой силой он заставил себя взглянуть на Долорес. Она не шевелилась.

Бросившись на колени, он прижал ее к себе.

Она была мертва.

Несколько мгновений он пребывал в оцепенении, в котором, казалось, растворялась его боль. Он уже не страдал. Он не испытывал больше ни ярости, ни ненависти, вообще никаких чувств… ничего, кроме тупого изнеможения, ощущения человека, получившего удар дубиной, человека, который не знает, жив ли он еще, способен ли он мыслить или стал жертвой кошмара.

Между тем ему казалось, что произошло нечто справедливое, и у него ни на секунду не возникло мысли, что это он убил Долорес. Нет, это был не

он. Это произошло помимо него и его воли. Это судьба, неумолимая судьба совершила справедливое дело, уничтожив вредоносного зверя.

Снаружи пели птицы. Пробуждалась жизнь под старыми деревьями, которые весна готовилась украсить цветами. И Люпен, приходя в себя, ощутил, как мало-помалу в нем зарождается непостижимое и нелепое сочувствие к несчастной женщине — отвратительной, безусловно, гнусной и многократно преступной, но такой еще молодой и которой уже не стало.

И он подумал о муках, которые она должна была испытывать в минуты просветления; когда разум возвращался, чудовищной безумице открывались зловещие видения ее поступков.

«Защитите меня… я так несчастна!» — молила она.

Вопреки самой себе она просила, чтобы ее защитили от хищных инстинктов, от чудовища, которое жило в ней и которое вынуждало ее убивать, всегда убивать.

— Всегда? — задался вопросом Люпен.

И ему вспомнился позавчерашний вечер, когда, склонившись над ним с поднятым кинжалом, поднятым над врагом, который уже не один месяц неотступно преследовал ее, над неутомимым

врагом, который довел ее до всех злодеяний, она в тот вечер не стала убивать. Хотя это было легко: враг лежал неподвижный и беспомощный. Беспощадной борьбе разом пришел бы конец. Нет, она не стала убивать, повинуясь, и она тоже, чувствам более сильным, чем ее жестокость, смутным чувствам симпатии и восхищения к тому, кто так часто превосходил ее.

Нет, на этот раз она не стала убивать. И вот теперь, в силу поразительного поворота судьбы, теперь это он убил ее.

«Я убил, — думал он, содрогаясь с головы до ног. — Мои руки уничтожили живое существо, и это существо — Долорес!.. Долорес… Долорес…»

Он не переставал повторять ее имя, скорбное имя, и не переставал смотреть на нее, печальную, безжизненную, теперь безобидную, несчастный лоскут плоти без сознания, вроде кучки опавших листьев или птенчика, раздавленного на обочине дороги.

О, разве мог он не содрогнуться от сочувствия, поскольку, сойдясь лицом к лицу с ней, теперь он был убийцей, а она лишь жертвой?

— Долорес… Долорес… Долорес…

Рассвет застал его сидящим возле мертвой, он вспоминал и раздумывал, а губы его тем време-

нем произносили скорбные звуки… Долорес… Долорес…

Однако необходимо было действовать, а при подобном крахе его замыслов он уже не знал, в каком направлении действовать и с чего начать.

— Прежде всего закроем ей глаза, — сказал он себе.

Пустые, заполненные небытием, эти прекрасные с золотинкой глаза все еще сохраняли грустную ласку, придававшую им такое очарование, возможно ли, чтобы они были глазами чудовища? Перед лицом неумолимой действительности Люпен, несмотря ни на что, все еще не мог соединить в одном персонаже эти два существа, образы которых были столь несовместимы в его помыслах.

Поспешно наклонившись над ней, он опустил длинные шелковистые ресницы и прикрыл жалкое, сведенное судорогой лицо.

И тут ему почудилось, будто Долорес отдаляется, а здесь, рядом с ним — черный человек в своем темном платье, в обличье убийцы.

Он решился коснуться этого человека и пощупал его одежду.

Во внутреннем кармане находилось два бумажника. Он взял один из них и открыл его.

Сначала он обнаружил письмо, подписанное Стейнвегом, старым немцем.

В нем содержались такие строки:

Если я умру прежде, чем открою ужасный секрет, пусть знают: убийца моего друга Кессельбаха – его жена, ее настоящее имя Долорес де Мальреш, она сестра Альтенхайма и Изильды.

Инициалы Л и М относятся к ней. Никогда в семейной жизни Кессельбах не называл жену Долорес, именем скорби и боли, он звал ее Летиция, что означает радость. «Л» и «М» – Летиция де Мальреш – таковы были инициалы, украшавшие все подарки, которые он дарил ей, например, портсигар, найденный в «Палас-отеле» и принадлежащий госпоже Кессельбах. Во время своих путешествий она приобрела привычку курить.

Летиция! Она действительно была его радостью в течение четырех лет, четырех лет обманов и лицемерия, когда она готовила смерть того, кто любил ее с такой добротой и доверием.

Возможно, я должен был заговорить

сразу же. У меня не хватило на это духу в память о моем старинном друге Кессельбахе, чье имя она носила.

И потом, я боялся… В тот день, когда я разоблачил ее во Дворце правосудия, я прочел в ее глазах свой смертный приговор.

Спасет ли меня моя слабость?

«И его тоже, — подумал Люпен, — его тоже убила она!.. Черт возьми, он слишком много знал!.. Инициалы… Это имя — Летиция… тайную привычку курить…»

И ему вспомнилась последняя ночь, этот запах табака в комнате.

Он продолжал исследовать первый бумажник.

Там были кое-какие письма на шифрованном языке, наверняка передаваемые Долорес сообщникам во время их сумрачных встреч…

Были также адреса на клочках бумаги, адреса портных и модисток, но и адреса притонов, подозрительных отелей… А также имена… двадцать, тридцать имен, имена странные: Гектор, Мясник, Арман де Гренель, Больной…

Внимание Люпена привлекла одна фотография. Он пригляделся к ней. И тут же, отбросив бумажник, словно приведенный в движение некой

пружиной, бросился вон из комнаты, из шале и устремился в парк.

Он узнал лицо Луи де Мальреша, узника тюрьмы Санте.

И только тогда, только в эту минуту вспомнил: казнь должна состояться на следующий день.

И поскольку черным человеком, убийцей был не кто иной, как Долорес, Луи де Мальреш действительно звался Леоном Массье, и он был невиновен.

Невиновен? Но найденные у него улики, письма императора и все то, что бесспорно обвиняло его, все эти неопровержимые доказательства?

С пылающей головой Люпен на мгновение остановился.

— О! — воскликнул он. — Я тоже схожу с ума. И все-таки необходимо действовать… ведь завтра его казнят… Завтра… завтра на рассвете…

Он достал свои часы.

— Десять часов… Сколько времени мне понадобится, чтобы оказаться в Париже? Так… я буду там сегодня… да, сегодня я там буду, так надо… И сегодня же вечером я приму меры, чтобы помешать… Но какие меры? Как доказать невиновность?.. Как помешать казни? Э-э! Неважно!.. Добравшись туда, я разберусь. Разве я зовусь не Люпеном?..

Тогда вперед…

Он снова бросился бежать и, войдя в замок, позвал:

— Пьер! Вы не видели Пьера Ледюка? А-а, вот и ты… Послушай…

Он отвел его в сторону и отрывисто, повелительно произнес:

— Послушай, Долорес нет… Да, срочная поездка… Она уехала этой ночью на моем автомобиле… Я тоже еду… Да замолчи ты! Ни слова… каждая потерянная секунда — это непоправимо. Ты должен без объяснений отослать всех слуг. Вот деньги, через полчаса в замке не должно быть никого. И чтобы никто туда не входил до моего возвращения!.. Ты тоже, слышишь… Я запрещаю тебе туда входить… Я потом все объясню… причины серьезные. Вот, возьми ключ… Ты подождешь меня в деревне…

И он снова бросился бежать.

Через десять минут он нашел Октава и, вскочив в свой автомобиль, сказал:

— В Париж.

II

Это путешествие стало поистине соревнованием со смертью.

Полагая, что Октав ведет машину недостаточно быстро, Люпен сам сел за руль, и началась беспорядочная, головокружительная гонка. По дорогам, в деревнях, на многолюдных улицах городов они мчались со скоростью сто километров в час. Оказавшиеся на пути прохожие в ярости вопили вслед автомобилю, но тот был уже далеко… исчез.

— Патрон, — бормотал смертельно бледный Октав, — мы погибнем.

— Ты — возможно, автомобиль — возможно, но я доберусь, — отвечал Люпен.

У него было такое ощущение, будто это не машина его несет, а он несет машину, и будто он преодолевает пространство своими собственными силами, собственной волей. Так сможет ли какое-либо чудо преградить ему путь, раз его силы неистощимы, а воля не имеет границ?

— Я доберусь, потому что должен добраться, — твердил он.

Он думал о человеке, который умрет, если он не доберется вовремя, чтобы спасти его, думал о таинственном Луи де Мальреше, таком обескураживающем со своим упорным молчанием и замкнутым лицом. И в дорожной сутолоке, под сенью деревьев, шум веток которых напоминал

ярость разбушевавшихся волн, в смятении мыслей Люпен пытался, однако, выстроить некую версию. И версия мало-помалу вырисовывалась, логичная, невероятная, достоверная, — говорил он себе теперь, когда знал страшную правду о Долорес и смутно угадывал все возможности и гнусные замыслы этого расстроенного ума.

«Ну конечно, это она задумала против Мальреша самую ужасную из своих махинаций. Чего она хотела? Выйти замуж за Пьера Ледюка, которого заставила влюбиться в себя, и стать властительницей маленького королевства, из которого была изгнана. Цель была достижима и ей по силам. Единственное препятствие… я, я, который на протяжении многих недель неустанно преграждал ей путь; я, которого она вновь встречала после каждого преступления, я, чьей проницательности она опасалась, я, кто не успокоился бы до тех пор, пока не обнаружил виновного и не отыскал украденных писем императора…

Ну что ж, раз мне требовался виновный, виновным станет Луи де Мальреш, или, вернее, Леон Массье. Кто такой этот Леон Массье? Знала ли она его до своего замужества? Любила ли его? Это вполне вероятно, но наверняка этого никто не узнает. Зато ясно одно — Долорес поразило

сходство ее роста и манер с Леоном Массье, которого она могла добиться, облачаясь, подобно ему, в черное и обзаведясь светлым париком. Она изучила странную жизнь этого одинокого человека, его ночные прогулки, его обычай ходить по улицам и сбивать со следа тех, кто мог следить за ним. Обдумав все это, она в предвидении возможного случая скорее всего посоветовала господину Кессельбаху стереть в регистрационных книгах гражданского состояния имя Долорес, заменив его именем Луи, с тем, чтобы инициалы в точности совпали с инициалами Леона Массье.

Пришло время действовать, и она замыслила свой заговор и осуществила его. Леон Массье проживает на улице Делезман? Она велит своим сообщникам обосноваться на параллельной улице. И сама указывает мне адрес метрдотеля Доминика, направляя меня по следу семерых бандитов, прекрасно зная, что, взяв след, я пойду до конца, то есть не остановлюсь на семерых бандитах, а доберусь до их шефа, человека, который следит за ними и направляет их, до черного человека, до Леона Массье, до Луи де Мальреша.

И действительно, сначала я добираюсь до семерых бандитов. И что дальше? Либо я буду побежден, либо мы уничтожим друг друга, как она

надеялась, в тот вечер на улице Винь. Но в любом из этих случаев Долорес избавится от меня.

Однако происходит следующее: это я захватываю семерых бандитов. Долорес убегает с улицы Винь. Я нахожу ее в сарае Старьевщика. Она направляет меня к Леону Массье, то есть к Луи де Мальрешу. Я нахожу у него письма императора, *которые она сама туда поместила*, и передаю его в руки правосудия, я сообщаю о тайном проходе между двумя сараями, *который она сама и велела соорудить*, и предоставляю все доказательства, *которые она подготовила*, я подтверждаю документами, *которые подделала она*, что подозреваемый присвоил имя Леона Массье и что на самом деле его зовут Луи де Мальреш.

И Луи де Мальреш умрет.

А Долорес де Мальреш, торжествующая, вне всяких подозрений, поскольку виновный найден, освободившаяся от своих прошлых гнусностей и преступлений — ее муж мертв, брат мертв, сестра мертва, обе ее служанки мертвы, Стейнвег мертв, — освобожденная мной от своих сообщников, которых я, связанных, отдал в руки Вебера, освобожденная, наконец, от себя самой, возведя на эшафот невинного, которым она подменила себя, Долорес победоносная, обогащенная мил-

лионами, любимая Пьером Ледюком, станет королевой».

— А-а! — в ярости воскликнул Люпен. — Этот человек не умрет. Клянусь в этом своей головой, он не умрет.

— Осторожно, патрон, — в растерянности произнес Октав, — мы подъезжаем… Это пригород… предместья…

— Какое мне до этого дело?

— Мы можем перевернуться… Мостовая скользкая… нас занесет…

— Тем хуже.

— Осторожней… Там…

— Что?

— Трамвай поворачивает…

— Пускай остановится!

— Сбавьте скорость, патрон.

— Ни за что!

— Но мы пропали…

— Проскочим.

— Не проскочим.

— Вот увидишь.

— А-а! Черт побери…

Грохот… крики… Задев трамвай, машина, отброшенная на изгородь, снесла метров десять досок и в конце концов врезалась в угол откоса.

— Шофер, вы свободны?

Это Люпен, распростертый на траве откоса, окликал проезжавшее такси.

Он поднялся, увидел свою разбитую машину, толпившихся вокруг Октава людей и прыгнул в такси.

— Площадь Бово, министерство внутренних дел… Двадцать франков чаевых.

Устроившись в глубине автомобиля, он не унимался:

— Ну нет, *он* не умрет! Нет, тысячу раз нет, не будет этого на моей совести! Довольно того, что я был игрушкой этой женщины и как мальчишка угодил в ее сети… Хватит! Никаких промашек! Я заставил арестовать этого несчастного… Осудить на смерть… Я подвел его к подножию эшафота… Но он не взойдет на него!.. Ни за что! А если взойдет, мне останется лишь пустить себе пулю в лоб!

Они приближались к городской черте. Люпен наклонился:

— Еще двадцать франков, водитель, если ты не остановишься.

У самой городской черты он крикнул:

— Служба безопасности!

Они проехали.

— Да не сбавляй скорость, черт возьми! — взвыл Люпен. — Быстрее!.. Еще быстрее! Ты боишься задеть старух? Так дави их. Я оплачу издержки.

Через несколько минут они прибыли в министерство на площади Бово.

Люпен торопливо пересек двор и поднялся по ступенькам парадной лестницы. В приемной было полно народа. Он написал на листке бумаги «Князь Сернин» и, отведя в угол одного служащего, сказал ему:

— Это я, Люпен. Ты ведь меня знаешь? Я обеспечил тебе это место, хорошую пенсию, не так ли? Так вот, ты проведешь меня немедленно. На, передай записку. Я прошу только об этом. Председатель поблагодарит тебя, можешь не сомневаться… Я тоже… Да ступай же, дурак! Валангле ожидает меня…

Через десять секунд Валангле сам появился на пороге своего кабинета и произнес:

— Пригласите «князя».

Люпен поспешил войти, быстро закрыл дверь и, не дав председателю раскрыть рта, торопливо заговорил:

— Нет, никаких фраз, вы не можете арестовать меня… Это означало бы погубить себя и скомпрометировать императора… Нет… речь не о том.

Так вот. Мальреш невиновен. Я нашел настоящего преступника… Это Долорес Кессельбах. Она мертва. У меня неоспоримые доказательства. Сомнений быть не может. Это она…

Он умолк. Валангле, казалось, ничего не понимал.

— Но послушайте, господин председатель, необходимо спасти Мальреша… Подумайте сами… судебная ошибка!.. Падет голова невиновного!.. Распорядитесь… Дополнительные сведения… да мало ли что?.. Только скорее, время не ждет.

Валангле внимательно посмотрел на него, потом подошел к столу, взял какую-то газету и протянул ему, указав пальцем на одну статью.

Взглянув на заголовок, Люпен прочитал:

Казнь чудовища. Сегодня утром приведена в исполнение смертная казнь Луи де Мальреша…

Люпен не дочитал статью. Ошеломленный, подавленный, он с отчаянным стоном рухнул в кресло.

Сколько времени провел он так? Очутившись на улице, Люпен не смог бы этого сказать. Он помнил лишь глубокое молчание, потом будто бы

снова видел Валангле, склонившегося над ним и опрыскивавшего его холодной водой, но главное, ему вспоминался глухой голос председателя, который шептал:

— Послушайте… об этом не следует говорить, не так ли? Невиновный, такое возможно, я не говорю ничего против… Но к чему разоблачения? Скандал? Одна судебная ошибка может иметь огромные последствия. Стоит ли оно того? Реабилитация? Зачем? Он даже не был осужден под своим именем. На публичное поругание было отдано имя Мальреш… То есть как раз имя виновной… Так в чем дело?

И, подталкивая понемногу Люпена к двери, он говорил ему:

— Ступайте… Возвращайтесь туда… Сделайте так, чтобы труп исчез… И чтобы не осталось следов, ясно? Ни малейшего следа всей этой истории… Я ведь могу на вас рассчитывать, правда?

И Люпен возвращался туда. Возвращался, как автомат, потому что ему приказали поступить таким образом, а своей воли у него больше не было.

На вокзале он провел в ожидании не один час. Машинально поел, взял билет и расположился в купе.

Спал он плохо, голова горела, его мучили кошмары, в промежутках смутного пробуждения он пытался понять, почему Массье не защищался.

«Это был безумец… наверняка… полусумасшедший… Он знал ее раньше… и она отравила ему жизнь… помутила его рассудок… Так не лучше ли умереть… Стоит ли защищаться?»

Объяснение удовлетворило его лишь наполовину, и он пообещал себе рано или поздно прояснить эту загадку и узнать точно, какую роль играл Массье в жизни Долорес. Но какое это имело значение теперь! Четко вырисовывался единственный факт: безумие Массье, и Люпен упорно повторял себе:

«Это был безумец… Этот Массье наверняка был сумасшедшим. Впрочем, все эти Массье — семейство сумасшедших…»

Он бредил, путая ослабевшим умом имена.

Однако когда он сошел на вокзале Брюггена, свежий утренний воздух прояснил его сознание. Внезапно все вещи стали выглядеть по-другому, и он воскликнул:

— Что ж, в конце-то концов, тем хуже! Он должен был протестовать… Я тут ни при чем… Он сам убил себя… В этой истории он всего лишь статист… Он погиб… Я сожалею… Но что поде-

лаешь!

Люпена вновь обуревала жажда деятельности. И хотя его терзало и мучило это преступление, виновником которого он, несмотря ни на что, сознавал себя, взгляд его устремлялся к будущему.

«На войне такое случается. Не станем больше об этом думать. Ничто не потеряно. Напротив! Долорес была помехой, поскольку Пьер Ледюк любил ее. Долорес мертва. Стало быть, Пьер Ледюк принадлежит мне. И, как я решил, он женится на Женевьеве! И будет править! А хозяином буду я! И Европа, Европа — моя!»

Успокоенный, исполненный внезапного доверия, он ликовал, в упоении жестикулируя на дороге, размахивал воображаемой шпагой, шпагой командира, который к чему-то стремится, приказывает и торжествует.

«Люпен, ты будешь королем! Ты станешь королем, Арсен Люпен».

В деревне Брюгген он узнал, что Пьер Ледюк обедал накануне в гостинице. С тех пор его больше не видели.

— Как, — спросил Люпен, — он не ночевал?

— Нет.

— Но куда он пошел после обеда?

— По дороге к замку.

Люпен, удивленный, удалился. Ведь он велел молодому человеку запереть двери после ухода слуг и не возвращаться туда.

Однако он сразу получил доказательство того, что Пьер ослушался его: калитка была открыта.

Войдя, он обежал замок, позвал. Никакого ответа.

Внезапно он вспомнил о шале. Кто знает! Возможно, Пьер Ледюк, беспокоясь о той, которую любил, следуя интуиции, решил обыскать шале. А там находился труп Долорес!

Встревоженный, Люпен бросился бежать.

На первый взгляд в шале, казалось, никого не было.

— Пьер! Пьер! — крикнул он.

Не услышав ни звука, он вошел в прихожую, потом в комнату, которую занимал.

На пороге он остановился как вкопанный.

Над трупом Долорес с веревкой на шее висел Пьер Ледюк, мертвый.

III

На вид невозмутимый, Люпен сжался в комок. Он не хотел предаваться отчаянию. Ни жеста, ни единого резкого слова. После ужасных ударов, которые обрушила на него судьба, после преступ-

лений и смерти Долорес, после казни Массье, после стольких потрясений и бед он ощущал неодолимую потребность сохранять полнейшее самообладание. Иначе разум его померкнет.

— Идиот, — молвил он, показывая кулак Пьеру Ледюку, — круглый идиот, ты не мог подождать? Не прошло бы и десяти лет, как мы вернули бы Эльзас-Лотарингию.

Чтобы отвлечься, он подыскивал слова, манеру поведения, но мысли от него ускользали и голова, казалось, готова была расколоться.

— Ну нет! Нет, — воскликнул он, — этому не бывать! И Люпен тоже сумасшедший?! А-а! Нет, нет, мой милый! Пусти себе пулю в лоб, если тебе так нравится, ладно, и, по сути, я не вижу другого возможного исхода. Но Люпен маразматик, в инвалидной коляске — ни за что! Красиво, любезный, кончай красиво!

Он зашагал, притопывая ногами и высоко поднимая колени, как делают некоторые актеры, изображая безумие, и при этом изрекал:

— Храбрись, старина, храбрись, на тебя смотрят боги. Выше голову! И держись, черт побери! Не сдавайся! Вокруг тебя все рушится?.. Тебе-то что до этого? Полный крах, все пропало, королевство пошло прахом, я теряю Европу, вселенная

улетучивается?.. Ну и что? Так смейся же! Будь Люпеном, или дело дрянь… Давай, смейся! Еще громче… В добрый час… Боже, до чего смешно! Долорес, прощай, старушка!

Он с усмешкой наклонился, коснулся лица усопшей, пошатнулся и упал без чувств.

Через час он поднялся. Кризис миновал, и, полностью овладев собой, успокоившись, серьезный и молчаливый, Люпен стал обдумывать ситуацию.

Он чувствовал, что настал момент бесповоротных решений. За несколько дней его жизнь окончательно разладилась под натиском непредвиденных бед, обрушившихся одна за другой в ту самую минуту, когда он считал свою победу обеспеченной. Что ему теперь делать? Начать сначала? Все восстанавливать? У него не хватало духу. Что же тогда?

Все утро он бродил по парку, трагическая прогулка, во время которой ситуация представилась ему в малейших подробностях, и постепенно с неумолимой суровостью им завладела мысль о смерти.

Однако убьет он себя или останется жить, сначала ему предстояло выполнить ряд определенных вещей. И это ясно сознавал его внезапно

умиротворенный мозг.

Церковные часы пробили полдень, призывая к молитве.

— За дело, — сказал он, — и без проволочек.

Очень спокойный, он вернулся в шале, вошел в свою комнату, встал на скамеечку и перерезал веревку, на которой висел Пьер Ледюк.

— Бедняга, — сказал Люпен, — ты должен был кончить таким образом, с пеньковым галстуком на шее. Увы! Ты не создан был для почестей… Мне следовало предвидеть это и не связывать свою участь с рифмоплетом.

Он осмотрел одежду молодого человека и не нашел там ничего интересного. Но, вспомнив о втором бумажнике Долорес, он достал его из кармана, в котором оставил.

И вздрогнул от удивления. В бумажнике находилась пачка знакомых ему писем, и он сразу узнал различные почерки.

— Письма императора! — прошептал он. — Письма старого канцлера!.. Та пачка, которую я сам забрал у Леона Массье и отдал графу Вальдемару… Что произошло?.. Неужели она, в свою очередь, забрала их у этого кретина Вальдемара?..

И вдруг он ударил себя по лбу:

— Да нет, это я кретин. Тут подлинные письма! Она сохранила их, чтобы в подходящий момент шантажировать императора. А те, которые я отдал, подделка, очевидно, они были переписаны ею самой или каким-то сообщником и оставлены на виду для меня… А я попался, как простофиля! Черт возьми, стоит вмешаться женщине…

Кроме писем в бумажнике была лишь одна фотография. Он взглянул на нее. То была его фотография.

— Две фотографии… Массье и моя… тех, кого она, безусловно, любила больше всех… Ибо она меня любила… Странной любовью, сотканной из восхищения авантюристом, каковым я являюсь, человеком, в одиночку сокрушившим семерых бандитов, которым она поручила одолеть меня. Странная любовь! Я ощутил ее трепет в тот день, когда рассказал Долорес о своей грандиозной мечте всемогущества! Тогда у нее и вправду появилась мысль пожертвовать Пьером Ледюком и подчинить свою мечту моей. Если бы не случай с зеркалом, она покорилась бы. Но она испугалась. Я подобрался к истине. Ради ее спасения требовалась моя смерть, и она на это решилась.

Несколько раз он задумчиво повторил:

— И все-таки она меня любила… Да, она любила

меня, как любили меня другие… другие, которым я тоже принес несчастье… Увы! Все те, кто любит меня, умирают… И эта тоже мертва, задушенная мною… Так стоит ли жить?..

И он тихонько повторил:

— Стоит ли жить? Не лучше ли присоединиться к ним, ко всем этим женщинам, которые меня любили?.. И которые умерли из-за своей любви, Соня, Раймонда, Клотильда Дестанж, мисс Кларк?..

Он уложил рядом два трупа, накрыл их одним покрывалом, сел за стол и написал:

> «*Я восторжествовал над всем, и я побежден. Я дошел до цели и пал. Судьба сильнее меня… И той, которую я любил, больше нет. Я тоже умираю*».

Он поставил подпись: «*Арсен Люпен*».

Запечатав письмо, он поместил его в бутыль, которую выбросил в окно на рыхлую землю цветника.

Потом он сложил на полу огромную кучу из старых газет, соломы и стружки, за которыми сходил на кухню.

Сверху полил ее керосином.

Затем зажег свечу, которую бросил в стружку.

Сразу же занялся огонь, и побежали языки пламени, стремительные, жаркие, трескучие.

— В путь, — сказал Люпен, — шале из дерева, вспыхнет как спичка. И когда подоспеют из деревни, пока сломают ограду, добегут до этой части парка… слишком поздно! Найдут пепел, два обуглившихся трупа и неподалеку, в бутыли, мою записку… Прощай, Люпен! Добрые люди, похороните меня без церемоний… Катафалк бедняков… Ни цветов, ни венков… Скромный крест и такая эпитафия:

ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ
АРСЕН ЛЮПЕН, АВАНТЮРИСТ

Дойдя до крепостной стены, он взобрался на нее и, оглянувшись, увидел взметнувшееся в небо пламя…

В Париж он возвращался пешком, с блуждающим взглядом, с отчаянием в сердце, сломленный судьбой.

И крестьяне удивлялись при виде этого путника, платившего банкнотами за свои грошовые трапезы.

Однажды вечером в глухом лесу на него напали три вора с большой дороги. Ударами палки он

едва не прикончил их…

Неделю он провел в какой-то придорожной гостинице. Он не знал, куда податься… Что делать? За что зацепиться? Жизнь покидала его. Ему не хотелось больше жить… ему не хотелось больше жить…

— Это ты!

Госпожа Эрнемон, дрожащая, испуганная, мертвенно-бледная, стояла в маленькой комнатке виллы в Гарше, широко раскрыв глаза, глядя на возникшее перед ней видение.

Люпен!.. Это был Люпен!

— Ты! — молвила она. — Ты!.. Но в газетах писали…

Он грустно улыбнулся.

— Да, я умер.

— Но как же так… как же так… — простодушно повторяла она.

— Ты хочешь сказать, что если я умер, то мне здесь нечего делать. Поверь, Виктория, у меня для этого серьезные причины.

— Как ты изменился! — участливо сказала она.

— Кое-какие мелкие разочарования… Но с этим покончено. Послушай, Женевьева здесь?

Внезапно разъярившись, она набросилась на него:

— Оставь ее наконец, слышишь? А-а, на этот раз я ее не отпущу. Она вернулась измученная и такая бледная, встревоженная, она едва приходит в себя. Ты оставишь ее в покое, клянусь тебе.

Он крепко сжал плечо старой женщины.

— Я *хочу*… ты слышишь… *хочу* поговорить с ней.

— Нет.

— Я поговорю с ней.

— Нет.

Он оттолкнул ее, но она снова встала перед ним, скрестив руки:

— Знаешь, тебе придется перешагнуть через мой труп. Счастье малышки здесь, и нигде больше… С твоими идеями о деньгах и знатности ты сделаешь ее несчастной. Нет уж. Что такое твой Пьер Ледюк? И твой Вельденц? Женевьева — герцогиня! Ты с ума сошел. Это не ее жизнь. Видишь ли, в сущности, ты думал лишь о себе. Своей власти, своего богатства — вот чего ты хотел. На малышку тебе плевать. Ты хоть спросил себя, любит ли она его, твоего шалопая, великого герцога? Ты хоть спросил себя, любит ли она вообще кого-нибудь? Нет, ты преследовал свою цель, вот и все, рискуя обидеть Женевьеву и сделать ее несчастной на всю оставшуюся жизнь. Я этого

не хочу. Что ей нужно, так это простое, честное существование, но ты не можешь ей этого дать. Зачем ты приехал, что собираешься делать?

Казалось, он заколебался, но все-таки тихо прошептал с большой печалью в голосе:

— Невозможно, чтобы я больше никогда ее не увидел. Невозможно, чтобы я не поговорил с ней…

— Она считает тебя мертвым.

— Как раз этого я и не желаю. Я хочу, чтобы она знала правду. Какая пытка — знать, что она думает обо мне как о ком-то, кого больше нет. Приведи ее, Виктория.

Он говорил так кротко, так горестно, что она растроганно сказала:

— Послушай… прежде всего я хочу знать. Это зависит от того, что ты ей скажешь… Будь откровенен, малыш… Чего ты хочешь для Женевьевы?

Он очень серьезно произнес:

— Я хочу сказать ей следующее: «Женевьева, я обещал твоей матери дать тебе состояние, могущество, сказочную жизнь. И в тот день, когда цель моя была бы достигнута, я попросил бы у тебя немного места неподалеку от тебя. Счастливая и богатая, ты забыла бы, да, я в этом уверен, ты забыла бы, кто я такой. Или, вернее, кем я был.

Я не принес тебе ни богатства, ни могущества. Я ничего тебе не принес. Напротив, это я нуждаюсь в тебе. Женевьева, ты можешь помочь мне?»

— В чем? — с тревогой спросила старая женщина.

— Жить…

— О! — молвила она. — Ты дошел до этого, мой мальчик…

— Да, — просто ответил он, не показывая боли, — да, я дошел до этого. Только что умерли три человека, которых я убил своими руками. Груз воспоминания слишком тяжел. Я совсем один. Первый раз в моей жизни я нуждаюсь в помощи. Я имею право просить Женевьеву об этой помощи. И ее долг оказать мне ее… Иначе… все кончено.

Побледнев, взволнованная старая женщина молчала. В ней воскресла вся ее любовь к тому, кого некогда она вскормила своим молоком и кто все еще, несмотря ни на что, оставался «ее малышом». Она спросила:

— Что ты собираешься с ней делать?

— Мы будем путешествовать… Вместе с тобой, если ты захочешь следовать за нами…

— Но ты забываешь… ты забываешь…

— Что?

— Свое прошлое…

— Она тоже его забудет. Она поймет, что я уже не тот и не хочу больше быть тем, кем был.

— Значит, это правда, ты хочешь, чтобы она разделила твою жизнь, жизнь Люпена?

— Жизнь человека, каким я стану, человека, который будет работать, чтобы она была счастлива, чтобы она вышла замуж согласно своему желанию. Мы поселимся в каком-нибудь уголке мира. Будем бороться вместе, рядом друг с другом. А ты знаешь, на что я способен…

Она медленно повторила, пристально глядя на него:

— Значит, это правда, ты хочешь, чтобы она разделила жизнь Люпена?

На мгновение он заколебался, но лишь на мгновение, и твердо произнес:

— Да, да, я этого хочу, это мое право.

— Ты хочешь, чтобы она бросила всех ребятишек, которым так преданна, всю эту жизнь с работой, которую она любит и которая ей необходима?

— Да, я этого хочу, это ее долг.

Открыв окно, старая женщина сказала:

— В таком случае позови ее.

Женевьева сидела в саду на скамье. Вокруг нее

толпились четверо маленьких девочек. Остальные играли и бегали.

Люпен видел ее лицо. Видел ее сосредоточенные, улыбающиеся глаза. Держа в руке какой-то цветок, она один за другим обрывала его лепестки и давала объяснения детям, внимательным и любознательным. Потом стала их расспрашивать. И каждый ответ ученицы вознаграждала поцелуем.

С волнением и неизбывной тоской он долго смотрел на нее. В душе его поднималась волна неведомых чувств. Ему хотелось прижать к себе эту красивую юную девушку, поцеловать ее и выразить свою любовь и уважение. Он вспоминал о ее матери, которая умерла в деревушке Аспремон, умерла от горя…

— Позови же ее, — повторила Виктория.

— Я не могу… Не могу… Я не имею права… Это невозможно… Пусть думает, что я умер… Так будет лучше…

Он плакал, сотрясаемый рыданиями, охваченный беспредельным отчаянием, переполненный нежностью, поднимавшейся в нем, подобно запоздалым цветам, которые умирают в тот самый день, когда распускаются.

Опустившись на колени, старая женщина про-

изнесла дрожащим голосом:

— Она твоя дочь, да?

— Да, это моя дочь.

— О! Бедный мой мальчик, — со слезами сказала она, — бедный мой мальчик!..

Эпилог. Самоубийство

I

— По коням, — произнес император.

И тут же поправился.

— Скорее по ослам, — сказал он при виде великолепного представителя ослиной породы, которого к нему подводили. — Вальдемар, ты уверен, что это животное послушно?

— Я отвечаю за него, как за себя самого, ваше величество, — заверил его граф.

— В таком случае я спокоен, — со смехом сказал император.

И, повернувшись к сопровождавшим его офицерам, добавил:

— Господа, по коням.

Там, на Капри, на главной деревенской площади собралась целая толпа, состоявшая из итальянских карабинеров, а посреди них — все местные ослы, реквизированные, дабы предоставить возможность императору осмотреть чудесный остров.

— Вальдемар, — сказал император, став во главе каравана, — с чего мы начнем?

— С виллы Тиберия, ваше величество.

Миновав какой-то проход, они двинулись по плохо вымощенной дороге, которая постепенно шла вверх по восточному выступу острова.

Император был в скверном расположении духа и насмехался над тучным графом Вальдемаром, ноги которого свисали до земли по бокам придавленного им несчастного осла.

Через три четверти часа они добрались сначала до «Прыжка Тиберия», громадного утеса высотой в триста метров, откуда тиран сбрасывал в море своих жертв…

Сойдя на землю, император подошел к балюстраде и бросил взгляд в пропасть. Потом он пожелал идти пешком до развалин виллы Тиберия, где решил прогуляться среди разрушенных залов и коридоров.

На мгновение он остановился.

Вид на мыс Сорренто и весь остров Капри был изумителен. Раскаленная синева моря обрисовывала восхитительный изгиб залива, а к аромату лимонных деревьев примешивались другие свежие запахи.

— Ваше величество, — сказал Вальдемар, — это выглядит еще красивее из часовни отшельника, расположенной на вершине.

— Пошли туда.

Однако отшельник сам спускался к ним по крутой тропинке. Это был старец с нетвердой походкой и согбенной спиной. Он нес книгу, в которой путешественники оставляли обычно свои впечатления.

Он положил эту книгу на каменную скамью.

— Что я должен написать? — спросил император.

— Свое имя, ваше величество, и дату вашего посещения… и все, что вам захочется.

Император взял перо, которое протягивал ему отшельник, и наклонился.

— Осторожно, ваше величество, осторожно!

Вопли ужаса… страшный грохот со стороны часовни… Император обернулся и увидел огромную глыбу, вихрем несшуюся на него.

В то же мгновение отшельник схватил его и оттолкнул на десять метров в сторону.

Глыба ударилась о каменную скамью, у которой четверть секунды назад стоял император, и разнесла ее на куски.

Если бы не вмешательство отшельника, император погиб бы на месте.

Он протянул тому руку и просто сказал:

— Спасибо.

Офицеры толпились вокруг него.

— Пустяки, господа… Мы отделались испугом… но, признаюсь, хорошеньким испугом… Ведь без вмешательства этого славного человека…

Он подошел к отшельнику и спросил:

— Ваше имя, мой друг?

Отшельник не снимал своего капюшона. Он лишь слегка раздвинул его и тихонько, чтобы его услышал только император, сказал:

— Имя человека, который счастлив тем, что вы подали ему руку, ваше величество.

Вздрогнув, император отступил.

Но тотчас овладел собой.

— Господа, — обратился он к офицерам, — я попрошу вас подняться к часовне. Могут оторваться и другие глыбы, наверное, благоразумно было бы предупредить местные власти. Потом вы присоединитесь ко мне. Я хотел бы поблагодарить этого славного человека.

И он удалился в сопровождении отшельника. А когда они остались одни, сказал:

— Вы! Почему?

— Мне надо было поговорить с вами, ваше величество. Попросить об аудиенции… согласились бы вы предоставить мне ее? Я предпочел действовать напрямую и понадеялся, что ваше

величество узнает меня, когда вы будете оставлять запись в книге… И тут вдруг эта глупая случайность…

— Короче? — спросил император.

— Письма, которые передал вам от меня Вальдемар, ваше величество, это поддельные письма.

Император явно был раздосадован.

— Поддельные? Вы в этом уверены?

— Абсолютно, ваше величество.

— Однако этот Мальреш…

— Преступником был не Мальреш.

— Кто же тогда?

— Я попрошу ваше величество сохранить мой ответ в тайне. Настоящей виновницей была госпожа Кессельбах.

— То есть жена Кессельбаха?

— Да, ваше величество. Теперь она мертва. Это она сделала или велела сделать копии, которые находятся в вашем распоряжении. Настоящие письма она оставила у себя.

— Но где же они? — воскликнул император. — Главное в этом! Надо отыскать их любой ценой.

— Вот они, ваше величество.

Император застыл в изумлении. Он взглянул на Люпена, взглянул на письма, снова поднял глаза на Люпена, потом, не проверив, положил

пачку в карман.

В который уже раз этот человек привел его в замешательство. Откуда взялся этот бандит, который, обладая столь грозным оружием, отдавал его таким образом, великодушно, без всяких условий? Ему было бы так просто оставить у себя эти письма и воспользоваться ими по своему усмотрению! Но нет, он обещал. Он держал свое слово.

И императору вспомнились те удивительные вещи, которые совершал этот человек.

— Газеты сообщили новость о вашей смерти, — сказал он.

— Да, ваше величество. Я действительно умер. И правосудие моей страны, обрадовавшись возможности избавиться от меня, распорядилось закопать обуглившиеся и неузнаваемые останки моего трупа.

— Так, значит, вы свободны?

— Каковым и был всегда.

— Вас ничто и ни с чем не связывает?

— Решительно ничего.

— В таком случае…

Поколебавшись, император отчетливо произнес:

— В таком случае поступайте ко мне на службу. Я предлагаю вам руководство моей личной

полицией. Вы станете полнейшим хозяином. У вас даже будут полномочия руководить другой полицией.

— Нет, ваше величество.

— Почему?

— Я — француз.

Наступило молчание. Ответ не понравился императору.

— Однако, — возразил он, — раз никакие узы вас больше не связывают…

— Эти нельзя развязать, ваше величество, — ответил Люпен и со смехом добавил: — Я мертв как человек, но жив как француз. Меня удивляет, что ваше величество не понимает.

Император сделал несколько шагов в сторону и продолжал:

— И все-таки мне хотелось бы отблагодарить вас. Я знаю, что переговоры относительно великого герцогства Вельденц были прерваны.

— Да, ваше величество. Пьер Ледюк оказался самозванцем. Он умер.

— Что я могу для вас сделать? Вы отдали мне эти письма… Вы спасли мне жизнь… Что я могу сделать?

— Ничего, ваше величество.

— Вы предпочитаете, чтобы я оставался вашим

должником?

— Да, ваше величество.

Император в последний раз взглянул на этого человека, который ставил себя наравне с ним. Затем слегка наклонил голову и, не сказав больше ни слова, удалился.

— Эй, величество, я заткнул тебя за пояс, — прошептал Люпен, продолжая следить за ним взглядом.

И философски добавил:

— Конечно, реванш ничтожный, лучше бы мне вернуть Эльзас-Лотарингию… Но все-таки…

Он умолк, топнув ногой.

— Проклятый Люпен! Ты, верно, навсегда, до последней минуты твоего существования, останешься таким невыносимым и циничным! Побольше серьезности, черт возьми! Теперь или никогда, самое время стать серьезным!

Он взобрался по тропинке, которая вела к часовне, и остановился у того места, откуда сорвалась глыба.

Он расхохотался:

— Отличная работа, а офицеры его величества так ничего и не заметили. Да и как они могли догадаться, что я сам потрудился над этим утесом, что в последнюю секунду я нанес киркой оконча-

тельный удар и что глыба покатилась по дороге, начертанной мной между утесом… и императором, жизнь которого я намеревался спасти?

Он вздохнул:

— Ах, Люпен! До чего же ты мудреный! И все потому, что ты поклялся: это самое величество подаст тебе руку! Многого же ты достиг… Ведь «на ладони императора не больше пяти пальцев», как сказал бы Виктор Гюго.

Он вошел в часовню и специальным ключом открыл низенькую дверь маленькой ризницы.

На куче соломы лежал мужчина со связанными руками и ногами и кляпом во рту.

— Ну что, отшельник, — сказал Люпен, — дело-то было недолгим, а? Самое большее сутки… Но как хорошо я за тебя поработал! Представь себе, ты только что спас жизнь императора. Это удача. Тебе построят собор и воздвигнут статую… пока не проклянут тебя… Подумай, сколько зла могут причинить такого рода типы!.. Особенно этот, которому гордыня в конечном счете вскружит голову. Держи, отшельник, забирай свою одежду.

Ошеломленный, едва ли не умирающий от голода отшельник встал, пошатываясь.

Люпен быстро переоделся, сказав ему:

— Прощай, достойный старец. Прости меня за

все эти мелкие неприятности. И помолись за меня. Мне это очень понадобится. Вечность широко распахивает передо мной свои врата. Прощай!

Несколько секунд он постоял на пороге часовни. То было торжественное мгновение, когда, несмотря ни на что, колеблются перед страшной развязкой. Однако решение его было бесповоротным, и, не раздумывая больше, он устремился вперед, бегом спустился по склону, пересек площадку «Прыжка Тиберия» и перекинул одну ногу через балюстраду.

— Люпен, даю тебе три минуты, чтобы паясничать. «К чему? — скажешь ты. — Ведь тут никого нет...» А ты, разве тебя здесь нет? Разве ты не можешь разыграть для себя свою последнюю комедию? Черт возьми, спектакль стоит того... Арсен Люпен, героическая пьеса в восьмидесяти картинах... Занавес поднимается над картиной смерти... и роль исполняет Люпен собственной персоной... Браво, Люпен!.. Проверьте мой пульс, дамы и господа... семьдесят ударов в минуту... И на губах улыбка! Браво! Люпен! А-а, забавник, достанет ли у тебя смелости? Ну что ж, маркиз, прыгай... Ты готов? Это последняя, решающая авантюра, милейший. Никаких сожалений? Сожалений? О чем, Боже мой! Моя жизнь была ве-

ликолепной. Ах, Долорес! Если бы ты не пришла тогда, гнусное чудовище! А ты, Мальреш, почему ты не заговорил?.. И ты, Пьер Ледюк… Ну вот и я!.. Три моих мертвеца, я присоединяюсь к вам… О, моя Женевьева! Дорогая моя Женевьева… А-а, не пора ли кончать, старый кривляка?.. Ну вот! Вот! Я готов…

Он перекинул вторую ногу, заглянул в глубь морской пучины, темной и неподвижной, и, подняв голову, произнес:

— Прощай благословенная, бессмертная природа! Morituri te salutant![11] Прощай, все прекрасное! Прощай, блеск сущего! Прощай, жизнь!

Он послал поцелуи пространству, небесам, солнцу… И, скрестив на груди руки, прыгнул.

II

Сиди-бель-Аббес. Казарма Иностранного легиона.

Возле зала построений — комнатка с низким потолком, где курит аджюдан[12], читая газету.

Рядом с ним, возле выходящего во двор от-

---

[11] Примечания: 11
Идущие на смерть приветствуют тебя! (*лат.*)

[12] Примечания: 12
Старший унтер-офицер французской армии.

крытого окна два здоровенных унтер-офицера хрипло коверкают французский язык, пересыпая его германскими словечками.

Открывается дверь. Входит какой-то человек. Это элегантно одетый худощавый мужчина среднего роста.

Аджюдан, недовольный вторжением пришельца, встает с ворчанием:

— Это еще что! Куда смотрит дежурный дневальный?.. А вы, сударь, чего желаете?

— Службы.

Это было сказано четко, повелительно.

Оба унтер-офицера глупо рассмеялись. Мужчина довольно недружелюбно взглянул на них.

— Короче говоря, вы хотите поступить в Легион? — спросил аджюдан.

— Да, хочу, но с одним условием.

— Еще и условие! Это какое же?

— Чтобы я не прозябал здесь. Одна рота отправляется в Марокко. И я в ее составе.

Один из унтер-офицеров снова усмехнулся и произнес:

— Марокканцам придется туго. Еще бы, ведь за дело берется этот господин…

— Молчать! — крикнул мужчина. — Я не люблю, когда надо мной насмехаются.

Тон был резкий и властный.

Унтер-офицер, здоровенный, недоброго вида детина, ответил:

— Эй, новобранец, нельзя ли со мной повежливее… Иначе…

— Иначе?

— Свое получишь…

Мужчина подошел к нему, схватил в охапку, перекинул через подоконник и выбросил во двор.

Потом обратился к другому:

— Твоя очередь. Ступай вон.

Тот ушел.

Мужчина направился к аджюдану и сказал ему:

— Господин лейтенант, прошу вас доложить майору, что дон Луис Перенна, испанский гранд и француз сердцем, желает поступить на службу в Иностранный легион. Ступайте, друг мой.

Аджюдан встал, изумленно глядя на этого странного человека и покорнейшим образом вышел.

Тогда Люпен взял сигарету, закурил ее и, усаживаясь на место аджюдана, громким голосом заявил:

— Раз уж морю я не пришелся по вкусу, или, вернее, в последний момент море не пришлось

по вкусу мне, посмотрим, проявят ли пули марокканцев больше сочувствия. И к тому же так будет все-таки шикарнее. Люпен, в бою с врагом и за Францию!..

